

ИСТОРИЯ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ РОССІИ.

I.

Сканирование и обработка

Bewerr

ИСТОРИЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ
ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

СЕНАТОРА Д. БУТУРЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

=

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Октября 25-го дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ

ГРАФУ

ИЛАРИОНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

ВАСИЛЬЧИКОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНАГО ПОЧТЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

(1584—1605 годы.)

=

Начало XVII-го вѣка въ Россіи ознаменовано событіями чрезвычайными, кои пѣмъ болѣе изумляютъ насъ, что Исторія предшествоващаго полувѣка нисколько не приготавливаетъ къ онымъ. Русскій народъ, двадцать чепыре года сряду безропотно покоряющійся всѣмъ неисповствамъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, вдругъ самъ разрываетъ всѣ узы законной подчиненности, и съ несимовѣрнымъ оспервененіемъ вдается въ ужасы самовольства и безначалія. Духъ буйства и раздора, предавая всѣ сословія изсупленію гнуснѣйшихъ

страшей, потрясаетъ самыя начала государственнаго образованія и очевидно влечетъ Россію къ конечному разрушенію ея самобытности. Но самая безмѣрность зла ужасаетъ спроптивѣвшихъ. На краю бездны Русскіе внемлютъ гласу погибающаго отечества. Сильный, единодушный порывъ уничтожаетъ вѣроломныя замыслы внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ крамольниковъ, и спасенная Россія успокоивается на обновленныхъ основаніяхъ своихъ. Только внимательный разборъ подробностей происшествій того времени можетъ объяснить намъ причины сихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочисленнѣйшаго сословія въ Россіи.

18-го Марта 1584 года, смерть прекратила ужасные дни Грознаго. Казалось, Русскимъ оставалось только съ восторгомъ благодарить Всевышняго за избавленіе свое отъ мучительствъ его. Но люди искренно преданные отечеству не безъ препета встрѣчали новое царствованіе. Извѣстное всѣмъ слабоуміе Феодора, сына и преемника Иоаннова, давало поводъ опасаться, чтобы чрезъ безупречство не помрачилось величіе государства. Нельзя было не признаться, что свирѣпая, но мощная рука Царя Иоанна, не безъ пользы дѣйствовала къ довершенію великихъ начинаній глубо-

комысленнаго дѣда его, Великаго Князя Іоанна III-го, настоящаго основателя Россійской Монархіи. Но чрезъ безсиліе недужнаго Θεодора, Россія могла снова утратить споль дорогою цѣною ею пріобрѣтенныя блага.

Впрочемъ событія, казалось, не оправдали сихъ опасеній. Θεодоръ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ и обязанностямъ своего высокаго сана, любилъ только на ссѣмъ свѣтѣ колокольный звонъ и достойную супругу свою, Царицу Ирину, родной братъ которой, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, находился уже въ боярскомъ званіи еще при жизни покойнаго Царя. Сему хитрому, честолюбивому вельможѣ, одаренному опъ природы необыкновенными способностями, не трудно было, чрезъ посредство нѣжно привязанной къ нему сестры, овладѣть совершенно Царемъ, и его именемъ управлять государствомъ. Ему обязана Россія, что четырнадцатилѣтнее Θεодорово царствование справедливо почитается одною изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ ея исторіи. Внутреннее благоденствіе народа, укрощеніе опаснаго Черемискаго бунта, озаботившаго послѣдніе годы правленія Іоаннова, возвращеніе силою оружія опъ Шведовъ Ивангорода, Ямы, Копорья и Кексгольма, упроченіе и распространеніе завоеваній въ Сибири и, наконецъ, уничиженіе зависимости Россійской церкви опъ

Цареградской, посредствомъ установленія самобытнаго Папріаршества въ Москвѣ, оказали правительственную мудрость Годунова и, казалось, служили вѣрнымъ залогомъ прочности Россійскаго могущества. Однако среди сихъ славныхъ подвиговъ, два дѣйствія воли Годунова, одно преступное, другое можетъ быть по тогдашнимъ обстоятельствамъ необходимо, посѣвали уже сѣмена будущихъ золъ. Говоримъ о убіеніи Царевича Димитрія и о законѣ касательно укрѣпленія крестьянъ.

Смерть Царевича была пужна Годунову для исполненія дерзкихъ замысловъ его. Правитель, (самъ Папріархъ такъ называлъ Годунова), упоенный властію безмѣрною, съ ужасомъ разсчитывалъ, что мгновеніе могло лишить его оной. Все зависѣло отъ жизни Царя, которому слабое сложеніе тѣла не обѣщало ни многолѣтія, ни попомства. Единственнымъ наследникомъ его былъ осьмилѣтній братъ его, Царевичъ Димитрій, жившій съ матерью своею, изъ фамиліи Нагихъ, въ данномъ ему въ удѣлъ городѣ Угличѣ. При воцареніи Димитрія Годуновъ неминуемо содѣлался бы жертвою закоренѣлой ненависти къ нему Нагихъ. Къ счастливому желанію отвратить грозящую ему опасность, соединились еще въ сердцѣ Годунова и обольщенія верховнаго сана. Уже Царь на дѣлѣ,

онъ хопѣлъ бытъ и Царемъ по нмени. Одинъ Димитрій заграждалъ ему пушь къ престолу: участь Царевича была рѣшена!

Замышляя погибель его, Годуновъ искалъ сперва обезславить его въ общемъ мнѣніи. Приверженцы Правителя разсѣвали повсюду, что царственный опрокъ, оказываемою имъ въ играхъ и Палицынъ и Флетчеръ. разговорахъ лютоспію, уже подобился звѣрскому отцу своему. Съ другой стороны, основываясь на происхожденіи его отъ седьмага брака, православною Церковью запрещаемого, Годуновъ выставлялъ его незаконнорожденнымъ, и запрещалъ поминать его имя на Литургіи. Позволившись предполагать, что Правитель нѣкоторое время думалъ симъ средствомъ отстранить опаснаго соперника и безъ совершенія преступленія, коему еще противуборствовала его совѣсть. Но дальновидность его скоро указала ему ненадежность принятыхъ мѣръ. Не трудно было угадать, что со смертію Θεодора исчезнетъ всякое сомнѣніе насчетъ законности рожденія Димитрія въ глазахъ народа, искренно привязаннаго къ поколѣнію спаринныхъ Государей своихъ. Оспавалось или откажется отъ очаровательной мечпы, или содѣлается злодѣемъ. Годуновъ избралъ последнее.

Хотя Правителю удалось закупить Царевичеву мамку, боярыню Волохову, однако бдительность Никоновская Летопись.

нѣжной матери и вѣрной кормилицы не дозволила исполнить первопринятаго намѣренія, тайно известъ Димитрія. Прибѣгнули къ злодѣйству открытому. Посланные опъ Годунова въ Угличъ убійцы, Данило Бишяговскій и Никита Качаловъ, съ помощію мамкина сына Осипа Волохова, зарѣзали Царевича, 15-го Мая 1591 года около полудня, на крыльцѣ занимаемаго имъ дворца. Вспревоженный страшною вѣстію, Углицкій народъ толпами бросился ко дворцу, и въ изступленіи горести, при видѣ бездушнаго трупa, убилъ прехъ злодѣевъ и съ ними опца Бишяговскаго и еще прехъ человекъ и одну женщину, подозрѣваемыхъ въ участіи преступленія. Если взять въ соображеніе, сколь нужно было Годунову прервать всѣ шипи, по коимъ можно было бы добратся до настоящаго зачинщика, то не легко оградить себя опъ подозрѣнія, что онъ же былъ тайнымъ орудіемъ гибели своихъ гнусныхъ сообщниковъ, и что по наущенію его же приверженцевъ городскіе жипели самоуправно опмстили за смерть Царевича.

Успокоенный касательно явныхъ прошивъ себя уликъ, Правитель еще превожился слухомъ о народной молвѣ, грозно указывающей на него, какъ на перваго виновника преступленія, которое никому иному и полезно быть не могло.

Дабы избавишься опъ страшнаго нареканія,

ему не предсавлялось другаго средства, какъ спараться доказать, что самое преступленіе было вымышленное. Хотя труднымъ казалось въ ложномъ видѣ высказать происшествіе, коему свидѣтелемъ былъ, такъ сказать, цѣлый городъ, однако Годуновъ отважился на сіе предпріятіе, и лукавство его и шутъ увѣнчалось успѣхомъ, почти невозможнымъ.

По повелѣнію его отправлены немедленно изъ Москвы въ Угличъ при слѣдовавшаго, а именно: боярина Князя Василій Ивановичъ Шуйскій, Окольниковъ и Царскій дядька Андрей Васильевичъ Клешининъ и дьякъ Вылузгинъ. Клешининъ былъ извѣстнымъ угодникомъ Правителя. Ничтожность Вылузгина сокрыла отъ потомства его образъ мыслей; нѣтъ сомнѣнія, однако жъ, что онъ избранъ былъ изъ числа преданнѣйшихъ слугъ Годунова. Но все покрывалось громкимъ именемъ Шуйскихъ. Никому безизвѣстно не было, что сіи горделивые потомки Государей Суздальскихъ явно враждовали Годунову, который, пламя злобою за злобу, въ недавнемъ времени еще приказалъ удавить двухъ бояръ Шуйскихъ, Князя Андрея Ивановича, и племянника его, знаменитаго защитника Пскова, Князя Ивана Петровича. За тѣмъ назначеніе Князя Василія Ивановича казалось дѣйствіемъ смѣлымъ, являющимъ безпристрастіе Правителя. Но онъ

уже успѣлъ преклонить на свою сторону Князя Василя Ивановича. Сей вельможа, самъ едва ли успулавшій Годунову въ лукавствѣ и честолобїи, убѣдился, что, въ неровной борьбѣ съ обладателемъ государства, онъ только изгнотовилъ бы себѣ неминуемую гибель, и потому рѣшился отказаться отъ семейной ненависти и сблизиться съ убійцею своихъ сродниковъ, въ ожиданїи отъ него важныхъ для себя выгодъ и почестей. Годуновъ, желая упрочить примиреніе съ нимъ, выдалъ свояченицу свою, дѣвицу Екатерину Скурапову, за меньшаго его брата, Князя Димитрія.

Легко себѣ вообразить, что таковыя слѣдователи дѣйствовали по направленію Годунова. Единодушное свидѣтельство Углицкихъ жителей было усранено, а основаніемъ розыска приняты показанія нѣкоторыхъ лицъ, закупленныхъ или за-
спращенныхъ. Царю донесли, сполницѣ объявили, что Царевичъ самъ закололся въ припадкѣ падуцей болѣзии. Сей изворотъ шѣмъ прїяшнѣ былъ для Годунова, что давалъ ему поводъ дать возчувствовать гнѣвъ свой шѣмъ, кои искренно оплакивали Димитрія. Наказуя будто бы небреженіе о Царевичѣ, Нагихъ разослали въ опдаленные города, а вдовствующую Царицу, постриженную по неволѣ и нареченную Марѳою, заключили въ монастырь. Угличане также не укрывались отъ злобы Прави-

Собраніе Государственныхъ грамотъ

Морозовская
Лѣтопись.

шея: Ихъ укоряли въ пролитіи мнимо-невинной ,
 крови убійць Царевичевыхъ. До двухъ сошъ изъ
 нихъ были казнены, другіе разсажены по темницамъ,
 а большую часть вывели въ Сибирь и населили
 ими городъ Пельмъ. Запустѣніе древняго Углича
 оспалось для попомствва печальнымъ памяшникомъ
 мести и прешупленія Годунова.

Сибирскія
 Лѣтописи.

Выказывая свое могущество погубленіемъ про-
 шивниковъ своихъ, вмѣстѣ съ шѣмъ Правитель
 убѣждался въ необходимости воспользоваться пер-
 вымъ случаемъ, дабы умножить во всѣхъ сослові-
 яхъ число своихъ приверженцевъ благодареніями,
 щедрою рукою изліяшными. Сей случай не замед-
 лилъ представиться, и споль для него благовре-
 менно, что современники не усумнились приписать
 оной его же тайнымъ побужденіямъ. Москва за-
 горѣлась 22-го Мая, не случайно, а по злоумышле-
 нію и, ушверждающъ, по повелѣнію Годунова. По-
 жаръ былъ ужасный. Уцѣлѣли только Кремль и
 Кишай. Сіе бѣдствіе уже шѣмъ было полезно для
 Годунова, что опвлекало умы опъ полковъ о
 смерти Царевича. Но Правитель симъ не удоволь-
 ствовался. Онъ явился среди опчаянныхъ Москви-
 шянъ въ видѣ ангела ушѣшишеля, сыпалъ деньгами,
 давалъ льгошныя грамоты, однимъ словомъ, не поль-
 ко всякій получилъ пужное пособіе, но даже для
 многихъ вознагражденіе превышало убытки. Не-

Никоновская
 Лѣтопись,
 Палицынъ и
 Маржеретъ.

минуемымъ слѣдствіемъ сей расчетливой расшочисельности было, что всѣ нареканія противъ Годунова умолкли, и имя его громко славилось въ

Никоновская споліцѣ.

Лѣтопись.

Такимъ образомъ Правитель приближался къ своей цѣли, какъ вдругъ нечаянное событіе едва не испровергло всѣ его замыслы. Царица Ирина оказалась беременною, и 14-го Іюня 1592 года родила дочь Θεодосію. Но сія неожиданная соперница не долго беспокоила Годунова: она скончалась въ слѣдующемъ году, и преждевременная смерть ея навлекла новое подозрѣніе на Правителя.

Другое дѣйствіе воли Годунова, не менѣе смерти Царевича Димитрія пагубное для Россіи по послѣдствіямъ своимъ, было, какъ уже сказано, укрѣпленіе крестьянъ.

Изстари въ Россіи люди низшаго состоянія раздѣлялись на два сословія: *холопей*, находившихся въ домашней службѣ не только у чиновныхъ людей, но и у купцевъ и *крестьянъ*, упражнявшихся въ сельскихъ занятіяхъ. Холопя также были двухъ родовъ: полные и кабальные. Полными назывались тѣ, которые находились, и съ попомствомъ своимъ, въ вѣчномъ и попомственномъ владѣніи у господъ своихъ. Кабальные же, также съ происшедшими отъ нихъ, были крѣпки тому господину, кому давали на себя кабалу только на

время его жизни; по смерти же его опять получали свободу. Всякій вольный человекъ, не исключая и крестьянъ, имѣлъ право не одного себя, но даже и дѣтей своихъ, записывать въ полные или кабальные холоны къ какому бы то ни было господину. Что касается до крестьянъ, то они всегда были людьми вольными, не имѣвшими впрочемъ собственности недвижимой. Они пользовались важнымъ правомъ, произвольно переходить ежегодно изъ одного селенія въ другое, рассчитавшись предварительно съ прежнимъ владѣльцемъ. Дабы не дѣлать помѣшательства въ сельскихъ работахъ, срокъ перехода положенъ былъ по окончаніи оныхъ, и ограничивался двумя недѣлями, а именно за недѣлю до осенняго Юрьева дня, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Крестьяне, въ вознагражденіе за предоставляемые имъ участки земли, работали на владѣльца, и вмѣстѣ съ шѣмъ платили въ казну подать, которая обезпечивалась посѣянными на ихъ участкахъ хлѣбомъ.

Въ семъ, такъ сказать, кочевомъ состояніи хотя крестьяне никогда благоденствовать не могли, ибо владѣльцы, не радя о временныхъ работахъ своихъ, обременяли ихъ трудами непосильными; а сироты, увѣчные, престарѣлые оставались безъ пріюта и призрѣнія, основывая всю надежду свою пропитаться на прихотливыхъ по-

бужденіяхъ соспранданія чужихъ людей; однако жъ важныхъ государствєнныхъ неудобствъ не представлялось, пока Россія пребывала въ спъсєнныхъ границахъ, и въ особеннєспи пока удѣльная систєма разрѣзывала ее на мелкія владѣнія. Но когда съ водвореніємъ единопдержавія и разширеніємъ предѣловъ государства, кругъ перехода крєспьянъ чрезвычайно увеличился, бродяжничество ихъ со дня на день становилось вреднѣе. Зло сєе дошло до высочайшей степєни съ покореніємъ Казани и Аспрахани, обезопасившимъ все пространство земли, между Цною и Волгою лежащее. Сія обширная, плодородная спрана, рѣдко населенная Мордвою, Чувашами и Ташарами, представляла важныя выгоды для новыхъ переселеній. Не трудно было сильнымъ вельможамъ и богатому духовенству пріобрѣсти тамъ пустопорозжія земли, и переманивать на оныя поселянъ изъ внутреннихъ областей Россіи къ крайнему раззоренію бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ возможности доставлять крєспьянамъ своимъ льготы и выгоды, предлагаемыхъ выходцамъ зажиточными людьми. Первымъ слѣдствіємъ сєго было запусѣніє сєль и деревенъ въ окрєстностяхъ самой сполицы, какъ свидѣтельспвуєтъ о томъ очевидецъ, Англійскій посланникъ, докпоръ Флєпчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1589 году. Годуновъ, съ

одной стороны предусматривая ослабление государства отъ могущаго произойти въ самыхъ ижд-рахъ онаго безлюдства, а съ другой желая угодить мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, составлявшимъ въ тогдашнее время главную военную силу Россіи, прибѣгнувъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Увлечаясь примѣромъ сосѣдственныхъ земель: Липвы, Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ съ давняго времени крѣпостное право владѣльцевъ селеній распространялось и на жишелей оныхъ, онъ запршилъ переходъ крестьянъ, а велѣлъ имъ оставаться навсегда въ мѣстахъ, гдѣ они значились по переписнымъ книгамъ, составленнымъ въ 1593 году. Впрочемъ и шупъ законъ не предоставялъ ихъ еще въ полное распоряженіе владѣльцевъ, такъ что никто не могъ своего крестьянина, прошивъ воли его, обратитъ въ полное или кабальное холопство *.

Симъ важнымъ постановленіемъ не ограничился Правитель въ преслѣдованіи бродяжничества. Въ 1597 году повелѣно все крѣпости на полныхъ холопей, и все кабалы на кабальныхъ записывать въ книги въ Холопьемъ Приказѣ, и запрещено холопамъ выкупаться отъ кабалы взносомъ шой

---

* *Примчаніе.* Самый текстъ сего перваго закона до насъ не дошелъ, а только дополненіе онаго, изданное въ 1597 году, и устанавливающее пятилѣтнюю давность на возвращеніе владѣльцамъ бѣглыхъ ихъ крестьянъ. Смотри Приложение № I.

суммы, за копорую они закабалились. При семъ случаѣ сдѣланъ разборъ вольнымъ людямъ, служащимъ у господъ безъ кабалъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые у кого служили менѣе полугода, предоспавлено было на волю или закабалились тому же господину, или искашь другаго; но что касается до людей, служившихъ полгода или болѣе непрерывно у одного господина, то таковому выдавалась на нихъ кабала, даже и безъ ихъ согласія, по той причинѣ, что онъ ихъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ *.

Сіи распоряженія, споль спѣснительныя для личной свободы людей низшихъ сословій, неминуемо должны были породить въ нихъ сильное негодованіе. Сожалѣніе ихъ о утраченныхъ правахъ сохранилось даже до нашихъ временъ въ слѣдующей народной пословицѣ: *Вотъ тебѣ бабушка Юрьевъ день!* Годунову не лзя было не знать о всеобщемъ роношѣ, но онъ полагалъ, что можетъ пренебречь неудовольствіемъ народнаго класса, хотя и самаго многочуднаго, но бѣднаго, безоружнаго и слѣдспвенно беззащитнаго. Увидимъ, что онъ обманулся въ своемъ расчетѣ, и что онъ самъ и Россія дорого заплатили за сію ошибку.

Теодоръ тихо приближался ко гробу, не оставляя по себѣ наследника, котораго, по тогдашнему образу мыслей, можно было бы назвать закон-

---

* Смотри Приложение № II.

нымъ. Московскій Великокняжескій домъ гибнулъ подъ ударами собственнхъ чадъ своихъ. Такъ какъ всѣ помышленія глубокомысленныхъ Государей сего дома успрямлялись къ водворенію единой державы, и къ учрежденію престолонаследованія по праву предспавленія первородства, а не по старѣйшинству въ родѣ *, то для достиженія сей важной двойкой цѣли, они даже не дорожили связями семейными. Самые ближніе кровные ихъ содѣлались жертвою мрачной полипикн. Иныхъ умерщвляли, другихъ предавали вѣчному започенію. Такъ стубили: Василій Темный двухъ двоюродныхъ братьевъ, Василія Косаго и Димитрія Шемяку, и претьяго правнучащаго, Василія Боровскаго съ према сыновьями его; Иоаннъ III роднаго внука своего, Димитрія Ивановича, и роднаго брата Андрея Углицкаго съ двумя сыновьями его; Василій Ивановичъ, правнучащаго брата Василія Шемяку Рыльскаго; Правительница Елена деверей

---

* *Примѣчаніе.* Въ старину въ Россіи, при открытіи наследства Великокняжескаго престола, дядья, какъ старѣйшіе въ родѣ, предпочитались племянникамъ, такъ что послѣ умершаго Великаго Князя наследовалъ не сынъ, а братъ покойнаго. Храбрый сподвижникъ героя Донскаго, Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, первый торжественно отказался отъ сего преимущества въ 1389 году въ пользу сына Донскаго; но 36 лѣтъ спустя, второй сынъ Донскаго, Князь Юрій Дмитріевичъ, оспаривалъ еще престоль у племянника своего Василія Василіевича Темнаго.

своихъ, Князей Юрія и Андрея Ивановичей, и наконецъ самъ Царь Грозный двоюроднаго брата, Князя Владимира Андреевича и двухъ сыновей его. Кромѣ того Великіе Князья не охотно позволяли братьямъ своимъ вступать въ бракъ, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ умирали холостыми. При такихъ прошивныхъ расположенію дѣйствіяхъ, не удивительно, что царскій корень, хотя отъ природы одаренный довольно замѣчательною плодовитостію, изсякалъ, и что одинокій Феодоръ оставался безъ сродниковъ, даже дальнихъ, по мужескому поколѣнію.

Впрочемъ, хотя племя Московскихъ Государей рѣшиительно пресѣкалось, однако много еще было въ Россіи Князей, имѣвшихъ въ Рюрикѣ и Мономахъ общихъ съ ними родоначальниковъ, но никто и не мыслилъ, чтобы въ сихъ боковыхъ отрасляхъ, униженныхъ мѣстничесствомъ, могло еще сохраниться право на наследованіе престола Царскаго.

Въ наше время мало понимающъ мѣстничество. Историки, не исключая и самого Карамзина, приписываютъ изобрѣщеніе сего чуднаго учрежденія единственно сумазбродному пицеславію старинной нашей аристократіи, а вкорененіе онаго безпечному послабленію Московскихъ Государей. Но кто же были сіи Государя? Лѣтописи указы-

вають намъ, что мѣстничество, начало свое воспріавшее при Іоаниѣ III *, размножилось при сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ, а утвердилось и содѣлалось наспоющимъ государственнымъ учрежденіемъ при Васильевомъ сынѣ, Іоаниѣ Грозномъ, который письменнымъ закономъ указалъ оному правила и предѣлы. Можно ли съ правдоподобіемъ осуждать въ безопасности и послабленіи Государей, опличившихся необыкновенною дальновидностію и чрезвычайною твердostí, часто доходившею даже до лютоспи, и не должно ли, напротивъ того, полагать, что Государи сіи сами желали введенія мѣстничества, не безъ важныхъ на то политическихъ причинъ, которыя даже и угадать не трудно! Стоитъ только вспомнить, что главнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ того времени было водвореніе и упроченіе единодержавія. Покореніе Князей удѣльныхъ водворяло уже единодержавіе, но еще для упроченія онаго нужно было уничтоженіе ихъ потомковъ. Для достиженія

---

* *Примѣчаніе.* Замѣчательно, что первый примѣръ мѣстничества, о комъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, данъ въ 1500 году, бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ, прапрадѣдомъ Царя Михаила Феодоровича Романова. Сей бояринъ отказывался отъ начальства въ сторожевомъ полку, потому что не полагалъ себя меньше начальствовавашаго большимъ полкомъ, Князя Данила Щени, хотя сей происходилъ отъ Великихъ Князей Литовскихъ, а по бабкѣ своей былъ двоюроднымъ племянникомъ Государя.

сей цѣли Московскіе Государи, съ свойственною имъ пронцапельноспію, избрали орудіемъ мѣспничество. Такъ какъ служба въ Московскомъ войскѣ была первою обязанноспію покореннаго удѣльнаго Князя, по неминуемо онъ долженъ былъ находиться подъ начальспвомъ боярина, коему ввѣрено было войско. Сію случайную подчиненноспь спарались обрапить въ поспояннюю. Есть врожденное чувспво, даже и въ наше время въ сердцахъ не совсѣмъ угасшее, по коему сынъ знапнаго сановника счипаепть себя выше сына чиновника, подъ начальспвомъ опца его служившаго. Основываясь на семъ, мѣспничество поспановило правиломъ, что когда кто начальспвовалъ надъ кѣмъ, по сынъ начальспвовавшаго не можепть безъ позора находиться на службѣ ниже сына того, кто былъ подчиненъ опцу его *. Такимъ образомъ въ

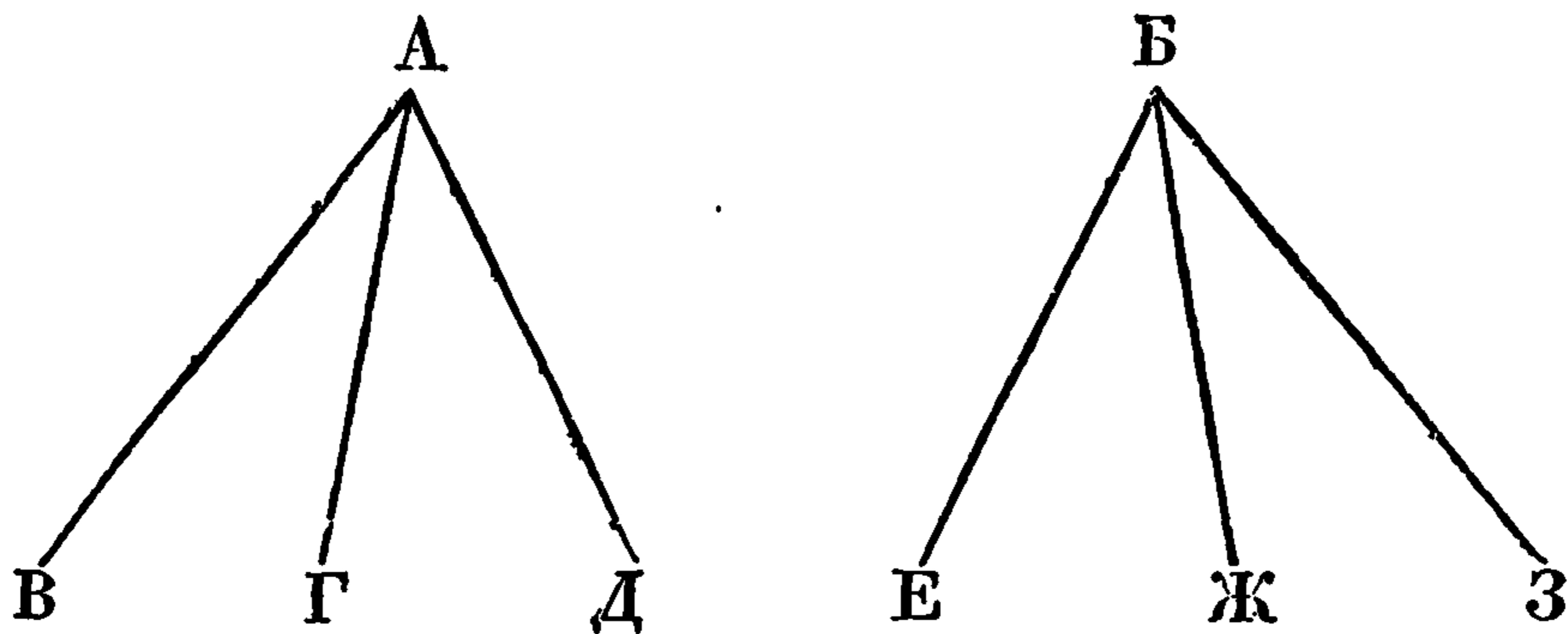
---

* *Примѣчаніе.* Мѣспничество было учрежденіе довольно многосложное. Воинскія и придворныя должности раздѣлялись на разныя стспени достоинства. Такъ напримѣръ первый воевода большаго полка, то есть главнокомандующій, почитался стспенью выше перваго воеводы правой руки, а сей стспенью выше перваго воеводы передоваго полка, и слѣдственно первый воевода большаго полка былъ уже двумя стспенями выше перваго воеводы передоваго полка, и такъ далѣе. Также не всѣ сыновья одного отца пользовались одинакимъ старшинствомъ. Напротивъ того, если взять въ примѣръ двухъ отцевъ А и Б, изъ коихъ у А было три сына В, Г и Д, а у Б также три сына Е, Ж и З

новоучреждаемой въ XVI вѣкѣ аристокраціи для подавленія прежнихъ значнѣйшихъ родовъ, Квашнины, Бутурлины, Воронцовы, Шереметевы и многія другія дворянскія фамиліи, вступили на высшую степень достоинства передъ Князьями Долгорукими, Лобановыми, Гагариными и прочими попомками Рюрика. Въ семъ положеніи могли ли сіи еще мечтать о правахъ своихъ на престолъ Великокняжескій?

Однако не лзя пройти въ молчаніи, что родъ Князей Шуйскихъ, происходящій отъ Великаго

и положить, что А былъ выше Б одною степенью, то В будетъ имѣть преимущество одной же степени надъ В, двухъ степеней надъ Ж и трехъ надъ З; Г будетъ равенъ Е и одною степенью выше Ж, и двумя степенями выше З; наконецъ Д будетъ одною степенью ниже Е, равенъ Ж и одною степенью выше З. Легко себѣ вообразить, что въ многочисленныхъ семьяхъ расчеты сіи производили довольно запутанности, и часто лишали правительство возможности употреблять людей по мѣрѣ ихъ дарованій. Но сіи неудобства, хотя и дѣйствительныя, были преувеличены писателями, всегда и безъ всякой разборчивости охулявшими мѣстничество. Въ важныхъ случаяхъ, гдѣ государственная польза требовала болѣе имѣть въ виду настоящее достоинство лицъ, чѣмъ воспоминаніе о заслугахъ пред-

Князя Андрея Ярославича, втораго брата Александра Невского, и следовательно составляющей отрасли, ближайшую всех прочих, от Московской ветви, не уступилъ еще своей знаменитости и мало кому уступалъ въ первенствѣ. Предсавишемъ правъ сего рода по первородству былъ Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ, ко- его природа какъ бы пріугошляла къ высокому назначенію, одаривъ его свойствами необыкновенными, достойно развившимися къ чести и славы опеческа. Но будущій герой былъ еще двѣнад-

---

ковъ, Царь останавливалъ дѣйствіе мѣстничества, приказывая служить *безъ мести*. Тогда никто не могъ отказаться поступить подъ начальство къ тому, надъ кѣмъ имѣлъ старшинство, но за то такого рода случаи записывались въ разрядахъ съ отмѣтою, чтобы оными никогда не руководствоваться, а считать ихъ дѣйствіями небывальными и следовательно оставявшими всехъ чиновниковъ при прежнемъ ихъ старшинствѣ. Хитро-сплетенный механизмъ сего глубокообдуманнаго учрежденія дѣйствовалъ такъ удачно, что одного вѣка достаточно было для довершенія униженія Княжескихъ родовъ безъ всякихъ самопроизвольныхъ и угнѣтательныхъ мѣръ. Въ началѣ XVII столѣтія мѣстничество, будучи уже безъ цѣли и выказывая одни неудобства свои, вѣроятно было бы уничтожено, если бы Царскій домъ не пресѣкся. Но даже помраченный блескъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, могъ еще казаться опаснымъ для первыхъ Государей новой династіи Романовыхъ, и они долго не касались мѣстничества. Существованіе учрежденія, пережившаго свой вѣкъ, продолжалось до 1682 года, въ коемъ Царь Оеодоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ оное, съ согласія собранной для того Земской Думы.

цапи-лѣтнимъ сиротою , и имѣлъ только дальнихъ родственниковъ, изъ коихъ ближайшій, правнучатный дядя его, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже предавшійся Правителю, не легко бы рѣшился отказать опъ ожидаемыхъ опъ него милоспсй для поддержанія правъ опрока , коего пользы мало касались до него.

Если обратиться къ женскому поколѣнiю Царскаго дома, то и въ ономъ Годуновъ не опасался уже соперничества. Ближайшею сродницею Царю Θεодору въ семь поколѣнiй была его внучатная сесипра, вдовствующая Королева Ливонская, Марiя Владимiровна, дочь Князя Владимiра Андреевича Серпуховскаго. Послѣ смерти супруга ея, мнимаго Короля Магнуса, она съ малолѣтною дочерью своею, Евдокiею, смиренно жила въ Курляндскомъ городѣ Пильпенѣ, купленномъ Магнусу опцемъ его, Королемъ Датскимъ. Но Годуновъ, еще въ 1587 году, усилъ и мать и дочь зазвать въ Москву, обѣщая матери богато устроить участь ея и прiискать ей достойнаго жениха. По прибытiи же ихъ въ столицу, объявили несчастной матери, что она должна постричься , если не хочетъ бытъ разлучена съ своею дочерью и окончитъ дни свои въ темницѣ. Марiя избрала монастырь, утѣшаясь Флетчеръ. мыслею, что удержитъ при себѣ милое дитя. Но Евдокiя могла ли избѣжать участи, ожидавшей

пѣхъ, коихъ существованіе превозжило Годунова? Она скончалась въ 1589 году и, если вѣрить преданіямъ, то смерть ея была неестественна. Горестная мать, еще провела нѣсколько лѣтъ въ глубокой печали и наконецъ сама скончалась въ 1597 году. Послѣ нея оспался ближайшимъ сродникомъ Θεодору, по царскому женскому пожеланію, его внучатный племянникъ, Князь Θεодоръ Ивановичъ Мстиславскій, котораго бабка, Княгиня Наспасья, была дочь Царевича Казанскаго, Петра, и Царевны Евдокии, дочери Великаго Князя Иоанна III. Но Правитель не опасался Князя Мстиславскаго. Сей слабодушный вельможа, совершенно чуждый обольщеніямъ властолюбія, искренно спрашивался тяжкаго бремени вѣщеносцевъ, и твердо хотѣлъ всегда оставаться первымъ подданнымъ. Къ тому же онъ споль боялся Годунова, что даже далъ ему обѣщаніе не вспунать въ бракъ. Хотя сестра Мстиславскаго, Наспасья, при бракѣ своемъ не могла имѣть ни малѣйшаго права на престоль, но она была въ замужствѣ за Симеономъ Бекбулаповичемъ, Царевичемъ Татарскимъ, котораго Царь Иванъ Васильевичъ, при учрежденіи Опричины, объявилъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи, а потомъ когда уничтожилъ Опричину, то велѣлъ управлять ему Тверью съ наименованіемъ Царя и Великаго Князя Тверскаго. Сіи

Надгробныя
надписи въ
Троицкой
Лаврѣ.

чрезвычайныя почести, подкрѣпляемыя свойствомъ съ Царскимъ домомъ, придавали такую знаменитость Симеону, что, не смотря на довольно ограниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство по ожидаемой кончинѣ Феодора. Сія мысль, сообразная духу мѣспинчества, въ особенности должна была нравиться великимъ боярамъ, которые охотнѣе подчинились бы тому, кто, нося хотя только имя Царя, стоялъ уже на высшей передъ ними степеніи достоинства, чѣмъ кому либо изъ среды ихъ же самихъ избранному и слѣдственно до толъ имъ равному. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова. По повелѣнію его, Симеонъ былъ изгнанъ изъ Твери и сосланъ въ одну изъ своихъ деревень; но и шутъ казался еще опаснымъ Правителю, который будто бы въ знакъ доброжелательства прислалъ ему на именины Испанскаго вина. Симеонъ выпилъ онаго и ослѣпъ, какъ самъ полагалъ, отъ смѣшаннаго съ виномъ ядовитаго зелья.

Маржеретъ и
Пиконовская
Лѣтопись.

Сими злодѣянїями очистивъ себѣ путь, Годуновъ старался поселить въ умахъ понятїе, что по пресѣченїи царскаго корня, вѣнецъ никому приличнѣе поднесенъ бытъ не можетъ, какъ ближайшему родственнику послѣдняго Государя, безъ разбора о происхожденїи сего родственника. Многіе, вѣроятно, полагали дѣйствіе сего правила обра-

шипъ въ пользу дома Романовыхъ, вообще любимого въ народѣ по воспоминанію о добродѣтельной матери Царя Θεодора Иоанновича, Царицѣ Анастасіи Романовой, изъ сего дома происшедшей. Ближайшимъ родственникомъ Царя былъ двоюродный его братъ, а Царицы Анастасіи родной племянникъ, бояринъ Θεодоръ Никипиичъ Романовъ. Не такъ расчитывалъ Годуновъ! По назначенію его, Царь духовнымъ завѣщаніемъ отъ казны престола супругъ своей, Царицѣ Иринѣ. Цесарюлюбецъ зналъ, что смиренная Ирина не пожелаетъ царствовать, но для исполненія замысловъ своихъ ему нужно было положить державу въ руку ея хопя на нѣсколько дней. Такимъ образомъ послѣднимъ Государемъ былъ бы уже не Θεодоръ, а Ирина, а у ней могъ ли быть родственникъ ближе брата ея роднаго?

Избиратель-
ная грамоты
на царство
Бориса Го-
дунова и Ми-
хаила Рома-
нова.

Все совершилось по желанію Правителя. 7-го Января 1598 года Θεодоръ скончался и съ нимъ пресѣклось на престолѣ царское поколѣніе, 735 лѣтъ сряду дававшее повелителемъ Россіи! Θεодоръ, умирая, оставилъ, по словамъ важнаго современнаго акіпа, *на скипетродержаніи Россійскаго Царствія* Царицу Ирину. Въ сей рѣшительный часъ Годуновъ бодрствовалъ. Онъ немедленно напомнилъ боярамъ, что должно присягнуть Царицѣ. Никто не только не противился, но даже всѣ съ радо-

спію видѣли въ воцареніи Ирины удобнѣйшее средство къ удаленію роковой минушы, гдѣ должно будетъ занятыся опаснымъ и запруднительнымъ выборомъ новаго Государя. Чиновники и граждане, одинаковыми чувстввами одушевленные, съ усердіемъ послѣдовали примѣру знапныхъ сановниковъ.

Не на долго успокоилась Москва. 15-го Января Царица объявила, что, желая прннять монашескій чинъ, отрекается опъ престола и ввѣряетъ правленіе боярамъ и Патріарху до шѣхъ поръ, пока успѣютъ собраться въ Москвѣ все чины Московскаго Государства для избранія новаго Царя. Напрасно духовенство, сановники и граждане заклинали Ирину именемъ сиротспвующаго опечесства не оставлать державы: она пребыла непреклонною и удалилась въ Ново-дѣвичій монастырь, гдѣ и посприглась подъ именемъ Александры.

Годуновъ послѣдовалъ за ней, по видимому оставлать бразды правленія на произволь судьбы, какъ бы самъ нща успокоенія послѣ упомишельныхъ трудовъ. Но многочисленные приверженцы его не дремали! Они повсемѣспно внушали гражданамъ, что одна, на опытъ доказанная, государспвенная мудрость Бориса можетъ въ снхъ прудныхъ обстоятельствахъ сохранить величіе и спокойствіе Россіи. Подспрекаемый сими ухищреніями, цародъ толпился въ Кремлѣ вокругъ палаты, гдѣ

Донесеніе
Австрійскаго
гошца Шилл.

засѣдали Папріархъ и бояре. Вышедшій изъ оной Государственный Дьякъ и Печатникъ Щелкаловъ предложилъ, чшобы всѣ цѣловали крестъ на нмя думы Боярской. Ему отвѣчали, что не хопягтъ и знать боярь, и что присягали уже Царицѣ, которую и въ черницахъ почитаютъ Государынею своєю. Щелкаловъ доложилъ о семъ думѣ, и снова вышелъ къ народу объявляя, что Царица рѣшительно не хочетъ заиматься дѣлами свѣтскими, и что если не присягнутъ боярамъ, то должно спрашиваться смуть, опъ безначалія происходящихъ. Тогда всѣ возопили: «*И такъ да царствуетъ братъ ея!*» Папріархъ Іовъ, обязанный высокимъ своимъ саномъ Годунову, былъ ему совершенно преданъ. Бояре же, легко угадывая, что все уже угоповлено самимъ Борисомъ для исполненія давнишнихъ замысловъ, не смѣли противорѣчить. Положилъ немедленно итти всѣмъ соборомъ въ монастырь, дабы просить Царицу, благословить на царство брата своего. Но сіе избраніе не казалось довольно торжественнымъ Борису. Желая получить державу не опъ одной Москвы, но опъ цѣлой Россіи, онъ лицемѣрилъ, клялся, что никогда не смѣлъ и помышлять о вѣнцѣ Мономаховомъ, говорилъ, что въ Россіи много вельможъ, превышающихъ его знанностію и мудростію, и наконецъ рѣшительно опрѣкся опъ престола, присовоку-

пивъ въпрочемъ, что не жалѣеть себя для службы
опечеству и съ *Бояры радѣти и промышляти* Избратель-
радѣ не токмо по прежнесму, но и свѣше перваго. на царство
Бориса Го-
дунова.

Бояре поняли значеніе сихъ словъ: Борисъ,
оставляя за ними призракъ власпи, не хопѣлъ ни
выпускашь изъ рукъ своихъ сущность оной, ни
дашь породиться мысли, что и безъ него Госу-
дарство обойтисься можетъ. Рѣшили, что въ
ожиданіи постановленій сзываемаго великаго Зем-
скаго собора, Боярская дума будетъ управляшь
именемъ Царицы инокини Александры. Само со-
бою разумѣется, что въ самомъ дѣлѣ ничего не
пворилось безъ соизволенія Годунова.

Между шѣмъ клеветы его дѣйствововали усерд-
но не только въ столицѣ, но даже и во всей Рос-
сіи; ихъ стараніемъ разнеслась молва о впаденіи
Хана Крымскаго, и они внушали, что для защи-
шы опечества опъ угрожаемой опасности непре- Маржеретъ.
мѣнно нужно ускорить избраніемъ въ Цари мужа
опытнаго!

Государственнѣйшій Земскій соборъ открылся въ
Кремль 17-го Февраля. Онъ состоялъ изъ знап-
нѣйшаго духовенства, бояръ, дворянъ и выбор-
ныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ, все-
го около пяти сотъ особъ *. Прѣній не было.

---

* *Примѣчаніе.* Соборъ составляли: Патріархъ, 4 Мит-
рополита, 6 Архіепископовъ, 3 Епископа, 23 Архимандри-

Папріархъ первый предложилъ избрать на царство Бориса Феодоровича Годунова. Согласіе многочисленнаго собранія было громогласное и единодушное. Долго раздавалось одно имя Бориса. Многіе искренно видѣли въ его воцареніи залогъ будущаго благоденствія Россіи. Другіе же не могли въ сердцѣ своемъ питать ненависти къ счастливому честолюбцу, и не безъ внутренняго омерзенія содѣйствовали успѣху замысла, на злодѣяннн основанному; но какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, опасаясь обнаружить настоящія чувства свои, болѣе всѣхъ предавались восторгу.

Дабы отвратить въ народѣ всякое подозрѣніе на счетъ искренности отказа Годунова отъ престола, Папріархъ посвятилъ слѣдующіе два дня на моленія въ Успенскомъ Соборѣ, чтобы Всевышнему угодно было смягчить сердце Борисово, и склонить его не отказываться отъ бремени, опечесствомъ на него налагаемаго. Только 20-го

та, 31 Игуменъ, 21 Старецъ, соборныхъ съ разныхъ монастырей, 11 Протопоповъ, 22 Боярина, 17 Окольныхъ, Печатникъ, Думной дворянинъ, Постельничей, Намѣстничей, стряпчій съ ключемъ, Бояринъ Земскаго дворца, Сокольничій, Ясельничей, 4 думныхъ дьяка, 42 стольника, 26 приказныхъ дьяковъ, 95 дворянъ, 21 стряпчій съ платьемъ, 34 выборныхъ изъ городовъ, 7 головъ стрѣльцкихъ, 4 бараша, 11 дворцовыхъ ключниковъ, 40 жильцевъ, 22 гостя, 5 гостиныхъ сотенъ старость и 16 черныхъ сотенъ сотниковъ; всего 474 особы. Смотри Приложенія № III.

числа Свяшипель съ главнымъ духовенствомъ и боярами отправился въ Дѣвичій монастырь, объявить Годунову о рѣшеніи Земскаго собора. Но Борисъ еще не переснавалъ хитрить. Онъ не только въпорично опровергнулъ подносимую державу, но и клялся, что никогда не приметъ ее, и съ притворнымъ гнѣвомъ высладалъ изъ монастыря духовенство и вельможъ.

Наконецъ 21-го Февраля насталъ послѣдній день сего игрища. На разсвѣтѣ духовенство съ крестами и хоругвями вышло изъ Кремля и, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, церковнымъ ходомъ отправилось въ Дѣвичій монастырь. Потомъ шли бояре, дворяне, боярскіе дѣти, приказные и выборные люди. За ними поднялась вся Москва. Всѣ пали передъ Царицею инокинею, прося ее, чтобы повелѣла Борису не пропиваться волю Божіей и народной. Папріархъ объявилъ даже, что если желаніе народное не будетъ выполнено, то онъ не только Годунова оплучитъ опъ Церкви, но что даже онъ самъ и всѣ Епископы сложатъ съ себя свяшипельскій санъ, оставятъ кресты и хоругви въ Дѣвичьемъ монастырѣ и запрешатъ во всѣхъ церквахъ всякое священнодѣйствіе. Царица долго колебалась; наконецъ благословила брата на царство. Годуновъ еще упорствовалъ. Но Царица уже рѣшишельно требовала опъ него повиновенія,

и онъ съ припворнымъ смиреніемъ и какъ бы не смѣя пропивитъся той, которую еще почиталъ своею Государынею, объявилъ наконецъ, что исполнилъ желаніе народное. Радость была неописанная. Всѣ плакали, обнимали другъ друга. Казалось, что новое царство прочно основывалось на порже-спвенномъ единомысліи всѣхъ сословій. Но горе тому, кто безусловно полагается на любовь народную, споль прихотливую и споль переменчивую!

Еще при года продолжалось счастье Бориса и благоденствіе Россіи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, Царь, не обнажая меча, умѣлъ сохранить достоинство своей державы и внушить всѣмъ сосѣдямъ своимъ должное къ себѣ уваженіе: Царь Иверійскій искалъ его покровительства опъ утѣсненій Султана Турецкаго и Шаха Персидскаго, Крымскіе Татары оставались въ улусахъ своихъ, не смѣя тревожить набѣгами южные предѣлы Россіи. Шведы щцательно старались не давать повода къ новому разрыву. Одинъ Король Польскій медлил продолжитъ перемиріе, заключенное 15-го Августа 1587 года на 15 лѣтъ между Россією и Польшею, но когда срокъ перемирія сблизился, и онъ оказался подапливѣе. Присланные опъ него въ Москву послы подписали 11-го Марта 1601 договоръ, по силѣ коего перемиріе продолжено еще на двадцать лѣтъ, считая съ испеченія прежнихъ пятнадцати.

Внутреннее управленіе Государства отличалось также счастливымъ сліяніемъ твердости и кротости. Трепетали одни злодѣи! Умѣренность въ налогахъ, свобода въ торговлѣ и общая безопасность, повсюду открывали новые источники промышленности и богатства. Казалось, что сіе цвѣтущее положеніе отечества должно было усугубить любовь народную къ Борису. Явилось прошивное!

Для людей, одаренныхъ необыкновенными способностями, часто бываетъ камнемъ преткунія нескромное желаніе опереживать свой вѣкъ. Рѣдко сіе удается и не много Петровъ Великихъ въ Исторіи. Самому мудрому Борису суждено было испытать на себѣ, что истинно государственный человекъ не долженъ замышлять новизнъ, къ коимъ соотечественники его еще доспапочно не приготовлены. Вообще въ Россіи гнушались иностранцами и ихъ обычаями, а всякое иновѣрческое богослуженіе было даже предметомъ набожнаго омерзенія. Не смотря на то Царь, умѣвшій цѣнить Европейское просвѣщеніе, прельстился онымъ. Онъ не только ласкалъ иноземцевъ, но даже для удержанія ихъ въ Москвѣ, честилъ и награждалъ Беръ. ихъ болѣе чѣмъ вѣрнѣйшихъ своихъ Русскихъ слугъ, и наконецъ, въ угожденіе имъ, позволилъ выспроить въ Яузской слободѣ Люшеранскую церковь съ коло-

кольнею. Онъ также имѣлъ намѣреніе завести Уни-
верситетъ, а между тѣмъ, дабы пріохотить Рус-
скихъ къ наукамъ, послалъ 18 молодыхъ дѣтей
боярскихъ учиться въ Любекъ, въ Лондонъ и во
Францію. Не ограничиваясь симъ, онъ коснулся и
спаринныхъ обычаевъ, и видѣлъ съ удовольствіемъ,
какъ при самомъ Дворѣ его пожилые люди, желав-
шіе ему подслужиться, подспригали себѣ бороды.
Сто лѣтъ спустя, Петръ I-й, Царскій сынъ и
внукъ, едва могъ себѣ позволить такіе дѣйств-
вія. Но для новой династіи Годуновыхъ не бы-
ло другаго средства укорениться, какъ тща-
тельно справшись всѣми возможными нитями
связаться съ прошедшимъ, безъ всякихъ помышле-
ній о небываломъ. Борисъ, въ упоеніи самонадѣ-
янности, дошелъ чуднымъ успѣхомъ оправдывае-
мой, не постигъ настоящаго своего положенія и
безъ нужды подалъ поводъ недоброжелателямъ
своимъ возбуждать негодованіе въ народѣ. Не дол-
жно забывать при семъ случаѣ, что не смотря
на блестящее состояніе Государства, было много
недовольныхъ. Истинно преданнымъ Царю можно
было только почитать средній классъ народа, со-
стоящій изъ купечества, обогащавшагося подъ
сѣнію его твердаго и умнаго управленія, и мел-
копомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ благосостояніе
обезпечивалось запрещеніемъ перехода крестьянъ.

Но самое запрещеніе сіе оставяло въ сильномъ неудовольствіи какъ земледѣльцевъ, оплакивавшихъ утраченную свободу, такъ и большихъ владѣльцевъ, видѣвшихъ въ новомъ постановленіи ограниченіе выгодъ своихъ. Вольные слуги, прошивъ воли въ холопство обращенные, также не могли доброжелательствовать Борису. Къ тому же и гордымъ вельможамъ неестественно было бы безъ досады преклонять колѣна передъ бывшимъ товарищемъ, коего большая часть изъ нихъ превосходили знатностію породы.

Извѣспившись о всеобщемъ ропотѣ, Царь изумился. Но въспо изысканія надежнѣйшихъ средствъ къ прекращенію неудовольствій, онъ обратился къ мѣрамъ, долженствовавшимъ усугубить оныя. Не довѣряя никому, онъ сталъ поощрять наушниковъ и доносчиковъ. Язва доносовъ, едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ золъ опягчающихъ человѣческія общества, кажется имъ несносною, потому что охлаждая гражданскія и семейственныя связи, она лишаетъ каждого естественнѣйшаго пріюта опъ кручинъ, съ жизнію сопряженныхъ. Легко себѣ вообразить, что ненависть къ Борису усилилась.

Знаменинѣйшею жертвою подозрѣній Царя содѣлалось семейство Романовыхъ. Борисъ уже и на

прешолъ превозился еще мыслию, что по смерти его, молодой Θεодоръ, сынъ его, можетъ найти опасныхъ соперниковъ въ Романовыхъ, оплывавшихся собственною значностию, сильно подкрепленною родственными связями съ первѣйшими фамиліями въ государствѣ. Сначала онъ искалъ сблизиться съ ними. Θεодоръ Никишичъ былъ уже бояриномъ. Борисъ далъ еще боярство второму его брату Александру, а меньшую сестру ихъ, Ирину выдалъ замужъ за свойственника своего Ивана Ивановича Годунова. Но когда говоръ общаго негодованія дошелъ до него, то возмечшавъ, что тайными виновниками онаго были Романовы, онъ спалъ искашь случая погубить ихъ. Подкупленный свойственникомъ Царя, Семеномъ Годуновымъ, слуга Романовыхъ, Баршеневъ, донесъ, что господа его умышляющъ извѣсти Царя, и въ доказательство представилъ найденные въ кладовой у Александра Никишича мѣшки съ кореньями, приготовленными какъ увѣрялъ онъ, для оправданія Бориса. Какъ будто бы злодѣйскіе припасы хранятся въ кладовыхъ? Не смотря на неспособность обвиненія, дума боярская, въ угожденіе Царю, осудила Романовыхъ. Θεодора Никишича и супругу его, Ксенію Ивановну, поспригли прошивъ воли, нарекли Филаретомъ и Марѳою, и сослали въ дальніе монастыри. Опала распространилась и на всѣхъ

Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

ближнихъ ихъ. Также были разосланы по сѣвернымъ городамъ и монастырямъ: Феодора Никипиича сынъ и дочь, пеща, четыре брата, сестра дѣвица и двѣ сестры замужнія съ супругами ихъ, Князьями Сицкимъ и Черкасскимъ, и съ сыномъ послѣдняго. Сродники Романовыхъ, Князья Сицкіе, Шестуновы, Карповы и Репнины подверглись такой же участи. Всѣхъ сихъ несчастныхъ вѣщчины и помѣстья роздали другимъ, а дома и движимое имѣніе ихъ взяли въ казну. Не коснулись только одной изъ сестеръ Романовыхъ, Ирины Годуновой, уважая въ ней имя супруга ея.

Гибель сихъ знапныхъ вельможъ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ противъ Царя. Впрочемъ, еще зло могло называться частнымъ; общее спокойствіе государства оставалось ненарушимымъ, подъ сѣнію твердаго управленія Бориса, и сіе общоупительство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часъ суда Божія уже наступалъ для вѣнцесосца, злодѣйствомъ достигшаго верховнаго сана! Вся государственная мудрость его должна была сокрушиться передъ готовившимся для цѣлой Россіи, однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, коими Провидѣніе въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ своихъ казнилъ народы, и коихъ ни какая предусмотрительность человѣческая опровергнуть не можетъ!

Весною 1601 года, начались проливные дожди и продолжались непрестанно въ теченіи десяти недель. Посѣянный хлѣбъ не созрѣвалъ. Устрашенные земледѣльцы всю надежду свою возлагали на поздніе жары; вмѣсто того, 15-го Августа сдѣлался сильный морозъ, побившій не только не дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ. Сжадный послѣ столь преждевременной спужы хлѣбъ, оказался не только въ маломъ количествѣ, но и безъ надлежащей питательности. Хотя еще много было запасовъ стараго хлѣба, но цѣна на жизненные припасы чрезмѣрно возвысилась. Для бѣдныхъ пропитаніе сдѣлалось затруднительнымъ. Общая бѣда разорвала въ народѣ послѣднія узы преданности къ Борису, уже не могущему славиться счастливымъ царствіемъ. Волненіе и ропотъ столь усилились, что Царь почелъ нужнымъ нѣсколько утѣшить земледѣльцевъ. Онъ зналъ, сколь ненавистнымъ для нихъ казалось запрещеніе вольнаго перехода отъ одного земледѣльца къ другому, но не хотѣлъ отмѣнить постановленія, основаннаго на важныхъ государственныхъ причинахъ, и привлекающаго къ нему сердца мелкопомѣстныхъ военныхъ людей. Дабы не лишиться своей державы сей послѣдней опоры, онъ рѣшился допустить только нѣкоторыя исключенія, лестныя для земе-

дѣльцевъ, но безобидныя для цѣлаго класса мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ Ноябрь 1601 года, Царь объявилъ, что позволяеть переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и двѣ недѣли спустя онаго, но только опъ одного мелкопомѣстнаго помѣщика къ другому таковому жъ, и съ тѣмъ еще ограниченіемъ, что одинъ владѣлецъ, изъ-за одного, могъ переманивать въ одинъ срокъ не болѣе двухъ крестьянъ. Впрочемъ сія льгота не касалась Московскаго уѣзда, гдѣ запрещеніе перехода оставалось во всей силѣ, такъ какъ и для крестьянъ Царскихъ и владѣльцевъ духовныхъ и великопомѣстныхъ во всемъ государствѣ. Не трудно угадать причину сей разности въ послѣднемъ отношеніи. У богатыхъ владѣльцевъ крестьяне были счастливы и спокойны; въ угнетеніи находились только земледѣльцы у мелкихъ помѣщиковъ, слѣдственно не было нужды измѣнять положенія первыхъ. Не такъ легко объяснить, почему льгота не распространилась на весь Московскій уѣздъ; Впрочемъ, съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что тамошніе мелкопомѣстные владѣльцы не смѣли, такъ сказать, подъ глазомъ правительства, во зло употреблять свою власть, и что съ другой стороны, народонаселеніе сего уѣзда находилось въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что пра-

випельство не желало ни уменьшенія, ни умноженія онаго *.

Никоновская
лѣтопись.

Можетъ быть Борисъ успѣлъ бы возстановить спокойствіе въ государствѣ, если бы Небо перестало карать Россію. Но, къ сокрушенію ея, за первымъ неурожайнымъ годомъ послѣдовали два такіе же. Наши лѣтописцы приписываютъ вину неурожая 1602 года легкомыслію самихъ земледѣльцевъ. Въ Россіи всегда стараются засѣвать поля новымъ хлѣбомъ, считая, что онъ способнѣе стараго для произращенія. Крестьяне, всегда руководимые слѣпымъ обычаемъ, не усумнились и шутъ послѣдовать оному, и употребили въ посѣвъ новый хлѣбъ, тощій и совершенно лишенный растительной силы. Ни гдѣ не было всходовъ. Что касается до неурожая 1603 года, то современники не объясняютъ намъ причину онаго. Изъ сего можно заключить, что настоящаго неурожая не было, но что мало собрали хлѣба единственно отъ того, что большая часть полей осталась не засѣяною, какъ отъ недосѣвка зеренъ, такъ и отъ изнуренія плѣсныхъ силъ пахарей.

Голодъ свирѣпствовалъ съ необычайною люто-
стію. Современники, къ ужасу позднѣйшаго по-
томства, передали намъ страшное описаніе по-

---

* Смотри Приложенія № IV.

слѣдствій онаго. Дороговизна на хлѣбъ сдѣлалась непомятною. Четверть ржи, обыкновенно продаваемая отъ 12 до 15 копѣекъ, возвысилась до ^{Маржереть, Беръ, Петрей и Палицынъ.} трехъ рублей, соспавляющихъ десять нынѣшнихъ серебряныхъ. Люди, нуждою доведенные до отчаянія, явно попирали не только священнѣйшія правила нравственности, но даже самыя законы природы и въ оспервененіи своемъ уподобясь злѣйшимъ изъ звѣрей, пожирали другъ друга. Въ связи общественныя и семейныя расторгались. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья покидали женъ и дѣтей, чтобы не дѣлаться съ ними скуднымъ пропитаніемъ. Дошло до того, что человѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на Московскихъ рынкахъ. Но что всего ужаснѣе, и чего безъ содроганія написать нельзя: матерьялы собственныя младенцевъ своихъ!

Правительственныя мѣры для отвращенія сихъ бѣдствій оказались не только недостаточными, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредными. Напрасно сраженный горестію Борисъ являлъ себя царемъ сердобольнымъ и заботливымъ; Россія уже не видала въ немъ ни прежняго благоумія, ни прежней твердости. Онъ не щадилъ сокровищъ своихъ, но употреблялъ ихъ не всегда съ должною осмотрительностію. Такъ напри- мѣръ, по повелѣнію его были учреждены въ Мо-

сквѣ, близъ деревянной городской стѣны, четыре ограды, въ конхъ каждое утро раздавалось бѣднымъ каждому по одной московкѣ, а въ воскресные и праздничные дни по деньгѣ *. Сколь ни тягостна была сія раздача для казны, пособіе для неимущихъ было почти ничтожно, потому что на московку едва ли можно было купить и полфунта хлѣба. Не смотря на то народъ, всегда жадный къ деньгамъ, добываемымъ безъ работы, кинулся толпами къ столицѣ, сперва изъ окрестныхъ, а потомъ даже изъ дальнихъ мѣстъ. Туда спѣшили даже и такіе, которые на родинѣ своей могли бы кое-какъ прокормиться. Неминуемымъ слѣдствіемъ такового спсченія было для Москвы умноженіе дороговизны, и нераздѣльных съ оною бѣдствій. Наконецъ Царь нашелся вынужденнымъ прекратить раздачу денегъ. Тогда несчастные пришельцы, возвращаясь безъ малѣйшаго пособія, успидали шрупами своими всѣ пути, отъ столицы ведущіе.

Впрочемъ если взять въ соображеніе какъ изобиліе прежнихъ лѣтъ, такъ и то обстоятельство, что кажется неурожай не распространился на восточныя области государства, то не остается сомнѣнія, что было еще много ста-

---

* *Примѣчаніе.* Тогдашній рубль дѣлился на 100 копѣекъ или денегъ, на 200 московокъ и на 400 полушекъ.

рыхъ запасовъ въ Россіи; но съ одной стороны корыстолюбіе панло ихъ, а съ другой, трудность подвоза представляла важныя препятствія. Однако Борисъ успѣлъ, хотя отчасти, преодолѣть оныя. Онъ приказалъ освидѣтельствовать царскія гумны, гдѣ нашлись давнишнихъ лѣтъ огромныя скирды, которые обмолопили и хлѣбъ доставили въ Москву. Тамъ ежедневно продавалось бѣднымъ изъ царскихъ житницъ по нѣскольکو тысячъ четвертей за половинную цѣну. Вдовамъ же и сиротамъ, и въ особенности Нѣмцамъ, Царь велѣлъ оппустить значительное количество даже безденежно. Такое пристрастіе къ иноземцамъ, во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ прошивное оспорожной полипикъ въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, оказывалось еще болѣе оскорбительнымъ и ненавистнымъ. Не одни царскія гумны изобиловали еще хлѣбомъ; многіе помѣщики также не суждались въ ономъ, и поощренныя высокою цѣною, вѣроятно изыскали бы средства къ перевозкѣ, если бы правительство не вмѣшивалось неумѣстно въ ихъ дѣйствія. Царь не разсудивъ, что благошвореніе можетъ быть внушаемо, а не предписываемо, вздумалъ принудить продавцевъ, изъ уваженія къ общему бѣдствію, отказаться отъ ожидаемыхъ ими выгодъ, и приказалъ опобратъ у нихъ хлѣбъ за такую низкую цѣну, что

можешь быть иные не получили должнаго вознагражденія и за понесенныя ими самими издержки. Случилось, чего ожидать было должно: никто не только не смѣлъ выказывать болѣе своего хлѣбнаго имущества, но даже всѣ старанія приложены къ сокрытію онаго.

Только нѣкоторые доспойные вельможи, сжалившись надъ общею нищетою, спали еще продавать хранящійся въ ихъ жилищцахъ хлѣбъ дешевле существующей цѣны. Но какъ ихъ, такъ и царскія щедроты не принесли всей возможной пользы отъ неблагоразумія раздачи. Въспомо того, чшобы изъ анбаровъ продавать неимущимъ семействамъ только нужное количество хлѣба для ихъ дневнаго пропитанія, отпускали имъ оный безъ разбора. Сребролюбіе воспользовалось ссю оплошностію, и Московскіе барышники, посредствомъ бѣдныхъ людей, накупили нѣсколько тысячъ бочекъ муки, которую попомъ перепродавали цѣною непомерною.

Никоновская
Лѣтопись. Гораздо разсудительнѣе Борисъ поступилъ, приказавъ начать огромное каменное строеніе въ въ Кремль, дабы посредствомъ работы доставить пропитаніе нуждающимся. Милость царская изливалась не на однихъ живыхъ. Москва наполнялась мерзвыми пѣлами, коихъ хоронить было нѣкому. Учрежденные приславы подбирали ихъ, омывали,

завершывали въ бѣлыя саваны, обували въ красныя Бѣры. кошы, и отвозили на три за городомъ усроенныя кладбища, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца, такимъ образомъ похоронено 127,000 прудалыцнхъ. Если къ сему присовокупить, что множенство еще шѣлъ было погребается богобоязливыми людьми при приходскихъ церквахъ, коихъ въ столицѣ тогда считалось болѣе 400, то смѣло кажешся можно положить, что въ одной Москвѣ до 200,000 человекъ сдѣлались жертвою голода.

Но не одна столица бѣдствовала. Царь не оставилъ безъ призрѣнїя и прочїя мѣста своего государства. Ивангородъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и другїе нуждавшїеся города получили важныя денежныя пособїя. Казна царская, богато накопленная въ семнадцатилѣтнсе благоденствїе Россїи, являлась неистощимою.

Обыкновеннымъ слѣдствїемъ голода бывающїе повальныя болѣзни. И сего бѣдствїя не избѣжала Россїя: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ особенностн въ Смоленскомъ уѣздѣ, явилась слишкомъ для нашего времени извѣстная холера (cholera morbus). Правительство вынужденнымъ нашлось учредить заставы для пресѣченїя сообщенїй съ зараженнымъ краемъ.

Наконецъ благословенный урожай 1604 года возстановилъ прежнее изобилїе, такъ что цѣна

Карамзинъ. четверти ржи опъ прехъ рублей упала до 10 копѣекъ *. Но памятникомъ голода осталась на всегда нововведенная мѣра хлѣба. Прежде продавали оный только бочками, и четвертями и осьминами оныхъ. Съ голодныхъ же лѣтъ бочки вышли изъ употребленія, а вмѣсто того извѣстны-

---

* *Примѣчаніе.* Не извѣстно, почему Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что голодъ прекратился еще въ 1603 году. Лѣтописи единогласно утверждаютъ, что оный продолжался не два, а три года, и ни одинъ современный писатель не противорѣчитъ сему. Беръ именно говорить, что бѣдствіе сіе продолжалось до 1604 года, и описывая пріѣздъ въ Россію въ Іюнь мѣсяць того года Императорскаго посланника, барона фонъ Логау, упоминаетъ объ усиліяхъ Царя, чтобы скрыть дороговизну отъ новопривзжихъ; следственно дороговизна сія еще существовала. Сходно сему и Палицынъ пишетъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ похоронено въ Москвѣ 127,000 жертвъ голода. Карамзинъ самъ принимаетъ сей расчетъ за неоспоримый, но какимъ же образомъ двадцать восемь мѣсяцевъ мерли отъ голода, когда оный продолжался только два года? Напротивъ того все объясняется, если взять въ соображеніе, что обыкновенно новый хлѣбъ въ Россіи собирается въ Августъ мѣсяць. Но отнюдь не лзя предполагать, чтобы въ ожиданіи новаго урожая, всякой оставался при послѣднемъ кускѣ своемъ, и чтобы смертность тотъ часъ же началась. Напротивъ того вѣроятно, что первую зиму еще люди находили средство пропитаться кое-какъ, тѣмъ паче, что и дороговизна могла сдѣлаться чрезмѣрною только тогда, когда по открытіи весны исчезла всякая надежда на новый урожай. Такимъ образомъ смертность должна была начаться въ Апрель 1602, и продолжаться до Августа 1604, что именно составляетъ двадцать восемь мѣсяцевъ.

ми спали четверики, то есть четвертая часть осьмины.

Несчастливая Россія долго еще не должна была наслаждаться спокойствіемъ. Самымъ пагубнѣйшимъ слѣдствіемъ прешерпѣннаго ею бѣдствія было ослабленіе всѣхъ нравственныхъ понятій. Развратъ распространился на все сословія. Господа до того столь тщательно спаравшіеся умно- Палицынъ. жать число своихъ холопей, распустили ихъ во время голода, иные по дѣйствительной невозможности прокормить ихъ, другіе изъ корыстолюбія, чтобы обогатиться продажей хлѣба, который, по долгу своему, обязаны были употребить на ихъ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ снабжали холопей формальными оппускными, но многіе, не столь совѣстные, изгоняли ихъ отъ себя безъ всякаго вида съ преступною мыслию, возвративъ ихъ опять къ себѣ въ подданство по мнваніи дороговизны. Такимъ образомъ государство наполнилось бродягами, изъ коихъ многіе, забывъ страхъ Божій, обратились къ разбойничеству. Въ разныхъ мѣстахъ образовались большія шайки, изъ коихъ важнѣйшая, подъ предводительствомъ нѣкоего Хлопка, свирѣпствовала Никоновская Летопись. въ окрестностяхъ самой Москвы, и неоднократно разбивала посылаемые противъ нея сыскные отряды. Царь наконецъ нашелся вынужденнымъ

прошнвупоспавишь симъ презрншельнымъ врагамъ цѣлое войско, подѣ начальствомъ околыничаго Ивана Ѳеодоровича Басманова. Хлопко не успрашилъ вступити съ нимъ въ бой близъ Москвы. Съ обѣихъ споронъ сражались упорно, и Басмановъ былъ убитъ; но сія удача злодѣевъ обратилась имъ на пагубу. Царскіе воины, ожесточенные смертію начальника, бросились на нихъ съ новымъ спремленіемъ и наконецъ сломили ихъ. Самъ Хлопко Маржеретъ защищался храбро, но въ изнеможеніи опѣ многихъ ранъ былъ взятъ и съ 500 поварищами своимн, отправленъ въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены; многіе оспались на мѣстѣ сраженія. Прочіе же ушли на Украйну, гдѣ умножили число, и безъ того уже значительное, шамошнихъ негодяевъ.

Палицынъ. Еще Царь Иванъ Васильевичъ, желая для укрѣпленія границы Россіи опѣ Польши и Ташаръ, населити какъ можно болѣе Украинскіе города людьми къ рашному дѣлу способными, предписывалъ шамошнимъ воеводамъ не превожити ихъ, кои будупъ укрывашься въ сихъ городахъ, избѣгая заслуженнаго ими въ Россіи наказанія. Борисъ Ѳеодоровичъ послѣдовалъ той же политикѣ, и паводненная отважными злодѣями Украйна, содѣлалась опаснымъ вершепомъ, гдѣ самая власнѣ правительства не всегда находила должное послу-

шаніе. Такъ напрімѣръ, напрасно Царь приказывалъ сыскнвашь и вѣшашь удалившихся шуда сообщниковъ Хлопко. Воеводамъ шрудно было исполнить повелѣніе сіе надъ преступникамн, покровительствуемымн состраспїемъ подобныхъ имъ разбойниковъ. Безчиніе уже посѣвало въ сей странѣ сѣмена новыхъ и пагубнѣйшихъ бѣдспвій для Россіи.

Всѣ ужасы, уже преперпѣнные государспвомъ, были, шакъ сказапъ, шолько преддверїемъ гоповящейся для него настоящей бѣды. Около 1600 Маржерстъ. года, пронсслась въ Москвѣ молва, что Царевнчъ Димитрій, котораго полагали убїеннымъ въ Угличѣ, находится въ живыхъ. Хошя одно имя невинной жертвы должно было казапъся грознымъ для ея убійцы, но смерть Царевича была дѣйспвіемъ споль явнымъ, споль достовѣрнымъ, что Борисъ мало шревожнлся слухомъ, коего неосновапельность была очевидна. Однако онъ спарался узнапъ, что могло подапъ поводъ къ нелѣпой баснѣ, и еще болѣе успокоился, когда добрался до презрительнаго источника оной. Все казалось шолько дѣломъ безсмысленнаго суесловія молодаго монаха, жившаго у Папріарха.

Сей юноша, предназначенный изумляпъ попомство дивными похождениями своими, и служипъ орудіемъ Провидѣнія для казни преступнаго Бо-

Никоновская рнса, былъ сынъ бѣднаго сына боярскаго города
Лѣтопись.

Галича, и назывался Юріемъ Отрепьевымъ. Оставшись послѣ смерти отца своего почти безъ всякаго пріюта, онъ постригся на 15-мъ году возраста, и принялъ имя Григорія. Но иноческій клобукъ не предохранилъ буйной головы его отъ порыва пламенныхъ спраспей свѣтскихъ. Нѣскольکو времени скитался онъ по разнымъ обителамъ, и наконецъ основался въ Чудовъ монастырь, въ кельѣ у дѣда своего Замятни Отрепьева, который давно уже тамъ монашествовалъ. Будучи одаренъ природою способностями необыкновенными, умомъ пылкимъ и предприимчивымъ, и отважностію болѣе свойственною воину, чѣмъ монаху, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался легкомысленнымъ, и заносчивымъ до безразсудности. Съ самаго младенчества своего съ успѣхомъ занимаясь книжнымъ дѣломъ, онъ выучился не только читать и чисто писать; но даже сочинять каноны Святымъ, лучше старыхъ грамогъевъ. Такія, по тогдашнему времени чрезвычайныя, познанія обратили на него вниманіе Патріарха, который посвятилъ его въ дьяконы и взялъ къ себѣ для списыванія книгъ. Тутъ имѣлъ онъ случай познакомиться съ людьми, хорошо знавшими всѣ обстоятельства, до царскаго дома относящіяся. Черезъ нихъ могъ узнать, что по довольно обыкновенной игрѣ при-

роды, Царевичъ Димитрій посылъ на пѣль нѣкоторые одинакіе съ нимъ признаки, а именно, что у Царевича, какъ и у него, были бородавки на лицѣ и одна рука короче другой *. Мысль дерзкая, но первому взгляду вовсе сумазбродная, породилась въ душѣ его. Онъ возмечталъ, что можетъ выдать себя за убіеннаго Царевича и, съ помощію одного самозванства, низложить Бориса, располагавшаго еще всѣми силами обширнаго государства. Въ упоеніи непоспимой самонадѣянности, онъ началъ оглашать съ свойственною ему възвращенностію свои записки, и часто въ разговорахъ своихъ съ Чудовскими монахами увѣрялъ ихъ, что будетъ Царемъ на Москвѣ. Ибоки, не воображая, чтобы значеніе сихъ дерзкихъ словъ заключало въ

---

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ, кажется, сомнѣвается, чтобы Царевичъ дѣйствительно имѣлъ на себѣ такія примѣты. Правда, ни одинъ изъ нашихъ летописцевъ не упоминаетъ объ оныхъ. Но рѣдко летописцы сіи занимались описаніемъ наружнаго вида, не только Царскихъ дѣтей, но даже и самихъ Царей, а съ другой стороны нельзя не взять въ соображеніе, что если бы сіи признаки на Царевичѣ были выдумкою Самозванца, или его приверженцевъ, то по смерти Отрепьева бояре не преминули бы противорѣчить воеводѣ Мнишку, который ссылался именно на сіи примѣты, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ, приведшихъ его въ заблужденіе на счетъ подлинности мнимаго Димитрія. Напротивъ того, увидимъ, что сіе важное обстоятельство оставлено ими безъ всякаго возраженія, и что во всѣхъ манифестахъ, выдаваемыхъ на изобличеніе Самозванца, даже о семъ вовсе умалчивалось.

себѣ что либо важнѣе шушки, впрочемъ весьма непристойной, довольствовались тѣмъ, что смѣялись надъ хваснуномъ и плевали ему въ глаза. Но Ростовскій Митрополипъ Іона, коему сіи рѣчи переданы были, судилъ о нихъ иначе. Онъ спалъ примѣчашъ за поспупками наглаго дьякона и убѣдился, что въ душѣ его кроющся опасные для общаго спокойствія замыслы. Сперва Митрополипъ счелъ долгомъ своимъ предупредить о семъ Папріарха; но Первосвяпитель, коему Григорій нравился, не хотѣлъ вѣрнпъ, чтобы онъ могъ заниматься до такой степени, и въ самой нелѣпости взводимаго на него пресупленія находилъ доказательство неосновательности извѣста. Тогда Іона рѣшился о всѣхъ замѣченныхъ имъ обстоятельствахъ донести самому Царю, который, соображая оныя съ носившимися уже слухами, хотя также не почелъ ихъ дѣломъ, заслуживавшимъ большое вниманіе, однако приказалъ дьяку Смирному Васильеву послать враля дьякона въ Соловецкую пустынь подъ крѣпкое начало. Васильевъ открылся о семъ повелѣніи дьяку же Семену Ефимьеву, который былъ родственникомъ Отрепьевыхъ, и пошому просилъ Васильева не спѣшить исполненіемъ Царской воли, дабы дать Григорію время приготовиться къ дальнему пути. Васильевъ, не воображая, чтобы молодой монахъ могъ быть

важнымъ преступникомъ, не только согласился удовлетворить желанію товарища своего, но даже въ послѣдствіи, среди другихъ заботъ, и совершенно забылъ о данномъ ему приказаніи. Пользуясь его безпечностію, Григорій ушелъ изъ Москвы и укрылся сперва въ монастырь Николы на Хронографъ. Угрешин; но не посмѣлъ оспаться въ столь близкомъ разстояніи отъ столицы, и удалился въ городъ Галичъ, въ Желѣзоборскій монастырь, откуда перешелъ въ Муромъ въ Борисоглѣбскую обитель. Принимавъ такимъ образомъ въ монастыряхъ странствующихъ монаховъ ни сколько противно не было господствующимъ обычаямъ того времени. Къ тому же Григорій болѣе другихъ еще могъ снискивать благосклонность незнакомыхъ ему людей, потому что былъ дѣйствительно краснорѣчивъ и имѣлъ наружность хотя не красивую, но довольно привлекательную. Борисоглѣбскій строитель далъ ему лошадь и спустилъ его обратно въ Москву.

Никоновская
Лѣтопись.

Проходя такимъ образомъ по разнымъ областямъ государства, Опрещевъ могъ убѣдиться въ общей ненависти къ Борису, и тѣмъ болѣе Хронографъ. укрѣпиться въ мысли, отъискивать престола подъ именемъ Царевича. Но разсудивъ, что въ столицѣ оспаваться ему не безопасно, и что только приговорясь исподоволь и дѣйствуя сна-

чала изъ-далека, онъ могъ ожидать успѣха въ дерзновенномъ предпріятіи, пошому рѣшился не-капъ убѣжища въ Польшу, дабы тамъ подъ покровительствомъ всегда непріязненнаго для Рос-сіи правительсва надежнѣе устроишь кобы свои.

25-го Февраля 1602 года, онъ опять выѣхалъ изъ Москвы, въ сопровожденіи подговоренныхъ имъ двухъ Чудовскихъ, князю преданныхъ монаховъ: священника Варлаама Яцкаго и крылошанина Мисаила Повадина. На панятыхъ ими подводахъ они черезъ Болховъ и Карачевъ достигли Новгородъ-

Челобитная
чернеца Вар-
лаама Царю
Василью
Ивановичу и
Никоновская
Лѣтопись.

Сѣверскаго, гдѣ въ Спасскомъ монастырѣ приня-ты были такъ милосливо, что Опрепьева Архи-мандритъ помѣстилъ въ собственной своей кельѣ. Поживя тутъ нѣсколько недѣль, Григорій спалъ просишься у Архимандрита ѣхать съ товарища-ми своими въ Путивль, гдѣ, говорилъ онъ, будто имѣеть сродниковъ. Архимандритъ не только опустилъ ихъ, но даже далъ имъ лошадей и провожащаго. Но не Путивль былъ цѣлю Опрепьева: его намѣреніе было пройти въ Польшу, и для того онъ взялъ еще съ собою Днѣпровскаго Кіевскаго монастыря монаха, Пимена, находившагося случайно въ Новгородъ-Сѣверскомъ, и обѣщавшаго провезти его за границу. По выѣздѣ своемъ изъ города, монахи опогнали онъ себя провожащаго, который хотѣлъ ихъ направити на Путивльскую

дорогу, и вмѣсто того поѣхали по Кіевской. Провожатый, возвратясь къ Архимандриту, донесъ ему объ обманѣ. Негодованіе Архимандрита было велико, но его ожидало еще большее огорченіе. Когда онъ ложился спать, то нашелъ въ изголовьѣ постели своей записку, оставленную тамъ Опрещевымъ, слѣдующаго содержанія: «*Азъ есмь Царевичъ Дмитрій, сынъ Царя Іоанна, и какъ буду на престолѣ на Москвѣ отца своего, и я тебя пошлужу за то, что меня покоилъ у себя съ обители.* Архимандритъ ужаснулся, но недоумѣвая какъ поступить въ столь неожиданномъ случаѣ, рѣшился никому не объявлять объ ономъ.

Между тѣмъ бродящіе монахи не смѣли прямою дорогою ѣхать въ Кіевъ, опасаясь пограничныхъ засавъ, и поворопили сперва на Стародубъ, откуда Пименъ провелъ ихъ лѣсными тропицами за Польскій рубжъ до села Слободки. Продолжая уже безопасно путь свой, черезъ замокъ Лоевъ и городъ Любечъ, они прибыли въ Кіевъ. Печерскій Архимандритъ Елисейъ принялъ ихъ въ свою обитель, гдѣ и прожили они три недѣли, по испеченіи коихъ отправились въ Оспрогъ къ Кіевскому воеводѣ, Князю Константину Оспрожскому, знаменитому поборнику православія Греческой Церкви противъ нововведенной Уніи, копорую Польское правительство силилось распространить въ при-

надлежавшихъ ему Русскихъ областяхъ. Отрепьевъ не смѣлъ открытъ почтенному вельможѣ своихъ тайныхъ замысловъ, и ограничился только просьбою принять его съ товарищами подъ свое покровительство. Набожный Князь не отказался призвать бѣдныхъ монаховъ; дьяконъ Григорій служилъ при немъ на обѣднѣ, и голосъ его понравился ему. Бѣглецы монахи все лѣтпо провели въ Острогѣ, а при наступленіи осени, Князь послалъ ихъ въ Дерманскій монастырь. Но Отрепьевъ не для того бѣжалъ въ Польшу, чтобы тамъ монашествовать. Онъ, покинувъ своихъ товарищей,

Письмо Кн. перешелъ въ городъ Гащу и приспалъ къ Аиасу Василья Острожскаго къ баптистамъ. Тутъ въ первый разъ свергнувъ съ Королю Сигизмунду III. себя иноческій клобукъ, онъ ходилъ въ школу, при-

Рукопись Толлежно занялся наукамн, зашвердилъ довольно хорошо вянскаго.

лежно занялся наукамн, зашвердилъ довольно хорошо испорію, и усовершенствовался въ Польскомъ языкѣ. Онъ даже обучался и по Лапынѣ, но не съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, мирные труды сіи не долго занимали его. Въ бытность его въ Кіевѣ, онъ познакомился съ прѣзжавшими туда Запорожскими Казаками. Жизнь беззаботная и безнравственная ихъ удалой вольницы нравилась ему. Съ другой стороны онъ чувствовалъ, что готовя себя къ важному назначенію, ему непременно нужно пріучиться къ военному ремеслу. И такъ рѣшился, по веснѣ 1603 года, ѣхать къ Запорож-

цамъ, и разбойничалъ съ ними въ шайкѣ стар- Грамота Па-
шины Герасима Евангелика. Военственныя наклон- триарха къ
ности его скоро получили надлежащее развитіе: Архимандри-
онъ выучился мастерски владѣть оружіемъ и сдѣ- ту Сольвыче-
лался опважнымъ наѣзникомъ. годскому и
рукописное
сказаніе еже
содѣяся въ
Москвѣ и о
Разстригѣ.

Однако, не смотря на всѣ усилія его, чтобы сдѣлаться достойнымъ высокаго имени, какое желалъ онъ присвоить, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ пространныя замыслы его ограничились бы смѣхо достойнымъ пустословіемъ, и что онъ ничего важнаго предпринять никогда не былъ бы въ состояніи, если бы не нашелъ себѣ сильной опоры въ Езунтахъ, копорые, къ счастію его и къ несчастью Россіи, узнали о его тайной думѣ, и вознамѣрились воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для исполненія собственныя своихъ видовъ.

Кому не извѣстны духъ любоначалія и ревность къ обращенію въ папешство сего, впрочемъ ученостію и глубокомысліемъ знаменитаго, собравша? Тогда находилось оно въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, и Езуиты вліяніе и происки свои распроспраняли почти на всѣ государства обоихъ земныхъ полушарій. Не спѣняясь правилами строгой нравственности, они для достиженія цели своей избирали средства надежнѣйшія, безъ зазрѣнія прибѣгая, судя по обстоятельствамъ, то къ высочайшей добродѣтели, то къ злѣйшему

преспупленію, по къ достохвальнѣйшему праводушію, по къ гнуснѣйшему ухищренію. Могущество ихъ въ Польшѣ сдѣлалось неограниченнымъ со вспупленіемъ на престолъ Шведскаго Королевича Сигизмунда III-го, Государя пренеполненнаго ханжества. Слѣдствія слѣпаго довѣрія Короля къ нимъ оказались пагубными для Малороссіи.

Болѣе двухъ столѣтій полуденная Россія находилась подъ державою Государей Липовскихъ или Польскихъ; но Русскіе жишели оной и подъ чужимъ ярмомъ сохраняли свою народность, управлялись своими соотчичами, судились своими законами и на собственномъ языкѣ, и что всего важнѣе, безвозбранно исповѣдывали православіе. Когда совершилось конечное соединеніе Липвы съ Польшею, при Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, Русская земля и княженіе Кіевское были отдѣлены отъ Липвы и присовокуплены къ Польшѣ. При семъ случаѣ прежнія права Русскихъ были подтверждены данною Королемъ привилегіею, въ коей, повторяя слова прежнихъ привилегій, *что Русскіе присоединяются къ Полякамъ, какъ равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ*, торжественно обѣщалось сохраненіе равенства между Церквами Римскою и Греческою, и одинакое производство въ Сенаторскія и прочія достоинства людямъ обонхъ исповѣданій. Самъ Сигизмундъ III-й при

восшествіи своемъ на престолъ не смѣлъ опешупить опъ прежнихъ правилъ, и въ 1588 году на сеймѣ коронаціи подтвердилъ всѣ старинныя права православнаго Русскаго духовенства. Но Езуиты, успѣвшіе овладѣть умомъ сего Государя, не долго дозволили ему оспаваться при сей благоразумной вѣрошеришности. По несчастью они нашли сообщниковъ въ самыхъ главнѣйшихъ сановникахъ Малороссійской церкви. Прельщенные обѣщаніями милостей Королевскихъ, Епископы: Луц- Исторія Рус-
соевъ.
кій, Владимірскій, Хельмскій и Пинскій, Архієпископъ Полоцкій и самъ Митрополитъ Кіевскій Михайло Рагоза, уговорились между собою присоединиться къ Римской Церкви на правилахъ давно забытаго Флорентійскаго собора, и опирали въ Римъ съ покорностію своею Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго. Чрезмѣрно обрадованный Папа Климентъ VIII-й милосливо принялъ ихъ, и обѣщаль исходатайствовать у Короля право засѣдать въ Польскомъ Сенатѣ всѣмъ Епископамъ, которые согласятся опешать опъ православія и признашь его власть. Но опешупники-священники много ошиблись, если полагали, что не трудно имъ будетъ совратить съ пути истины едновѣрцевъ своихъ. Предлагаемая ими *Унія* (такъ называется соединеніе Греческой церкви съ Римскою) была принята съ омерзениемъ какъ духовен-

ствомъ, такъ и мірянами. Въ особенності, возстали прошивъ нея: Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій, Михайло Копыспенскій, Епископъ Премышльскій и Князь Константинъ Острожскій, Воевода Кіевскій. Напрасно клятвобпреступный Мипрополипъ надѣялся на созванномъ имъ въ Брестъ соборъ, подъ надзоромъ Польскихъ Пословъ, склонить или принудить всѣ Малороссійскія Епархіи къ принятію Уніи: вѣрные сыны Церкви не поколебались. Епископъ Львовскій доказалъ, что Унія принимала безусловно всѣ догматы Римскіе, оставляя только одни обряды Греческіе, для обмана простодушныхъ. Соборъ раздѣлился на два, предающихъ проклятію одинъ другаго. Но не смотря на явное покровительство Польскаго сейма, къ сторонѣ приверженцевъ Уніи пристало весьма мало людей. Напротивъ того, православіе удержало при себѣ несравненно большее число какъ духовныхъ, такъ и вельможъ и простыхъ мірянъ. Тогда Сигизмундъ, разгнѣванный неудачею и подстрекаемый Езуитами, рѣшился прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ. По повелѣнію его отнимали у православныхъ храмы ихъ и отдавали уніятамъ, насильно выгоняли народъ на уніятское богослуженіе, и во время онаго Польскіе Жолнеры, съ обнаженными саблями, вынуждали православныхъ при чтеніи Символа вѣры гро-

могласно произноситъ Римское прибавленіе исхожденіе Духа Святаго: *и отъ Сына*. Наконецъ перпѣніе Малороссіянь истощилось. Тамошніе Казаки принялись за оружіе подъ знаменами избраннаго ими Гешмана Наливайки. Сначала дѣйствія его ознаменованы были важными успѣхами; но наконецъ Коронный напоольный Гешманъ Жолкъвскій разбилъ Казаковъ совершенно. Самъ Наливайко былъ взятъ въ плѣнъ и въ Варшавѣ живой сожженъ въ мѣдномъ быкѣ. По смерти сего мученика православія Поляки съ люпоспїю торжествовали надъ несчастною Малороссїєю. На сеймѣ 1597 года, народъ Русскій объявленъ *отступнымъ, стѣроломнымъ, бунтливымъ*. Старинныя права его всѣ были уничтожены. Православное шляхетство оплучили опъ всѣхъ должностей военныхъ и судебныхныхъ, и назвали холопами. Также опобрали опъ православныхъ староспва и ранговыя имѣнїя ихъ. Малороссїя наводнилась Польскими воинами, копорые подъ предлогомъ поданїя нужной помощи унїапамъ, свободно безчинствовали. Одно корысплюбїе оставило еще нѣсколько храмовъ для Греческаго исповѣданїя. Они были опданы на опкупъ Жидамъ, копорые только за деньги позволяли православнымъ исправлять пребы свои, и брали съ нихъ опъ одного до пяпи талеровъ за каждое служенїе, и опъ одного до пяпи злотовъ за кре-

щеніе и похороны. Впрочемъ гоненія сіи не ослабили твердости вѣры простаго народа, который по большей части не измѣнилъ своему долгу. Но честолюбивое шляхетство показало болѣе малодушія. Дабы не преграждать себѣ пути къ полученію старослѣвъ и высшихъ государственныхъ достоинствъ, господа рѣшились принять не только Унію; но даже и самую Римскую вѣру. Не согласуясь съ соотечественниками своими въ спавшійся столь важной, какова есть религія, имъ неминуемо предстояло уже совершенно опочуждиться отъ родины, что они и исполнили, замѣнивъ въ обществѣ своемъ Русской языкъ Польскимъ. Такимъ образомъ коренные Русскіе вельможи, изъ коихъ многіе происходили отъ племени Рюрика, къ стыду своему, содѣлались настоящими Поляками, и способствовали имъ въ угнѣщеніи своихъ единокровныхъ.

Езуиты не одну Малороссію готовились одарить своимъ лжевѣріемъ. Они хорошо чувствовали, что нельзя было Восточной Церкви нанести сильнѣйшаго удара, какъ оппорженіемъ отъ нея Великороссійскихъ епархій. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ помышленія ихъ были устремлены на сей предметъ, и одно время они питались надеждою успѣть въ семъ важномъ предпріятіи. Въ 1581 году Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая окончанія па-

губной для него войны съ Стефаномъ Бапориємъ, Королемъ Польскимъ, прибѣгнувъ къ посредничеству Папы Григорія XIII-го, копорый послалъ Езуита Антонія Поссевина, для примиренія воюющихъ Государей. Поссевинъ возмечпалъ, что можеть воспользоваться симъ случаемъ для присоединенія Россіи къ Римской Церкви. Къ живѣйшему удовольствію его, намеки его на сей счетъ были принимаемы Иоанномъ безъ гнѣва, и даже съ нѣкопорымъ доброхотствомъ. Но Грозный Царь перехитрилъ самаго лукаваго Езуита. Пока имѣлъ нужду въ Поссевинѣ, то Иоаниъ оказывалъ податливостъ къ его ученію; но когда, опгъ-часпи спараніями его, миръ подписанъ былъ между Россією и Польшею, то Царь съ презрѣніемъ опвергнулъ дальнѣйшія домогательства его о вѣрѣ. Оскорбленные Езуиты выжидали съ нетерпѣніемъ удобнаго времени для возобновленія спараній своихъ съ лучшимъ успѣхомъ. Когда же они извѣстились о замыслахъ мнимаго Димитрія, то съ свойственною имъ смѣливостію, исчисливъ всѣ выгоды, копорыя изъ оныхъ извлечь могли, вознамѣрились всѣми силами помогать ему. Самое самозванство его было для нихъ полезнымъ обстоятельствомъ. Имѣвъ дѣло съ природнымъ Русскимъ Царевичемъ, не такъ бы легко было имъ уговорить его пожертвоватъ правовѣріемъ въ уваженіи обѣщанныхъ

ими пособій; но нельзя было ожидать такой совѣспливости опъ щеславнаго бродяги, уже покушавшагося на злое дѣло.

Всѣ свѣденія, получаемаыя Езуитами изъ Россіи, согласовались въ томъ, что Государство находилось въ большомъ волненіи опъ прешерпѣнныхъ бѣдспвій, и что множество людей изъ ненависти къ Царю Борису ожидали только удобнаго случая къ возспанію пропивъ него. Имѣя въ виду не упускашь споль благопріятныхъ обспоятельствъ, Езуиты положили приступить къ дѣлу безъ дальнѣйшаго оплагательства. Бѣрояпно по наущенію ихъ, Опрепьевъ вошелъ въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому, вельможѣ знашному, но слабоумному и легковѣрному. Въ бышность его у Князя въ домѣ, въ Брагинѣ, онъ пришворился опасно больнымъ, и призвавъ духовника, сказалъ ему:

по смерти моей погреби меня честно, яко же Царскихъ дѣтей погребаютъ; а сея тебѣ тайны не скажу, а есть тому всему у меня письмо вскрыть подъ моею постелею, и какъ отыду къ Богу, и ты сіе письмо возьми и протти его себѣ втайнѣ, николю же о томъ не возвѣсти. Богъ уже мнѣ такъ судилъ. Священникъ немедленно передалъ слова сіи Князю, копорый самъ пришелъ къ слугѣ своему, и не смотря на пришворное сопротивленіе его, вынулъ изъ-подъ постели положен-

Никоновская
Лѣтопись.

ную Отрепьевымъ бумагу, въ коей онъ, называя себя Царевичемъ Димитріемъ, рассказывалъ неслепленную имъ басню о спасеніи своемъ въ Угличѣ, гдѣ стараніемъ жившаго при немъ иностраннаго медика, по имени Симеона, убитъ вмѣсто его, равесникъ его, мальчикъ поповскій сынъ, какъ будто цѣлый городъ Угличъ, гдѣ всѣ хорошо знали Царевича, могъ бытъ приведенъ въ заблужденіе въ отношеніи къ шѣлу, четыре дня лежавшему въ церкви, куда допускали всякаго званія людей! Далѣе Отрепьевъ утверждалъ, что медикъ, скрывъ его, отдалъ на воспитаніе боярскому сыну, котораго не называлъ и который присовѣщивалъ ему искать убѣжища между иноками, а что потомъ его выпроводили въ Польшу нѣкоторые вѣрные бояре и дѣяки Щелкаловы. Вишневецкій слѣпо повѣрилъ нескладной бреднѣ. Тогда Отрепьевъ, какъ будто убѣжденный въ невозможности долѣе скрывать свое происхожденіе, показалъ Князю носимый имъ на груди золотой крестъ, драгоценными камнями украшенный, который, какъ увѣрялъ, былъ данъ ему опцемъ его крестнымъ, Княземъ Иваномъ Федоровичемъ Мстиславскимъ. Крестъ сей, вѣроятно гдѣ либо украденный или полученный отъ Езуитовъ, довершилъ ослѣпленіе Вишневецкаго, который спалъ честить прежняго слугу своего, какъ истиннаго Царевича.

Выписка изъ
Архива Ино-
странныхъ
дѣлъ.

Рукопись Го-
вянскаго.

Князь Адамъ познакомилъ его съ брапомъ своимъ роднымъ, Княземъ Констанциномъ, который зазвалъ его въ имѣніе свое Жалосць. Туда же явился первый лжесвидѣтель подлинности Царевича: то былъ слуга сына Боярскаго Михнова, и назывался Пепрушсю. Въ 1601 году, Михновъ опѣвжая въ Вильну при посольствѣ боярина Салпыкова, взялъ его съ собою; но онъ обокравъ его, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ домѣ Канцлера Липовскаго, Льва Сапѣги, гдѣ исправлялъ самыя низкія должности, называя себя Юрьемъ Пепровскимъ. Сей негодяй увѣрялъ, что служба прежде въ Угличѣ, (гдѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не бывалъ), знаетъ хорошо Царевича и просилъ, чтобы ему показали его. Когда же исполнили желаніе его, то онъ указавъ на одинакія примѣты, которыя Опрепьева имѣлъ съ Царевичемъ, объявилъ, что видитъ въ немъ истиннаго Димитрія.

Дѣла Польскія въ Архивѣ.

Такого же рода смѣходостойное представленіе говорилось еще въ другомъ мѣстѣ. Князь Констанцинъ повезъ Опрепьева въ Самборъ, къ пещю своему, Юрію Мнишку, Воеводѣ Сендомирскому, между холопами коего находился слуга, взятый Русскими подъ Псковомъ, и жившій нѣскольکو лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ. Сей человекъ увѣрялъ, что видалъ тогда Царевича въ младенчествѣ, и что онъ точно походилъ на того, который те-

перъ назывался его именемъ. Какъ будто можно было распознать черты двухъ или трехъ-лѣтняго ребенка, на лицѣ юноши двадцати одного года?

Не смотря на нелѣпость сихъ свидѣтельствъ, данныхъ впрочемъ лицами ни малѣйшаго вѣроятія ие заслуживающими, Князь Константинъ Вишневецкій и Юрій Мнишекъ не устыдились выдавать ихъ за несомнѣнныя доказательства подлинности мнимаго Димитрія. Въ особенности старецъ Мнишекъ горячо заступался за самозванца, будучи привлеченъ къ нему ожиданіемъ важныхъ выгодъ и почестей для собственнаго семейства своего. У него была дочь Марина, юная, прелестная дѣвица. Отрепьевъ, или дѣйствительно влюбился въ нее, или почелъ нужнымъ показываться спраснымъ, дабы привязать къ судьбѣ своей одну изъ знатнѣйшихъ Польскихъ фамилій. Мнишекъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ мечталъ о возможности видѣть дочь свою на Московскомъ престолѣ, а Марина, не менѣе отца своего преданная гордости и честолюбію, старалась также выказывать склонность къ мнимому Димитрію.

Между тѣмъ Езуиты ревностно дѣйствовали въ пользу Отрепьева, въ Краковѣ при дворѣ послушника своего, Короля Сигизмунда. Первымъ стараніемъ ихъ было доставить Самозванцу покровительство Папскаго Нуиція Рангони, кошо-

Alessandro Cilli Historie di Moscovia.

рый сначала хотя и показывалъ видъ, что не желаетъ мѣшаться въ такое темное дѣло, но наконецъ будно убѣжденный сильными доводами, рѣшился принять участіе въ несчастномъ жребіи царспивсннаго изгнанника. Тогда Езуиты спали за одно съ Нунціемъ внушаютъ Королю, сколь славно, выгодно и даже душеспасительно будетъ для него видѣть на Московскомъ престолѣ Государя, который, обязанный ему своимъ величіемъ, доставитъ Польшѣ прочный союзъ съ Россіею и который, оказывая готовность къ принятію Римской вѣры, подастъ великую надежду къ обращенію въ папешство многочисленныхъ подданныхъ своихъ. Сигизмундъ, съ свойственнымъ узкоумію упрямствомъ, не преставалъ преклонять ухо, къ совѣтамъ Езуитовъ, хотя шаковые уже споиали ему наследственнаго его государства, Швеціи, которая, встрѣвоженная имъ по предмету исповѣдываемой ею Люперанской вѣры, опложилаь отъ него и признала Королемъ своимъ дядю его роднаго Карла IX-го. Король Польскій позволилъ увѣрить себя, что воцареніе мнимаго Димитрія подастъ ему способъ общими силами Польши и Россіи снова возложить на главу свою упраченный вѣнецъ Вазы. Подъ вліяніемъ сихъ лестныхъ мечтаній, Сигизмундъ приказалъ Мишку и Вишневецкому предспавить предъ себя Самозванца.

Въ началѣ 1604 года, Опреспевъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ Нунцій посѣпивъ его, объявилъ ему, что если желаетъ Королевской помощи въ опысканіи справедливыхъ правъ своихъ, то предварительно долженъ опречься отъ Греческой вѣры, принять Римскую и вручить себя покровительству Папскаго престола. Самозванецъ съ умиленіемъ обѣщавъ все сіе исполнить, что чрезъ нѣсколько дней въ домѣ у Нунція не только подтвердилъ на словахъ въ присутствіи многихъ знатныхъ особъ, но даже далъ въ томъ письменное обязательство. Послѣ сего, Рангони угощавъ его пышнымъ обѣдомъ, по окончаніи коего отвезъ къ Королю на аудіенцію. Сигизмундъ принялъ Лжедимитрія стоя опершись на столикъ, и съ обыкновенною своею величавостію подалъ ему руку. Опреспевъ, поцѣловавъ оную, рассказалъ ему вымышленную исторію свою и просилъ у него защиты и помощи. Тогда Коронный Оберъ-Камергеръ далъ знакъ ему и всѣмъ присутствующимъ на аудіенціи выйти въ другую комнату. Только Нунцій остался наединѣ съ Королемъ, который совѣтовался съ нимъ, какъ отвѣчать. Потомъ снова призвали Самозванца. Сей вошелъ съ смиреннымъ видомъ, и положивъ руку на сердце болѣе вздохами, чѣмъ словами старался снискать королевскую милость. Сигизмундъ съ веселымъ видомъ приподнявъ шляпу, сказалъ ему:

Да спасетъ васъ Богъ, Дмитрій Князь Московскій! мы признаемъ васъ въ семъ высокомъ званіи, убѣжда-
ясь встѣмъ слышаннымъ нами и представленными
намъ письменными доводами, и въ знакъ нашего доб-
рожелательства назначаемъ вамъ на ваши потребности
ежегодно 40,000 злотыхъ (тоже нынѣшнихъ се-
ребряныхъ рублей); кромѣ того, какъ пріятелю,
принятому подъ наше покровительство позволяемъ
вамъ сношаться съ панамы нашими и получать отъ
нихъ все вспоможеніе и заступленіе, какое только мо-
жете желать. Смущенный радостію, Отрепьевъ
не нашелъ словъ, чѣмъ выразить свою призна-
тельность. Нунцій за него благодарилъ Короля, и
оправезъ его обратно въ домъ къ Сендомирскому
Воеводѣ, гдѣ обнимая его совѣщивалъ ему при-
няться за дѣло какъ можно скорѣе, и въ особен-
ности напоминалъ ему, что изъ благодарности
за оказанныя ему милости, онъ долженъ спѣшить
принять Римскую вѣру и водворить какъ оную,
иначе и Езуитовъ не только въ Государствѣ сво-
емъ, но даже сколь возможно будетъ въ дальнѣй-
шихъ странахъ Воспока.

Такимъ образомъ совершилось публичное при-
знаніе Самозванца за истиннаго Царевича при дво-
рѣ Польскомъ; событіе важное для наглаго бро-
даги, ибо подавало ему нежданная средства къ
достиженію своихъ до полъ несбыточныхъ пред-

начертаній. Въ пылу своей признапельности къ Езуитамъ, онъ рѣшился безъ дальнѣйшаго опла- Annæ Litteræ Societatis Je- vii, an. 1604. гашельства приняпъ ихъ вѣру; но условились не оглашать сего до удобнѣйшаго случая, дабы преждевременно не вооружить пропивъ него Русскаго народа, свяпо привязаннаго къ старинному исповѣдованію своему. Опреньевъ, закрывая лицо, и переодѣвшись въ нищенское платье, пришелъ въ сопровожденіи одного Польскаго вельможи въ домъ Краковскихъ Езуитовъ. Тамъ онъ опрехался опъ Восточной Церкви, исповѣдывался Езуиту и принялъ причаспие изъ рукъ Папскаго Нунція, копорый также совершилъ надъ нимъ муропомазаніе. Потомъ Самозванецъ, не преспавая слѣдовать совѣтамъ Нунція, собственноручнымъ письмомъ Гревенбрухъ. просилъ покровительства Папы Климента VIII, копорый не замедлилъ ему отвѣчать весьма милоспиво.

Король Сигизмундъ хотя на публичной аудіенціи и не обѣщаль разспригъ самъ помогать ему силою оружія, но подспрекаемый Езуитами, онъ питаль тайное желаніе приняпъ дѣятельное участіе въ замышляемомъ Опреньевымъ походѣ пропивъ Бориса. Къ исполненію сего предспавлялись большія препятствія. Государь Польскій, не будучи самодержавнымъ, не могъ безъ одобренія народнаго сейма опкрыпъ войну съ сосѣдомъ, не

подавшимъ къ тому важнаго повода. Съ другой стороны Сигизмундъ опасался, что сеймъ не согласится на разорваніе недавно заключеннаго двадцатипятилѣтняго перемирія съ Россіею, и не захочетъ возстановить пропивъ Польши новаго сильнаго врага, когда Поляки не могли еще управиться со Шведами, сильвшимся опять у нихъ Лифляндію. Въ сихъ обстоятельствахъ Король вознамѣрился попытаться убѣдить главнѣйшихъ вельможъ своихъ въ томъ, что важныя государственныя причины не дозволяютъ предложить на разрѣшеніе сейма восвать или нѣтъ съ Россіею, и что несомнѣныя выгоды Республики Польской, требуютъ выступить немедленно въ походъ пропивъ Царя Бориса.

Знаменитѣйшимъ вельможею въ Польшѣ былъ **Щецевичъ**. тогда спарець Замоискій, Канцлеръ и великій Гепиманъ Коронный: Король написалъ ему, что если Республика доставитъ царскій вѣнецъ Димитрію, то найдетъ въ немъ надежнаго союзника, на случай войны съ Турками; что съ другой стороны представится возможность не только очистить Лифляндію, но даже возстановить власнѣ Королевскую въ Швеціи, потому что тѣ же войска, которыя будутъ употреблены для провожденія Димитрія до Москвы, могутъ быть отсюда устремлены на Лифляндію и Финляндію;

что кроме того откроется для Польши обширный торгъ не только съ Россіею, но чрезъ нее и съ Грузіею и Персіею, и что во всякомъ случаѣ нельзя было доставить лучшей рыцарской забавы пылкой, непокойной молодежи Польской. Впрочемъ, Сигизмундъ изъявлялъ желаніе, чтобы совѣщанія о великомъ дѣлѣ семь производились въ тайнѣ, между Замоискимъ и Архіепископомъ Гнѣзнимскимъ Тарновскимъ, безъ доклада сейму, потому что слишкомъ часто на сихъ народныхъ съѣздахъ выгоднѣйшія для рѣчи Посполитой предложенія бывали отвергнуты единственно по недоброжелательству частныхъ лицъ, и что такъ какъ прѣнія на сеймѣ не могутъ быть производимы безъ огласки, то Царь Борисъ будетъ предупрежденъ о замыслахъ противъ него дѣлѣ и такимъ образомъ получитъ возможность, сильно приготовившись къ борьбѣ призваніемъ на помощь къ себѣ Татаръ и другихъ варварскихъ народовъ. Сигизмундъ худо зналъ Замоискаго, если надѣялся оказываемою ему довѣренностію выманить у него одобреніе своихъ замысловъ. Старый поборникъ Шляхетскихъ вольностей не измѣнилъ своимъ правиламъ. Онъ отвѣчалъ Королю, что не совѣдуетъ ему вступать въ неиадежный бой, и что во всякомъ случаѣ нельзя ничего предпринять безъ соизволенія сейма пѣмъ паце, что если дѣйстви-

пельно дойдеть до войны съ Россією, то усилія ограниченныя и скороспѣшныя окажутся недостапчаными, а должно будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, соопвѣтствующимъ важности цѣли, и выставить въ поле огромное войско.

Другіе вельможи Польскіе, и между прочими Напольный Коронный Гепманъ Жолкѣвскій и Князь Василій Конспанпиновичъ Острожскій были одного мнѣнія съ Замоискимъ. Всѣ они представляли Королю, что имѣя уже дѣло со Шведами неосмопршельно было бы вдаваться безъ всякой нужды въ новую войну.

Езуишы видя неудачу съ сей стороны, спали тогда внушать Сигизмунду, что если вельможи не хопяпть ошкрыто восвать противъ Бориса, то можно будетъ изъ-подъ руки вредить ему, и что Король имѣлъ на сіе все право, потому что самъ Борисъ дѣйствоваль не иначе. Въ доказа-
Нарушевичъ. пельство тому представляли, что не смопря на существующее перемиріе Царь пропустилъ черезъ Ингрію Шведскія войска, посланныя Карломъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, и что кромѣ того Русскіе градоначальники во Псковѣ и другихъ мѣстахъ имѣли приказаніе снабжать Шведовъ нужными для нихъ жизненными припасами. Не прудно было склонить Сигизмунда на опплату Царю тою же монетою. Король рѣшился, не оглашая

дѣйствія правительсва, воспользовавшись оказываемою охотою къ войнѣ нѣкоторыхъ Пановъ Липовскихъ и многихъ Жолнеровъ, остававшихся на Украинѣ безъ службы, для составленія рапи изъ вольницы, которую сначала намѣрswался подчинить Князю Збаражскому, воеводѣ Брацлавскому. Но такъ какъ Князь сей не скрывалъ убѣжденія своего въ томъ, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ, то Король поручилъ все дѣло Мнишку, позволивъ ему употребить на оное доходы Сендомирскаго воеводства. Тогда Мнишкъ Карамзинъ. отвезъ обратно разстригу въ Самборъ, гдѣ такъ какъ и въ окрестностяхъ Львова, начинались уже наборы войска для похода въ Россію.

По возвращеніи своемъ въ Самборъ, Отрепьевъ спалъ открыто домогаться руки Марины. Предложенія его были приняты съ восторгомъ; однако гордый вельможа не намѣренъ былъ жертвовать дочерью своею на удачу. Свадьба была отложена до утвержденія Лжедимитрія на Московскомъ престолѣ, но между тѣмъ воевода Сендомирскій взялъ съ него запись, ¹⁵/₂₃-го Мая собственною рукою его подписанную, по силѣ коей Самозванецъ съ щедростію, свойственною чловѣку, располагающему чужимъ добромъ, обѣщался потчасъ послѣ своего воцаренія жениться на Маринѣ, и заплатитъ отцу ея Мнишку 1,000,000

злыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), кромѣ того онъ обязывался опдѣлить въ удѣлъ будущей супругѣ своей Государства Новгородское и Псковское, съ свободою вводить въ оныя исповѣдуемую ею Римскую вѣру, которую и самъ признавалъ за свою съ увѣреніемъ, что ничего не упустишь для водворенія оной и во всей Россіи.

Но Мнишекъ не довольствовался устройствомъ участи своей дочери. Встрѣчая неожиданную подавливость въ нарѣченномъ зятѣ своемъ, онъ, нѣсколько дней спустя, выманилъ у него, уже собственно въ пользу свою и въ пользу Государства Польскаго, новыя уступки, весьма разорительныя для Россіи. Второю записью, писанною также въ Самборѣ, $\frac{2}{12}$ -го Іюня, Самозванецъ опдавалъ будущему шестю своему Княжество Сѣверское и половину Смоленскаго съ городомъ, а другую половину Смоленскаго Княжества (вѣроятно лежащую по правой сторонѣ Днѣпра) и шесть городовъ изъ Сѣверскаго уступалъ Польшѣ. Кромѣ того Самозванецъ обѣщался еще по вступленіи своемъ на престолъ, придать Мнишку столько городовъ и земель изъ прилегающихъ къ Смоленскому Княжеству областей, сколько нужно будетъ для вознагражденія за убавленіе въ доходахъ Княжествъ Сѣверскаго и Смоленскаго, произшедшихъ отъ дѣлаемыхъ Польшѣ уступокъ. Исполненіе сихъ су-

мазбродныхъ обязапельствъ вовлекло бы Россію въ такія пожерпивованія, къ копорымъ самая несчастная война едва ли могла бы ее вынудить *.

Мнишекъ, разлакомленнѣй выговоренною нмъ богапою наградою, хопя и не щадилъ нмѣнія своего, однако собирающаяся подъ знаменами его шляхта не соспавляла довольно значительнаго войска, чшобы съ одною сею помощію самозванецъ могъ поколебать пресполъ Бориса. Главнѣйшія надежды его въ семъ предпріятіи основывались на сподвижникахъ, коихъ ожидалъ найши въ нѣдрахъ самой Россіи. Но и въ семъ случаѣ, Поляки много благопріятствовали ему. Пограничные Польскіе начальники всемѣрно старались разсѣ- Дѣла Польскія и Нѣмцевичъ. вать по Сѣверской землѣ подметныя письма разсприги, въ коихъ онъ, объявляя себя Царевичемъ Димитріемъ, призывалъ народъ къ возспанію прошивъ Бориса. Въ особенноти такимъ образомъ ревностно дѣйствовалъ въ его пользу Михайло Рапомскій, староста Осперскій, который не только мупилъ жипелей Чернигова и окрестностей, но еще послалъ шляхтича Щасшнаго Свирскаго къ Донскимъ Козакамъ, коихъ наклонность къ самозванцу была уже извѣстна.

• Донскіе Козаки не соспавляли еще сего строй-

---

* Смотри Приложение № V и № VI.

наго и воинственнаго общества, въ наши времена столь усердно и храбро подвизавшагося за Россію. Тогда они только были сволочью людей безпріютныхъ, ненавидящихъ всякую подчиненность и однимъ удальствомъ подобившихся знаменнымъ потомкамъ своимъ. Промышляя единственно разбоємъ, они много вредили Россійской торговлѣ съ Грузіею и Персіею, и даже самовольными нападеніями своими на Турецкія владѣнія весьма затрудняли мирныя сношенія, которыя Россійское правительство желало сохранить съ Порпою. Царь Борисъ, разгнѣванный ихъ неисповствами, принялся укрощать ихъ, и пѣмъ ожесточилъ ихъ противъ себя. Они явно опказались опъ всякаго повиновенія и съ радостію встрѣтили пронесшуюся между ими молву, что Царевичъ Димитрій находится въ живыхъ. Дерзость ихъ возрасла до такой степени, что еще въ Январѣ 1604 года они осмѣлились напасть на Околыничаго Степана Степановича Годунова, проюроднаго брата Царя, посланнаго съ порученіемъ въ Астрахань. Козаки разбили провожавшій его конвой; Годуновъ самъ едва успѣлъ спасшсь бѣгствомъ. Многіе изъ его людей были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ Козаки послали къ Царю съ вѣстію, что они скоро придуть въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Въ сихъ обспояпельствахъ весьма естсствен-
но, что шляхпичь Свирскій получилъ добрый
пріемъ опъ Козаковъ. Они приговорили отпра-
вить пошчасъ въ Польшу къ Лжедимитрію
апамановъ своихъ Андрея Корелу и Михайлу Нѣ-
жакожа. Сіи посланные заспали еще Самозванца Архивскія
бумаги.
въ Краковъ, и видѣвъ, что при самомъ Королев-
скомъ дворѣ онъ принимается за истиннаго Ца-
ревича, не усумнились признать его за своего за-
коннаго Государя. Возвратившись же на Донъ, они
убѣдили товарищей своихъ гошовишья къ похо-
ду за Димитрія.

Уже нѣкопорые изъ Русскихъ бѣглецовъ, въ
Польшѣ находящихся, пристали къ Самозванцу и
образовали первую его дружину Рускую, которая
была ему весьма нужна, дабы отвратитъ опъ
себя нарѣканіе, что онъ съ одними иноплеменны-
ми силами намѣревается вступитъ въ Россію. Но
дружина сія была не многочисленна, и старанія
разсприги, чтобы умножитъ ряды оной не всегда
были успѣшны. Многіе изъ Русскихъ выходцевъ,
гнушаясь обманомъ, не хотѣли принять учаспія
въ зломъ дѣлѣ. Между сими опличился въ особен-
ности сынъ боярской Яковъ Пыхачевъ и старый
разспригинъ товарищъ монахъ Варлаамъ Яцкій,
которые прибыли въ Краковъ для изобличенія
Самозванца передъ Польскими вельможами. Но на- Челобитная
Варлаама.

прасно Варлаамъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій еспь монахъ Григорій Отрепьевъ, съ коимъ вмѣстѣ онъ самъ бѣжалъ изъ Москвы въ Кіевъ. Король не хотѣлъ слушать испины, прошивной его желаніямъ, и приказалъ отправить обоихъ обвинителей къ Самозванцу въ Самборъ. Тамъ Варлаама заключили въ пемницу, какъ непочтительнаго клеветника, а Пыхачева казнили подъ предлогомъ, что онъ подосланъ Борисомъ для умерщвленія Царевича.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ опаснаго свидѣтельства, разсприга не менѣ того весьма тревожился мыслію, что настоящее имя его содѣлалось извѣстнымъ. Для отвращенія худыхъ для него слѣдствій, могущихъ произойти отъ сего открытія, онъ прибѣгнулъ къ новому обману. При немъ находился вышедшій изъ Крыпецкаго Монастыря безродный монахъ Леонидъ, человекъ пьяный, но весьма преданный Самозванцу, который велѣлъ ему называться Григоріемъ Отрепьевымъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся отвести отъ себя подозрѣніе, что самъ онъ былъ симъ Отрепьевымъ.

Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и разстригѣ и Морозовская летопись.

Не возможно, чтобы Царь Борисъ скоро не извѣстился о дерзкихъ проискахъ Самозванца, какъ въ Россіи такъ и въ Польшѣ. Въ первомъ смущеніи своемъ, онъ началъ самъ нѣсколько сомнѣваться

въ убіеніи истиннаго Димитрія. Мать Димитріе-
ву, Царицу Марѳу, привезли въ Дѣвичій монашърь Показанія
Хрущева.
подъ Москвою; Царь ѣздилъ къ ней съ Папріар-
хомъ, допрашивалъ ее, дѣлалъ по всюду точнѣй-
шіе розыски, и убѣдился, что несчастная жерт-
ва его властолюбія дѣйствительно пала за при-
даны лишь предъ шѣмъ подѣ нанесенными ей въ
Угличѣ ударами. Между шѣмъ посланные въ Поль-
шу лазутчики донесли, что опиважный обман-
щикъ, дерзнувшій принять на себя имя Царевича,
былъ ни кто иной, какъ Чудовскій дьяконъ
Григорій Отрепьевъ, который избѣжалъ ссылки
въ Соловецкій монашърь, единственно по небре-
женію дьяка Смирнаго, не исполнившаго Царскаго
о немъ указа. Борисъ не хотѣлъ однако наказатъ
дьяка за сіе ослушаніе, дабы не придасть важно-
сти случаю, который спарался еще представ-
лять ничтожнымъ. Но злоба Царская противъ
вѣрнаго чиновника не угасала. Съ лицемѣріемъ,
противнымъ достоинству Государя, не смѣя ка- Никоновская
Лѣтопись.
ратъ его за настоящее пресупленіе, онъ спалъ
подыскиваться подѣ него. Смирнаго, обвиненнаго
въ расхищеніи дворцовой казны, засѣкли до смерти.

Положеніе Бориса было затруднительно. Если
благоразуміе предписывало готовиться къ отвра-
щенію угрожающей опасности, то съ другой сто-
роны также полезнымъ казалось не выказывать

никакого безпокойства, дабы не возвысится въ глазахъ впревоженнаго народа соперника, когото дошолъ можно было еще полагать доспойнымъ одного презрѣнія. Въ семъ недоумѣніи, Царь рѣшился ограничиться мѣрами двулчными. Хопя зараза въ Смоленскомъ уѣздѣ слабѣла, но учрежденныя между Москвою и Смоленскомъ засѣавы, были протянуты до Брянска, дабы затруднить сообщенія съ Ливвою. Кроме того Царь приказалъ Окольничимъ Пестру Щереметьеву и Михайлѣ Салпыкову собрать войско подъ Ливнами, подъ предлогомъ полученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ нападеніи Татаръ на Русскіе предѣлы. Выборъ Ливенъ для сборнаго мѣста войска былъ дѣйствительно удаченъ, ибо опшуда легко было обратиться оное или на Донъ противъ Козаковъ, или къ Днѣпру противъ Польши.

Но Царь еще надѣялся, не обнажая меча одною силою истины побѣдитъ разспригу, разувѣривъ его приверженцевъ. Для сего онъ опправилъ къ Донскимъ Козакамъ дворянина Хрущева, а боярамъ своимъ приказалъ послашь къ Польскимъ вельможамъ разспригина дядю роднаго, Смирнаго Ошрепьева, для изобличенія племянника въ при-

Дѣла Польскія и показанія Хрущева.

сущствіи нхъ. Посылки сіи не имѣли и не могли имѣть успѣха, пошому что ополчающіеся на Россію злодѣи искали не истины, а одной собспвен-

ной выгоды. Польскіе вельможи не хотѣли показати Смирному Опрепьеву Самозванца, опъзываясь, что имъ до него не было ни какого дѣла и что они ему ни въ чемъ помогати не намѣрены. Хрущева порученіе кончилось еще хуже. Козаки схватили его и окованнаго опправили къ Самозванцу. Успрашенный Хрущевъ измѣнилъ своему долгу. Представленный Лжедимитрію, онъ повергся къ стопамъ его увѣряя, что по сходству его съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ узнаетъ въ немъ истиннаго Государя своего. Разсприга съ любопытствомъ спрашивалъ его о расположеніи умовъ въ Россіи и о намѣреніяхъ Царя Бориса. Хрущевъ въ опвѣтахъ своихъ старался единственно угодити Самозванцу, и говорилъ много долженствующихъ ему нравиться небылицъ.

Король Сигизмундъ, самъ не смѣя воевати прошивъ Царя Бориса, не менѣе того возбуждалъ прошивъ него новыхъ враговъ. Посылая въ Крымъ гонца Черкашенина, онъ писалъ съ нимъ къ Хану Казы-Гирею, что Царевичъ Димитрій готовится вступить въ Россію, для поддержанія законныхъ правъ своихъ, и что Полякамъ пріятно будетъ, если Тапары спанутъ помогати ему въ семъ предпріятіи.

Между тѣмъ жили окрестностей Львова и Самбора перпѣли большія припѣшенія и обиды

Рукопись
Жолкев-
скаго.

опть развратной шляхты, собравшейся подь хо-
ругвию Лжедимитрія. Всѣ желали какъ можно ско-
рѣе избавишься опть ней. Но наборъ производился
медленно, хопя Мнишекъ и не щадилъ денегъ.
Самозванецъ, въ неперпѣннн своемъ, рѣшился не
дожидаться, чшобы все ополченіе было гошовой, и
15-го Августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ
сопровожденіи двухъ Езуитовъ, Николая Черни-
Гревенбрухъ. ковскаго и Андрея Лавицкаго. Разсприга, 30-го
того жъ мѣсяца, прибылъ въ Глинняны, гдѣ на-
значенъ былъ смопрѣ войску. Оное соспояло
Паерле. шолько изъ 500 человекъ пѣхоты и 1,100 всад-
никовъ, раздѣленныхъ на пять хоругвей, а имен-
Маскѣвичъ. но: Царскую, Пана Мнишка Спароспы Саноцка-
го *, Пана Дворжицкаго, Пана Фредро и Пана
Неборскаго. Хопя Король и поручилъ все дѣло
спарому Мнишку, но необузданная вольность гор-
дой шляхты пребовала ея согласія на избраніе
начальника. На собранномъ въ Глиннянахъ Коля
Рухописъ
Ротмистра
Борша изъ
Пулавской
библіотеки. (сходкѣ), Воевода Сендомирскій провозглашенъ Геп-
маномъ войска, а подь нимъ назначены два Пол-
ковника Паны Жулицкой и Дворжицкой.

3-го Сенпября войско двинулось изъ Глинянъ
по направленію къ Кіеву. Много другихъ шляхет-
скихъ хоругвей, не докончившихъ еще своего обра-

---

* Примѣчаніе. Сей былъ сынъ Юрія Мнишка, Воево-
ды Сендомирскаго.

зованія, получили приказаніе, по совершенномъ изгоповленіи, слѣдовать тѣмъ же путемъ и спѣшитъ соединеніемъ съ прочими поварнцами своими. Приближаясь къ Кіеву, Самозванецъ и Мнишекъ были встревожены появленіемъ войска Князя Оспрожскаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ состоящаго. Зная, сколь Князь сей желалъ сохраненія мира между Польшею и Россіею, они опасались нападенія его, и почли нужнымъ принять мѣры чрезвычайной осторожности. Воиновъ ихъ проводили ночи безъ огня и держали лошадей своихъ осѣданными. Но Оспрожскій не имѣлъ намѣренія вооруженною рукою дѣйствовать противъ людей, коихъ предпріятіе хотя имъ не одобряемое, было тайно покровительствуемо самимъ Государемъ его. Онъ имѣлъ только въ виду охраненіе жителей Кіевскаго воеводства отъ грабительствъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ, и для того приказалъ войску своему довольствоваться наблюденіемъ за ними во время слѣдованія ихъ до Днѣпра.

Разстрига, прибывшій въ Кіевъ 7-го Октяб-ря, встрѣтилъ шуть нежданное препятствіе. По повелѣнію Оспрожскаго всѣ перезозы на Днѣпръ были сняты. Нѣсколько дней прошло въ опыскиваніи паромовъ, и только 13-го числа совершилась переправа въ четырнадцать верстахъ выше

Кіева, близь устья Десны. Уже Самозванецъ былъ
Паерле. обрадованъ прибытіемъ перваго подкрѣпленія изъ
Россіи, состоящаго изъ 2,000 Козаковъ, приве-
денныхъ съ Дону Свирскимъ. Такимъ образомъ въ
войскѣ, съ коимъ онъ готовился переспустить за
границу, считалось до 4,000 человекъ.

Переправясь за Днѣпръ, разстрига началъ
дѣйствовать рѣшительно. 16-го Октября онъ
Дневникъ по-перешелъ за Русскій рубежъ и спалъ лагеремъ за
хода Мниш-ка въ Россію. Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вступленіе его
въ предѣлы Россіи иесказанно возмутило спроп-
тивый народъ Сѣверской земли. Вездѣ чернь, не-
навидѣвшая Бориса, радостно принимала Само-
званца съ хлѣбомъ и солью. Первымъ Русскимъ
укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ въ сей сторонѣ за-
мокъ Муромскъ. Еще Опрепьевъ споялъ въ трид-
цати верстахъ отъ онаго, какъ уже тамошніе
жители прислали ему сказать, что покоряются
его власти. Разстрига спѣшилъ воспользоваться
ихъ добрымъ расположеніемъ и 19-го числа, вы-
ступя изъ-подъ Жукина, остановился при Полчо-
вѣ, десять верстъ не доходя замка. Тутъ Муром-
ляне представили ему связанныхъ воеводъ своихъ,
Бориса Лодыгина и Елизаря Безобразова. Само-
званецъ почелъ нужнымъ ознаменоватъ милосерді-
емъ первыя царскія дѣйствія свои. Не вѣняя въ
Жарамзинъ. вину воеводамъ вѣрность ихъ къ Борису, онъ

единственно жалѣлъ объ ихъ заблужденіи и приказалъ освободить ихъ. 21-го числа Опрепьевъ вступилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вѣпорженіи врага въ Россію изумила Бориса. Хитришь было уже не время. Предстояла необходимость прошивуставить силу силъ. Царь приказалъ собрать войско въ Брянскъ, но и тушь еще или дѣйствительно не постигая важности обстоятельствъ, или притворяясь невѣрующимъ оной, онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ усиліямъ чрезвычайнымъ. Въ тогдашнее время въ Россіи ополченія были двухъ родовъ: большія, состоящія изъ пяти или иногда и шести полковъ, и вѣпоростепенныя, раздѣлявшіяся на три полка. Собиравшееся въ Брянскъ войско было прехъ полковое, и состояло подѣ главнымъ начальствомъ боярина Князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, Разрядныя книги. которъ имѣлъ при себѣ во вѣпорыхъ въ большомъ полку Князя Михайлу Ѳеодоровича Кашина, въ передовомъ были Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ, а въ сторожевомъ бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ и Князь Ѳеодоръ Звенигородскій. Кромѣ того посланы знатные чиновники въ пограничныя города; въ Путивль: Михайло Михайловичъ Салпыковъ, да съ нимъ осадный воевода Князь Василій Михайловичъ Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ: Бояринъ

Князь Никита Романовичъ Трубецкой, Окольный Пешръ Осодоровичъ Басмановъ и Голова Андрей Восйковъ; но сіи при чиновника уже не могли достигнуть своего назначенія.

Самозванецъ не терялъ времени. Оставя въ Муромскъ малой опрядъ для охраненія замка, онъ, 22 Октября, двинулся вдоль праваго берега Десны, и 25-го споялъ уже лагерь въ семи верстахъ отъ Чернигова, а двухъ тысячный Козацкій опрядъ, составлявшій его передовую дружину подступилъ подъ самый городъ, достаточно снабженный пушками и имѣвшій крѣпкій замокъ. Жипели сначала хотѣли защищаться и убили многихъ Козаковъ, пытавшихся войти силою. Но когда узнали что Муромскъ сдался добровольно, то и они положили не пропивиться Царевичу. Напрасно начальствующій въ городъ, Князь Иванъ Андреевичъ Ташевъ, надѣялся еще удержаться въ замкѣ, съ бывшими при немъ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Чернь, пригласивъ на помощь Козаковъ, соединенными силами хлынула къ замку. Тогда стрѣльцы, увлеченные общимъ примѣромъ, опворили воровъ и выдали воеводу своего. Ташевъ оказался спольже малодушнымъ, сколь и Хрущевъ; онъ вошелъ въ службу къ Самозванцу, и сдѣлался вѣрнѣйшимъ изъ его клеветниковъ. Впрочемъ Черниговцы получили достойное наказаніе за свою шап-

Боршъ II
Пасрле.

кось. Впущенные ими Козаки грабили городъ, какъ будто взяли оный приступомъ. Извѣщенный о томъ разсприга, немедленно послалъ къ Козакамъ двухъ Польскихъ Пановъ для прекращенія беспорядковъ, могущихъ охладить наклонность къ нему обывателей другихъ городовъ. Но Паны сіи уже нашли все ограбленнымъ. Самозванецъ, самъ прибывшій на другой день въ Черниговъ, приказалъ возвратить похищенное, однакожь Козаки успѣли скрыть часть своей добычи, и хозяева не все утраченное получили обратно.

Разсприга остановился въ Черниговъ, чтобы дать отдохновение своему войску, въ коемъ оказывался нѣкошорый ропотъ. Въ особенності шляхта жаловалась, что за неимѣніемъ денегъ, обносилась и нуждается въ продовольствіи. Къ счастью Самозванца въ замкѣ нашлось въ сборѣ 3,000 рублей (10,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Онъ роздалъ ихъ Полякамъ.

По осьмидневномъ отдыхѣ, Отрепьевъ выступилъ опять въ походъ по направленію къ Новгороду-Сѣвскому. Передовые Козаки подъ начальствомъ Поляка Бучинскаго, явились подъ симъ городомъ 9-го Ноября. Но путь встрѣтили мятежники первое важное сопротивленіе. Князь Трубецкой, Басмановъ и Воейковъ, отправленные Царемъ въ Черниговъ, не могли опередить тамъ

Самозванца, и рѣшились защищать Новгородъ-Северскій. Хотя Бояринъ Трубецкій былъ гораздо чиновнѣе Окольного Басманова, но послѣдній заправлялъ всѣмъ. Въ смутное время часто истинное достоинство беретъ верхъ, и обыкновенные люди охотно уступаютъ искуснѣйшимъ власть и отвѣтственность. Басмановъ отличался столько же честолюбіемъ, сколько и храбростію, твердостію и знаніемъ ратнаго дѣла. Онъ предупреждая измѣну обывателей, ввелъ ихъ всѣхъ въ замокъ, самъ занерся въ ономъ съ бывшими при немъ 600 стрѣльцовъ, а городъ велѣлъ выжечь.

Козаки, принятыя пальбою изъ замка, основались, а Бучинскій съ малою свитою подѣхалъ къ спѣнъ для начатія переговоровъ, къ которымъ Русскіе, кидая шапки свои въ верхъ, казалось приглашали его. Басмановъ самъ находился на спѣнѣ и спросилъ его, чего онъ пребудетъ? Полякъ объяснился такимъ образомъ: *я присланъ моимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ блаженной памяти Великаго Князя Иоанна Васильевича, Дмитріемъ Иоанновичемъ. Небесный промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Угличѣ изльнникомъ Борисомъ: онъ здравствуетъ и чрезъ меня, слугу своего, объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Муромска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному Госу-*

дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь на сіе, то знайте, что вѣхъ васъ предастъ онъ смерти, и мужей и женъ, и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не будетъ пощады. Басмановъ отвѣчалъ: Государь нашъ и Великій Князь Борисъ, теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и негодяй; скоро онъ будетъ на колѣ со вѣми его клеветами! Стыщи удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ живыхъ. Сія рѣчь мало понравилась Бучинскому, который расположивъ опрядъ свой на горѣ, куда Русскіе пули не достигали, спѣшилъ самъ извѣспить Самозванца, что шухъ одною лестію успѣть не можно.

Разсприга самъ подспунилъ подъ замокъ 11-го числа, и расположившись, на пепелище города послалъ нѣсколькихъ Польскихъ Пановъ и Муромскихъ Русскихъ уговаривать къ сдачѣ осажденныхъ, но Басмановъ не хотѣлъ вступать въ дальнѣйшіе переговоры и приказалъ спрѣлять по посланнымъ.

Видя его упорство, Самозванецъ приступилъ къ формальной осадѣ, хотя не имѣлъ при себѣ достаточнаго снаряда для сего предпріятія. Стали копать траншей и плеснь шуры, за конми выставили 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ. Поляки, подъ покровительствомъ

почти ничтожной палубы изъ сихъ батарей, вздумали 14 числа ийти на приступъ. Гусары ихъ * подступили къ замку и охотники изъ нихъ слезши съ лошадей, двукратно бросались къ спѣнѣ. Осажденные отстрѣливались такъ удачно, что непріятель оба раза былъ опраженъ съ урономъ. Не смѣя болѣе дѣйствовать открыто, Поляки подѣлали деревянные срубы, копорые поставя на сани, въ ночи съ 17 на 18, двинули къ замку, а сами тихо шли позади, заслонясь, оными. За гусарами слѣдовали еще 300 человекъ съ соломою и хвороспомъ, чемъ должны они были завалить ровъ замка, и попомъ поджечь сіи припасы въ надеждѣ пожаромъ одолѣть осажденныхъ. Такимъ образомъ Поляки безвредно подошли ко рву, но итуть встрѣтили столь мужественное сопротивление со стороны вѣрныхъ воиновъ, Басмановымъ одушевленныхъ, что предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Тщешно въ ярости своей продолжали они штурмъ во всю ночь. Рѣшительно отбитые, они вынуждены были наконецъ отступить съ небольшою потерею.

Неудача сія, повергла Лжедимитрія въ чрезвычайную горестъ. Сопротивленіе ничтожной крѣ-

---

* *Примѣчаніе.* Польская конница была двухъ родовъ: *Гусарами* назывались латники или нынѣшніе кирасиры, а легкая конница означалась подъ именемъ *Пятигорцевъ*.

поспи, каковою былъ Новгородъ-Сѣверской, казалось ему разрушеніемъ всѣхъ мечтаній его. Въ порывѣ досады своей, онъ укорялъ Поляковъ, и говорилъ, что не находилъ въ нихъ ожидаемаго имъ удальства. Обидившіеся Поляки опъѣчали, что штурмовать городъ, не сдѣлавши прежде пролома въ стѣнѣ, было дѣломъ сумазброднымъ. Обоюдныя неудовольствія возрасли до такой степени, что шляхта хопѣла уже возвратиться въ Польшу. Къ счастью разсприги, чрезвычайно благоприятныя для него извѣстія, полученныя имъ въ то самое время, когда онъ самъ началъ предаваться отчаянію, ободрили всѣхъ приверженцевъ его и побудили ихъ не оставяль начатаго предпріятія.

Пламень бунта быстро распроспранялся по всей полуденной Россіи. Самозванцевы лазутчики, коимъ способствовала очевидная склонность къ нему проспаго народа, проникали по всюду и раз- Хронографы. сѣвали манифесты его, въ коихъ онъ оглашая себя Царевичемъ Димитріемъ, чудеснымъ промысломъ Всевышняго спасеннымъ опъ удара, изгопьяемаго ему Годуновымъ, напоминалъ присягу, данную опцу его Царю Іоанну, и увѣщевалъ всѣхъ опспашъ опъ злодѣя Бориса и покориться его законной власти. Чернь съ умилеіемъ слушала сіи манифесты и съ радостію опказывалась опъ

Никоновская
Летопись и
Гревелбрухъ.

Дневникъ
Марины.

послушанія ненавистнаго ей Борнса. Одни чиновные люди сохраняли еще иъкоторую приспойность. Правда многіе изъ нихъ, выданные Самозванцу, служили уже ему, но вину ихъ можно еще было приписать страху и принужденію. Первымъ добровольнымъ измѣнникомъ оказался одинъ изъ попомковъ Рюриковыхъ, Князь Василій Михайловичъ, Мосальскій-Рубецъ. Начальствуя во вторыхъ въ Пупивлѣ, онъ вмѣсто того, чшобы обуздывать жишелей и воиновъ, самъ возмушилъ ихъ, связалъ главнаго начальника Окольного Михайлу Михайловича Салтыкова и присягнулъ разспригъ со всѣми людьми своими, кромѣ 200 Московскихъ стрѣльцевъ, пребывшихъ вѣрными, копорыхъ обезоружили, а голову и сопниковъ ихъ послали къ Самозванцу. Пупивлѣ, многолюдный и обнесенный каменною оградю, (что означало важность мѣста, пошому что тогдашнія укрѣпленія городовъ Россійскихъ были почти вездѣ деревянныя), считался главнымъ городомъ въ Сѣверской землѣ. Молва о покореніи онаго Самозванцу разнеслась съ неимовѣрною скоростію, и подала поводъ къ новымъ измѣнамъ. Пагубному примѣру послѣдовали Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Борисъ-городъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ что въ Южной полосѣ Россіи, на протяженіи 600 верстъ отъ

Запада къ Востоку, всё признавали разспригу за законнаго своего Государя.

Обрадованный симъ неожиданнымъ успѣхомъ, Самозванецъ приложилъ новыя старанія къ овладѣнію Новгородомъ-Сѣверскимъ. По повелѣнію его привезли изъ Пупивля пять орудій осадныхъ и 8 полевыхъ, кои 1-го Декабря открыли огонь по замку. Почти цѣлую недѣлю, стрѣльба сія продолжалась непрерывно денно и ночно. Деревяныя стѣны замка часто были пробиваемы, но Басмановъ не унывалъ, хопя въ одинъ день выбѣжало отъ него 80 человекъ, и хопя собранное подъ Брянскомъ Царское войско ничего не предпринимало для его избавленія. Начальникъ сего войска, Князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства силъ, и что попому онъ въ необходимости проситъ подкрѣпленія.

Борисъ и дьявникъ Марьяны.

Никоновская Лытошсь.

Опложеніе обширныхъ областей, робость высланиаго прошивъ враговъ войска и болѣе всего непонятное ослѣпленіе народа, вездѣ и даже въ самой Москвѣ оказывающаго несомнѣнную склонность къ Самозванцу наконецъ убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожающей ему бѣды. Видя неумѣстность дальнѣйшаго выказыванія припворной самонадѣянности, онъ рѣшился употребить

на уничтоженіе злодѣя всѣ еще весьма сильныя средства, коими могъ располагать самодержецъ Россійскій. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ и вмѣстѣ съ нѣмъ обнародовано общее земское ополченіе, отъ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, по мѣрѣ владѣемой земли. Сими разными приговореніями не ограничилось правительство. Царь и Патриархъ во всѣхъ храмахъ и на всѣхъ торгахъ приказывали провозглашать церковное проклятіе надъ Опретьевымъ, какъ надъ злымъ еретикомъ, шцившимся похитити Царство Московское, истребити православную Христіанскую вѣру и ввести проклятую Папешскую. Въ Москвѣ Князь Васиій Ивановичъ Шуйскій на лобномъ мѣстѣ торжественно увѣрялъ народъ, что будучи главнымъ лицомъ слѣдственнаго наряда о убіеніи Димитрія, онъ самъ хоронилъ его тѣло, и попому лучше всѣхъ можетъ свидѣтельствовать, что дѣйствительно въ Угличѣ убитъ былъ никто иной, какъ самъ Царевичъ. Но рѣчи сіи и подобныя Патриарха и другихъ Бояръ дѣлали мало впечатлѣнія надъ предубѣжденными слушающими, которые промежъ себя толковали, что такъ говорили имъ по наущенію Бориса, которому нечего инаго и дѣлать было, какъ скрывать истинну.

Хропографы
и грамоты
Патріарха къ
Сольвычегод-
скому Архи-
мандриту.

Царь среди всѣхъ окружающихъ его опасностей, сохранялъ еще пристойную величавость въ отношеи иносѣанныхъ державъ. Карлъ IX Король Шведской, естественный врагъ Польши, вызвался прислать ему вспомогательное войско, но Борисъ отвѣчалъ, что Россія при Царь Иоаниъ въ одно время воевавшая съ Турками, Татарами, Поляками и Шведами, сама управилась съ своимъ злодѣемъ. Впрочемъ Царь самъ не желая помощи отъ иносѣанцевъ, также искалъ отнять оную и у Самозванца. Въ семъ намѣреніи онъ послалъ къ Королю Сигизмунду дворянина Огарева съ грамотою, въ коей описывая все происхожденіе Опрѣева, доказывалъ его самозванство прибавляя что если бы даже и дѣйствительно онъ былъ Димитріемъ, то и шутъ не имѣлъ бы ни какого права на престолъ, ибо Царевичъ, рожденный отъ седьмага брака, церковью не признаваемого, не могъ почитаться законнымъ наследникомъ. Огаревъ имѣлъ порученіе жаловаться на помощь, даваемую Поляками разсѣргъ, на побужденіе Татаръ прошиеть Россіи, на возмущеніе Козаковъ Липвниомъ Свирскимъ и на занятіе Княземъ Вишневецкимъ, вопреки перемирія, городища Прилукн, который Россія считала своею собственностию. Въ заключеніи, онъ долженъ былъ требовать рѣшительнаго отвѣта: чего желаетъ Польша, войны или

Нарушевичъ
и отвѣты Сигизмундо-
выхъ пословъ
въ 1608 году.

мира съ Россією? Вспрѣвоженный сею наспойчивостію, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ лицемѣрнымъ увѣреніямъ, что хочетъ свято наблюдать перемиріе, и что если иѣкоторые Поляки, во зло употребляя дарованныя имъ законами вольности, въ чемъ либо нарушили поспановленія сего перемирія, то будутъ строго наказаны.

Дѣла Польскія.

Духовенство Россійское съ своей стороны, всячески, старалось предостеречь отъ обмана духовенство Польское. Патриархъ, Митрополитъ и всѣ Архіепископы и Епископы, послали къ оному гонца Буякова съ грамошою, гдѣ всѣ они священнымъ словомъ своимъ, изобличали Опрепьева въ самозванствѣ. Кроме того Патриархъ послалъ отъ себя въ Кіевъ гонца Пальчикова съ письмомъ къ Князю Оспрожскому, коего онъ увѣщевалъ, приказать поймать разстригу и прислать его въ Москву. Но совершившіяся событія упредили отвѣты на оба сіи посланія. Участь государства уже зависѣла отъ успѣха войны.

Князь Мспиславскій, собравъ на скоро иѣсколько войска въ Калугѣ, повелъ оное въ Брянскъ на соединеніе съ войскомъ Князя Димитрія Шуйскаго; совокупныя силы сіи составили сороко-тысячное ополченіе, раздѣленное на пять полковъ. Мспиславскій принялъ главное начальство, имѣя при себѣ во впорыхъ въ большомъ полку Князя Ан-

дря Андреевича Теляшевскаго; въ другихъ полкахъ начальствовали: въ правой рукѣ Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Князь Михайло Феодоровичъ Кашинъ; въ лѣвой рукѣ Василій Петровичъ Морозовъ и Князь Лука Осиповичъ Щербатовъ; въ передовомъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ; наконецъ въ спорожсвомъ Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Князь Михайло Самсоновичъ Туренинъ. Мепиславскій выступилъ немедленно на выручку Новгорода-Сѣверскаго, и на пути, достигнувъ Трубчевска, писалъ воеводѣ Сендомирскому пребуя, чшобы онъ немедленно оставилъ Самозванца и вышелъ съ Поляками своими изъ Россіи, не имѣющей брани Дѣла Польскія. съ Польшею. Но Мнишекъ не отвѣчалъ, ибо еще надѣялся на счастіе нареченнаго зятя своего.

18-го Декабря Россійское войско достигло рѣки Узруя, въ восьми версахъ отъ Новгорода-Сѣверска, и переправилось чрезъ сію рѣку не смотря на сопротивленіе Самозванцевой передовой стражи, которая вынужденною нашлась опуститься до его лагеря.

Хотя Лжедимитрій и былъ уже подкрѣпленъ прибытіемъ изъ Польши послѣднихъ шамъ образующихся шляхетскихъ ротъ, и всупленіемъ къ нему въ службу многихъ бродягъ Сѣверскихъ, однако со всѣмъ тѣмъ нельзя полагать, чшобы онъ

имѣлъ при себѣ болѣе 15,000 человекъ, изъ коихъ прешья часть Поляковъ, и слѣдственно силы его казались весьма недоспапочными, чтобы пропивишься наступающему на него сорокоптысячному непріятелю. Но онъ хорошо постигъ, что опъ одной слѣпой опваги долженъ былъ ожидать удачи въ чудномъ предпріятіи своемъ, и потому вознамѣрился, не смотря на чрезвычайное неравенство силъ, вступишь въ сраженіе, надѣясь впрочемъ, что измѣна поддавшихся ему городовъ будетъ имѣть вліяніе и на самихъ воиновъ Мспиславскаго, и что они не охотно подымутъ оружіе пропивъ того, котораго обширная часть Россіи признавала уже за истиннаго Государя своего.

Въ слѣдствіе сей рѣшимости 20-го Декабря онъ вывелъ войско свое изъ лагеря на обширную равнину, гдѣ стоялъ Мспиславскій. День проведенъ въ маловажныхъ спычкахъ и бесполезныхъ переговорахъ. Только Басмановъ частыми вылазками перевозилъ шылъ Самозванца, которій для удержанія его вынужденъ былъ опрядить нѣскольکو сотъ Козаковъ.

Мспиславскій 21-го числа подступилъ къ непріятельскому лагерю. Лжедимипрій опяпъ смѣловыщель ему на вспрѣчу и готовясь къ бою, почель пужнымъ воспламенишь усердіе своихъ спо-

движниковъ, плодовишою рѣчью, въ коей дерзалъ Царле. призывашь Царя Бориса къ суду Божию. Хотя измѣны, на которую считалъ Самозванецъ, и не оказалось, однако недоумѣніе разливалось въ рядахъ Царскихъ воиновъ и приводило ихъ въ такое оцѣпейніе, что сраженіе продолжалось не долго. Правда Москвитяне опразили первое нападеніе Польской конницы, но сія искра храбрости скоро угасла. Правое Царское крыло не выдержало новаго написка свѣжихъ Польскихъ хоругвей и опрокинулась на Большой полкъ; сей также дрогнулъ, не смотря на благородныя усилія главнаго вождя, Князя Мспиславскаго, который не щадилъ себя, и осыгченный многими ранами, палъ съ коня; подоспѣвшая къ нему на помощь дружина стрѣльцовъ едва успѣла спасти его опъ плѣна. Въ тоже время, Польская пѣхота выписнула другихъ Царскихъ стрѣльцовъ изъ занимаемой ими лощины. По свидѣтельству очсвидца, казалось, что у Россіанъ не было рукъ для стѣги, и Лжедмитрій вѣроятно одержалъ бы побѣду совершенную, если бы въ рѣшишельную минушу пустилъ въ дѣло запасныя войска свои, но по неопытности онъ не сдѣлалъ сего, и такимъ образомъ далъ возможность Царскимъ воеводамъ, послѣ двухъ или трехъ-часнаго боя, опшупить хотя не безъ урона, но по крайней мѣрѣ съ сохранені-

Борисъ и
Маржеретъ.

Дневникъ
Мнишка и
Боршъ.

емъ состава войска. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ на пространствѣ девяти верстъ. Сіе постыдное дѣло стоило Русскимъ до 4,000 человекъ убитыхъ; Поляковъ пало только 120.

Впрочемъ одержанная Самозванцемъ побѣда ни сколько не была рѣшительною, а полууспѣха не достапочно было, чпобы улучшить его положеніе. Царская армія опозшла не далеко, и остановилась въ четырнадцати верстахъ отъ мѣста сраженія въ лѣсу, гдѣ прикрылась окопами и за-сѣками. Лжедмитрій не смѣлъ, такъ сказать подъ ея глазами, продолжать осаду Новгорода-Сѣверска, не смотря на ожидаемое имъ сильное подкрѣпленіе. Старые товарищи его, Запорожцы, привлеченные надеждою богатой добычи, шли къ нему на помощь въ числѣ 12,000 человекъ, изъ коихъ 4,000 пѣшихъ прибыли въ станъ его на другой день сраженія. Прочіе 8,000 конныхъ, съ 14 пушками, также находились уже въ близкомъ разстояніи. Но если такимъ образомъ, число разспригннн войска значительнo увеличивалось, съ другой стороны настоящая сила онаго, ослабѣвала, потому что Поляки, составлявшіе лучшую его дружину, отказывались долѣе служить ему. Иноземцы сіи, изъ одной корысти принявшіе его сторону, роптали на предстоящіе имъ труды и неостепенно претовали обѣщаннаго имъ жало-

ванья. Лжедимитріева казна не достапочно была для удовлетворенія ихъ. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ, Самозванецъ рѣшился дать оподухновеніе войску своему на зимнихъ квартирахъ, въ изобильной съспными припасами Комарицкой волости. Въ семь намѣреніи, 2-го Января 1605 года, онъ оставилъ Новгородъ-Сѣверскій и переправясь черезъ Десну, направился на Сѣвскъ.

Между тѣмъ неудовольствіе Поляковъ возрастало ежедневно, и уже на вшоромъ переходѣ отъ Новгорода-Сѣверска они оказывали мало охоты углубляться далѣе въ Россію. Тогда товарищи хоругви Пана Фредро, кричавшіе болѣе всѣхъ прочихъ, велѣли тайно сказать Самозванцу, что если онъ однимъ имъ дастъ жалованье, то они останутся въ его службѣ, а что глядя на нихъ и другія хоругви не покинутъ его. Разсприга къ несчастію своему повѣрилъ имъ, но хощя раздача имъ денегъ была сдѣлана не гласно и въ ночное время, другія хоругви узнали объ оной, и тогда возмущеніе сдѣлалось всеобщимъ. Напрасно Самозванецъ скакалъ изъ хоругви въ хоругвь, увѣщевая недовольныхъ повременить еще возвращеніемъ въ Польшу. Его не слушали и буйство дошло до такой степени, что Поляки сорвали съ него саблю шубу и что одинъ изъ нихъ осмѣлился даже сказать ему: *Ей, ей быть тебѣ на столбѣ.*

Разгнѣванный Лжедимитрій наказалъ его пощечиною, но шубу свою не иначе получилъ обратно, какъ послѣ того, когда Русскіе его приверженцы выкупили оную за 300 злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Буишъ окончился тѣмъ, что старый Мнишекъ, который былъ тогда болѣнъ, вынужденнымъ нашелся обѣщать самъ всестъ обратно въ Польшу соопечесивенниковъ своихъ. Такимъ образомъ большая часть Шляхшы 4 Января оставила Лжедимитрія и направилась мимо Пупивля на Пыряпинъ. При Самозванцѣ осталось всего на всего не болѣе 1,500 Поляковъ. Мало утѣшенный прибытіемъ остальныхъ Запорожцевъ, онъ засѣлъ въ Чемлинскомъ острогѣ, откуда потомъ перешелъ въ Сѣвскъ.

Разряды
1605 года.

Царскіе воеводы столь поражены были претерпѣнною ими неудачою подъ Новгородомъ - Сѣверскимъ, что опъ спыда даже не смѣли донестъ Борису о происшедшемъ. Когда же Самозванецъ снялъ осаду Новгорода - Сѣверска, то они сами отступили къ Стародубу. Царь, извѣщенный стороной о подробностяхъ несчастной битвы, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, послалъ чашника Вельямина - Зернова, укоряя Князя Димитрія Шуйскаго и поварищей его въ непросипительномъ молчаніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Борисъ почелъ благоразумнымъ не умножать унынія въ рашиныхъ

людяхъ, и для того не только удержался опъ заслуженныхъ ими упрековъ, но даже припворясь, будпо неизвѣспепъ о малодушныхъ ихъ дѣйсвіяхъ, поручилъ Вельяминову сказапъ милоспиво слово всему войску и засвидѣтельспвовапъ принапельность свою почпенному Князю Мспиславскому, для излѣченія коего послалъ изъ Москвы докпора и аптекаря.

Храбрые защитники Новгорода-Съверска также не оспались безъ награжденія. Князь Трубецкой и Басмановъ, призванные въ Москву были весьма честпмы, а въ особенноспи Басмановъ, которому Царь изъ своихъ рукъ далъ золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунповъ, насыпанное червонцами и сверхъ того 2,000 рублей (6,666 нынѣшнихъ серебряныхъ) и много серебра изъ Царской казны. Но первѣйшимъ заняпемъ Царя было поставипъ военныя силы свои въ такое положеніе, чпобы успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для сего, онъ отправилъ еще подкрѣпленія къ главному войску, а вмѣспѣ съ тѣмъ приказалъ Федору Ивановичу Шерсмешеву собирать новый запасный корпусъ въ окреспноспяхъ Кромъ. Мѣры сіи казались доспапчными, но Борисъ безпокоился мыслію, что до выздоровленія Князя Мспиславскаго верховное начальсво въ главномъ войскѣ находилось въ рукахъ Князя Дмпірія Шуйскаго, уже на опыпѣ

Беръ и Никоновская
Автопись.

Разряды
1605 года.

оказавшаго свою ничтожность. Впрочемъ Царь не хотѣлъ обидить вельможу сего, который былъ ему своякомъ, и потому рѣшился назначить старшаго брата его роднаго, Князя Василя Ивановича, прибыльнымъ воеводою въ большомъ полку, что давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мсциславскаго.

Князь Василю Ивановичу, въ сопровожденіи многихъ спольниковъ и спряпчихъ, отправился изъ Москвы и нашелъ войско близъ Спародуба. Хотя оно уже простиралось до 70,000 человекъ, однако воеводы не только ничего не предпринимали, но даже какъ бы сами скрывались среди лѣсовъ. Новый вождь объявилъ имъ волю Царскую, немедленно шпши на непріятеля, и всѣ двинулись къ Сѣвску. Узнавъ о приближеніи ихъ, Лжедмитрій совѣтовался съ Польскими и Козацкими старшинами. Поляки представляли, что такъ какъ было еще болѣе несообразности въ силахъ, чѣмъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ *, по

Борись и
Маржеретъ.

---

* *Примѣчаніе.* Отрепьевъ не имѣлъ при себѣ болѣе 23,000 человекъ подъ ружьемъ. Н. М. Карамзинъ даетъ ему только 15,000, но онъ основываетъ сей расчетъ на показаніяхъ Бера и Паерле, которые очевидно вездѣ увеличиваютъ число Царскихъ войскъ и убавляютъ таковое жъ Самозванцевыхъ. Достоверно то, что въ Сѣвскѣ было при Лжедмитріѣ 12,000 Запорожцевъ и 1,500 Поляковъ, какъ показываетъ очевидецъ, служившій тогда въ числѣ Польскихъ Полковниковъ, Панъ Борись. Кроме того другой

казалось благоразумиѣе уклоняшьяся отъ столь неравнаго боя, и сколь возможно медлить дѣйствіями въ ожиданіи удобнѣйшаго случая. Но Запорожскіе Ашаманъ и Полковники были прошивнаго мнѣнія, и предлагали смѣло итти на встрѣчу Царскимъ воинамъ, въ надеждѣ смущить ихъ самою отвагою предпріятія. Такъ какъ Запорожцы составляли значнѣйшую часть войска Лжедмитрія, то онъ почелъ необходимымъ послушаться ихъ, къ чему еще былъ побуждаемъ воспоминаніемъ Новгородъ-Сѣверской удачи.

Въ слѣдствіе сего Самозванецъ двинулся 20-го Января изъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, и подъ вечеръ встрѣпилъ Царское войско, шѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ. Разстрига, хотя рѣшившійся на бой, искалъ однако нападеніемъ въ распахъ нѣсколько вознаградишь неравенство силъ; въ семь намѣреи онъ приказалъ преданнымъ ему Добрунскимъ жителямъ ночью зажечь село, а самъ готовился внезапно ударить на разстроенныя тревогою Царскія войска. Но Борисо-

---

очевидецъ, Маржеретъ, пишетъ, что разстрига въ бытность свою въ Комарицкой волости собралъ, сколько могъ Русскихъ воиновъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ приучилъ владѣть оружіемъ. Не безъ вѣроятія полагать можно, что онъ имѣлъ въ сборѣ до 10,000 Русскихъ воиновъ.

вы воеводы оспереглись, и зажигатели не могли совершитъ своего предпріятія.

Оспавалось сразитъся въ открытомъ полѣ. На разсвѣтѣ 21-го Января Царская коница выстроилась по обѣимъ споромамъ селенія, сильно занятаго пѣхопою: Князь Мспиславскій, можетъ быть не совершенно еще изцѣлившійся отъ полученныхъ ранъ, но не желавшій уступитъ одному Князю Василью Шуйскому честь побѣды, довольно вѣрояшиой, сѣлъ на коня и распоряджалъ войскомъ. Лжедимитрій съ своей стороны предполагая ианестъ главныя удары правому крылу Царскаго войска, самъ съ палашемъ въ рукахъ повелъ на оное Польскія хоругви и свои Русскія дружны. Вмѣстѣ съ пѣмъ онъ опрядилъ конныхъ Запорожцевъ въ право, для удержанія лѣваго Царскаго крыла, а пѣшимъ Запорожцамъ приказалъ съ тяжелыми орудіями оспановитъся за горою, въ нѣкоторомъ располоніи позади дѣйсвующихъ войскъ, коимъ они должны были служить резервомъ; распоряженія довольно замѣчательныя, открывающія замысловатое намѣреніе, въ случаѣ успѣха отброситъ Царское войско на рѣку Сѣву. Разсприга, съ обыкновенною своею словоохотливостію, говорилъ войску рѣчь почти одинаковаго содержанія съ пронзиссенною имъ подѣ Новгород-

домъ - Съверскимъ , по не всегда нечеспивая наглость остаешся безъ заслужениаго наказанія.

Послѣ небольшой спычки между передовыми опрядами, опкрылась пушечная пальба, въ слѣдъ за коей Самозванецъ приказалъ Полякамъ спустишься въ лощину, прикрывающую правое Царское крыло, и спараться отрѣзать оное опъ селенія, Боршъ. въ центрѣ находящагося. Семь Польскихъ хоругвей, подѣ предводителствомъ Гепмана Дворжицкаго *, выстроились въ одинъ рядъ и бросились впередъ спремглавъ, будучи поддерживаемы послѣднею осьмою хоругвью Польскихъ гусаръ и всею Русскою коницею, кошорой приказано было надѣшь сверхъ лашъ бѣлыя рубахи, для различія опъ Пасерле. Царскихъ всадниковъ. Князь Мспиславскій, не выждавъ нападенія, самъ двинулъ на встрѣчу непріа- Маржеретъ и Боршъ. шелю правое крыло свое, въ головѣ коего находились двѣ дружины иноземцевъ, подѣ начальствомъ Лифляндца Фонъ Розена и Француза Маржерета. Поляки неслись съ такою яростію, что иноземцы послѣ кратковременнаго сопротивленія были опрокинуты, а глядя на нихъ и вся Царская конница праваго крыла обратилась въ бѣгство. Тогда Дворжицкой, повернувъ въ право, направился

---

* *Примѣчаніе.* Послѣ отъезда Мшишка, Дворжицкой былъ назначенъ главнымъ начальникомъ оставшихся при Отрепьевѣ Польскихъ войскъ.

на селеніе, занимаемое Царскою пѣхошою, копорая допусшивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, сдѣлала по немъ залгъ изъ 10 или 12 тысячъ ружей. Спрѣльба сія хошь не довольно мѣшкая, чшобы много вредить Полякамъ, привела однако ихъ въ большое замѣшательство, которое обрапилось въ совершенное распрройство, когда одинъ изъ соотсчественниковъ ихъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные Запорожцы, вспревоженные прескомъ и дымомъ ружейной пальбы, оставили мѣсто сраженія и не бывъ ни кѣмъ пѣснимы, опромешью побѣжали по Рыльской дорогѣ. Смущенная сею неожиданныю робостію Днѣпровскихъ удалцевъ, конница Польская и Русскихъ злодѣевъ также обрапила шылъ и понеслась въ слѣдъ за Козаками, оставивъ на жертву Запорожскую пѣхоту, которая немедленно была окружена и совершенно испреблена, послѣ мужественнаго сопротивленія. Бѣглецы безоглядно промчались до города Рыльска, находящагося въ 80-ти верстахъ опгъ мѣста сраженія. Ихъ преслѣдовалъ шешитысячный отрядъ Царской конницы, но только на пространствѣ 8 верстъ. Впрочемъ блистательная побѣда сія стоила не дорого; уронъ Царскаго войска состоялъ только изъ 500 Россіянъ и 25 иностранцевъ. Непріятель потерялъ 15 знаменъ и шпандаршовъ, 13 орудій и

Петрей.

до 6,000 человекъ убитыми, кромѣ попавшихся въ плѣнъ. Самъ Лжедими́трій находился въ величайшей опасности. Раненый въ ногу конь его уже отказывался нести его; спасеніемъ своимъ онъ былъ одолженъ Князю Ташеву, который выпроводилъ его до Рыльска.

Никоновская
Лѣтопись.

Запорожскіе Козаки также искали убѣжища въ Рыльскѣ, но тамошніе жители, упрекая ихъ въ измѣнѣ Димитрію и въ трусости, не только не согласились впустишь ихъ къ себѣ, но даже стрѣляли по нимъ. Не лучше имъ сдѣланъ былъ пріемъ и въ Путивль, почему и рѣшились они оставить Россійскіе предѣлы и возвратишься въ Запорожье.

Царскіе воеводы отправили къ Борису съ до- несеніемъ объ одержанной побѣдѣ Чашника Михайлу Борисовича Шеина, и также послали въ Москву плѣнныхъ Поляковъ и Запорожцевъ. Русскіе же измѣнники, попавшіеся въ плѣнъ, были повѣшаны передъ войскомъ.

Никоновская
Лѣтопись.

Маржеретъ.

Самозванецъ отдохнувъ два дня въ Рыльскѣ переѣхалъ въ Путивль. Не смотря на легкомысленную его самонадѣянность, положеніе, въ которомъ онъ находился, казалось ему самому отчаяннымъ. Послѣ претерпѣннаго пораженія, оставались при немъ только горсть людей, съ которыми не лзя было ему надѣяться еще продолжашъ вой-

Борщъ.

ну. Правда Съверскій народъ не оставалъ отъ него и готовъ былъ еще служить ему, но за недостаткомъ денегъ, новые набранцы оставались бы безъ оружія и безъ пропитанія. Въ сей крайности, Опрепьевъ замышлялъ уже отказавшись отъ предпріятія неудачнаго, тайно уйти въ Польшу. Но Русскіе приверженцы его не позволили ему исполнить сего намѣренія. Участь Добруньскихъ плѣнниковъ показывала имъ, что нельзя было имъ ожидать пощады отъ Бориса, и они рѣшились до конца опыскивать успѣха, хотя почти вовсе неимовѣрнаго, но въ коемъ находили для себя единственнѣйшій залогъ безнаказанности. Они объявили Лжедимирию, что не выпустятъ его изъ Пупивля, и что ему предстоитъ пить одинакую чашу съ ними и спасись или погибнуй всѣмъ вмѣстѣ. Даже грозили ему, если онъ не ободрился, выдать его Царю и шѣмъ еще попытаться выслужить себѣ помилованіе. Разсприга, такимъ образомъ вынужденный продолжать свое самозванство, снова ревностно принялся за дѣло. Первымъ стараніемъ его было удержать при себѣ остатки разбитаго войска. Поляки готовились уже разойтись по домамъ. Онъ уговорилъ большую часть изъ нихъ еще не покидать его, и такъ какъ они въ несчастной бытвѣ переломали или побросали всѣ копья, то онъ приказалъ имъ

Хронографы
и отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

сдѣлашь новыя. Между тѣмъ онъ не упустилъ также изыскивать средства къ восстановленію силъ своихъ, какъ извѣтъ такъ и внутри Россіи. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ Князя Ташева просить у Короля Сигизмунда немедленнаго вспоможенія. Для умноженія же числа своихъ приверженцевъ въ Россіи, онъ издалъ новыя манифеспы, гдѣ нѣсколько пространнѣе прежняго рассказывалъ вымышленную исторію свою, но новыхъ доказа- Пасрле. тельствъ въ подлинности оной ни какихъ не представилъ, а ссылался, какъ и прежде, на свидѣтельство людей все умершихъ, какъ то, Князя Ивана Мстиславскаго, дьяка Андрея Щелкалова и Липовскаго Канцлера Сапѣгу. Впрочемъ нашлось много людей легковѣрныхъ, которые, слѣпо вѣря нравящейся имъ баснѣ, спѣшили въ Путивль, дабы предложить услуги свои тому, кого считали несчастною жертвою властолюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенності разсприга утѣшенъ былъ возвращеніемъ къ нему въ Путивль 4,000 Донскихъ Козаковъ. Неизвѣстно куда они ходили изъ подъ Новгорода - Сѣверска, но достоверно только то, что ихъ не было при Самозванцѣ подъ Добрыничами. Что же касается до посылки Князя Ташева, то она не имѣла успѣха. Король Сигизмундъ, видя худой оборотъ дѣлъ Отрепьева,

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ въ
1606 году.

не хопѣлъ подашь повода Россіи негодовашь на
Польшу, и отказался принять Ташева.

Разрядныя
книги и Берѣ.

Между шѣмъ Шейнъ нашелъ Бориса на бо-
гомольѣ въ Троицко-Сергіевомъ Монастырѣ. Извѣ-
стія, привезенныя имъ, чрезмѣрно обрадовали Ца-
ря, копорый пожаловалъ вѣспника въ Окольні-
чи и немедленно послалъ чрезъ любимаго споль-
ника своего, Князя Мецецкаго золотыя * воево-
дамъ и 10,000 рублей (33,333 нынѣшнихъ сереб-
ряныхъ) для раздачи войску. Можеть быть здра-
вая полипика прѣбовала бы, чшобы при семъ
случаѣ Государь обуздалъ спрогоспъ, по крайней
мѣрѣ прѣждевременную, оказываемую воеводами
надъ Русскими плѣнными. Должно было предви-
дѣшь, чшо не минуемымъ слѣдспвіемъ оной бу-
депгь опдалишь всякую мысль покорности въ
сподвижникахъ Самозванца, и принудить ихъ къ

---

* *Примѣчаніе.* Присылка золотыхъ сихъ поселила раз-
доръ между воеводами. Начальникъ лѣвой руки, Василій
Петровичъ Морозовъ, не принялъ Царскаго дара потому
что второй воевода большаго полка Князь Андрей Андре-
евичъ Телятевскій, котораго онъ считалъ моложе себя, по-
лучилъ золотой одинаковаго достоинства съ присланнымъ
ему. Онъ былъ отозванъ, но на мѣсто его назначенный
Замятня-Сабуровъ, также обижался быть только начальни-
комъ полка лѣвой руки, когда Князь Василій Васильевичъ
Голицынъ, коему онъ не уступалъ въ старѣйшинствѣ,
начальствовалъ надъ болѣе почетнымъ передовымъ полкомъ.

опчальному сопротивленію. Но Борисъ былъ зло-
памятенъ и жестокосердъ. Въ упуеніи давно не-
перпѣливо ожидаемой имъ побѣды, онъ не только
далъ волю воеводамъ, но даже требовалъ опъ нихъ
большей суровости, полагая дѣло уже совершенно
конченнымъ и что оставалось ему только ипѣ-
шипся казнями пѣхъ, которые осмѣлились столь
нагло попресвожить его спокойствіе.

Житіе Ди-
митрія Царе-
вича, св. Ди-
митрія Рос-
товскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что все могло бы бытъ кон-
ченнымъ, если бы воеводы живо воспользовались
пораженіемъ врага, но они дѣйствовали вяло и
какъ будто нехотя. Царское войско подступило
подъ Рыльскъ на другой день выѣзда Самозванца
изъ сего города. Жители, воспламененные началь-
никами своими, Княземъ Григоріемъ Рощею-Долго-
рукимъ и Яковомъ Зміевымъ, злыми привержен-
цами разсприги, не хотѣли сдаваться. Воеводы
рѣшившись добывать городъ формальною осадю,
приказали плестъ туры, копать траншеи и ста-
вить башарей, изъ коихъ опкрыли огонь. Ры-
ляне также сильно опспрѣливались и просили
помощи у Самозванца, который послалъ имъ 500
Поляковъ и 2,000 Русскихъ. Отрядъ сей, поль-
зуясь беспечностію Царскихъ воеводъ, успѣлъ
ночью тайно пробраться въ городъ и значитель-
но усилилъ упорство осажденныхъ. Наконецъ
Царскіе воеводы, послѣ пятнадцати - дневнаго

Никоновская
Лѣтопись и
Воршъ.

споянія, сняли осаду Рыльска и отошедъ въ Комарицкую волость, расположились тамъ близъ Рагодешскаго острога, дабы до весны дать отдохновеніе войску, весьма упомянутому зимнимъ **Маржерствъ** походомъ. Оставался еще въ полѣ только Шеремевъ, который по полученіи имъ извѣстія о Добруньской побѣдѣ, собралъ предводительствуемый имъ запасный корпусъ и съ онымъ обложилъ городъ Кромы, коего жители, послѣдуя примѣру Рыляиъ, изготозились къ оборонѣ.

Обыватели Комарицкой волости изъясляли большую преданность Самозванцу, когда онъ съ войскомъ своимъ споялъ у нихъ, и сею измѣною безъ сомнѣнія заслужили наказаніе. Но благомыслящее правительство, исполняя печальный долгъ, — карать преступниковъ, умѣетъ быть строгимъ безъ люлости. Не такъ поступили Царскіе воеводы. Ожесточенные препертѣнною ими подъ

Св. Димитрій
Ростовскій,
Беръ и Паер-
ле.

Рыльскомъ неудачею, они звѣрски вымѣщали за оную надъ несчастными Комарицкими жителями.

Вся волость была немилосердо опустошена; жителей мучили и убивали. Не только крестьянъ, но женъ ихъ и дѣшей вѣшали за ноги на деревьяхъ и потомъ стрѣляли въ нихъ изъ ружей, какъ въ цѣль. Пишутъ, что такимъ образомъ погибло до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Сими неисповствами можеть бысть воеводы желали еще выслужисья у злобнаго Царя. Но Борисъ, гореспно удивленный опспупленіемъ войска опть Рыльска, былъ внѣ себя опть досады. Опложивъ благоразуміе, оказанное имъ послѣ несчастной Новгородъ-Съверской бисвы, онъ послалъ въ Рагодетской острогъ Окольнічаго Петра Никипича Шеремешева и думнаго дьяка Афанасья Власьева, объявить свой гнѣвъ не только воево-Никоновская
Летопись. дамъ, но и всему войску, оставляя на ихъ опвѣспвенности бѣдствія, могущія произойти опть ихъ нерадѣнія, коему обязанъ былъ разсприга своимъ спасеніемъ. Между тѣмъ пребовалъ, чшобы вмѣсто опдохновенія, шли немедленно подъ Кромы на соединеніе съ опрядомъ Шерсешева, и совокупными силами непремѣнно взяли сей городъ. Ослушатсья еще не смѣли, но лѣтописцы наши замѣчаютъ, чшо вся рать оскорбилась укорнымъ словомъ Царя, и чшо съ тѣхъ поръ многіе, до полъ вѣрныс, спрашась жестокой опалы, спали помышляпъ, какъ бы избытъ Бориса и поддаться Самозванцу.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ Царскихъ подъ Кромами составляло ополченіе болѣе чѣмъ во спю тысячъ человекъ, пропивъ усилій коихъ казалось вовсе невозможнымъ успоять ничтожному городу. Но защитники онаго, въ испуленіи

спирасшей, обыкновенно междоусобными раздорами возжигаемыхъ, и не помышляли о сдачѣ, а гошвились къ опчаянному оппору. Впрочемъ, судя по малолюдспву ихъ, ошважная рѣшимость едва ли бы служила имъ спасеніемъ, если бы Самозванецъ не поспѣшилъ прислать къ нимъ на помощь 4,000 Донскихъ Козаковъ и Русскихъ. Въ семъ случаѣ Царскіе воеводы оказали такую же оплошность, какъ подъ Рыльскомъ. вспомогапельный опрядъ, спаравшійся ночью пробрапья въ Кромы, былъ замѣченъ когда уже находился подъ спѣнами осажденнаго мѣста, и Царскія войска могли только пѣснить хвоспѣ непріятеля, и не воспрепятспвовали ему войти въ городъ.

Огорченные сею неудачею, воеводы рѣшились нещадить городъ, и выставили сильныя бапарси изъ пушекъ и морширъ. Осажденные не робѣли и съ усердіемъ подвергались шрудамъ и опасностямъ, слѣдуя примѣру начальниковъ своихъ, Григорья Акинфѣева и Донскаго Апамана Корелы. Въ особеннспсти доблеспью и искусспвомъ оплнчался Корела, такъ что между соврспенниками онъ прослылъ чародѣемъ. Не надѣясь на деревянную спѣну, соспавляющую единспвенное укрьпленіе города, онъ приказалъ обвестп оный валомъ со рвомъ, а подъ валомъ подѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище опъ навѣспныхъ ударовъ. Сими оборонитель-

ными мѣрами не довольствовались Козаки: они изо-рва, прокопали нѣсколько конирь-анрошъ, откуда часто выползали и превозили багшарен и траншей осаждающихъ. Когда же Царскія дружины собирались для панесенія имъ сильнаго удара, то они уходили въ норы свои, куда не смѣли за ними слѣдовать Царскіе воины.

Князь Мстиславскій съ товарищами, спыдясь наконецъ терять бесполезно людей и время подъ спѣнами маловажнаго города, приступили къ рѣшительному дѣйствию. Подосланные ими воины Никоновская
Льтошсь. ночью зажгли деревянную городскую спѣну. Пожаръ сдѣлался ужасный; спѣна сгорѣла, а осажденные, гонимые пламенемъ, покинули городъ и искали убѣжища въ оспрогѣ. Царскія войска безпрепятственно засѣли на валу, такъ что городъ можно было почеснь взятьимъ; оставалось только покорить оспрогъ, гдѣ непріятель за пѣсновою мѣста не долго бы въ сосполнїи былъ держаться. По несчастію, одинъ изъ воеводъ, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, уже выступалъ на позорное поприще измѣны, на космъ долженъ былъ доставить печальную извѣстность имени своему, и навлечь на себя проклятіе опечества. Безъ приказа главныхъ вождей и безъ совѣта товарищей своихъ, онъ свелъ съ вала засѣвшихъ тамъ воиновъ, и велѣлъ имъ опспуститъ въ траншей,

какъ говорятъ лѣтописцы *нарова толму околно-*
му Гришкѣ. Такимъ образомъ осажденные, по упу-
щеніи пожара, получили возможность выпти изъ
оспрога и снова занять городской валъ.

Узы подчиненности до такой степени нахо-
дились ослабленными въ Царскомъ войскѣ, что
Мсциславскій и Шуйскій, не подумали, или не
посмѣли наказатъ Салтыкова. Они даже не удали-
ли его опъ себя, и злодѣй сохранилъ важное мѣ-
сто, предоставляющее ему способы замышлять
новыя измѣны.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, воеводы
не предпринимали болѣе ничего важнаго. Впро-
чемъ нѣсколько времени спустя войско находи-
лось въ такомъ печальномъ состояніи, что не-
справедливо было бы осуждать вождей въ бездѣй-
Хронографъ. ствіи. Необыкновенная суровость поздней зимы
имѣла пагубное вліяніе на здоровье Царскихъ во-
иновъ. Жестокій поносъ свирѣпствовалъ въ ихъ
станѣ и причинилъ большую смертность. Царь
съ свойственною ему заботливостію, прислалъ
Никоновская изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спаситель-
Лѣтопись. ное дѣйствіе прекратило болѣзнь.

Безплодное спояніе Борисовыхъ воеводъ подъ
Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ прави-
тельству и склонность къ Самозванцу. Даже въ
Москвѣ громко толковали, что само Провидѣніе

видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго одолѣть не могутъ несмѣшныя силы, выставленныя противъ него. Ожесточенный Царь люто наказывалъ болтливыхъ : многимъ рѣзали языки, Хронографъ. другихъ даже предавали смерти. Суровость сія могла воздержатъ нескромныхъ, но не перемѣняла расположенія сердець, съ непонятнымъ ослѣпленіемъ влекомыхъ къ Лжедимитрію. Особенно въ Сѣверской землѣ всѣ единодушно признавали разспригу за истиннаго Царевича. Напрасно Борисъ пытался еще разъ вразумить тамошній народъ. По повелѣнію его три монаха, знавшіе Отрепьева, когда онъ былъ дѣякономъ, отправились въ Пупивль съ грамотами отъ Царя и Папріарха къ Пасерле. духовенству и обывателямъ, въ коихъ увѣщевали схватить Самозванца и съ приверженцами его отправить въ Москву. Иноки, прочитавъ грамоты, сами съ своей стороны заклинали народъ не вѣрить гнусному обману, и говорили, что Лжедимитрій никто иной, какъ старый ихъ товарищъ Отрепьевъ. Разсприга велѣлъ немедленно поймать ихъ, и подвергнуть пылкѣ. Двое, которые были помоложе, выдержали муку, но третій, уже шарикъ, оказалъ малодушіе. При самомъ началѣ испязанія, онъ обѣщалъ повиниться во всемъ, и просилъ переговорить съ Самозванцемъ наединѣ. Разсприга согласился допустить его до себя, и

слѣдствіемъ ихъ свиданія было то, что двое изъ окружающихъ Лжедимирія сановниковъ, оговоренные спарымъ монахомъ, были выданы народу и разспрѣяны на площади, подъ предлогомъ, что вели тайную переписку съ Борисомъ и обѣщали ему отправить Лжедимирія. Доноситель былъ щедро награжденъ, а его непреклонныхъ товарищей заключили въ темницу.

Третій мѣсяцъ уже протекалъ послѣ Добруньской битвы, а важнаго перевѣса не было ни на той ни на другой сторонѣ. Правда, дѣла Самозванца, оправившагося послѣ страшнаго пораженія, видимо улучшились, и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, но всеѣмъ нѣмъ, онъ не былъ еще въ состояніи снова выступить въ поле и вынужденнымъ находился оставаться въ Пупивлѣ, въ оборонительномъ положеніи. Казалось, что междоусобию суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе, произвело нечаянный переломъ. Ничто не предвѣщало близкой кончины Царю Борису. Онъ имѣлъ еще роду только 55 года, былъ бодръ, и здоровье его казалось надежнымъ; хотя онъ съ давнихъ лѣтъ и страдалъ подагрой, но всеѣмъ извѣстно, что сей недугъ не проливаетъ долголѣтію. Не смотря на то, могила уже готовилась для него. По утру, 15-го Апрѣля, онъ еще зани-

мался дѣлами, попомъ обѣдалъ, но когда вспалъ ^{Никоновская} ^{Лѣтопись.} изъ-за стола, то вдругъ почувствовалъ сильную немощь. Едва успѣли причастить его и постричь подъ именемъ Боголѣпа. Послѣ двухъ - часовыхъ страданій онъ скончался. Скоропостижная смерть сія, породила разные толки. Многіе полагали, что Царя отправили Самозванцевы приверженцы; другіе думали, что самъ Борисъ, отчаяваясь осилить Лжедимитрія, принялъ ядъ. Но можно ли допустить, чтобы Борисъ, нѣжно любившій дѣтей своихъ, рѣшился прекратить жизнь свою, не принявъ никакихъ мѣръ къ ихъ спасенію? Нельзя также не замѣтить, что когда по низверженіи разстриги, всенародно обвиняли его не только въ дѣйствительныхъ, но даже и въ вымышленныхъ злодѣяніяхъ, никогда однако не упрекали смертью Бориса, что не преминули бы сдѣлать, если бы оставалось малѣйшее сомнѣніе на счетъ соучастія его въ отравленіи Царя. По симъ причинамъ долгъ безпристрастнаго Историка есть держаться разсказу Маржерета, который смерть Бориса приписываетъ апоплексіи.

Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злостнаго и коварнаго хищника преспола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы неспра-

ведливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамилии Романовыхъ. Но не одни льтописцы наши описываютъ злодѣянiя Борисовы. Самые имъ нѣжно честимые иноземцы, какъ на примѣръ Беръ, Маржеретъ и другiе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ. Послѣ столь единогласнаго свидѣтельства современниковъ, прошивуръчить оному двѣспи лѣтъ спустя было бы гоняться за бездоказанною новизною.

Впрочемъ каковъ ни былъ Борисъ, смерть его была бѣдою для Россiи, ибо предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Если Борису, при всей государственной опытности его, не удалось сокрушить Лжедмитрiя, то можно ли было ожидать лучшаго успѣха опъ юношеской руки шестнадцатилѣтняго сына и преемника его, Θεодора Борисовича? Напрасно новый Царь, прекрасный плъмомъ и душой, отличался умомъ и познанiями чрезвычайными. Качества сiи не замѣняли зрѣлости и твердости, необходимыхъ правительству въ смутное время, для обузданiя волнующихся страстей. Мать Θεодорова, вдовствующая Царица Марья Григорьевна, коей предстоало руководствовать любезнаго ей сына, сама столь же мало, какъ и онъ, имѣла навыка въ дѣлахъ.

Лѣтопись
Кубасова.

Однако въ столицѣ вступленiе на престоль

Θеодора совершилось спокойно. Спроптивость умовъ еще воздерживалась невольнымъ уваженіемъ къ установленному правительству, повиноватся коему не легко разучиться. При семъ случаѣ съ большою пользою дѣйствовалъ Папріархъ, искренно преданный дому Годуновыхъ. Примѣру и увѣщаніямъ его ни кто еще не смѣлъ противиться. Москва присягнула юному Царю, хотя не единодушно, по крайней мѣрѣ, единогласно.

Но утвержденіе Θеодора на престола зависѣло не столько отъ согласія столицы, сколько отъ покорности войска, собраннаго подъ Кромами. По несчастію Царица и сынъ ея не довѣряли знапнымъ боярамъ, начальствующимъ надъ опымъ, и опасались, чшобы они не вздумали, воспользо- вавшись удобнымъ случаемъ, опложиться отъ не- зависпаго для ихъ гордости повиновенія, къ ко- ему покойный Царь привелъ ихъ единымъ спра- хомъ своего могущества. Положили опозвать Кня- зя Мстиславскаго и обонхъ Шуйскихъ, подъ бла- говиднымъ предлогомъ, чшо юному Царю необхо- Миконовская
Лѣтопись. димо окружить себя совѣпниками мудрыми. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ началь- никомъ Боярина Князя Михайла Пестровича Ка- тырева-Роспновскаго, мужа честнаго, но не даль- новиднаго, коему для совѣпа и руководства при- дали, въ качествѣ втораго воеводы большого пол-

ка, Басманова, уже на дѣль оказавшаго себя вождемъ смѣлымъ и вѣрнымъ *. Самое обстоятельство, что Басмановъ не былъ вельможею родовитымъ, казалось залогомъ его преданности въ томъ предположеніи, что онъ, возчувствуя цѣну неожиданной имъ милости, будетъ всецѣло стараться заслужить оную. При отпускѣ его къ войску Царица и Царь говорили ему, что на него полагаютъ всю надежду свою, и просили его служить имъ, какъ служилъ Царю Борису. Басмановъ обѣщалъ, клялся, что не пощадитъ усилий, дабы направить всѣхъ на путь истинный, и увѣреніями своими успокоилъ царспивеннаго юношу. Но вскорѣ несчастный Теодоръ и горестная мать его должны были испытать, что часто правители ошибаются, полагаясь на непоколебимую признательность выведенныхъ ими временщиковъ.

Съ Кашыревымъ и Басмановымъ посланъ былъ также подъ Кромь Митрополитъ Новгородскій Исидоръ, для приведенія къ присягѣ всего войска.

---

* *Примѣчаніе.* Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе другихъ воеводъ. Бывшій вторымъ воевода большаго полка, Князь Телятевскій, принялъ начальство надъ сторожевымъ полкомъ, а командовавшій симъ послѣднимъ, Окольникъ Годуновъ, поступилъ въ первыя воеводы передоваго полка вмѣсто Князя Василья Голицына, которому передали, оставшееся за отозваніемъ Князя Дмитрія Шуйскаго празднымъ, начальство надъ полкомъ правой руки.

Они уже не нашли въ станѣ Мспиславскаго и Шуйскихъ. Опозваніе сихъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ было совершено съ такою оскорбительною для нихъ недовѣрчивостію, что предписывая имъ немедленно ѣхать въ Москву, пали Маржеретъ. еще опъ нихъ смерть Борисову. Войско извѣстилось объ оной только 17 Апрѣля, по прибытіи новыхъ вождей и Мипрополипа, которые имъ-немъ Θεодора обѣщали всѣмъ богатыя милости по отправленіи сорочинъ Борисовыхъ. Сдѣлалось большое волненіе. Благомыслящихъ людей печалило предчувствіе опасностей, угрожающихъ отечеству; многіе напротивъ того не скрывали преступной радости, внушасмой имъ надеждою на Никоновская
Лѣтопись. исполненіе коварныхъ замысловъ. Однако всѣ цѣловали крестъ Θεодору, иныя искренно, другіе хотя и единственно опъ того, что не успѣли условиться въ дѣйствіяхъ съ своими единомышленниками.

Шаткое расположеніе умовъ не только въ Государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не могло укрыться опъ проницательности Басманова, и погружало его въ глубокую думу. Сей мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолюбцемъ. Въ Новгородѣ - Свверскомъ онъ вѣренъ былъ не долгу своему, а еще неприкосновенному могуществу Борисову. Теперь же предусма-

привая неминуемую гибель для Теодора, онъ не имѣлъ ни какой охоты жертвовать собою для поддержанія колеблющагося престола своихъ благошворителей. Съ другой стороны онъ съ почностью, безчувствію свойственною, исчислялъ всѣ выгоды, которыя могъ себѣ доставить посредствомъ измѣны. Передавъ порученное его бдительности войско тому, въ самозванствѣ коего не сомнѣвался, онъ дѣйствительно налагалъ на главу его Царскій вѣнецъ, и сія столь важная услуга открывала ему надежду, что Самозванецъ его наградитъ, какъ бывають награждаемы сообщники похищителей чужаго достоянія, то есть съ безмѣрностію, которой ожидать не лзя отъ законныхъ владѣтелей. Сими побужденіемъ могли противуборствовать только правила чести и добросовѣстности, но они были чужды Басманову, и онъ рѣшился обезславить себя на вѣки.

Нѣсколько времени Басмановъ не приступалъ еще къ исполненію коварнаго намѣренія своего. Прежде всего ему нужно было, посредствомъ тайныхъ происковъ, уговориться съ пѣми, на сообщество коихъ онъ полагался. Во всѣхъ сословіяхъ нашлись измѣнники, даже между главными вождями. Неудивительно, что уже осрамившійся Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ вошелъ въ заговоръ; но чего ожидать не такъ легко было, тоже

сдѣлалъ одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ въ Государствѣ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и его поспыднему примѣру послѣдовалъ братъ его родной, Князь Иванъ. Сии попомки Димитрія Донскаго и Гедимиша, въ безумномъ порывѣ гордости, считали большимъ униженіемъ для себя повиноваться роду Годуновыхъ, чѣмъ лобызать руку бродяги, который по крайней мѣрѣ господство свое основывалъ на высокомъ имени. Къ симъ знашнымъ крамольникамъ пристали дѣти боярскіе городовъ: Рязани, Тулы, Каширы и Алексина, гдѣ по смерти Борисовой уже признавали за Государя мнимаго Димитрія. Еще начальники заговора превозжились мыслию, что при войскѣ находился четырехтысячный отрядъ иноземцевъ, по большей части Нѣмцевъ, которые будучи облагодѣтельствованы Царемъ Борисомъ, казалось должны были споясть за его сына. Но иноземцы, служа единственно изъ личной выгоды, легко забываютъ долгъ свой, когда опъ измѣны могутъ ожидать болѣе пользы, чѣмъ опъ вѣрности. Убѣжденные въ сей истиннѣ Басмановъ и Голицынъ рѣшились въ тайной бесѣдѣ съ начальникомъ иностранцевъ, Лифляндецемъ Фонъ Розеномъ, открытъ ему свои замыслы и показать, что при общемъ расположеніи умовъ въ пользу Самозванца, для Феодора не оставалось никакой

Паерле.

возможности удержаться на престоле, и что ему Розену безумно было бы, гонясь за призракомъ чести, обрекать себя на гибель столь же бесполезную, сколь и неминуемую. Если Розенъ еще нѣсколько колебался, то единственно отъ того что думалъ, что воеводы ищутъ только испытать его преданность къ Θεодору; но удостовѣрясь наконецъ въ дѣйствительности намѣренія ихъ предаться Лжедмитрію, онъ тотчасъ же общалъ имъ дѣйствовать съ своею дружиною съ ними заодно.

Между тѣмъ какъ сіи ковы сошлись подъ Кромами, въ Пущивлѣ разсприга ждалъ съ нешерпѣніемъ, какія слѣдствія будетъ имѣть смерть Борисова, о коей первое извѣстіе онъ получилъ 27 Апрѣля отъ выбѣжавшаго къ нему изъ Царскаго спана дворянина Бахметьева. Сперва онъ не вѣрилъ столь для него радостному событію, но въ скоромъ времени со всѣхъ сторонъ получаемыя вѣсти подтвердили показаніе Бахметьева. Также приверженцы его доносили ему, что вездѣ низкаго состоянія люди, изъ ненависти къ памяти Борисовой, гнушались повиноваться его сыну и что даже въ спанѣ подъ Кромами многіе не шани своей склонности оплодиться отъ Годуновыхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ чувствовалъ, что для ускоренія перелома въ свою пользу,

Письмо Самозванца къ Мнишку отъ 11 Мая 1605.

полезно было бы ему снова выступить в поле. Но хопя Рапомскій, староста Островскій, и привелъ ему новое подкрѣпленіе изъ Польши, всего на всего было при немъ только 2000 Поляковъ и 10,000 Русскихъ воиновъ. Силы сіи для наспу- Боршъ. пательныхъ дѣйсвій казались недоспапчными Самозванцу, управившему послѣ Добруньской неудачи прежнюю самонадѣянность свою. Самъ не смѣя еще выступить изъ Пупивля, онъ рѣшился выдвинуть только по направлению къ Кромамъ опрядъ, состоящій изъ трехъ хоругвій Польскихъ и 3,000 Русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Поляка Запорскаго.

Городъ Кромы лежатъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени; на томъ же берегу находил- Паерле. ся и главный станъ осаждающихъ войскъ. На противоположной же сторонѣ рѣки стоялъ только опрядъ для наблюденія дорогъ, изъ Пупивля ведущихъ. Гапшарская конница, высланная отъ сего опряда для развѣзда, донесла о приближеніи Запорскаго. Сіе извѣстіе произвело въ станѣ нѣкоторое смятеніе, копорымъ Басмановъ не преминулъ воспользоваться для приведенія въ исполненіе своего постыднаго намѣренія. По повелѣнію его, 7 Мая Розенъ съ иностранною дружиною переправился за рѣку Крому и выстроился

на обширной равнинѣ, прилегающей къ правому берегу сей рѣки. За нимъ слѣдовали Русскіе полки, уже пригошовленные къ измѣнѣ своими начальниками. Когда и они окончили переправу, то Басмановъ явился на мосту, громогласно провозгласилъ Государемъ Царя Димитрія, и обращаясь къ воинамъ, еще не подговореннымъ, звалъ пѣхъ изъ нихъ, которые желаютъ служить сыну Царя Иоанна, соединиться съ вѣрными его дружинами, уже переправившимися за рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту. Напрасно Окольничій Годуновъ спарался пропившись сему стремленію; его схватили и связали. Еще вѣрные своему долгу, просподушный Князь Капыревъ-Росповскій и Князь Теляшевскій, видя малое число оставшихся при нихъ воиновъ, спѣшили опступитъ съ ними до самой Москвы. Жипели Кромскіе, съ удивительною пвердоспїю выдержавшіе прехъ - мѣсячную осаду, съ радоспїю отворили ворота новымъ друзьямъ своимъ.

Посягнувъ на дѣло пропивное долгу и чести, Басмановъ дѣйствовалъ смѣло и открыто; онъ понималъ, что впредь участь его дѣлалась нераздѣльною съ участію Самозванца, и попому рѣшился предаться ему пѣломъ и душею. Но робкій Голицынъ еще лукавствовалъ. Онъ самъ ве-

лѣль связать себя, дабы въ случаѣ неудачи Лжедимитрія, еще можно было бы ему приписать принужденію признаніе его за своего Государя. Но лживымъ поступкомъ симъ онъ не успѣлъ обмануть ни попомство, ни современниковъ, а только подалъ поводъ Басманову опередить себя въ милости у Самозванца.

Первымъ стараніемъ измѣнниковъ было послать въ Пушिवль къ Лжедимитрію съ повинною, опъ имени войска и Государства, Князя Ивана Васильевича Голицына съ выборными людьми опъ всѣхъ уѣздовъ. Легко себѣ вообразилъ воспоргъ Самозванца. Дополъ назывался только Царевичемъ, опъ не усумнился болѣе принять имя Царя, которое ему давали уже восемьдесятъ тысячъ Русскихъ воиновъ. Милостиво принявъ присланныхъ изъ - подъ Кромъ, онъ послалъ повелѣніе войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ выступилъ изъ Пушивля 15-го Мая, съ бывшими при немъ Польскими и Русскими дружинами. На пути привѣтствовали его измѣнившіе воеводы, сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ Князь Василій Голицынъ и съ нимъ пріѣхалъ также Шереметевъ, который, во время осады Кромъ, начальствовалъ въ Орлѣ. Воеводы сіи проводили Самозванца до Орла, гдѣ собранное войско приняло его съ радосп-

Письмо
Отрепьева къ
Мишки отъ
14/24-го Мая
1605 года.

Отвѣты
Польскихъ
Пословъ.

ными восклицаніями. Тѣ, кои и неохотно пере-
Никоновская давались разспригъ, не менѣе прочихъ изъясляли
Лѣтопись. ему свое усердіе, дабы не подвергнуться злой уча-
сти несчастныхъ, доносчиками изобличенныхъ въ
преданности къ Θεодору, копорыхъ разослали по
темницамъ. Бывшій начальникъ передоваго полка,
Окольничій Годуновъ, также подвергся заключе-
нію. Наказавъ такимъ образомъ своихъ прошив-
никовъ, Самозванецъ немедленно приказалъ распу-
спить недѣли на двѣ или на три всѣхъ воиновъ,
Маржеретъ. имѣющихъ подмосковныя помѣстья. Прочимъ же
далъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ подъ глав-
нымъ начальствомъ Князя Василя Голицына, и
спараться пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ
въ столицу, если тамъ еще будутъ прошивишься
его воцаренію. Самъ Лжедимипрій, имѣя при себѣ
Боршъ. 2,000 Поляковъ, слѣдовалъ за войскомъ, но не со-
всѣмъ довѣряя еще оному, на каждомъ ночлегѣ
оспаивавливался за 5 или за 6 верстъ отъ глав-
наго спана и всегда около его кварширы сто По-
ляковъ содержали ночной карауль. Сии мѣры пред-
оспорожности могли бытъ не совсѣмъ бесполез-
ными, ибо дѣйствительно многіе изъ дворянъ,
Никоновская въздввшихъ съ Княземъ Иваномъ Голицынымъ изъ
Лѣтопись. подъ Кромъ въ Пупивль, узнали въ мнимомъ Ди-
мипріѣ Чудовскаго дьякона, и въ тайныхъ бесѣ-

дахъ съ горестію оплакивали, что вдались въ споль наглый обманъ.

Теодоръ еще царствовалъ въ унылой Москвѣ, но вѣнецъ Мономаховъ уже спадалъ съ юной главы его. Правительственная дума его, въ безпмятствѣ опчаянія, не принимала никакихъ мѣръ, ни для замедленія шествія Самозванца, ни для опысканія вѣрнаго убѣжища для Царскаго семейства, и заботилась единственно объ удержаніи въ повиновеніи Московской черни, коей грозное молчаніе предвѣщало близкую бурю. Уже гонцы Лжедимитріевы прѣзжали почти ежедневно въ столицу съ возмущительными грамотами, но ихъ подспергали, ловили и предавали смерти.

Беръ.

Не смотря на то, разсприга надѣялся еще взволновать столицу. Ему казалось нужнымъ, для упроченія своей державы, быть призваннымъ первопрестольнымъ городомъ, какъ законный Государь, а не врываться въ оный силою оружія, на правѣ безчиннаго побѣдителя. Для сего онъ отправилъ еще дворянъ, Наума Плещева и Гаврилу Пушкина, но не въ самую Москву, а въ полторы ^{Никоновская} версты отъ оной лежащее Село Красное, гдѣ ^{Лѣтопись и} ^{Беръ.} жили богатые купцы и ремесленники, имѣвшіе въ столицѣ многихъ друзей и родственни-

ковъ. Съ сими посланными Самозванецъ писалъ, что онъ еще не винитъ Москвитянъ, копорые, будучи обманушы Годуновыми, медлятъ признавать его, но что онъ надѣется, что наконецъ и они, по примѣру всей Россіи, откроютъ глаза; что покорность ихъ будетъ награждена, для бояръ прибавкою вотчинъ, для дворянъ и приказныхъ людей разными милостіями, для торговыхъ людей убавленіемъ пошлинъ и подапей, для всего народа благоденствіемъ и тишиною. При томъ Лжедмитрій напоминалъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны, они не избѣгутъ заслуженнаго наказанія *.

Красносельцы приняли честно Плещеева и Пушкина, съ умиленіемъ чинали привезенную ими грамоту и вызвались шумною толпою проводить ихъ въ столицу. Сіе происходило 1-го Іюня. Несчастный Феодоръ еще надѣялся смиритъ красновольниковъ, и выслалъ противъ Краснаго Села воинскую дружину. Но въ пѣхъ, кои еще и не измѣняли ему, не было уже ни бодрости ни усердія. Оробѣвшіе воины сго не дошли до Села и безъ боя обратили пыль. По ихъ слѣдамъ Красносельцы ворвались въ Москву, и дойдя до лоб-

---

* Смотри Приложенія № VII.

наго мѣста, спали сзывашь народъ для прочтенія Лжедимишрїевой грамоты. Московскіе обыватели спѣшили на сборище, гдѣ сподвижники Самозванцевы полковали имъ, что бояре и войско не передались бы Димитрію, если бы онъ не былъ испииннымъ Царевичемъ, что настало время повиниться ему и что долѣе прошивиться было бы только безумно жертвовать собою, даже безъ пользы для ненавистнаго дома Годуновыхъ, нбо Москва, защищаемая только горстью вонновъ, ушекшихъ изъ подъ Кромъ, не могла устоять прошивъ великихъ силъ, направляющихся на нее. Увѣщанія подѣйствовали. Всѣ согласились провозгласить Димитрія, иные повинуясь внутреннему убѣжденію, другіе имѣя только въ виду собственную безопасность.

Въ то время, какъ такимъ образомъ возмущался народъ на лобномъ мѣстѣ, Феодоръ съ матерью и сестрою, прелестною Ксенією, препетали во дворцѣ, окруженные знашными сановниками Государства, еще вѣрными данной юному Царю присягѣ, но съ ужасомъ предусматривающими уже неминуемое поржество Самозванца. Бодрствовали одинъ Патриархъ! Онъ заклиналъ Бояръ иппи вразумить народъ, и направить его на путь долга и правды. Внемя ему Князь Мстиславскій, Маржереть.

Беръ.

Князь Шуйскій, Бѣльскій и другіе вышли на лобное мѣсто и тщетно пыталась усовестить взволновавшуюся чернь. Грозный вопль мятежа заглушалъ рѣчи ихъ. Имъ кричали: *Не гибнуть намъ за Годуновыхъ! Да здравствуетъ Дмитрій! Мы были во тьмѣ крольшиной! Красное солнце наше восходитъ!* Съ этими словами, бунтовщики хлынули ко дворцу. Еще Кремлевскія стѣны могли бы остановить ихъ стремленіе, но въ безпамятствѣ страха никто не помыслилъ запереть крѣпостныя ворота. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, буйныя толпы ворвались во дворецъ, схватили Царя, Царицу и Царевну, но среди самаго неистовства своевольничества, сохраняя еще нѣкоторое уваженіе къ прежнимъ повелителямъ своимъ, отвели ихъ безвредно на старый дворъ Годунова. Воздержанность сія пѣтъ болѣе была замѣчательна, что ненависть народная къ памяти Царя Бориса существовала во

Никоновская
Лѣтопись.

всей силѣ. Всѣ родственники его, Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы были заключены; дома ихъ разломали, имѣніе разграбили не только въ столицѣ, но даже попомъ и въ помѣстьяхъ и вошчинахъ ихъ. Имѣніе иностранныхъ медиковъ также подверглось расхищенію, единственно отъ того, что покойный Царь любилъ и жаловалъ ихъ.

Беръ.

Наконецъ Болре, уже дѣйствующіе именемъ Димитрія, утишили мятежъ. Вся Москва цѣловала крестъ Самозванцу, и 3-го Іюня боярская Розрядная дума книги. выслала къ нему съ покорностію споліцы Бояръ: Князя Ивана Михайловича Воропынскаго и Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, Окольного Петра Шереметева и думнаго дьяка Власьева. Посланые сіи наши разспригу въ Туль, уже извѣщеннаго о событіяхъ Московскихъ, чрезъ полученныя имъ донесенія опъ Плещеева и Пушкина. Самозванецъ принялъ на себя видъ законнаго Государя, справедливо раздраженнаго слишкомъ Никоновская Летопись. продолжительнымъ упорствомъ своихъ подданныхъ. Первымъ наказаніемъ для прибывшихъ вельможъ служило то, что Опрепьевъ прежде ихъ допустилъ къ рукъ своей присланныхъ къ нему съ Дону Козаковъ. Когда же позволилъ явиться предъ собою представителемъ думы Боярской, то грозно упрекалъ ихъ въ непокорности, а Князя Теляшевскаго не хотѣлъ даже простить за то, что подъ Кромами онъ не приспалъ къ измѣнившимъ въ пользу его восводамъ. Онъ приказалъ посадить его въ тюрьму, и позволилъ въ глазахъ своихъ Козакамъ бить его почти до полусмерти.

Опираясь на покорность войска и споліцы, Опрепьевъ уже могъ вездѣ дѣйствовать какъ Царь

законный. По повелѣнію его въ опдалениѣйшіе города Россіи разослали указы, для приведенія всѣхъ людей къ присягѣ Царицѣ инокинѣ Марѣѣ Θεодоровнѣ, и сыну ея Царю Димитрію Іоанновичу *. Ни гдѣ не встрѣшилось ни малѣйшаго сопротивленія, и цѣлая Россія безпрекословио цѣловала крестъ дерзкому бродягѣ.

Однако Самозванецъ еще медлилъ вступленіемъ своимъ въ Москву. Его тревожила мысль, что памъ будетъ встрѣченъ Папріархомъ, которому лично былъ извѣстенъ. Также не мало заботило его и то, что не ловкіе клеветы его въ день возмущенія позволили народу оставитъ въ живыхъ Царя Θεодора. Если бы разстрига дѣйствительно былъ настоящимъ Димитріемъ, то могъ бы великодушно миловать Θεодора, который въ глазахъ его былъ бы только невиннымъ сыномъ его злодѣя, но для Самозванца существованіе законнаго Государя представляло ежедневную опасность, ибо только явленіе настоящего Димитрія могло справедливо уничтожить права на престолъ Θεодора, законно наследовавшаго послѣ отца, коего избраніе было единогласнымъ дѣломъ цѣлой Россіи. Къ тому же, прекрасныя качества Θεодора при-

---

* Смотри Приложенія № VIII и IX.

влекали къ нему сердца всѣхъ, коихъ не ослѣпляла закосиѣлая неаивисть къ Царю Борису. Опрепьевъ не былъ нрава свирѣпаго, не любилъ проливать крови, но въ семъ случаѣ желаніе упрочить свое владычество заглушало въ душѣ его гласъ совѣсти и челоѣколюбія. Онъ рѣшился убіеніемъ Θεодора избавишься опъ докучнаго соперничества.

Принявъ сіе гнусное намѣреніе, Самозванецъ отправилъ передъ собою въ Москву Басманова съ частію войска. Но сердце челоѣческое вмѣщаетъ въ себѣ различныя степени злодѣйства! Басмановъ могъ бытъ измѣнникомъ, а не палачемъ! Онъ взялъ на себя только удерживать въ повиновеніи столицу. Для святошества же и царубійства Лжедимириій избралъ столь же низкаго душою, сколь высокаго родомъ Князя Василья Голицына, и ему придалъ въ товарищи подобнаго ему въ беспыдствѣ, Князя Василья Рубца-Мосальскаго, который въ Пущивлѣ первый изъ чиновныхъ людей добровольно предался Самозванцу. Съ ними же былъ посланъ дякъ Супуповъ, челоѣкъ одинакихъ съ ними свойствъ. По прибытіи своемъ въ Москву, злодѣи занялись сначала изгнаніемъ Патріарха. Посланные ими люди ворвались въ Успенскій соборъ, гдѣ священнодѣйствовалъ Іовъ, и не воздерживаясь свяшостию мѣста, въ самомъ алтарѣ

Никоновская
Лѣтопись.

стали рвать съ него свяшительскую одежду. Товъ не унижилъ високаго сана своего непристойною слабостію. Снявъ самъ съ себя панагію, онъ положилъ ее у чудотворной иконы Владимірской Богоматери, и со слезами возопилъ: *О всемилостивая пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложенъ на мя недостойнаго во храмъ твоємъ, Владычица, у честнаго образа твоего чудотворной иконы; сею азъ грѣшнѣйшій испрѣвляхъ слово сына твоего Христа Бога нашего девятнадцать лѣтъ; сія православная христіанская вѣра нерушима была; нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, видимъ на сію православную христіанскую вѣру находяще еретию, мы же грѣшныя молимъ, умоли пречистая Богородица сына своего, Христа Бога нашего, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо. Сіе упредительное воззваніе пропивъ готовящихся для правовѣрія напастей еще болѣе озлобило пропивъ свяшителя Лжедимитріевыхъ слугъ, которые одѣвъ его въ черную рясу проспаго монаха, позорно шаскали по храму и по площади, и наконецъ посадивъ въ шельгу, послали на обѣщаніе въ Старицкій Богородицкій монастырь.*

Совершивъ постыднѣйшій подвигъ надъ Папріархомъ, Князя Голицынъ и Мосальскій не замедли-

ли исполнишь и ужасный приговоръ падъ царскимъ семействомъ. Взявъ съ собою Михайлу Молчанова, Андрея Шелефединова, да шрехъ стрѣльцевъ, они отправились на Годуновъ дворъ, гдѣ нашли Царя, Царицу и Царевну сидящихъ вмѣспѣ. Ихъ немедленно развели по разнымъ комнатамъ, и принялись за злодѣйское дѣло. Царица попчасъ же была удушена, но молодой Феодоръ защищалъ жизнь свою какъ разъяренный левъ. Долгое время онъ боролся прошивъ чепырехъ убійць и палъ мерпвъ только тогда, когда получилъ ударъ, опнявшій у него всѣ силы *. Царевну Ксенію, которой дивная красота возбуждала сладострастіе часто выдавашаго ее въ Чудовъ монастырь Самозванца, была сбережена для похопи палача ея несчастнаго семейства, и опшведена безвредно въ домъ позорнаго Рукописное извѣстіе о Самозванцѣ. угодника Лжедимипріева, Князя Мосальскаго. По убіеніи державнаго юноши и его матери, безбожный Князь Голицынъ старался разгласить въ народъ, что они сами со спраха отправили себя. Но поелику Самозванецъ не инако могъ извлечь

---

* *Примѣчаніе.* Вотъ точныя слова летописца: Царевича жъ многе часы давиша, яко жъ не младости в тѣ поры далъ Богъ ему мужество, тѣ же ихъ злодѣи убойцы ужасошеса, яко единъ съ четьрмя боряшеса; единъ же отъ ихъ злодѣи убойца взятъ его за тасныя... и раздавы.

пользу опъ смерти Теодоровой, какъ удостовѣривъ въ оной всю Россію, по и вынуждены были выставить всепородно трупы несчастныхъ жершвъ, такъ что всякой могъ убѣдиться, что смерть имъ приключилась опъ давленія. Самый прахъ Царя Бориса не оставленъ въ покоѣ; шѣло его было выкопано изъ Архангельскаго собора, переложено въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ шѣлами супруги и сына погребено въ Варсонофіевскомъ монастырѣ на родовомъ кладбищѣ Годуновыхъ. Заключение со дня мяшежа, родственники Годуновыхъ, были разсланы по Низовымъ и Сибирскимъ городамъ. Только Семена Годунова, сосланнаго въ Переславль Залѣскій, тамъ удушили. Сія казнь служила ему наказаніемъ за то, что при Царѣ Бористѣ онъ былъ главнымъ орудіемъ гоненій на Романовыхъ, къ коимъ Самозванецъ выказывалъ любовь свою, уважая въ нихъ родственную связь съ братомъ, будпо милымъ сердцу его, Царемъ Теодоромъ Ивановичемъ.

Очисшивъ такимъ образомъ столицу опъ всѣхъ прошивниковъ своихъ, расприга рѣшилъ ипши къ оной. На пути въ Серпуховъ онъ въ великолѣпныхъ шатрахъ угощалъ обѣденимъ споломъ до 500 знапныхъ особъ. Потомъ 16-го Іюня перешелъ въ село Коломенское, гдѣ дневалъ иѣ-

Петрей.

Никоновская
Лѣтопись.

Боршъ.

сколько дней, чтобы предварительно развѣдать о расположеніи Москвитянъ, коимъ не преставаля Беръ. еще не довѣрять. Но опасенія его казались совершенно неосновательными. Сановники Московскіе спѣшили къ нему въ Коломенское съ хлѣбомъ, солью и богатыми дарами. Лазутчики его также единогласно извѣщали, что столица ждетъ его съ радостнымъ нетерпѣніемъ.

Самозванецъ рѣшился наконецъ вступить въ Москву 20-го Іюня, но и среди торжественнаго шествія своего онъ для личной безопасности принималъ мѣры, копорыя обнаруживали невольное смущеніе пресупной души. Правда, его окружали шестьдесятъ Русскихъ вельможъ, но впереди и Петрей. сзади ѣхали дружины Польской конницы; попомъ слѣдовали иностранное войско, Козаки, и наконецъ Русскіе стрѣльцы замыкали шествіе во все время, коего гонцы скакали безпрестанно взадъ и впередъ по всѣмъ улицамъ, и ежеминутно доносили Лжедимипрію о состояніи столицы. Но все кипѣло радостію и усердіемъ. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ толпился на улицахъ, по коимъ проѣзжалъ Самозванецъ; кровли домовъ и церквей усыпаны были зрителями. При появленіи Лжедимипрія, народъ кланялся въ землю и кричалъ: *Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Вели-*

кой Князь Всероссійскій! Даруй Боже тебѣ многія лета! Да остынитъ тебя Господь на встѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семь мѣртъ. Ты наше солнце красное! Самозванецъ отвѣчалъ: Здравствуйте, мои дѣти, встаньте и молитесь за меня Богу! Время было прекрасное, но въ ту самую минушу, какъ Самозванецъ чрезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота выѣхалъ на площадь, поднялся страшный вихрь, шакъ что лошади едва не попадали. Народъ, въ ужасѣ, принялъ сіе за худое предзнаменованіе для новаго царствованія. Однако шествіе продолжалось и Самозванецъ достигнулъ лобнаго мѣста, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и иконами, сошелъ съ коня, приложился къ святынямъ и приказалъ пѣть молебень, въ продолженіи коего, къ соблазну и первому негодованію Москвитянъ, Поляки, не слѣзшіе съ лошадей, прубили въ трубы и ударяли въ бубны. Потомъ разсприга пошелъ въ Кремль и въ Царскихъ палахахъ сѣлъ на престолъ мнимаго опца своего Іоанна Грознаго. Провожавшее его Польское войско помѣщено было все вмѣстѣ на Посольскомъ дворѣ. Лжедимитрій, не опспранившій еще опъ себя недовѣрія къ Москвитянамъ, желалъ иноземцевъ сихъ имѣть всегда у себя подъ рукою. Только въ послѣдствіи

Пикоповская
Лѣтопись.

Боршъ.

времени, изъ уваженія къ жалобамъ Поляковъ на преперпѣваемую ими шѣснопу, позволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти на особыя квартиры.

Впрочемъ подозрѣнія Самозванцевы имѣли нѣкоторое основаніе. Не возможно, чтобы въ продолженіи шесствія его, почти черезъ весь городъ, ни кто изъ Московскихъ жителей не узналъ въ немъ дьякона Отрешьева. Уже многіе шептали между собою, что по явному поущенію Божію, Русскіе за грѣхи свои поднали подъ иго наглаго обманщика. Хотя шаковыя толки еще пропиву-
рѣчушіе общему мнѣнію и не оглашались, но не
менше того лазупчики Лжедмитріевы довели ихъ
до его свѣдѣнія. Самозванецъ опасаясь, чтобы рано или поздно истина не разъяснилась, далъ порученіе Окольничему Богдану Бѣльскому, упредить Беръ.
грозный гласъ ея новымъ лживымъ свидѣтельствомъ. Бѣльскій, спарый любимецъ Царя Іоанна Васильевича, былъ человекомъ щеславнымъ и гибкосовѣстнымъ. Онъ вышелъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи другихъ вельможъ, и напомнивъ народу, что по избранію Царя Іоанна былъ пѣспуномъ малолѣпнаго Царевича Димитрія, кляшвенно увѣрялъ, что Самозванецъ былъ истиннымъ сыномъ Іоанна, спасеннымъ по особенной Божеской милости, и наконецъ поцѣловавъ висящій на груди его образъ Николая Чудотворца, воскликнулъ:

Брегите и чтите своего Государя. Слушатели единогласно отвѣщивали: Богъ да сохранитъ Царя Государя и погубитъ встьхъ враговъ его. Симъ криводушнымъ дѣйствіемъ вѣроломнаго спарца достойно заключилось позорное шоржество сего несчастнаго незабвеннаго дня, въ который Русскіе, такъ сказать на раменахъ своихъ, внесли удалаго злодѣя въ священные чертоги древнихъ своихъ Державцевъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

=

(1605—1606 годы.)

=

Съ перваго взгляда казалось бы, что человекъ, изъ низкаго сословія достигнувшій верховнаго сана, уже долженъ почищаться преодолевшимъ главнѣйшія препятствія, сопряженныя съ столь многотруднымъ предпріятіемъ, и что ему остается только спокойно наслаждаться тяжко добытымъ величіемъ. Но Исторія какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ, почти всегда являетъ намъ противоположное. Она многими примѣрами удостоверяетъ, что скорѣе можно похититься престоломъ, чѣмъ удержаться на похищенномъ. Впрочемъ, сіе довольно объясняется и тѣмъ, что никто безъ особенной отважности и слѣпой дерзости, не

моженъ безмѣрно возвыситься, а самыя свойства сіи исключаютъ благоразуміе, необходимое для упроченія верховной власти и, напрошивъ того, виушая чудному счастливицу опасную самонадѣли- ность, вѣдутъ его къ опрометчивости и свое- правію, всегда пагубнымъ для правителей. Оди- накія причины должны имѣть и одинакія послѣд- ствія: участь Лжедимирія предугадывается.

Всякое новое царствованіе, каково бы оно ни было въ послѣдствіи, всегда начинается похваль- но. Первыя дѣйствія Самозванцева правленія шѣмъ болѣе ознаменованы были милостями, изліянными почти на всѣ сословія, что онъ самъ говаривалъ, что въ его понятіяхъ державцамъ представляю- ся только два способа для укрѣпленія своей вла- сти: удерживать всѣхъ въ повиновеніи чрезмѣр- ною суровостію, или милостями и щедростями стараться привязывать къ себѣ людей, не жа- лѣя для сего никакихъ сокровищъ, и что онъ, по побужденію сердца своего, избралъ послѣднее сред- ство.

Не только мнимые родственники новаго Ца- ря, Чагіе, и также Романовы, но и всѣ прочія жертвы мстительнаго и подозрительнаго Царя Борца были возвращены изъ ссылки. Невольно посприженнаго въ монахи Филарета Никишича

Письмо Бу- чинскаго къ Разстригѣ отъ Января 1606.

Хронографы. Романова посвящали въ Митрополиты Ростов-

скіе и Ярославскіе. Слѣпой Царь Симеонъ Бекбу-^{Разрядныя}
лаповичъ былъ вызванъ въ столицу и принялъ ^{книги.}
съ великою честью. Самые родственники Годуно-
ва испытали важное облегченіе въ своей участи.
Ихъ не только освободили отъ заключенія, но
даже дали имъ воеводскія мѣста въ Сибири и
другихъ отдаленныхъ городахъ. Басмановъ первый
получилъ боярство. Потомъ многіе изъ знатныхъ
особъ были пожалованы въ бояре, другіе въ
Окольничіе. Всѣмъ служивымъ людямъ удвоили
денежное жалованье. Торговля была объявлена со-^{Беръ.}
вершенно свободною, какъ для Русскихъ, такъ и
для иноземцевъ. Приказамъ повелѣно вершить дѣ-
ла безъ всякихъ посулъ. Объявлено, что самъ
Царь будетъ въ каждую Среду и Субботу у себя
на крыльцѣ принимать челобитныя отъ всѣхъ
людей. Дзедимирій не только самъ хощелъ хва-
литься справедливостію, но даже оказывалъ го-
товность исправлять неправды прежнихъ лѣтъ.
Такъ наиримѣръ, мнимый отецъ его, Царь Иванъ
Васильевичъ, по злоспому своему мало ^{Письмо Бу-}
забопившійся о священной неприкосновенности ^{чинскаго къ}
частной собственности, забиралъ у многихъ лицъ ^{разстригъ отъ}
деньги, которыя никогда возвращаемы не были ^{Января 1606.}
не только самымъ Грознымъ Царемъ, но даже и
въ правленіе Бориса Годунова. Самозванецъ прика-
залъ выдашь всѣ суммы сіи, кому онъ принадле-

жали. Слѣдуя принятому намѣренію, по возможности за добриваніемъ всѣхъ, онъ хотѣлъ было угодить и духовенству, призвавъ Епископовъ въ Государственную думу, которую предполагалъ преобразить на подобіе Польскаго Сенапа. Но сдѣланное уже имъ на сей предметъ предначертаніе не было произведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что онъ еще опасался на первыхъ порахъ, въ столь важномъ дѣлѣ, огорчить Русскихъ оскорбительнымъ для ихъ народной гордости подражаніемъ Польскому установленію *.

---

* *Примѣчаніе.* Н. М. Карамзинъ полагаетъ напротивъ того, что дѣйствительно Сенатъ былъ учрежденъ Лжедмитріемъ. Мнѣніе сіе основано только можетъ быть на существованіи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ росписи (Смотри Приложенія № X.) Московскимъ Сенаторамъ, писанной по Польски въ Іюнь 1605 года рукою Разстригина Секретаря, Яна Бучинскаго, и еще на томъ обстоятельстве, что Беръ называетъ Сенаторами Самозванцевыхъ думныхъ Совѣтниковъ. Но если взять въ соображеніе, что ни одинъ изъ Русскихъ летописцевъ не упоминаетъ о преобразованіи думы, и что даже въ 1606 году указы писались отъ имени однихъ Бояръ, то не льзя ли полагать, что роспись Бучинскаго оставалась проектомъ безъ исполненія, и что Беръ называлъ тогдашнихъ Бояръ Сенаторами, только изъ подражанія Полякамъ, такъ переводившимъ Русское слово Боярина, и съ коими онъ дружилъ болѣе, чѣмъ съ Русскими. Только дѣйствительно при Дворѣ введены были нѣкоторыя новыя должности, какъ на примѣръ *Великаго Мечника*, каковое наименованіе дается и въ Государственныхъ бумагахъ того времени Князю Щуйскому-Скопину.

Одни низкаго сослоянiя люди не видали опѣ Самозванца облегченiя въ участи своей. Но Лжедмитрiй имѣя въ особенности въ виду привязать къ себѣ военныхъ людей, не хотѣлъ лишить ихъ великихъ выгодъ, предоспаваемыхъ имъ законами Годунова о крестьянахъ и холопахъ. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя объявленъ былъ боярскiй приговоръ, который хотя утверждалъ крепостное право владѣльцевъ, но по крайней мѣрѣ обуздывалъ ихъ склонность къ несправедливымъ притязанiямъ. По силѣ сего приговора, бѣжавшiе крестьяне возвращались безпрекословно прежнимъ владѣльцамъ, кромѣ покинувшихъ жилища свои въ голодные 1602, 1603 и 1604 годы, пошому что на родинѣ не чѣмъ было имъ пропитаться. Таковыя оспавались за шѣми владѣльцами, въ домахъ или имѣнiяхъ коихъ нашли достаточное призрѣнiе въ нужное время. Также если крестьянинъ какого владѣльца, поступившiй въ голодные года къ нему въ холопи, спалъ бы отбывавъ холопства подѣ предлогомъ, что ему въ крестьянствѣ было чѣмъ прокормиться, но что его закабалнлъ владѣлецъ насильно, то повелѣвалось разыскивать, записана ли кабала въ городѣ въ книгѣ? Если записана, то челобитчикъ оспавался въ холопствѣ по той причинѣ, что не жаловался о насилiи при явкѣ кабалы; напрошивъ

же того, не явленнымъ кабаламъ ипозволялось давати вѣры, и въ такомъ случаѣ холопъ обращался по прежнему въ крестьянство. Впрочемъ, уже введенная въ обыкновеніе пятилѣпная давность, на опысканіе бѣглыхъ крестьянъ, была утверждена во всей ея силѣ *.

Отрѣшеніе Іова оставило празднымъ первосвященельское мѣсто въ Россіи. Самозванцу нужно было видѣть на ономъ человѣка уклоннаго, который бы согласился содѣлаться соучастникомъ тайныхъ замысловъ его противъ православія. Выборъ его палъ на Игнатія, Архіепископа Рязанскаго. Сей паспырь, льспивый и двуязычный Грекъ, былъ прежде Архіепископомъ Кипрскимъ; но изгнанный Турками, онъ нашелъ сперва убѣжище въ Римѣ, а потомъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ по особенному благоволенію Царя Бориса, поручили ему Рязанскую Епархію. Въ возмездіе дому Годуновыхъ за сіе благодареніе, онъ первый изъ священелей выѣхалъ въ Тулу на срѣшеніе Самозванцу. Возведенный на Папріаршій престолъ, онъ съ робкимъ молчаніемъ царедворца смотрѣлъ на всѣ соблазны, коими Самозванцу суждено было огорчать правовѣрныхъ.

Карамзинъ.

---

* Смотри Приложение № XI.

Но ни посвященіе надежнаго Папріарха, ни какое либо государственное дѣло, не были тогда для Димитрія предметомъ главнѣйшихъ заботъ. Все вниманіе его было устремлено на успѣхъ начатыхъ имъ тайныхъ сношеній съ Царицею инокинею, Марѳою Федоровною, матерью наспо- ящаго Царевича Димитрія. Признаніе ею Само- званца за своего сына было для него необходи- мымъ условіемъ прочности его воцаренія. Подо- сланнымъ отъ него людямъ вѣрно было напо- мнить Царицѣ ожидающія ея почести, а съ дру- гой стороны внушить ей, что если она опва- жнися изобличить его во лжи, то неминуемо об- речетъ на вѣрную гибель не только себя, но и весь свой родъ. Прельщеніями и угрозами увлечен- ная Царица, наконецъ согласилась способствовать обману. Обрадованный Самозванецъ послалъ къ ней въ Выксинскій монастырь—звать ее въ спо- лницу,—Великаго Мечника, Князя Михайлу Василье- вича Скопина - Шуйскаго, съ блестящею свитою. Часъ перваго свиданія обманщика съ мнимою ма- терью для обѣихъ сторонъ былъ труднымъ ис- пытаніемъ. Осторожность преобладала не давая оному свидѣтелей, но также не благовидно было бы Самозванцу не встрѣчать Царицы. Для согла- шенія сихъ противоположностей, онъ выѣхалъ 18-го Іюля въ Село Тайнинское, гдѣ по приказа-

Окружная
грамота Ца-
рицы Марѳы
21-го Мая
1606 года.

нію его былъ разбишъ шатеръ блнзъ большой до-
роги. Царица одна, введенная въ шатеръ, ожидала
уже въ ономъ Царя, который также одинъ во-
шелъ къ ней. Тутъ повторяя ей обѣщанія и угро-
зы, онъ уговорилъ ее выказывать къ нему при-
творную нѣжностъ. Оба вышли изъ шатра обни-
мая другъ друга къ умнленію легковѣрныхъ зришелей,
которыхъ собралось великое число. Царица сѣла
въ карету, а Самозванецъ съ обнаженною головою
шелъ возлѣ нея пѣшкомъ около трехъ верстъ, опи-
раясь на подножку кареты. Потомъ онъ сѣлъ на
лошадь и поскакалъ впередъ, дабы встрѣпить ее
на порогѣ Царскихъ Палатъ. Въ послѣдствіи, Ца-
рица перешла въ богато изготовленные для нея
покои въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ,
гдѣ получила царское содержаніе и была ежеднев-
но посѣщаема мнимымъ сыномъ своимъ. Чрезъ
три дня послѣ ея пріѣзда, Самозванецъ вѣнчался
на царство въ Успенскомъ соборѣ, съ обыкновен-
ными обрядами.

Хотя повидимому все споспѣшествовало Лже-
дмитрію, однако много еще заботъ ему пред-
стояло для сокрытія истины. Настоящая мать
его, Варвара Опрепьева, родной братъ и дядя
Смирной Опрепьевъ, не обинуясь всему Галичу
объявляли о гнусномъ обманѣ. Смирной за сін рѣ-
чи былъ сосланъ въ Сибирь, но гласъ природы

Дневникъ
Марицы.

Беръ.

Палицынъ.

не заглушался еще въ сердцѣ Самозванцевомъ; онъ не отважился распроспранить мѣсть свою на родительницу и на еднушпробнаго своего *, и безнаказанность сихъ лицъ придавала еще болѣе въсую ихъ уликамъ.

Не въ одномъ семействѣ Отрепьева нашлись смѣлые поборники правды. Среди самой Москвы, явился монахъ, всенародно удостовѣряющій, что давно знаешь Отрепьева, который учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ, и что сей же именно человекъ овладѣлъ Царскимъ престоломъ подъ именемъ Димитрія. Монахъ былъ схваченъ и тайно умерщвленъ въ пюрѣмѣ. Петрей.

Сколь ни важны были свидѣтельства сін, по-

---

* Н. М. Карамзинъ, полагаясь на современное сочиненіе (*légende de la vie et de la mort de Demetrius*) иностраннаго купца, жившаго тогда въ Москвѣ, утверждаетъ, что мать и братъ Самозванцевы были заключены въ темницу, но иноземецъ могъ только вѣрно описывать что происходило въ его глазахъ, а не въ отдаленныхъ мѣстахъ Государства. Келарь Авраамій Палицынъ, коего свидѣтельство гораздо достовѣрнѣе, упоминая о рѣчахъ Варвары Отрепьевой и ея сына и деверя, прибавляетъ только, что Смирной былъ сосланъ и *принялъ много озлобленій* отъ своего племянника. Троицкій монахъ, не упускающій ни одного случая поносить Самозванца, часто даже съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, не преминулъ бы поставить на видъ жестокое обращеніе его съ самою матерью своею. Но Палицынъ сего не дѣлаетъ, и слѣдственно Варвара Отрепьева оставлена въ покоѣ.

сившія на себѣ безсомнѣнный оппечатокъ само-
опроверженія, недослупнаго для клеветниковъ, со-
всѣмъ тѣмъ, происходя отъ людей не знапныхъ,
они мало беспокоили Лжедимирия; котораго го-
раздо болѣе превозжи разглашенія, дѣланныя въ
столицѣ по наущенію Князя Василя Ивановича
Шуйскаго. Сей вельможа, болѣе всѣхъ прочихъ
убѣжденный въ самозванствѣ разсприги, могъ со-
гласиться признать его за своего Государя един-
ственна по необходимости покориться первому
порыву всенароднаго увлеченія. Но въ сердцѣ сво-
емъ онъ не преспавалъ питать надежду, что въ
скоромъ времени сила истины разсѣпъ чадъ не-
поняпнаго предубѣжденія. Удрученный стыдомъ
и горестію, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность,
способствовать ожидаемому имъ спасительному
противудѣйствию, въ чемъ могъ успѣшь болѣе
всякаго другаго, потому что имѣлъ вліяніе на
Московскихъ гражданъ, которые вообще любили
его за его привѣпливость, и уважали въ немъ не-
обыкновенныя способности ума высокаго, соеди-
ненныя съ великимъ богатствомъ и знаменипо-
спію происхожденія. Многочисленные приверженцы
его спали распроспранять въ народъ толки о
самозванствѣ Царя. Внушенія сіи были дѣланы да-
же безъ надлежащей осмотрительности, такъ
что дошло объ нихъ до свѣдѣнія Басманова, ко-

порый спъшилъ предосперечь Лжедимитрія. Раз- Сказанія еже
гласителей схвашили и пытали: многихъ изъ нихъ содълся.
разослали по темницамъ, но двухъ болѣе прочихъ
нзобличенныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ прошивъ обла- Никоновская
дашеля престола, а именно дворянина Петра Тур- Лѣтопись.
генева и мѣщанина Федора Калачника казнили Палцынъ.
смертію. Калачникъ, гошовясь положишь голову
на плаху, съ пѣрдоспію говорилъ народу: *се при-*
яли есте образъ антихристовъ, и поклонитесь по-
сланному отъ сатаны, и тогда разумъете, егда
вси отъ него погибнете. Но еще не разувѣренная
чернь ругалась ему и кричала, что по дѣломъ по-
гибаетъ клеветникъ.

Оспавалось наказашъ главнаго виновника опас-
ной молвы, Князя Шуйскаго. Но мужъ сей спюялъ
на споль высокой степени въ общемъ мнѣніи,
что Самозванецъ, для безпрепятствениаго совер-
шенія надъ нимъ казни, почель необходимымъ при-
бѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, какъ при по-
спановленіи приговора, такъ и при исполненіи
онаго. Шуйскій предспаль предъ соборомъ, со-
спавленномъ, какъ въ то время водилось только
при рѣшеніи великихъ Земскихъ дѣлъ, изъ Духо-
венства, Бояръ и выбраниныхъ людей всѣхъ сосло-
вій. Всѣ единогласно признали Шуйскаго винов- Маржереть.
нымъ въ оскорбленіи Царскаго Величества дерз-
кою клеветою, и приговорили его къ опсѣченію

Хронографъ. головы. Въ назначенный для казни день осужденный выведенъ былъ на лобное мѣсто, которое окружали вооруженные Спрѣльцы и Поляки и гдѣ уже палачъ готовилъ сѣкиру и плаху. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ выспавлены были также войны съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ роился по площади. Бояре Салтыковъ и Басмановъ, разбѣгая между толпами, читали слѣдующее провозглашеніе: *Сей Великій Бояринъ, Князь Василій Шуйскій, мнѣ природному своему Государю Царю и Великому Князю Дмитрію Иоанновичу всея Росіи измѣняетъ, и разсѣваетъ неприличныя рѣчи, не хотя меня на Государствѣ Царемъ видѣти, и остужаетъ со всеми Бояры и людьми Московскаго Государства, и со всеми православными Христіанъ; называетъ меня еретикомъ, Гришкою Отрепьевымъ, Разстригою, и за то его осудили мы смертію казнить, да умретъ. Ибо сіе не мною, не ново уложилось, но отдревле, отъ прародителей нашихъ, что за измѣну казнить, не щадя ни дяди, ни брата, ни сродниковъ своихъ, ни великихъ Бояръ. Слушатели, удержанные въ повиновеніи приспѣвиемъ войскъ, однимъ унылымъ молчаніемъ выражали свое негодованіе. Шуйскій не оказывалъ робости. Когда палачъ сталъ раздѣвать его, то онъ еще громко воскликнулъ: *Братья! умираю за Вѣру Христіанскую и за васъ! Уже онъ клалъ**

голову на плаху, какъ вдругъ въ Спасскихъ воротахъ раздается крикъ: «стой! стой!» Выбѣжавшій изъ Кремля Нѣмецъ, съ Царскою грамотою въ рукахъ, объявляетъ, что Царь, по ходатайству Поляковъ, даруетъ жизнь преслупнику. Радость была всеобщая.

Въ самомъ дѣлѣ не Полякамъ Шуйскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Напрошивъ того, многіе изъ нихъ, изъ самыхъ приближенныхъ къ Лжедимитрію, предусматривали большую опасность въ помилованіи столь важнаго врага. Но за Князя Василя Ивановича явился ходатай, котораго предсшательства не могъ опровергнуть и самъ Самозванецъ. Царица Инокія Марѳа, вынужденная пошворствомъ своимъ упрочивать богопрошвнный обманъ, помилась душевною тоскою; для уменьшенія тяготившаго ея совѣсть грѣха, она рѣшилась по крайней мѣрѣ не допускать до казни знатнѣйшаго свидѣтеля истины и требовала опъ мнимаго сына своего смягченія жребія несчастнаго Шуйскаго. Лжедимитріій не смѣлъ прошевиться ея желанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ опъ разгласилъ, что умилошвился по просьбѣ Поляковъ, вѣроятно, чтобы участіе Царицы въ семъ дѣлѣ скрыть опъ народа, которому дѣйствительное могло казаться страннымъ видѣть мать, заботящуюся о избавленіи злѣйшаго и опаснѣйшаго

Письмо Яна Бучинскаго къ разстригѣ, въ Ливарѣ 1606 года.

Маржеретъ и Никоновская летопись.

врага сына своего. — Князь Василій Ивановичъ съ двумя родными братьями своими, Димитріемъ Хропографъ. и Иваномъ, были сосланы въ пригороды Галицкіе, а имѣніе ихъ опобрано въ казну.

Представился еще другой случай, гдѣ также Царица вмѣнила себѣ въ священную обязанность прошивишься волю Самозванца. Тѣло настоящаго Царевича Димитрія похоронено было въ Угличѣ въ соборной церкви. Сія почестъ несовмѣстна была съ воцареніемъ мнимаго Димитрія, копорый призналъ необходимымъ для себя, вырыть тѣло и похоронить на общемъ кладбищѣ, какъ простаго поповскаго сына. Но не дерзая исполнить сего безъ соизволенія Царицы, онъ просилъ ее не прошивишься столь нужному для его спокойствія дѣйствию. Царица ужаснулась и рѣшительно отказалась предать на поруганіе останки милаго ея сердцу отрока. Всѣ усилія Самозванца, чтобы поколебать ея упорство, были безуспѣшны, и онъ вынужденнымъ былъ отказаться отъ своего предпріятія. Впрочемъ, одно намѣреніе попревожить прахъ сына, такъ ожесточило мать, что она стала искать шайнаго средства, важнымъ свидѣтельствомъ своимъ, изобличить въ самозванствѣ гнуснаго обманщика. При ней находилась у ней воспитанная молодая Лифляндка Розенъ, взявшая въ плѣнъ ребенкомъ во время Лифляндской

Петрей и рукопись Жолкѣвскаго.

войны. Сія дѣвушка вошла въ сношеніе съ жившимъ въ Москвѣ Шведомъ, который по убѣжденію ея поѣхалъ въ Польшу съ порученіемъ Царицы, извѣспить Короля, что похищисль Московскаго престола не еспь ея сынъ, хотя она для своей безопасности явно и признала его за таковаго.

Около того же времени случилось большое смятеніе въ столицѣ. Прибывшіе съ Самозванцемъ Поляки много безчинствовали, полагаясь на пошворство Царя. Одинъ изъ ихъ поварищей шляхтичъ Липскій, уличенный въ преступленіи, былъ Боршъ, схваченъ и приговоренъ къ наказанію кнупомъ. Но когда, по тогдашнему Русскому обыкновенію, осужденнаго водили по улицамъ, Поляки брослись опбивать его. Сдѣлалась сильная драка, въ коей съ обѣихъ споронъ было много убитыхъ и раненыхъ. Такъ какъ число Русскихъ поспепенно увеличивалось, то Поляки укрылись въ занимаемомъ ими посольскомъ дворѣ, который немедленно былъ окруженъ нѣсколькими десятками тысячъ разъяренныхъ Московскихъ обывателей. Все предвѣщало кровопролитіе, еще ужаснѣе прежняго. Для опвращения сей бѣды, Царь послалъ объявить гнѣвъ свой Полякамъ и пребывать опъ нихъ выдачи зачинщиковъ своевольства, угрожая имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, приказать подвесить пушки для разгромленія ихъ убѣжища. Поляки опвѣчали,

что ожидали болѣе благодарности опѣ пиго, кого вывезли на плечахъ своихъ, и что лучше желаютъ всѣ погибнуть, чѣмъ самимъ выдать на вѣрную смерть кого либо изъ своихъ соопчицей. Тогда Лжедмитрій вторично послалъ склоняя ихъ къ оказанію необходимой подапливости, представляя имъ, что только выдачею зачинщиковъ можно надѣяться усмирить мятежную чернь, и что впрочемъ онъ обѣщаетъ въ скоромъ времени возвратитъ безвредно виновныхъ. Тогда Поляки выдали прехъ товарищей: Держбицкаго, Щигельскаго и Шелиборскаго, коихъ посадили въ пѣсную темницу. Московскіе обыватели, получивъ удовлетвореніе, коего домогались, разошлись по домамъ, а на другой день всѣхъ прехъ товарищей отправили обратно къ Полякамъ.

Сіе происшествіе достапочно показывало Лжедмитрію, что не легко будетъ подданнымъ его ужиться съ приведенными имъ иноземными госпями. Увлекаясь сроднымъ ему самонадѣяніемъ, онъ возмечталъ, что можетъ обойтись и безъ иностранной стражи, и вѣрить охраненіе своей особы однимъ Русскимъ, коихъ надѣялся совершенно привлечь къ себѣ щедротами своими и кротостію правленія. Въ слѣдствіе сего онъ оставилъ у себя на службѣ только роту Пана Доморацкаго, прежде бывшую его собственною, и распустилъ всѣ про-

Въездъ въ
Москву
Польскихъ
пословъ въ
1606 году.

чія Польскія хоругви, заплашивъ съ каждаго коня гусарамъ по 40 злотыхъ, а пѣшигорцамъ по 37 злотыхъ (поже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Но не многіе изъ Поляковъ сохранили сіи деньги. Прочіе, получивъ по тогдашнему времени весьма значительное жалованье, еще на Москвѣ все промочали, пропили или проиграли въ кости, и вопропились ни съ чѣмъ въ свое общество, жалуясь на скупость Царя, хотя сами были виновниками своей нищеты.

Письмо Яна Бушинскаго къ разстригѣ, Января 1606 года.

Самозванецъ, имѣя въ виду задобрить Русскихъ милосердіемъ необычайнымъ, рѣшился прекратить ссылку Шуйскихъ, даже прежде нежели они достигли назначенныхъ для жительства ихъ мѣстъ. Имъ возвратили взятое у нихъ имѣніе и все прежніе чины и почести. Послабленіе опасное для Самозванца, который не разсудилъ, что безвредно для себя миловать пресупниковъ принадлежащихъ однимъ законнымъ Государямъ и составляющихъ исключительное преимущество ихъ священнаго права.

По крайней мѣрѣ, если Лжедимитрій полагалъ утвердить престола свой на любви народной, должно было ему тщательнѣе оберегаться своего легкомыслія, и въ особенності стараться не выказывать ни отвращенія къ обычаямъ Русскимъ, ни склонности къ Польскимъ. Напрошивъ того,

онъ всздѣ и всегда пренебрегалъ опечественными обрядами, и упражненія и попѣхи свои устроивалъ на иноземный образецъ. Русскіе слышали съ Беръ и На-Омерзѣніемъ, что у него во время спола гремѣла музыка, что онъ почти всегда одѣвался по Польски, ѣлъ шеляшину, не молился иконамъ садясь за обѣдъ, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго. Удивлялись также тому, что онъ не ходилъ въ баню по Субботамъ и не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто того выходилъ изъ дворца, самъ другъ, для посѣщенія аптекарей, серебряниковъ или какихъ другихъ ремесленниковъ. Самое удалство его мало нравилось. Онъ упражнялся въ пляскѣ, живо вскакивалъ на бѣшеныхъ лошадей, билъ самъ медвѣдей. Все сіе было неприличнымъ въ глазахъ людей, привыкшихъ къ спешенной велнчавоспи прежнихъ Царей, копорые не иначе переходили изъ одного покоя въ другой, какъ поддерживасмы подъ руки къмъ либо изъ окружающихъ ихъ многочисленныхъ царедворцевъ, а когда садились на коня, то всегда два боярина подносили скамью, чтобы облегчить трудъ Государя. Не удивительно, что слѣдствіемъ споль рѣзкой переменны было общее охлажденіе къ Лжедимитрію, и что не усмапривая въ немъ ничего, означающаго Царское происхожденіе, стали называть его *Польскимъ свистуномъ*.

Впрочемъ не одна наружность была позорна въ Самозванцѣ. Онъ и въ поступкахъ и дѣйствіяхъ большей важности оказывался безразсуднымъ и развратнымъ до безконечности. Къ величайшему соблазну своихъ подданныхъ онъ приказалъ опвесить Езуитамъ, для свободнаго священодѣйствія по Римскому обряду, обширный дворъ по близости дворца. Въ Боярской думѣ, гдѣ засѣдалъ почти ежедневно, хотя и опличался нѣкоторымъ Беръ-оспроуміемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ въ сильное негодованіе бояръ, безпрестанными упреками за ихъ невѣжество и совѣтами учиться у иноземцевъ. Вообще съ вельможами онъ обходился неосмотрительно: иногда дружился съ ними безъ надлежащаго приличія, за то часто ругалъ ихъ и бивалъ палкою, и то и другое къ явному нарушенію Царскаго достоинства. Любострастіе его также не знало ни какихъ границъ; онъ безчестилъ даже юныхъ монахинь, и въ довершеніе не-исповсѣвъ своихъ, взялъ себѣ въ наложницы не-счастную жертву своего властолюбія, Царевну Ксенію. Еще справедливо обвиняли его въ чрезмѣрной расточительности. Издержавъ въ первые три мѣсяца своего правленія до семи съ половиною милліоновъ рублей (до 25 милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) онъ не переставалъ сыпать деньгами, и то не для государственныхъ нуждъ, Хронографъ.

Письмо Мишка къ Лжедимитрію изъ Кракова, отъ 25 Декабря 1606 года.

Письмо Буцискаго къ Самозванцу, Января 1606 года.

Нарушевичъ.

а для удовольствованія собственныхъ прихотей;
пращился на музыкантовъ и другихъ угодныхъ

Дневникъ по-
словъ Поль-
скихъ 1606
года.

ему шунейдцевъ, и самъ любилъ роскошь необы-
чайную. Какъ будто пренебрегая прежнимъ жили-
щемъ Царей, онъ выстроилъ въ Кремль, на бере-
гу Москвы рѣки, деревянный дворецъ, великолѣпно
убранный, насупротивъ коего выспавилъ огромна-
го мѣднаго Цербсра, съ бряцающими челюстями.
Сіе изображеніе адскаго чудовища ужасало набож-
ныхъ Россіянъ, и усилило уже начинавшее распро-
страняться въ нижнихъ сослояніяхъ мнѣніе, что
престоломъ овладѣлъ чародѣй.

Къ довершенію безразсудныхъ дѣйствій сво-
ихъ, Самозванецъ готовился исполнить данное
имъ Мишку обѣщаніе, вступишь въ бракъ съ
дочерью его Мариною, хотя легко могъ предви-
дѣшь, что выборомъ невѣсты иповѣрной и при-
надлежащей къ народу, всегда враждебному Россіи,
онъ крайне возстановишь противъ себя своихъ
подданныхъ. Но не престава пренебрегашъ мнѣ-
ніемъ Россіянъ, онъ назначилъ посланникомъ въ
Польшу надворнаго казначея Аѳанасія Власьева,
для поржсственнаго испрошенія согласія Короля
на обрученіе его съ Мариною, и для немедленна-
го совершенія сего обрученія, по силѣ даннаго
ему полномочія.

Прежде еще отъѣзда Власьева изъ Москвы,

прибыль туда посланником отъ Короля Сигизмунда секретарь его, Александръ Гонсевскій Староспа Велижскій. Кромѣ поздравленія Лжедимирия съ возшествіемъ на престолъ и увѣдомленія о намѣреніи Короля, вступить въ бракъ съ Австрійскою Эрцгерцогинею Констанціею, Гонсевскій имѣлъ еще порученіе увѣдомить Самозванца о пронесшемся въ Польшу слухѣ, что Борисъ Годуновъ еще живъ и находится въ Англіи. Объящая всякое нужное содѣйствіе Польши, для внутренняго успокоенія Россіи, онъ требовалъ взаимности со стороны Царя въ отношеніи къ Польшѣ, и просилъ его не дружить со Швеціею и предоспаивать Полякамъ такой же свободный торгъ во всей Россіи, каковымъ пользуются Русскіе въ Польшу. Посланнику отвѣчали, что слухъ о Годуновѣ не имѣетъ никакой основательности, что Польскимъ купцамъ будетъ свободный пропускъ по всему Государству, но что нельзя еще вполне удовлетворить желанію Короля касательно Швеціи, потому что хотя Царь и гнушается преступными дѣйствіями похищеннаго Шведскаго престола, однако не можетъ пріислушаться къ настоящему разрыву съ нимъ, пока не увѣрится въ нешишой пріязни къ себѣ Короля Сигизмунда, который, уменьшая шипуль Государя Россійскаго, подавалъ поводъ сомнѣваться въ своемъ добро-

Тайная рѣчь
Гонсевскаго
и отвѣтъ на
опую.

желашельспивъ. Въ самомъ дѣлѣ, Король въ письмѣ своемъ не называлъ Лжедимитрія Царемъ, а только Господаремъ и Великимъ Княземъ *. Сіе шѣмъ болѣе оскорбляло Самозванца, что даже пишущъ Царскій казался не довольно пышнымъ для сего, счастіемъ возлелѣяннаго пришельца. Онъ самъ себя называлъ непобѣдимымъ Цесаремъ, и домогался сего именованія и опъ иностранныхъ дворовъ.

Въ слѣдъ за Гонсѣвскимъ пріѣхалъ также въ Москву съ поздравленіемъ опъ Папы Павла V посланникъ, Графъ Александръ Рангони, племянникъ Папскаго Нунція въ Польшѣ, первоначально споль много содѣйствовавшаго успѣху предпріятія Лжедимитріева. Нсобычайная довѣренность Короля Сиги: мупда къ его дяди была уже довольно извѣстна Самозванцу, и пошому онъ рѣшился, не обинуясь, объясниться съ Графомъ по предмету сношеній своихъ съ Польшею и просить его тайно представить Королю, что не смотря на возникшія между ними взаимныя неудовольствія, онъ ни когда не забудетъ прежнія Сигизмундовы милоспіи, что Король съ своей стороны не долженъ претребовать условленной уступки городовъ, до тѣхъ поръ, пока не утвердится власть новаго Царя достаточно для безопаснаго и безпрепятственнаго исполненія сей спашьи, неминуемо долженству-

---

* Смотри Приложенія № XII.

ющей огорчить Россіянъ, и наконецъ, что хотя онъ и помышленія не имѣетъ воевать съ Польшею за пишуль, но никогда не откажется отъ слѣдующей ему почести, и будетъ ожидать справедливаго удовлетворенія отъ дружескаго къ себѣ расположенія Короля *.

Между тѣмъ Власьевъ, уже отправившійся въ Польшу, продолжалъ путь свой, и прибывъ въ Краковъ 30-го Октября, остановился въ домѣ у ^{Дневникъ} воеводы Сендомирскаго. 4-го Ноября онъ имѣлъ торжественную аудіенцію у Короля, коему вручивъ грамоту Самозванцеву, свидѣльствовалъ о желаніи Государя своего вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею въ особености противъ Турокъ; на второй же аудіенціи, данной ему чешыре дня спустя, онъ просилъ Сигизмунда, позволить бракъ Лжедимирія съ Мариною Мнишковою, на что Король тотчасъ же изъявилъ свое согласіе.

Но такъ какъ въ то же время прибылъ въ Краковъ посланный изъ Москвы отъ Царицы Марѣи Шведъ, то Сигизмундъ не упалъ отъ Мниш^{Жолѣвска-}шка привезенное имъ извѣстіе объ отреченіи са^{го}мой Царицы отъ мнимаго сына. Не смотря на важность сего свидѣльства, честолюбивый вос-

---

* Смотри Приложенія № XIII.

Дневникъ
Марины.

Нѣмцевичъ.

вода пренебрегъ онымъ, и напрошивъ того рѣ-
шился поспѣшить обрученіемъ своей дочери. По
пріѣздѣ Власьева, Марины еще не было въ Кра-
ковѣ. Она съ матерью своею прибыла туда 9-го
Ноября, а 12-го совершилось обрученіе съ боль-
шою пышностію, въ присушствіи самого Короля:
Священнодѣйствовалъ, по Лашинскому обряду,
Кардиналъ Маціовскій, Епископъ Краковскій. При
семъ случаѣ Власьевъ, по происхожденію своему
человѣкъ не знатный, не умѣлъ сохранить до-
стоинство високаго сана, въ который былъ об-
леченъ по прихоти или по довѣрію Самозванца,
и оказывалъ подобострастіе, простиравшееся до
грубѣйшей простоты. Такъ наримѣръ, на обыч-
ный вопросъ Кардинала, не давалъ ли прежде Царь
обѣщанія женишься иной невѣстѣ, онъ отвѣчалъ:
*А мнѣ какъ знать? о томъ не имѣю ни какого
порученія.* Только по настоянію прислужниковъ
своихъ рѣшился примолвить: *Если бы обѣщаль
другой невѣстѣ, то не слалъ бы меня сюда.*
Когда дошло до перемѣны колець, по посланникъ
вынулъ изъ малаго ларчика перстень съ тол-
стымъ алмазомъ, величиною съ хорошую вишню,
и подалъ Кардиналу, который надѣлъ оной Ма-
ринѣ на палець. Кардиналъ хотѣлъ также невѣ-
стинъ перстень надѣсть на палець предсавляю-
щаго лице Димитрія, посланника. Власьевъ, не

только не дозволилъ сего, но даже отказался принять перстень въ голыя руки, а просилъ Епископа опустить оный въ шопъ же ларчикъ, въ которомъ принесенъ былъ Царскій алмазь. Продолжая причудничать, посланникъ, когда по приглашенію Кардинала долженъ былъ взять руку Марины, хотѣлъ непременно обернуть свою въ чистый платокъ, и не безъ труда успѣли увѣрить его, что обрядъ требовалъ, чтобы онъ съ невѣстою стоялъ рука въ руку. По совершеніи обрученія, посланникъ кланялся въ землю передъ невѣстою. Богатство поднесенныхъ имъ при семъ случаѣ даровъ изумило самыхъ роскошныхъ Поляковъ *.

Дневникъ
Марины.

Послѣ обрученія, воевода Сендомирскій угощалъ всѣхъ присутствующихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. За особымъ столомъ сѣли Король, невѣста, Сигизмундова сестра Королева Шведская, Королевичъ Владиславъ, Русскій посланникъ, Папскій Нунцій и Кардиналъ Маціевскій. Прежде кушанья всѣмъ имъ подали воды для умовенія рукъ; одинъ Власевъ не хотѣлъ умыться. Также замѣтили, что онъ ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, и тщателью оберегался, чтобы платье его не касалось платья сидѣвшей подлѣ него Марины. Напрасно Король посылалъ уговаривать его, чтобы

Нѣмецвичъ.

---

* Смотри Приложенія № XIV.

ѣлъ; онъ опозвался, что непристойно холопу ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, и что ему и по велика честь сморѣть, какъ они кушаютъ. За обѣдомъ слѣдовали пляски, которыя началъ самъ Король съ невѣстою. Наконецъ Воевода Сендомирскій приказалъ дочери своей преклонить колѣна передъ Королемъ и благодарить его за всѣ его милости. Сигизмундъ, вспавъ съ своего мѣста, и скинувъ шапку, поднялъ Марину. Потомъ надѣвъ оная шапку, говорилъ ей слѣдующую рѣчь: *Ваша милость отъѣзжаетъ въ чужую землю, къ иноземному народу, къ обрученному жениху, который, по Божіей волѣ и по нашей милости, достигъ тамошняго престола! Когда, ваша милость, будете тамъ, прошу васъ, ради Бога, не оставляйте умножать и укрѣплять хвалу Божію и миръ съ нами и съ тою державою, въ которой вы родились и въ которой оставляете отца, братьевъ, сестеръ и родственниковъ своихъ. Ваша милость и будущему супругу своему напоминайте, чтобы онъ не забывалъ нашу благосклонность и наше содѣйствіе, исполнялъ данныя намъ и нашей державѣ обѣщанія, утвержденныя его присягою, и не только во всю жизнь оказывалъ бы намъ благорасположеніе и дружескую любовь, но даже передалъ бы чувства сіи и могущимъ родиться у него дѣтямъ. Невѣста отвѣчала: Стану молить Бога, дабы будущій господинъ*

мой супругъ, умѣлъ угодить Богу и умножать его хвалу и служеніе, и вѣлѣтъ съ тѣмъ оказывалъ Королю, вашей милости, и державѣ Польской должную признательность за изліяныя на него милости и одолженія... Тутъ слезы прервали ся слова. Кардиналъ Маціовскій продолжалъ благодарить Короля, опть имени ея и воеводы Сендомирскаго.

На другой день былъ оппускъ посланнику. Канцлеръ Липовскій объявилъ ему, что Король черезъ него поздравляетъ Царя съ благополучнымъ обрученіемъ, а что въ разсужденіи союза противъ Турокъ, нужно будетъ, по дальнѣйшимъ сношеніямъ обстоятельно уговориться. Власевъ, не смопря на свое невѣжество и на преданность свою Лжедимирию, былъ Русскимъ въ сердцѣ и ненавидѣлъ Поляковъ. Такъ какъ при оппускѣ его, Канцлеръ называлъ Государя Россійскаго только Великимъ Княземъ, то Власевъ не упустилъ жаловаться на сіе. Также онъ оскорблялся и тѣмъ, что на канунѣ невѣста Царская кланялась въ землю Королю. Ему опвѣчали, что пока Марина не покинетъ Польскаго края, она не преспанетъ быть подданою Короля.

23-го Ноября Марина опправилась въ Промникъ, замокъ, лежащій въ 5-ти верспахъ опть Кракова, гдѣ должна была оппаваться, пока опецъ ся

не устроишь дѣлъ своихъ въ Краковѣ. Напрасно Власевъ увѣщевалъ Мишка не медлить отъѣздомъ своимъ въ Россію; воевода отъзывался неимѣніемъ денегъ на подъемъ и на расплату съ многочисленными займодавцами своими. Хотя посланникъ имѣлъ повелѣніе самъ провожать невѣсту до Москвы, однако для удобности въ переѣздѣ уговорились, чтобы онъ одинъ отправился впередъ и ожидать Мишкова въ Слонимѣ, куда они обѣщали прибыть тотчасъ по полученіи ожидаемыхъ ими отъ Самозванца пособій. На первый

Письмо Мишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605.

случай Власевъ рѣшился самъ ему дать 14,000 Польскихъ злотыхъ (тоже нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) да суконъ и мѣховъ, взятыхъ у Русскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на 12,400 злотыхъ.

Съ своей стороны, Лжедмитрій еще до полученія извѣстія о совершеніи обрученія, послалъ въ Краковъ съ секретаремъ своимъ, Яномъ Бучинскимъ, 200,000 злотыхъ для врученія ихъ воеводѣ Сендомирскому. Кажется, что разсприга, не смотря на въпренность свою, самъ постигалъ, что благодаріе пребывало, чтобы Марина, по прибытіи своемъ въ Москву, хотя по наружности, сообразовалась съ обычаями и церковными обрядами Русской земли. Въ данномъ Бучинскому наказѣ, отъ предпи-

Грамота Лжедмитрія къ Мишку изъ Москвы отъ 5-го Нолбра 1605.

Наказъ Бучинскому.

сывалъ ему наспивать, чтобы невѣста его не убирала себѣ волосъ, и чтобы Папскій Нунцій доз-

воилъ ей въ день вѣнчанія принять причастіе отъ Патріарха, поспѣхся въ Середу вмѣсто Субботы и ходилъ иногда въ Греческую церковь, что не могло ей служить препятствіемъ исполнять во внутренности покоевъ своихъ всѣ обряды исповѣдываемой ею Латинской вѣры.

Бучинскій, прибывшій въ Краковъ 24-го Декабря, не успѣлъ склонить Рангони на просимую Самозванцемъ снисходительность. Хотя Езуиты, всегда руководимые свѣтскою мудростію, и охотно допускаютъ единовѣрцевъ своихъ къ святохульному лицемѣрью, когда сіе оказывается для нихъ пужнымъ или выгоднымъ, но вѣроятно въ семъ случаѣ они почли необходимымъ вынудить Лжедмитрія явнымъ дѣйствіемъ сдѣлать первый приступъ къ обѣщанной имъ перемѣнѣ вѣры въ своемъ Государствѣ, и такимъ образомъ снова возбудить видимо охладѣвшую въ немъ ревность къ папешству. Въ самомъ дѣлѣ разсприга, принявшій Римскій законъ не по убѣжденію, а единственно въ угодность лицъ, отъ коихъ зависѣла тогда его участь, не поропился исполненіемъ опаснаго предпріятія. Можеть быть, видя искреннюю и глубокую преданность Русскихъ къ старинному своему неповѣданію, рѣшился бы онъ и совсѣмъ оставить ихъ при ономъ, но боялся оскорбить Короля Сигизмунда и лишить пре-

споль свой надежнѣйшей опоры, которую находилъ только въ содѣйствіи Польши. По крайней мѣрѣ искалъ выиграть время, и на всѣ подспрекашельства Римскаго духовенства оппзывался что такое великое дѣло не можетъ быть совершено безъ предварительныхъ приуготовленій.

Письмо Самозванца къ Папѣ Павлу V-му изъ Москвы отъ Декабря 1605 и Нуиціи Рапгоши къ Самозванцу изъ Кракова отъ 3-го Февраля 1606.

Недовольные сею медлительностію Езуиты склонили Нуиція оппвѣчать Самозванцу, что онъ долженъ непременно, силою самодержавной власти своей, оградить нарѣченную супругу оппъ всякаго принужденія по предмету исполненія обрядовъ несповѣдуемой ею вѣры.

Дневникъ Маршлы.

Лжедимириій, извѣспившись о обрученіи Марины, послалъ съ благодарительными письмами къ Королю и къ Миншкуну гонца, Ивана Безобразова, который прибывъ въ Краковъ 4-го Января, началъ исполненіемъ главнаго своего порученія. Но гораздо важнѣйшее дѣло было еще тайно ввѣрено Безобразову. Онъ пользовался всею довѣренностію Князя Шуйскаго, по совѣту коего Самозванецъ оппправилъ его въ Польшу. Шуйскій, полагаясь на его благоразуміе и на приверженность его къ себѣ, приказалъ ему довести до свѣдѣнія Короля о неудовольствіи Бояръ прошивъ Самозванца. Въ слѣдствіе сего, Безобразовъ просилъ тайно переговорить съ Канцлеромъ Липовскимъ Сапѣгою, но Король нашель, что важность

Рукопись Жолкевскаго.

сана, занимаемаго Сапѣгою, слишкомъ обращала на него общее вниманіе, и что пошому трудно было бы сокрыть свиданіе съ нимъ опѣ Бучинскаго и Русскихъ чиновниковъ, въ Краковѣ находящихся. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги, гонецъ открылся воропившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Безобразовъ объявилъ ему, что Шуйскіе и Голицыны негодуютъ на Короля, давшего имъ въ Государи чловѣка нрава легкомысленнаго и свойствъ низкихъ, который предаваясь суровости, распушеству и распочисельности, какъ будто самъ старается оказать себя недостойнымъ Царскаго вѣнца; что они рѣшились изыскивать средства избавишься опѣ него, и что наконецъ онъ такъ имъ несноснымъ казался, что лучше бы хопѣли вмѣсто его видѣшь на Московскомъ престолѣ Сигизмудова сына, Королевича Владислава. Сіе неожиданное предложеніе породило, на пагубу Россіи, въ умѣ Сигизмунда мысль со временемъ воспользоваться онымъ для удовлетворенія врожденнаго въ немъ тщеславія. Однако онъ не поспѣлъ еще, по первому вызову, войти въ дальнѣйшія сношенія по сему предмету съ Русскими вельможами, и пошому приказалъ опвѣчать имъ, что прискорбио ему слышать, какъ неистово ведеть себя пошъ, котораго дошолъ онъ почишалъ настоящимъ Димитріемъ, что онъ нисколь-

ко не намѣренъ препятствовать имъ дѣйствоватьъ противъ него, какъ заблагоразсудятъ, и что наконецъ, касательно сына своего, такъ какъ онъ самъ имѣетъ за правило не увлекаться властолюбіемъ, то желаетъ, чтобы таковою же умѣренностію руководствовался и Владиславъ, предавая впрочемъ будущность волю Божіей. Изъ сего двусмысленнаго отзыва Безобразовъ заключить долженъ былъ, что по крайней мѣрѣ Сигизмундъ не будетъ стоять за Самозванца, — обстоятельство важное для успѣха въ замышляемомъ заговорѣ.

Хотя Король, Сапѣга и Гонсѣвскій не нарушили даннаго ими обѣщанія, не оглашаютъ вѣренной имъ тайны, но какъ сіе довольно обыкновенно бываетъ въ дѣлахъ такого рода, слабый и неопредѣлительный опголосокъ Русскихъ жалобъ, раздался по Кракову, и дошелъ даже до Бучинскаго, который писалъ Лжедимирию, что худая молва разнесиша о немъ въ Польшу, что гордые паны сильно негодуютъ на него за домогательства его о новомъ шипуль, и что одинъ изъ нихъ, а именно воевода Познанскій, не обинуясь говорилъ о смѣходостойной надменности, съ ка-

Письмо Бучинскаго къ Лжедимирию изъ Кракова отъ Января 1606.

ковою онъ самъ себя называлъ *непобѣдимымъ*, и также о томъ, что въ самой Москвѣ уже догадываются, что онъ за челоуѣкъ.

Казалось что значная сумма денегъ, привезенная Бучинскимъ Мнишку, не оставляла никакого предлога воеводѣ еще мѣшкапъ своимъ опъѣздомъ въ Россію. Дѣйствительно, Марина выѣхала изъ Промника 11-го Января 1606 года, но вмѣсто того чтобы направиться прямымъ путемъ, черезъ Сандомиръ, Люблинъ и Брестъ къ Слониму, гдѣ ее ожидалъ Власевъ, она поѣхала съ опцемъ своимъ въ имѣніе его Самборъ. Открылись обоюдныя неудовольствія. Самозванецъ оскорблялся, что невѣста его не отвѣчаетъ на его письма и не оказываетъ ни малѣйшей готовности поспѣшать къ нему. Мнишекъ съ своей стороны жаловался, что присланныхъ денегъ не достаточно ему для уплаты долговъ своихъ, и выговаривалъ разспригъ, что держитъ у себя въ палатницахъ Царевну Ксенію. По послѣднему предмету Лжедмитрій шѣмъ охотнѣе согласился сдѣлать ему должное удовлетвореніе, что онъ скучалъ уже Ксенію. Постриженная подъ именемъ Ольги, она была отправлена въ монастырь, гдѣ печальная жизнь ея продолжалась еще 16 лѣтъ. Безъ невольнаго содроганія нельзя помыслить объ ужасныхъ превращеніяхъ ея судьбины. Одаренная отъ природы необычайною красотою и привлекательными свойствами ума и сердца, она цвѣла беззаботно подъ сѣнію родительской любви. Все предвѣщало ей блистатель-

Дневникъ
Марины.

Письмо Станислава Бучинскаго къ Мнишку изъ Москвы отъ 27-го Декабря 1605.

Грамота Лжедмитрія тому же изъ Москвы отъ 29-го Января 1606.

Письмо Мнишка къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Декабря 1605, изъ Минска отъ 4-го Апрѣля и изъ Борисова отъ 8-го Апрѣля 1606.

Надгробная надпись въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ.

ную будущность. Уже попечительный Борисъ располагался навсегда упрочить ея благоденствіе, вѣнчаніемъ для нее достойнаго жениха. Выборъ его палъ на юнаго Герцога Іоанна, роднаго брата Христіана IV Короля Датскаго. Герцогъ, сановитый и радушный выпязь, понравился Царевнѣ, которая весело ожидала брака. Но не на радость обречена была Ксенія! Первымъ испытаніемъ было для нее болѣзнь и кончина жениха. За снмъ ударомъ рока слѣдовали еще люпѣйшіе. Переживъ гибель отца, матери и брата, прелестная дѣва вынужденною была позорно удовлетворять преступнымъ желаніямъ убійцы милыхъ сердцу ея ближнихъ. Кто можетъ исчислить душевныя терзанія ея въ объятіяхъ злодѣя! Къ довершеію ея бѣдспвій, смерть не спѣшила положить конецъ ея спраданіямъ, и осужденная влачить жизнь свою еще многіе годы, она долго помилась воспоминаніями о посыдной и горестной участи своей. Неисповѣдимый гнѣвъ Божій спрашно разжался надъ несчастнымъ семействомъ злодѣйски властолюбиваго Бориса.

Однако Мнишекъ все еще оставался въ Самборѣ, или дѣйствительно занимаясь необходимыми пригопвленіями, для снаряженія огромной своей свиты, или устращенный и до него доходившимъ отголоскомъ Московскихъ полковъ. Власевъ,

болѣе мѣсяца бесполезно ожидавшій его съ невѣ-
стою въ Слонимѣ, рѣшился наконецъ самъ ѣхать
къ нему въ Самборъ, дабы лично объяснить, что Дневникъ
Марины.
дальнѣйшее мѣшканье, раздраживъ Самозванца, мо-
жетъ быть вредно для собственныхъ его выгодъ.
На сей разъ его увѣщанія не оказались безуспѣш-
ными. Марина выѣхала изъ Самбора 20-го Фе-
враля, въ сопровожденіи отца, брата, Власьева,
Бучинскаго и множества родныхъ и знакомыхъ
своихъ.

Хотя весенняя распутица и трудность продо-
вольствія для многочисленной свиньи всѣхъ сихъ
пановъ, представляли большія препятствія въ пу-
ти, однако огромный обозъ подвигался довольно
поспѣшно по направленію Люблина, Слонима,
Минска и Орши. Дорогою Мнишекъ получили
еще изъ Россіи 35,000 злотыхъ (то же нынѣш-
нихъ серебряныхъ рублей), да кромѣ того Само-
званецъ прислалъ Маринѣ 5,000 червонцевъ. — Въ
слѣдъ за невѣстою, Король Сигизмундъ отправилъ Письмо Са-
мозванца къ
Бучинскому
изъ Москвы
отъ 28-го
Февраля
1606.
также въ Москву великихъ пословъ своихъ, Ни-
колая Олсеницкаго Кашпеляна Малагоскаго, и
бывшаго уже въ Россіи, Александра Гонсевскаго,
старосту Велижскаго.

Пока все сіе происходило въ Польшѣ, безраз-
судность Лжедмитрія все болѣе и болѣе умно-
жала негодованіе Русскихъ и подозрѣнія ихъ на счетъ

его самозванства. Съ безпокойствомъ замѣчали что онъ посѣщая другія церкви и обители, ни когда не бывалъ въ Чудовъ монастырь, къ которому мнимые предки его имѣли всегда особенное благоговѣніе. Также шептали между собою, что Пафнупій, Минпрополкиъ Крушицкій, бывшій Архимандритомъ въ Чудовъ, когда монашескововалъ тамъ Опреспевъ, хорошо узналъ подъ Царскимъ вѣщомъ юнаго шюка своего, но молчалъ единственно отъ страха.

Александрій, извѣщенный о неблагопріятномъ для него народномъ говорѣ, и соображая оный съ полученными имъ предостереженіями изъ Польши отъ Мнишка и Бучинскаго, призналъ необходимымъ оплохитъ прежнюю довѣрчивость свою. Не смѣя уже полагаться на любовь подданныхъ, онъ вздумалъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи, усилитъ власть свою особенною преданностію къ себѣ военныхъ людей. Въ семъ намѣреніи, онъ сталъ опимѣнно ласкать и награждать спрѣльцевъ, въ Москвѣ находящихся. Но и сего не почипалъ онъ достаточнымъ для личной безопасности своей. Спрѣльцы были Русскіе, и потому, не смотря на всѣ милости его, могли быть увлечены общимъ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ. Еще надежнѣе ему казалось окружить себя иноземными шлохранишелями. Въ Январѣ

Légende de la vie et de la mort de Demetrius.

Верь и Маржереть.

1606 года онъ набралъ 300 Нѣмцовъ и раздѣлилъ ихъ на три сотни, изъ коихъ одна спрѣжковая, была подъ начальствомъ Француза Маржереша; другіе двѣ состояли изъ алебардчиковъ, и имѣли начальниками Лифляндца Кнупсеца и Шопландца Вандемана. Всѣ они получали большое жалованье, были богато одѣты и смѣялись черезъ сунки, такъ что ежедневно половина изъ нихъ пахотилась безоплачно при Лжедмитріѣ. Даже когда Самозванецъ ѣздилъ по улицамъ, то и шупъ всегда являлся окруженнымъ сими иноземными Палицынъ. спражками, которые не допускали къ нему и самихъ Русскихъ бояръ, вынужденныхъ слѣдовать за ними.

Разсприга, полагая, что совершенно обезопасилъ свою особу, почши ни о чемъ болѣе не спалъ помышлять, какъ о весельи и забавахъ. Во дворцѣ не преставали пляски, музыка и игра въ зернь. Всякой день долженъ былъ казаться праздничнымъ. Въ угожденіе ему не только всьможи, но даже и просполюдины вынуждены были не по состоянію своему прапиться на паряды. Никто въ скромной одеждѣ къ нему доступа не имѣлъ; даже и на улицахъ онъ не любилъ встрѣчать людей не въ богатыхъ парядахъ. Самозванецъ думалъ, что наружная весслоспъ означаспъ благоденствіе народное.

Маржерегъ. Легкомысліе его по крайней мѣрѣ не всегда оказывалось злонравнымъ. Годуновъ, во все время своего могущества, не дозволялъ жеиниться Князьямъ Федору Ивановичу Мстиславскому и Василю Ивановичу Шуйскому, дабы не умножались уваженія, которыми они пользовались въ народѣ, и которое и безъ того уже казалось ему нѣсколько опаснымъ. Князья сии, хопя въ преклонныхъ лѣтахъ, скучали своимъ одиночествомъ. Они просили Самозванца не препятствовать имъ вступить въ бракъ. Мжедимириіи пѣмъ охотнѣе согласился удовлетворить ихъ желанію, что при семъ открывался новый случай къ любимымъ имъ пиршествамъ. Князь Мстиславскій взялъ въ супружество двоюродную сестру Царицы Марѣы, а Князь Шуйскій помолвилъ на Княжну Буйносову, также свойственницу Нагихъ.

Утопая въ забавахъ, Самозванецъ не менѣе того помышлялъ и о воинской славѣ. Успѣхъ борьбы его съ Борисомъ, хопя единственно основанный на измѣнѣ, такъ усилилъ врожденную въ немъ самонадѣянность, что онъ дѣйствительно считалъ себя непобѣдимымъ, и хопѣлъ всему свѣту выказать свое богатырство. Въ то время Турецкая Имперія была еще во всей полнотѣ своего могущества, и сношенія ея съ Россіею, хопя не совсемъ пріязненныя, не подавали однако повода къ

явному разрыву. Не смотря на сіе Лжедимитрій, изъ одного самохвальства, гошвился объявить войну Општоманской Порпѣ, не жалѣя важныхъ пожертвованій, коимъ безъ нужды подвергалъ свое государство. Разосланы были повелѣнія для сбора, по веснѣ, значительнаго войска у Ельца, куда уже Палицынъ. везли множество пушекъ. Другая рать, лавная, назначалась для спуска по Дону. Въспѣвъ съ шѣмъ, Лжедимитрій искалъ содѣйствія прочихъ державъ, сосѣдственныхъ съ Турками. Порпа уже вела войну съ Шахомъ Персидскимъ за Грузію, и съ Римскимъ Императоромъ за Венгрію и Седьмиградскую землю; но Императоръ оказывалъ большую склонность къ примиренію. Лжедимитрій назначилъ посольство къ Шаху, чтобы уговориться съ нимъ о обоюдныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго непріятеля, а съ другой стороны онъ писалъ къ Папѣ, Письмо Ранголи къ Самозванцу изъ Кракова отъ 25-го Февраля 1606. прося его ходатайства не только на удержаніе Императора отъ преждевременнаго мира, но даже на побужденіе его къ заключенію шѣснаго наступательнаго союза съ Польшею и Россією, для подавленія вѣчнаго врага христіанства. Но Польскій Король уклонился отъ участія въ семъ предиріятіи подъ предлогомъ, что по врожденному отвращенію не легко Полякамъ дружиться съ Нѣмцами, и что не вѣроятно, чтобы всѣ Имперскіе чины согласились принять обязательство не только со-

вокупными силами поддерживать Императора, но даже ни въ какомъ случаѣ отдѣльно отъ Польши не мириться съ Порпою, безъ каковаго завѣренія Польша подверглась бы опасности—быть оставленною на жертву Туркамъ. Папскій Нунцій Рангони, извѣщая Самозванца о семъ Сигизмундовомъ отзвѣвѣ, писалъ къ нему, что въ сихъ обстоятельствахъ Папа находилъ полезнымъ ограничиться обращеніемъ Русскихъ и Польскихъ силъ на истребленіе Крымскихъ Татаръ, чѣмъ, такъ сказать, обрѣжущая крылья у Порпы, и слѣдственно нанесенъ ей сильный ударъ, съ соблюденіемъ прямыхъ выгодъ обѣихъ участвующихъ въ семъ подвигѣ Государствъ, которымъ не предсказывалось другаго средства для обезопасенія навсегда предѣловъ своихъ отъ непрестанныхъ хищническихъ нападений гнусно-безпокойныхъ сосѣдей сихъ. Въ семъ же смыслѣ Рангони объяснялся и съ Поляками на собранномъ въ Краковѣ сеймѣ. Должно признаться, что Папское предложеніе было основано на благоразумныхъ и дальновидныхъ соображеніяхъ, но оно, кажется, не понравилось разспригъ, который въ зашѣваемомъ имъ предпріятіи искалъ не настоящихъ выгодъ Россіи, но выказыванія на обширномъ поприщѣ своихъ ратныхъ качествъ.

Намѣреніе его было начать походъ взятіемъ

Азова. Дабы ознакомить главныхъ Русскихъ военачальниковъ съ осаднымъ искусствомъ, онъ приказалъ обвести ледяною крѣпостью Вязюмской Бѣръ-монастырь, лежащій въ 57-ми верстахъ отъ Москвы, и прибылъ туда съ Нѣмецкими шлохранителями, двумя отрядами Польской конницы: и всеми боярами и знатными чиновниками Русскими. Защищать крѣпость поручено было Русскимъ, а Самозванецъ самъ повелъ Нѣмцевъ на приступъ. Съ обѣихъ сторонъ снѣжные комья должны были замѣнять оружіе; но Нѣмцы, избалованные всегда оказываемою имъ Лжедмитріемъ пощачкою, превратили пощѣху въ кровавую драку. Они вмѣстѣ съ снѣгомъ стали бросать въ Русскихъ камнями, и переранили многихъ бояръ. При столь неравномъ боѣ, не трудно было одолѣть защитниковъ крѣпости. Разсприга первый ворвался въ оную, и воскликнулъ: *Дай Боже взять со времени такимъ же образомъ и Азовъ!* Подали всѣмъ пива, меду и вина, а между тѣмъ Самозванецъ велѣлъ готовиться къ продолженію рапной пощѣхи, но ему донесли, что Русскіе, ожесточенные вѣроломствомъ Нѣмцевъ, запасаются для опмщенія длинными ножами. Устрашенный Царь приказалъ прекратить опасную игру и возвратился въ Москву.

Пренебрегая очевидными признаками народнаго

къ себѣ охлажденія, Лжедимитрій, какъ будто умышленно, изыскивалъ новыя средства къ возбужденію прошивъ себя всѣ сословія. Самое много въ Россіи тогда уважаемое духовенство не избѣгло его припѣсеній, сопряженныхъ съ явнымъ и оскорбительнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Арбатскіе и Чертольскіе священники были выгнаны изъ своихъ домовъ, для помѣщенія въ оныхъ Нѣмецкихъ пѣлохранищелей, которыхъ Самозванецъ хотѣлъ имѣть даже и внѣ службы по близости Кремля. Но симъ частнымъ угнетеніемъ духовныхъ лицъ не ограничился Лжедимитрій. На пріуготовленія къ замышляемому имъ походу требовались издержки, для коихъ уже не доставало беспутно истощенной имъ Царской казны. Для пополненія оной, сперва онъ занималъ безвозврат-

Гревенбрухъ,
Légende и
Беръ.

но деньги въ богатыхъ монастыряхъ, а наконецъ рѣшился захватить монастырскія имѣнія. По приказанію его всѣ обители были осмотрѣны, и составлены вѣдомости о ихъ доходахъ и о цѣнности ихъ вѣщинъ, изъ коихъ за ними оставлены только необходимыя для содержанія монаховъ, всѣ прочія были отобраны въ казну, а доходы съ нихъ обращены на жалованье собирающемуся войску.

Мѣры сіи, совершенно прошивныя духу времени, умножали раздраженіе умовъ прошивъ Самозванца и придавали новый вѣсъ разносившейся о

немъ худой молвъ. Лжедимитрій, уже опложив-
шій прѣжнее милосердіе, тайно, но жестоко, на-
казывалъ пѣхъ, кои называли его распригою.
Многихъ изъ нихъ заключали въ темницы; другихъ ^{Палачишъ.}
же попили въ ночное время. Но безпрестанно
являлись новые обличители, которые, съ безстра-
шіемъ повторяя рѣчи прѣжнихъ, волновали народъ,
указывая въ особености на склонность Само-
званцеву къ пренебреженію церковныхъ обрядовъ
и правъ духовенства. Даже среди самихъ стрѣль-
цовъ, весьма имъ ласкаемыхъ, нашлись люди, ко-
торые порицали его въ разореніи православной
вѣры. Одинъ изъ ихъ поварихей донесъ о томъ
Басманову, а Басмановъ самому Лжедимитрію, ко-
торый, призвавъ во дворецъ Стрѣльцевъ всѣхъ
приказовъ, пославилъ передъ ними обвиняемыхъ,
числомъ семь человекъ, и жаловался на ихъ дерз-
новеніе. Тогда Стрѣлецкій голова Григорій Мику- ^{Никоновская}
линъ, подученный Самозванцемъ, воскликнулъ: ^{Лѣтопись, и} Осво- ^{показанія Бу-}
^{чинскихъ въ}
боди, Государь, мнѣ, я у тѣхъ твоихъ Государевыхъ ^{Маѣ 1606.}
измѣнниковъ не только что головы покусая, и че-
рева изъ нихъ своими зубами повьтаскато. Сказавъ
сіе, Микулинъ мигнулъ стрѣльцамъ, которые въ
доказательство своей преданности бросились на
несчастныхъ, и всѣхъ семерыхъ изрубили въ куски.
За сей доспойный палача подвигъ Микулинъ былъ
пожалованъ въ думные дворяне.

Никоновская
Лѣтопись и
Грамота
Лжедмитрія
въ Кириловъ
монастырь
отъ 29-го
Марта 1606.

Въ то же время подвергнулся опалѣ прослуду-
шный слѣпецъ, Царь Симеонъ. Сей Тапаринъ по
роду, былъ Русскимъ по сердцу и по духовному
убѣжденію. Благодарность къ Самозванцу, воропив-
шему его изъ ссылки, заглушалась въ немъ омер-
зеніемъ, внушаемомъ ему опсипулсіями Лжеди-
митрія отъ обрядовъ церковныхъ и свѣтскихъ
Русскаго народа. Онъ въ бесѣдахъ своихъ, увѣще-
валъ посѣщавшихъ его, не предаваться папезскимъ
новизнамъ и крѣпко споятъ за православіе. Раз-
гнѣванный Самозванецъ сослалъ его въ Кириловъ
монастырь, гдѣ онъ былъ посприженъ подъ име-
немъ Стефана.

Паллицынт.

Строгоспи сіи не удерживали ревнителѣй о
вѣрѣ, которые по примѣру первыхъ спрадальцевъ
за правду, смѣло проповѣдывали оную. Замѣчатель-
нѣйшимъ изъ нихъ явился дьякъ Тимофей Оси-
повъ; сей мужъ по добродѣтели своей всѣми ува-
жаемый, гошовясь на отважное дѣйствіе, говѣлъ
и причастился Святыхъ таинъ. Потомъ пошелъ
во дворецъ и допущенный до Самозванца, всенаро-
дно воскликнулъ: *Ты во истину Гришка Отрепъ-
евъ, разстрига, а не непобѣдимый Цесарь, ни Царевъ
сынъ Дмитрій, но грѣху рабъ и сретикъ. Лжеди-
митрій, пылая яростію, приказалъ немедленно
умертвить Осипова.*

Расположеніе умовъ было уже такъ непріязненно

для Самозванца, что не только смѣлые спраспостерпцы, но даже самые уклонные царедворцы какъ бы напрашивались на гнѣвъ его. Вѣрнѣйшимъ признакомъ близкаго паденія правителей бывася то, когда заслуженная опъ нихъ опала возвышаетъ людей въ общемъ мнѣнїи, и дѣлаетъ предметомъ желаній честолюбцевъ. Думный дворянинъ, Михайло Игнапьевичъ Тапищевъ, всегда считался преданнѣйшимъ изъ слугъ Лжедимирия, но и онъ, послѣ умерщвленія спрѣльцевъ, совершенно перемѣнилъ свое обхожденіе съ нимъ, и сталъ оказывать ему прошивность. Вскорѣ представилася Тапищеву случай прерѣканіемъ своимъ выставить Самозванцеву безразсудность съ весьма невыгодной стороны. За обѣденнымъ столомъ, коимъ въ Четвергъ на шестой недѣль великаго поста расприга угощалъ многихъ знатныхъ особъ, подали жареную теляшину. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который также самъ спарался давать возможную гласность неприличнымъ поступкамъ Лжедимирия, сказалъ ему, что ѣсть мясо въ постѣ прошивно церковному правилу, и что кроме того Русскіе во всякое время гнушаются телячьимъ мясомъ. Такъ какъ Самозванецъ принялся возражать Шуйскому, то Тапищевъ заступился за Князя, и говорилъ такъ дерзко, что выведенный изъ терпѣнїя Лжедимириій, приказалъ вы-

Маржеретъ и
сказаніе еже
содѣся.

гнать его и даже намѣревался сослать на Вятку. Но Басмановъ, ежечасно старавшійся исправлять по возможности ошибки Лжедимитрія, предсказалъ ему, что наказаніе Тапищева неминуемо будетъ принято Русскими въ видъ новаго опыта гоненій на приверженниковъ къ уставамъ православной церкви и къ обычаямъ народной старины. На сей разъ Самозванецъ послушался его, и въ день праздника Пасхи Тапищевъ получилъ прощеніе.

Хотя происшествія сіи тайно волновали сполу, но по наружности она пребывала спокойною, такъ какъ и большая часть Государства, кромѣ восточныхъ областей онаго, гдѣ открылись важныя неустройства. Терскіе Козаки, возбужденные примѣромъ товарищей своихъ, Донцовъ, получившихъ много добычи во время возснанія своего за Лжедимитрія, вздумали также искать счастья въ грабительствѣ, въ большомъ размѣрѣ произведеніемъ. Сначала думали они итти на Куру-рѣку, громить Турецкихъ подданныхъ,

Грамота Царя Василія Ивановича въ Соль-Вычегодскую изъ Москвы отъ 19-го Октября 1607 и Дѣла Польскія въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

а если удачи путь не будетъ, то предложитъ услуги свои Персидскому Шаху Аббасу. Но вскорѣ мысли ихъ получили другое направленіе. Мотившіе ихъ зачинщики говорили: *Государь насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи бояре, переводятъ жалованье бояря, да не дадутъ жалованья. Слѣдствіемъ сихъ на-*

ущеній было, что пристра изъ удалѣйшихъ Козаковъ, подѣ начальствомъ Атамана Федора Бодырина, условились между собою дать себѣ собственнаго Государя, именемъ коего они надѣялись придать своимъ безчинствамъ нѣкоторый видъ законности въ глазахъ простонародной черни. Для исполненія сего новое самозванство казалось имъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ, и потому они спали разглашать, что въ 1592 году Царица Ирина родила сына Петра, но что Годуновъ, коего власнолюбивые замыслы разстроивались появленіемъ законнаго наследника престола, подмѣнилъ Царевича дѣвочкою Феодосіею, вскорѣ послѣ того скончавшеюся. Мясешники нѣсколько времени колебались въ выборѣ лица, долженствующаго представлять мнимаго Царевича. Два молодые Казацкіе товарищи, Астраханецъ Дмитрій и Муромецъ Илья, были признаны способными къ сему дѣлу. Но Дмитрій опетранилъ опѣ себя опасную почессть, опзываясь, что пакъ какъ онъ не бывалъ никогда въ Москвѣ, по и не имѣетъ никакого понятія ни о тамошнихъ дѣлахъ, ни о Царскихъ обычаяхъ. Уважая сіи причины, общимъ приговоромъ положили Илья быть Царевичемъ. Сей юноша, уже съ младенчества вовлеченный въ жизнь предприимчивую и спранствующую, былъ незаконнорожденный сынъ Муромскаго жителя, Ивана

Коровина. Послѣ смерти его отца и матери, Нижегородскій купецъ Грозилниковъ взялъ его къ себѣ въ Нижній въ сидѣльцы. У Грозилникова онъ оставался три года, въ теченіи котораго времени былъ посланъ въ Москву, и жилъ тамъ пять мѣсяцевъ. Послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ находился въ спруговыхъ башракахъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, между Нижнимъ, Астраханью и Хлыновымъ, а въ 1603 году ходилъ въ Казакахъ до Тарковъ при войскѣ окольного Бутурлина, посланнаго противъ Шамхала Кумыцкаго. Въ Таркахъ онъ нанялся въ спрѣльцы на мѣсто заболѣвшаго племянника одного спрѣлецкаго пятидесятника. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Терскій городъ изъ сего похода, для Россіянъ и ихъ вождя столь же славнаго столь и пагубнаго, Илья вошелъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ же онъ поѣхалъ въ Астрахань и тамъ опять вступивъ въ Казаки, отправился на Терекъ въ отрядъ Казачьяго Головы Аѳанасія Андреева. Всѣ сіи походы ясно показываютъ, что Илья отъ роду не могло быть менѣе 20-ти лѣтъ, а мнимому Царевичу еще не минуло бы и 14. Но сія лѣтосчислительная несообразность не остановила Бодырина Казаковъ, которые отвезли Царевича своего къ Казачьему Апаману, Гаврилъ Пану, живущему въ городкѣ на Быспрой, по близости

Терскаго города. Терскій воевода, Пётръ Головинъ, извѣстившись о появленіи сего новаго Самозванца, послалъ приглашать Казаковъ, чшобы отослали его къ нему въ городъ, но Козаки не выдали его и напрошивъ шого немедленно удалились, спустившись на спругахъ до моря, гдѣ остановились на оспрову, лежащемъ противу устья Терека. Туть къ первымъ шремъ спамъ мяшежникамъ пристали и всѣ прочіе Терскіе Казаки, съѣхавшіеся на оспровъ изъ Юрть своихъ. Напрасно воевода Головинъ увѣщевалъ ихъ, не обнажать границы и оставишь по крайней мѣрѣ половину Казаковъ на Терскѣ; они не послушались и всѣ числомъ до 4,000, направились къ Астрахани. Такъ какъ ихъ не впустили въ сей городъ, то они миновавъ оный, поплыли вверхъ по Волгѣ, упражнясь въ разбойничествѣ. Въ особенноти много прешерпѣли отъ нихъ купцы, торгующіе черезъ Астрахань съ Персією, такъ что добычу ихъ цѣнили въ 300,000 рублей (1,000,000 иынѣшнихъ серебряныхъ. Лжедимишрій съ безпокойствомъ расчитывалъ, что появленіе новаго обманщика можешъ поселишь недовѣріе къ прежнему, и пошому почиталъ необходимымъ немедленно искоренишь соперника. Но Самозванецъ не посмѣлъ открыто дѣйствовать противъ Самозванца. Разстрига прибѣгнулъ къ лукавству: онъ послалъ

Третьяка Юрлова, звать Царевича въ столицу и объявишь ему, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Юрловъ засталъ его въ Самарѣ. Безразсудные Казаки повѣрили, что Опрепѣевъ готовъ удѣлиться престоломъ съ мнимымъ племянникомъ своимъ, и спѣшили вверхъ по Волгѣ двинуться къ Москвѣ.

Въ сіе время столица находилась въ ожиданіи пріѣзда Царской невѣсты. Осьмого Апрѣля, Марина вступила въ предѣлы Россіи, и на мосту ручья, образующаго границу, была встрѣчена четырьмя Русскими чиновниками. Хотя многіе изъ сопровождавшихъ ее Польскихъ паповъ воропились съ дороги, успрашенные вѣснимъ распушьемъ, однако въ свитѣ ея было еще болѣе двухъ тысячъ, по большой части вооруженныхъ людей, что представляло видъ довольно значительнаго воинскаго отряда *. Не доѣзжая Смоленска, въ де-

Дневникъ
Марины.

* *Примѣчаніе.* Прилагаемъ списокъ всѣхъ особъ, въѣхавшихъ въ Россію съ Мариною:

	челов.	лошад.
1. Марина, при ней	251	251
2. Отецъ ея Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій, при немъ.	445	411
3. Воеводинъ братъ, староста Красноставскій, при немъ.	107	115
4. Воеводинъ зять, Князь Константинъ Вишневецкій, при немъ.	215	255
5. Воеводинъ сынъ, Янъ Мнишекъ, Староста Саноцкій, при немъ.	415	411

ревнѣ Лубнѣ, Марина была привѣспшвована давно
ожидавшими ее въ Смоленскѣ бояриномъ Княземъ
Василіемъ Михайловичемъ Рубцомъ-Мосальскимъ и

---

6. Воеводинѣ племянникѣ, Павелѣ Мни- шекѣ, Староста Луховскій, при немъ .	челов.	лошад.
	87	96
7. Панѣ Тарло, Хорунжій Пржемыслскій, съ супругою, при немъ.	21	69
8. Панѣ Мартинѣ Стадницкій, при немъ .	36	33
9. Панѣ Георгій Стадницкій, при немъ .	21	24
10. Панѣ Самуилѣ Баль, при немъ.	29	30
11. Панѣ Павелѣ Тарло, при немъ	9	10
12. Панѣ Нѣмоевскій, Постолій Коронный, при немъ.	15	13
13. Францискѣ Помаскій, Каноникѣ Плоцкій, Секретарѣ Королевскій, при немъ	16	17
14. Панѣ Вольскій, при немъ	20	19
15. Панѣ Броневскій	8	7
16. Папѣ Станиславѣ, Помаскій Подкоморій, при немъ	11	12
17. Панѣ Корытко, при немъ	10	10
18. Папѣ Любомирскій, при немъ	12	12
19. Панѣ Ясеновскій, при немъ	11	12
20. Панѣ Петрѣ Домарацкій, при немъ.	9	15
21. Пять монаховъ, при нихъ	16	16
22. Панья Тарлова, старостина Сохачевская, при ней	50	45
23. Панья Казановская, при ней	19	19
24. Панья Гербуртова, при ней	24	17
25. Еще при Воеводѣ Мнишкѣ Армянѣ и купцовъ	12	16
<hr/>		
Всего	1869	1935

Кромѣ того болѣе 300 человекъ и столько же лоша-
дей, не принадлежащихъ собственно къ свитѣ, въшли так-
же при обозѣ.

Царицынымъ свойственникомъ Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Съ сими сановниками Лжедмитрій прислалъ невѣспѣ своей 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами, и три кареты, обитыя внутри соболями. Царица сѣла въ одну карету, запряженную двѣнадцатью лошадьми; другая карета съ десятию лошадьми слѣдовала за нею, а въ претсѣй, съ осмью лошадьми, ѣхали сопровождавшія ея дамы. Остальныхъ лошадей вели въ поводахъ. Марина продолжала путь свой черезъ Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму не безъ труда, по причинѣ полноводія, хощя дороги и были исправлены по возможности. Польскіе послы перѣѣхали границу только 16-го Апрѣля, и направились тѣмъ же путемъ; при нихъ также находилась многочисленная вооруженная свита.

Дневникъ
Польскихъ
пословъ Оль-
сницкаго и
Гоцеѣвскаго.

На пути Поляки много буянили и обижали Русскихъ жителей, такъ что воевода вынужденъ былъ назначить судей, для обузданія спропщивыхъ. Но сія мѣра не имѣла успѣха, и къ своевольству приобъикшіе люди мало слушали судей. Такимъ образомъ весьма естественно, что между необузданными Поляками и огорченными Русскими жителями усилилось врожденное отвращеніе.

Дневникъ
Маршлы.

Девятнадцатаго Апрѣля невѣспа достигла Вязьмы. Тутъ воевода распался съ дочерью своею и поѣхалъ впередъ съ сыномъ, затемъ и пле-

мянникомъ, взявъ съ собою небольшое число служителей. Симъ исполняя оное желаніе Лжедмитрія, приглашавшаго его ускорить прибытіемъ въ столицу, дабы уговориться о приготовленияхъ къ свадьбѣ, и о необходимыхъ при оной обрядахъ.

Воевода прибылъ въ Москву 24-го числа. Самъ онъ и сопутствующіе ему при знатные Поляки ѣхали верхомъ на высланныхъ опять Царя великолѣпно убранныхъ лошадяхъ. Еще за двѣ версты опять города выѣхалъ къ нему на встрѣчу верхомъ Бояринъ Басмановъ, въ богатомъ гусарскомъ плащѣ, копорый съ окружающею его многочисленною толпою знатныхъ людей и Московскихъ дворянъ, проводилъ новопрїѣзжихъ до изготовленнаго для нихъ дома.

На другой день былъ торжественный прїемъ воеводѣ у Лжедмитрія. Разсприга сидѣлъ на Паерле и пронтѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ алмазнымъ и лаловымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ изумрудный крестъ; въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ, а голова его была украшена высокою короною, осыпанною драгоценными каменьями. Тронъ изъ чистаго серебра съ позолотою, вышиною въ три локтя, находился подъ балдахиномъ, соспавленномъ изъ четырехъ щиповъ, крестообразно положенныхъ, надъ коими возвышался круглый шаръ, поддерживающій двуглаваго орла изъ

Паерле и
Дневникъ
Марины.

числаго золопа. Надъ креслами висѣла икона Богоматери, украшенная драгоценными каменьями. У подножія трона на углахъ лежали серебряные львы, величиною съ волка, на коихъ утверждались круглые столбы. Отъ щипомъ надъ передними столбами, висѣли съ каждой стороны по киспи изъ жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ, въ числѣ коихъ находился попаръ, величиною болѣе гречкаго орѣха. На двухъ высокихъ серебряныхъ ножкахъ стояли грифы, касаясь столбовъ. Ведущія къ трону три ступени были покрыты золопою парчею. Съ обѣихъ сторонъ стояло по два рынды, съ желѣзными бердышами на золопыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горноспаями, въ бѣлыхъ сапогахъ и съ золопыми цѣпями на груди. По лѣвую руку Царя стоялъ Князь Михаилъ Шуйскій - Скопицъ съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за Царемъ Власьева сынъ въ богатомъ кафпанѣ, имѣя въ рукахъ плапокъ. Справа сидѣлъ въ креслахъ Папріархъ, въ черной бархатной рясѣ, выложенной по краямъ въ ладонь шириною жемчугомъ и драгоценными камнями. Передъ нимъ служка держалъ на золопомъ блюдѣ крестъ и серебряную чашу съ свяшою водою. Ниже Папріарха помѣщались на лавкахъ семь Архіепископовъ и Епископовъ, а за сими бояре и дворяне, кои так-

же сидѣли и на лѣвой сторонѣ троиа. Персидскіе ковры покрывали полъ и скамьи.

Мнишекъ, увидѣвъ призрѣннаго имъ пришельца во всемъ блескѣ Царскаго Величества, невольно смутился, и только по нѣкоторомъ молчаніи поклонился Лжедимитрію и поцѣловалъ его руку. Потомъ говорилъ ему рѣчь, гдѣ превозносилъ его достоинства и счастье своей дочери, не упустилъ однако дѣлать намеки на прежнюю ничтожность, изъ коей онъ вывелъ его своимъ стараніемъ и попеченіемъ. Разсприга заливался слезами. За него Мнишку отвѣчалъ Власевъ. Послѣ чего Самозванецъ, подозвавъ воеводу, самъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, на который и родственники его съ ихъ свитою были званы Басмановымъ. Споловая, обитая Персидскою голубою тканью, съ парчевыми занавѣсами у оконъ и дверей, была вся уставлена до самого пополка золотою или серебряною посудою, а изъ огромнаго серебрянаго сосуда вода кранами лилась въ при таза. Царскія кресла были покрыты черною тканью, вышитую золотыми узорами. Лжедимитріи сидѣлъ одинъ за столомъ, серебрянымъ съ позолотою, накрытымъ скатертью, вышитую золотомъ. По лѣвую сторону отъ него, за другимъ столомъ, посадили воеводу и его родственниковъ. За третьимъ столомъ, накрытымъ напрошивъ Царскаго, помѣстили Польскихъ служи-

тслей, черезъ челоѡка съ Русскими чиновниками, назначенными ихъ угощать. Но Бояре Рускіе сидѣли особо, по правую сторону Самозванца. На сей разъ пиршество происходило со всею спорогостію старинныхъ придворныхъ обычаевъ, съ однимъ только измѣненіемъ, что чешыремъ Панами подали тарелки, коихъ не водилось давати никому. Такъ какъ сіе происходило въ Пятницу, то кушанье все было рыбное. Хлѣба на столахъ не находилось, но когда сѣли, то Царь разослалъ каждому по большому куску калача. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Поляки удивлялись, что спольники исполняли должность свою безъ поклоновъ и даже не снимая шапокъ, а только слегка наклоняя голову. По окончаніи стола закусокъ не подавали, а только принесли небольшое блюдо съ сливами, копорыя Царь своеручно раздавалъ спольникамъ въ награжденіе за ихъ службу.

Въ слѣдующій день Паны послѣ обѣда были приглашены во дворецъ, гдѣ играли сорокъ музыкантовъ Яна Мшишки. Подавали множество напшковъ и веселились до самаго вечера. Разсприга нѣсколько разъ переодѣвался то по гусарски, то по Русски. Гусарскій нарядъ его состоялъ изъ парчеваго полукафтанья и краснаго бархатнаго долмана, усыпаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ плапьемъ и сафьянными башмаками. Князь

Вишневецкій плясалъ передъ нимъ съ Яномъ Мнишкомъ. Самозванецъ наградилъ музыкантовъ съ свойственною ему распочительностію. Онъ приказалъ выдать имъ 2,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.)

28-го числа, Лжедимипрій съ госпями своими ѣздилъ на охоту на одинадцатую версту по Смоленской дорогѣ. Выпускали многихъ звѣрей и наконецъ медвѣдя. Такъ какъ ни одинъ изъ Пановъ не отважился сразиться съ нимъ, то самъ разсприга пошелъ на него, и однимъ ударомъ рогапины убилъ его и саблею отсѣкъ ему голову. Ударъ рогапиною былъ шакъ силенъ, что руколяшка оной разлетѣлась въ дребезги. Послѣ сего подвига, всѣ обѣдали по близости въ палаткахъ, приготовленныхъ для невѣсты. **Великолѣпныя** Вѣздъ **спавки сіи**, расположенныя на живописныхъ Польскихъ **лу-** Пословъ въ **гахъ**, прилегающихъ къ рѣчкѣ Съпуни, были Москву, въ **окру-** 1606 году. **жены** плотняною оградю, представляющею видъ замка, съ четырнадцатью раскатами и тремя воротами. Посрединѣ находились для Марины пять нарядныхъ шатровъ, и оснадцать другихъ наметовъ для сопутниковъ ея.

Среди пировъ и забавъ, занимались и дѣломъ, для коего воевода былъ вызванъ въ Москву. Изъ начатыхъ переговоровъ съ Русскимъ духовенствомъ,

старый Мнишекъ убѣдился о необходимости не-
вполнѣ удовлетворять наставленія Нунція Ран-
гони. Положили, чтобы для наружности Ма-
рина ходила въ Греческія церкви, приняла при-
частіе отъ Папріарха и пошла въ Среду
вмѣсто Субботы. Но по прочимъ спашьямъ она
должна была сохранятьъ обряды своей вѣры, и да-
же позволялось ей имѣть Лапкинскую церковь во
внутреннихъ покояхъ ея. Папріархъ Игнацій
изъявилъ согласіе на сихъ условіяхъ не толь-
ко благословить бракъ Марины, но даже и вѣн-
чать ее на царство, каковая почестъ допоздъ
никогда Царицамъ предоставляема не была. Прочее
духовенство безмолвствовало, кромѣ Ермогена, Ар-
хіепископа Казанскаго и Іоасафа Епископа Коломен-
скаго, которые смѣло говорили, что если невѣ-
ста не перекрестится въ Греческую вѣру, по
бракъ не можно будетъ почитать законнымъ.
Непреклонные священники обратили на себя гнѣвъ
разстриги, который приказалъ выслать Ермогена
въ Казань и тамъ, лишивъ его сана, заключить
въ монастырь. Такую же участь Самозванецъ го-
товилъ и Іоасафу.

Сказаніе еже
содѣяся.

Дневникъ
Марины.

Между шѣмъ Марина, достигшая Вязьмы, ос-
тавалась тамъ нѣсколько дней, и только 29-го
Апрѣля перѣехала въ шапры, на Сѣшуні распо-

ложенные, гдѣ ожидала окончательныхъ приговоровъ кѣ принятію ея въ столицѣ.

Въѣздъ какъ ея, такъ и Польскихъ Пословъ назначенъ былъ 2-го Мая. Самъ Лжедмитрій, скрываясь въ простой одеждѣ, распорядилъ встрѣчу. На Москвѣ рѣкѣ былъ наведенъ живой мостъ, въ маломъ разстояніи отъ коего, на правомъ берегу рѣки, раскинули два клѣпчатые богатые шатра. Отъ шатровъ до моста стояли въ двѣ шеренги, по обѣимъ сторонамъ дороги, 300 Нѣмецкихъ пѣлохранищелей Самозванца, а позади ихъ 700 стрѣльцовъ въ красной одеждѣ, испещренной разноцвѣтными кипайками, на Нѣмецкій образецъ. Отъ моста же до городскихъ воротъ, вытянулась Доморацкаго конная рота Польскихъ копѣйщиковъ, изъ 730 человекъ состоящая. Польскіе Послы въѣхали за часъ передъ Мариною. У воротъ деревянной ограды Скородума *, ихъ привѣщивали назначенные къ нимъ въ пріемы Князь Григорій Конспаншиновичъ Волконскій и дѣякъ Андрей Ивановъ, которые и проводили ихъ до опведеннаго для ихъ жительства посольскаго двора. Вскорѣ послѣ того, Марина, съ пышною Польскою свитою своею, подѣхала къ мосту и

Въѣздъ
Польскихъ
пословъ, Дне-
винскъ ихъ,
Дневинскъ
Маршъ и
Пасрле.

---

* *Примѣчаніе.* Скородумомъ назывался внѣшній городъ, известный нынѣ подъ именемъ Землянаго.

вошла въ одинъ изъ изготовленныхъ шапировъ, гдѣ предсавлялись ей до 300 Русскихъ бояръ и другихъ знатныхъ сановниковъ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны. Князь Мстиславскій опъ имени всѣхъ ихъ говорилъ поздравительную рѣчь, послѣ коей подвезли великолѣпную карету, которую Лжедмитрій дарилъ невѣстѣ своей. Высокая и огромная карета сія, устроенная на Русскій образецъ, сверху была покрыта алымъ золопымъ глазпомъ, а внутри обита соболами и вся вызолочена. У колесъ ступицы были золоченыя, а спицы лазоревыя съ золопыми звѣздами. Спереди вмѣсто козелъ стояли два золоченые ангела, держащіе въ рукахъ розаны. Верхъ кареты украшался золопымъ орломъ, а на бокахъ испещряли ее драгоценные камни, жемчугъ и позолота. Ее везли десять чубарыхъ лошадей, въ хомупахъ изъ алаго бархата, съ серебряными вызолоченными пряжками и съ шелковыми постромками. Каждую изъ лошадей велъ подъ уздцы особый конюхъ. Когда Марина сѣла въ сію карету, то началось шествіе. Впереди ѣхали Царскіе дворяне и Боярскіе дѣти, а за ними знатные Поляки, сопутствующіе Маринѣ, за коими ѣхалъ старый Мнишекъ, на прекрасномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпюры и спремена его были изъ лишаго золоша съ бирюзами. Ему при-

служивалъ Аранъ, богато одѣтый по - Персидски. Потомъ слѣдовала великолѣпная карета, въ коей въ большомъ мѣстѣ сидѣла Марина, а напрошивъ ея староспина Тарлова. При каретѣ находились шесть гайдуковъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафпанахъ, съ золопымъ позуменшомъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. Нѣскольпо поодаль, также по обѣимъ сторонамъ кареты, шли Нѣмецкіе шлохранители и стрѣльцы, близъ моста ожидавшіе прибытія невѣсты. За первою карепою слѣдовала другая, въ которой невѣста выѣхала съ нощлега, и которая, обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри краспою парчею, была везена восьмью бѣлыми лошадями въ красныхъ бархатныхъ шорахъ, коими правили возничіи, въ красныхъ апласныхъ жупанахъ и фerezяхъ. Карета сія ѣхала пустая, хопя и спояли въ ней чешыре спула, богато позолоченные, и покрышые краспою парчею. Въ третней каретѣ, также запряженной восьмью бѣлыми лошадьми, въ красныхъ бархатныхъ шорахъ съ серебряною позолоченною оправою, сидѣли Княжна Косырская, Хоронжина Тарлова и паиы Гербуртова и Казановская. Возничіи ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ апласныхъ фerezяхъ. Потомъ ѣхали двѣ линейки: одну, раззолоченную, рѣзной работы, обитую краснымъ бархатомъ съ золопою

бахрамою, везли шесть чубарыхъ лошадей въ бархатныхъ зеленыхъ шорахъ, съ возничими въ зеленомъ апласномъ плашьѣ; другая, обитая чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, была запряжена шестью карими лошадьми съ возничими въ черныхъ камчатныхъ ферезяхъ. Въ первой линіи сидѣли двѣ паньи, а во второй комнатныя дѣвушки Марины. Кромѣ того было еще нѣсколько каретъ, съ старыми паньями и горничными, за коими ѣхали Польскіе гусары Мариной свиты, и наконецъ двѣ тысячи конныхъ Русскихъ стрѣльцовъ замыкали шествіе.

Когда Марина черезъ Курятныя ворота въѣхала въ Кишай-городъ, то загремѣли, поставленные на подмосткахъ близъ Кремлевской стѣны, 75 барабанщика и столько же трубачей. Сія нескладная музыка продолжалась до тѣхъ поръ, пока невѣста не вступила въ Вознесенскій монастырь, гдѣ до свадьбы своей она должна была жить при Царицѣ Марѣѣ.

Народъ съ безпокойствомъ замѣнилъ, что во время шествія Марины черезъ городъ поднялась буря, подобная той, которая въ день вступленія Лжедимитрія въ столицу уже принята была за худое предзнаменованіе для его царствованія. Московскіе жители, подозрительно сморгнувшіе на многочисленную вооруженную свиту Польскихъ

Беръ.

пановъ, были еще болѣе встревожены, когда Поляки, по прибытіи на опведенные имъ дворы, спали съ безразсудною гласностію выбирать изъ повозокъ своихъ множество привезеннаго ими оружія.

Самое размѣщеніе по кварширамъ сихъ непріятныхъ гостей служило поводомъ къ новому огорченію Русскихъ. Для воеводы Сендомирскаго назначили бывшій домъ Бориса Годунова въ Кремль. Другимъ же панамъ опвели по близости Кремля лучше дворы не только купцевъ и духовнаго званія лицъ, но даже всьможъ и самихъ мнимыхъ родствениковъ Царя, Нагихъ. Хозяева, вынужденные уступить жилища свои иноземцамъ, не безъ досады перепосили причиняемыя имъ разстройства и оскорбленіе.

5-го Мая Лжедимипрій торжественно принималъ на провъ сперва Поляковъ Маришиной свиты, а потомъ Королевскихъ Пословъ. Привѣтствія первыхъ обошлись съ должнымъ приличіемъ, но при пріемѣ Пословъ произошли неумѣстныя распри. Послы, извѣщенные стороною, что Лжедимипрій готовится опвергнуть Королевское къ нему письмо, потому что на надписи ему не давалось Цесарскаго титула, просили встрѣтившагося съ нимъ въ свняхъ грановитой палаты воеводу Сендомирскаго, чтобы онъ постарался убѣ-

Дневникъ
Марины.

Палицынъ.

Дневникъ
Марши.

Дневникъ
Пословъ.

дишь нарѣченнаго зятя своего, не дѣлашь неумѣстныхъ возраженій. Мнишекъ обѣщаль имъ употребить на сіе всѣ возможныя усилія, и они вошли въ палапу. Думный дворянинъ Микулинъ, который ввелъ ихъ, подойдя съ ними къ шрону, произнесъ слѣдующія слова: *Всепресвѣтлѣйшій и могущественнѣйшій Самодержецъ, Великій Государь Димитрій Иоанновичъ, Божіею милостію Великій Цесарь, Князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ Царствъ и Государствъ, Московской державы подвластныхъ, Государь, Царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и Великаго Государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію Короля Польскаго Великаго Князя Литовскаго, Послы Николай Олесницкій и Александръ Гонствскій, бьютъ челомъ у престола Вашего Царскаго Величества. Тогда Олесницкій, поклонившись сказалъ: Всепресвѣтлѣйшій, Великій Государь Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Вольнскій, Подольскій, Лифляндскій, Эстляндскій и другихъ, наследный Король Шведскій, Готскій, Вандальскій, Князь Финляндскій и иныхъ земель, благоволилъ послать насъ, пословъ своихъ, меня Николая Олесницкаго изъ Олесницы, Капителяна Малагоскаго, и Пана Александра Корвина Гонствскаго, Секретаря и дворянина своего, Старосту Велижскаго, помѣщика Конюховскаго съ тѣмъ, чтобы именовали Его Коро-*

левскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, Вашему Государскому Величеству, Божією милостію, всепресвѣтлѣйшему, Великому Государю, Дмитрію Іоанновичу, Князю всея Россіи, Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и другихъ многихъ земель Царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомитъся о здравіи Вашего Государскаго Величества, поздравитъ васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать Вашему Государскому Величеству братскую любовь его Королевскаго Величества. Когда посоль произнесъ слова «Князь», вмѣсто Цесаря по Лжедимириіи вспалъ съ мѣста, и подзававъ одного боярина, велѣлъ снять съ себя корону, намѣреваясь самъ говорить, но въ ту минуу воздержался. Олесницкій, окончивъ рѣчь, подалъ Королевское письмо государспвенному дьяку Власьеву, который тихо прочишалъ Самозванцу надпись, и потомъ по приказанію его, сказалъ посламъ: Николай и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому, и великому Самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ титула Цесарскаго Величества. Оно писано къ нѣкоторому Князю всея Россіи, а Дмитрій Іоанновичъ есть Цесарь въ своихъ преславныхъ Государствахъ.

И такъ возьмите сіе письмо обратно и отвезите къ своему Государю. Олесницкій горделиво отвѣчалъ: Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ коимъ вручили мнѣ Анастасю Иванову письмо его Королевскаго Величества, пріемлелъ оное обратно, чтобы возвратитъ Государю нашему, когда ваше Государское Величество гнушается имъ. Изъ вѣсть Государей христіанскихъ только ваше Царское Величество не признаетъ древняго титула Его Королевскаго Величества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ Его Королевское Величество и всю Рѣчь Посполитую. Возсѣвъ на тронъ сей дивнымъ Божиимъ промысломъ, по милости Его Величества Короля, при помощи народа Польскаго, Ваше Государское Величество скоро забыли сіе благодареніе! И не только Его Королевское Величество, Государь, нашъ, вся Рѣчь Посполитая, мы послы ея, но и вѣсть сіи знаменитые Поляки, столицѣ предъ очами Вашего Государскаго Величества, оскорблены униженіемъ достоинства нашего Государя и Рѣчи Посполитой. И такъ мы не можемъ исполнить Королевскихъ порученій, о коихъ Ваше Государское Величество узнали бы изъ письма, Вами отвергнутаго. Просимъ дозволенія возвратиться на квартиру. Тогда Лжедимитрій, не воздерживая болѣе врожденную въ немъ словоохотливость, самъ пустился въ неприличное преніе и сказалъ слѣдующее: Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобы Монархи, возсѣдая на тронъ, спорили.

съ послами; но Король Польскій, опуская наши титулы, принуждаетъ насъ къ сему. Удивляемся, что насъ Король, его милость, братомъ и другомъ своимъ именуетъ, а насъ какъ бы въ голову ударяетъ, унижая насъ и отнимая собственный нашъ титулъ, который дарованъ намъ отъ самаго Бога, который и мѣлѣмъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, и на употребленіе котораго ни Римляне, ни другіе древніе Монархи не могли болѣе насъ имѣть права. Насъ и мѣняютъ Императоромъ по тѣмъ же причинамъ, по коимъ и ихъ такъ именовали, ибо не только кромѣ Бога нѣтъ никого выше насъ, но мы также имѣемъ власть законодательную, и, что еще важнѣе, сами законъ въ великомъ Государствѣ нашемъ, что и означаетъ Монарха или Императора. Мы, по милости Божіей, пользуемся такою же властію, какою пользовались Цари Ассирійскіе, Мидійскіе и Персидскіе. Мы также сами повелѣваемъ нѣсколькими Царями Татарскими, а потому и не усматривается, почему бы мы теперь были хуже Великаго Хана, котораго всѣ Историки называютъ Татарскимъ Императоромъ? Впрочемъ многіе и насъ такъ называютъ, и сами Его Цесарское Христіанское Величество и святѣйшій Отецъ никогда не стыдились въ письмахъ своихъ насъ, или предковъ нашихъ, именовать Цесарями. Посланникъ нашъ къ Его Королевскому Величеству, Аонасій Ивановичъ Власевъ, придворный нашъ Казначей, и мѣлѣмъ на то при себѣ до-

Отвѣтъ Лежес-
дмитрія
Польскимъ
посламъ, въ
рукописяхъ
бывшей Пу-
лавской би-
бліотекѣ.

статочныя доказательства. Мы хорошо знаемъ, что предки нашего сего титула не употребляли и онаго не требовали, но сіе не можетъ служить для насъ препятствіемъ, ибо молчаніе Монарховъ или неупотребленіе ими довѣлемаго титула не составляетъ никакой давности, и отъ безпечности предковъ наследники въ семъ случаѣ не утрачиваютъ своихъ правъ. Къ тому же должно вспомнить, что всякое Государство начинается съ простоты и грубости, и только со временемъ все болѣе и болѣе получаетъ образованности въ нравахъ, обычаяхъ и даже самыхъ рѣчахъ. Такъ мы читаемъ, что въ вѣкъ простоты Цари назывались Пастырями, судьями и другими не пышными именованіями, и сіе замѣчается при началѣ вѣхъ Государствъ. Въ слѣдствіе, нисколько не удивительно что въ прежнія времена поступали неосмотрительно не только предки наши, но и другіе Государи. Ибо ежели правда, какъ о Короляхъ Польскихъ пишутъ Польскіе Историки, что они получили отъ Императора Оттона корону и титулъ Короля, хотя прежде того уже были и именовались Монархами, то они приняли отъ равнаго себя то, что шли отъ Бога, и навѣрное нѣмъ того бы не сдѣлали. Сверхъ того каждый Государь можетъ называть себя, какъ хочетъ. Такъ у Римлянъ многіе Императоры называли себя народными Трибунами, Консулами, Авгурами, и оставляли свой титулъ по произволу. Вѣднѣ также извѣстно, что съ начала

*Римскіе Императоры именовались только Принци-
пами. Августъ Императоръ не хотѣлъ называться
Господиномъ, хотя дѣйствительно былъ таковымъ,
ибо сами Римляне особеннымъ закономъ предостави-
ли ему полную повелительную власть, освободивъ его
отъ вѣхъ законовъ. Самые предки Короля, его ми-
лости, назывались Князьями, Монархами и только
наконецъ Королями. По симъ причинамъ, мы объяв-
ляемъ симъ Королю, его милости, что мы не только
Господарь, Царь, но и Императоръ, и не намыренны по
напрасну терять сей титулъ Государства нашего.
Если Король, его милость, почитаетъ насъ братомъ
и другомъ, почему же отказываетъ въ достояніи
нашемъ: ибо тотъ болѣе мнѣ врагъ, кто умаляетъ
преимущества и украшенія моего Государства, ко-
торья Монархи берегутъ, какъ зѣнницы глазъ, чѣмъ
кто посягнетъ на мое имлѣніе. Самая высшая спра-
ведливость есть воздавать каждому, что ему при-
надлежитъ. Иное дѣло было, когда предки находи-
лись въ враждѣ съ Польскою державою. Тогда при-
стойно было унижать другъ друга, какъ сіе и въ
другихъ Государствахъ дѣлалось и дѣлается. Но въ
дружбѣ должно поступать иначе; почему мы и на-
дѣялись, что Король, его милость, будучи старѣй-
шій, самъ направитъ насъ ко всему, клонящемуся
къ добру и чести нашей и государства нашего.*

По выслушаніи сего многословнаго изъясненія, Дневникъ по-
словъ.
Олесницкій возразилъ: *Ваша пресвѣтлѣйшая гос-*

подарская милость въ началъ своей рчи упомянули, что необыкновенное дѣло Монархамъ, съдѣлицѣ на тронѣ, спорить съ послами. Точно такъ: столь же необыкновенно, чтобы послы ослѣвливались говорить о томъ, чего не предписано въ данюль или наказѣ. Но какъ Ваше Государское Величество сами къ тому принуждаете меня, то я хотя и не илго дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи рчи Вашему Государскому Величеству, однакожъ какъ Полякъ, человекъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. Вспомните, Ваше Государское Величество! или прикажите справиться въ коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей Московской, даже спросите сихъ престарѣлыхъ дулиныхъ бояръ, какой титулъ употребляли предки Вашего Государскаго Величества? всепресвѣтлѣйшіе Короли, Государи наши никогда не приписывали или Цесарскаго титула, который Ваше Государское Величество неправильно себя присвоете. Предки ваши никакого Цесарства подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ Его Королевское Величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый Государь. Развѣ иначе писывалъ къ вамъ Король Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ владѣніяхъ Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величество, съ усердными желаніемъ помогалъ вамъ отыскать прародительскій вѣнецъ? И теперь, оставаясь въ прежней искренней пріязни, не тѣль ли болѣе доказываетъ се Вашему всепресвѣтлѣйшему Госпо-

дарскому Величеству, когда Вы видите свидѣтельство оной не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все сіе Его Королевскому Величеству! Скоро забыли Ваше пресвѣтлѣйшее Государское Величество, что на сей престолъ Вы взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіею, по милости Его Королевскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь свою за Ваше всепресвѣтлѣйшее Государское Величество! Вы платите вѣстью благодарности неблагодарностію, вѣстью пріязни неприязнію; доброе расположеніе и дружеслюбіе Его Величества, Государя нашего, пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ таковой Его Королевскому Величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемъ предъ вами, всепресвѣтлѣйшій Государь! силами Божіи и силами дульными боярами, что не Король Польскій, Государь нашъ, а Ваше Государское Величество разрываетъ дружбу съ Его Величествомъ и Рѣчью Посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ силами къ нашему Государю, и просимъ проводить насъ на квартиру.

Если бы Александрій умѣлъ сохранять достоинство своего сана, то, услышавъ спомъ дерзкія

нарѣканія, немедленно велѣвъ бы выслать посла. Въспну шого, продолжая съ нимъ преніе, онъ говорилъ слѣдующее: *Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ бы ихъ на бумагу, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, когда велимъ нашимъ думнымъ боярамъ вступить, съ вами въ переговоры. Король же, умалчивая употребляемый нами титулъ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и все христіанство. Если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ, вы вѣрно не отвѣчали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу принять сего письма, потому что въ надписи онаго нѣтъ моего полнаго титула. Мы обѣщали Королю быть для него братомъ и такимъ другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла держава Польская; а теперь мы должны остерегаться Короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ Государей. Знаю, что нѣкоторые изъ вашихъ единосемцевъ убѣждаютъ Его Величество, Короля, не признавать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе споры. Посолъ опшѣчалъ: Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать разговоръ съ Вашимъ Государскимъ Величествомъ. Вы обѣщали повелѣть думнымъ боярамъ переговорить съ нами о своемъ титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ другими порученіями Его Королевскаго*

Величества. За симъ, послы гошповились выпши, но Лжедимипрій, снова обращаясь къ Олесницкому, сказалъ ему: Панъ Малогоскій! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко мнѣ привязанность, и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу принять васъ въ государство моемъ не какъ посла, а какъ пріятеля моего. Подойдите къ рукѣ нашей. Посоль не пронулся съ мѣста и возразилъ: Всепресвѣтлѣйшій, Великій Господарь! низжайше благодарю за милость, которую Ваше Государское Величество изъясляете моему лицу; но какъ вы принимаете меня не посломъ, то я не могу оною пользоваться, и прошу Ваше Государское Величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осыпанный милостями Вашего Государскаго Величества, я старался доказать вамъ въ Польши свою доброжелательную услужливость: да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и вѣрность Его Королевскому Величеству. Хотя разсприга и повторилъ приглашеніе, Олесницкій только поклонился и опозвался, что не можетъ исполнить царскаго желанія. Смущенный стойкостью посла, Лжедимипрій наконецъ воскликнулъ: Подойди, вельможный панъ, какъ посоль! Олесницкій и шутъ упорствовалъ и отвѣчалъ: Подойду, если Ваше Государское Величество возьметъ письмо Королевское.— Возьму, сказалъ Самозванецъ. Тогда оба посла по-

цѣловали его руку. Власевъ принялъ письмо и прочишалъ его передъ трономъ. Попомъ, по приказанію Лжедимитрія, сказалъ посламъ: *Хотя Королевскаго письма безъ Цесарскаго титула принимать не слѣдовало бы; однакожь Его Цесарское Величество, для свидѣбь своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ сіе письмо и васъ, пословъ Короля Польскаго. По возвращеніи же къ Государю своему, вы должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго титула Цесарскаго. Его Цесарское Величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ Короля Сигизмунда, ни отъ кого либо другаго никакихъ писемъ безъ полнаго Цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ Короля Сигизмунда Государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ Цесарскимъ престоломъ.*

Послы оправили посольство обыкновеннымъ порядкомъ. Олесницкій въ рѣчи своей объяснилъ, что онъ съ поваричемъ своимъ, присланы отъ Короля, дабы вмѣсто его особы присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія. Гонсѣвскій же сказалъ, что имъ поручено также войти въ сношеніе съ думными боярами, по предмету взаимныхъ требованій Польши и Россіи, дабы съ благополучнымъ

окончаніемъ сихъ дѣлъ можно было приступить Дневникъ
Марины. къ тѣсному союзу прошивъ Турокъ. Въ отвѣтъ на сіи рѣчи Власьевъ объявилъ, что Государь прикажетъ боярамъ начать предлагаемые переговоры.

Послы замѣтили, что по старинному обряду Россійскіе Государи всегда спрашивали о здоровьи Короля, вставъ съ своего мѣста. Лжедмитрій, услышавъ сіе, спросилъ не вставая съ мѣста: *Его Королевское Величество, Государь вашъ, въ добромъ ли здоровьи!* Олесницкій отвѣчалъ: *Его Королевское Величество, Государь нашъ былъ въ добромъ здоровьи и счастливо царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но Вашему Царскому Величеству надлежало привстать, спрашивая о здоровьи Его Королевскаго Величества.* Лжедмитрій отвѣчалъ: *Панъ Малогоскій! У насъ обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здоровьи, и приподнявшись не много присовокупилъ: Мы радуемся, что Король, вашъ Государь, и нашъ другъ, находится въ добромъ здоровьи.*

По поднесеніи Послами подарковъ, Власьевъ сказалъ имъ: *Цесарское Величество жалуетъ васъ Дневникъ
пословъ. своимъ обѣдомъ.* Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи ихъ на посольскій дворъ, Чашникъ Василій Бупурлинъ прибылъ къ нимъ съ различными яствами и напитками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ. Въ сей день разстрига

огорчилъ и Поляковъ и Русскихъ; суеславныя настоянія его о шипуль возбудили негодование Поляковъ, а Русскіе, хотя и не одобряли настояній сихъ, но не менѣе того досадывали, когда увидѣли, что онъ, какъ будто испрашенный рѣшимостию Посла, согласился опспать отъ оныхъ. Также сказанное Гоцѣвскимъ о взаимныхъ пребываніяхъ обѣихъ Государствъ, много попревило Русскихъ, которымъ казалось сіе подтвержденіемъ уже носившихся слуховъ о обѣщанной Самозванцемъ Королю успупки городовъ, хотя Лжедимишрій, извѣщенный о сей молвѣ, и увѣрялъ, что ни единой пяди Русской земли никогда не опдаспъ Польшѣ.

Никоновская
Лѣтопись.

Марина, вмѣсто того, чтобы въ ксляхъ монастырскихъ вести жизнь скромную и уединенную, помышляла только объ удовлетвореніи своихъ прихотей, въ чемъ не получала опказа отъ жениха. Напримѣръ такъ какъ ей не по вкусу были приносимыя изъ дворца яства, то Лжедимишрій приказалъ гоповипъ для нея кушанье Польскимъ поварамъ, и опдать имъ ключи отъ царскихъ запасовъ и погребовъ. Для увеселенія же невѣсты своей Самозванецъ вводилъ къ ней въ монастырь скомороховъ, скрипачей и пѣсенниковъ, которые шумными забавами нарушали мирную тишину святой обители, къ большому соблазну

Дневникъ
Марины.

Légende.

набожныхъ Москвитянъ. Разсприга также безъ мѣры дарилъ невѣсту. Онъ прислалъ ей ларецъ, съ разными драгоценными вещами, цѣною на 500,000 ^{Никоновская} ^{Летопись.} рублей (два милліона съ половиною нынѣшнихъ серебряныхъ) и дозволилъ ей раздавать изъ оныхъ, что кому пожалеетъ. Кромѣ того старый Мнишекъ получилъ на заплачу долговъ своихъ въ Польшу 100,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Считаютъ, что Самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ растрапилъ до 800,000 рублей (до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ.) ^{Дѣла Польскія.}

Разсприга, какъ бы во всѣхъ случаяхъ изыскивая вѣрнѣйшій способъ раздражить Русскихъ, назначилъ для свадьбы и вѣнчанія на царство Марины Четвергъ 8-го Мая. Успавъ православною церкви не позволяя совершать обрядъ бракосочетанія ни подъ Пятницу, ни подъ всякій праздникъ. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нарушалось правило, ибо 9-е число было не только въ Пятницу, но и Николинъ день.

Для избѣжанія давки на Царской площади, Марина поздно вечеромъ въ Среду, переехала во дворецъ, при свѣтѣ множества факеловъ. ^{Дневникъ} ^{Маршны.} Дѣвши боярскіе и Нѣмецкіе алебардчики шли передъ ся карешою. Тогда же было жаркое преніе у Самозванца съ Боярами. Поляки хопѣли, чтобы Мари-

Беръ.

на вѣичалась въ Польскомъ плашьѣ подѣ предло-
гомъ, что она не привыкла къ ниому; Лжедимит-
рій и въ шомъ желалъ угодить имъ, но Русскіе
саиовиики пребовали непремѣнно, чтообы она одѣ-
лась по-Русски. Непреклонность ихъ убѣдила на-
конецъ разстригу, что отступленіе въ семъ пред-
метѣ отъ старинныхъ обычаевъ, сочпено было
бы ими за оскорбленіе чести народиой. Не смош-
ря на обыкиовенную вѣпренность свою, оиъ ска-
залъ: *Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе Бо-
ляръ и обьчай народный, чтобы никто не жаловал-
ся, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ
день ничего не значитъ!*

Разряды. Свадебные обряды того времени были соблю-
дены въ почности. Посажеными опцемъ и ма-
шерью назначены Князь Мспиславскій съ супру-
гой. Тысяцкимъ былъ Князь Василій Ивановичъ
Шуйскій, а дружками у жениха были Бояре: Князь
Димитрій Ивановичъ Шуйскій и Григорій Федо-
ровичъ Нагой, а у невѣсты: бояринъ Михайло Алек-
сандровичъ Нагой и панъ Тарло. Свахами какъ у
жениха, такъ и у невѣсты были супруги ихъ дру-
жекъ. Въ поѣздѣ находилсь двадцать одинъ знап-
ныхъ Московскихъ дворянъ, а въ сидячихъ шесть
бояринъ, семнадцать бояръ, четверо окольнічихъ
два думныхъ дворяина, четыре думныхъ дьяка,
Поспельничій и два спряпчихъ съ ключемъ. Въ

назначенный часъ Марину ввели въ столовую избу
 ся отецъ и Княгиня Мстиславская. Передъ невѣ-
 стою шли дружки и Рожеслвсенскій Протоіерей въ
 эпитрахили и поручахъ, съ святою водою и креспомъ,
 а за нею слѣдовали свахи и боярыни сидячія.
 Марина была въ красномъ бархатномъ Русскомъ
 платьѣ, съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ
 подкованныхъ сапогахъ, но все на ней было такъ
 усыпано алмазами, лазами и жемчугомъ, что не
 видно было ни бархата ни сафьяна. Головной уборъ
 ся состоялъ изъ богатаго кокошника. Протоіерей и
 дружки пошли за женихомъ, который немедленно съ
 ними отправился въ столовую, взявъ еще съ собою
 только однихъ *пользисинъ*. Одежда его покрывалась
 червленною бархатиною мантією, унизанною жемчугомъ
 и драгоценными камнями, а на головѣ сіяла корона;
 въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, а въ другой
 державу, осыпанную алмазами. По прибытіи его въ
 столовую началось обрученіе по Русскому обряду.
 Протоіерей говорилъ приличныя молитвы, дружки
 рѣзали короваи и подносили ширинки. После обрученія,
 женихъ и невѣста пошли поспельнымъ крыльцомъ
 въ грановишную палату, гдѣ ожидали ихъ *сидягіе*
 и гдѣ изготовленъ былъ возлъ Царскаго прона
 другой, поменьше, для Марины. Лжедимипрія
 вели подъ руки Восвода Сендомирскій и

Брачный обрядъ при Лжедимипріевой свадьбѣ съ Мариною. Дневникъ Польскихъ Пословъ. Паерле.

Князь Мещиславскій, а Марину Княгини Мещиславская и Шуйская. За нею шли знашныя Польки, обѣ Тарловы, Гербуртова и Казаповская. Войдя въ грановишную палату, Лжедимитрій сѣлъ на пронѣ, а тысяцкій Князь Шуйскій подойдя къ Маринѣ, произнесъ слѣдующія слова: *А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Марья Юрьевна вся Русси! Божьи мѣ праведными судомѣ, и за изволениемѣ наяснѣйшаго и непобѣдишаго Самодержца, Великаго Государя Дмитрія Ивановича, Божією милостію, Цесаря и Великаго Князя вся Русси, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволимѣ васѣ, наяснѣйшую Великую Государыню взяти себѣ въ Цесареву, а намѣ въ Государыню, и Божією милостію, обручанье ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамѣ бы наяснѣйшей и Великой Государыни нашей, по Божіей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступить на свой Цесарской маестатѣ и быть съ нами Великими Государели на своихъ преславныхъ Государствахъ. Послѣ сей рѣчи, Протоіерей осѣнилъ креспомѣ малый пронѣ, копорый и заняла Марина. Тогда ввели въ палату Польскихъ Пословъ и другіихъ знашныхъ Поляковъ. Всѣ сѣли, какъ иноземцы, пакъ и Русскіе, кромѣ поѣзжанъ. Ожидали большой короны, живо-*

шворящаго крестна и бармовъ, за которыми послано было на казенный дворъ. По принесеніи сей Царской ушвари, принялъ се Бояринъ Михайло Федоровичъ Нагой и поднесъ Лжедимитрію, который приложился ко кресту и поцѣловалъ корону. То же сдѣлала и Марина. Послѣ чего Благовѣщенскій Протоіерей, покрывъ пеленою ушварь, опнесъ се на головѣ своей въ Успенскій Соборъ, и былъ встрѣченъ у дверей Папіріархомъ, который положилъ ушварь на изготовленномъ посреди церкви налоѣ. Когда донесли Лжедимитрію, что все готово для священнодѣйствія, то онъ чрезъ красное крыльцо отправился въ соборъ. Впереди шли спольники, спрячїе, знатные Поляки и Королевскіе Послы, а за ними поѣздъ. Потомъ несъ скипетръ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и державу Бояринъ Басмановъ. За Басмановымъ слѣдовалъ въ эпитрахили Благовѣщенскій Протоіерей, кропящій святою водою передъ женихомъ и невѣстою, которые шли рядомъ одинъ подлѣ другаго. Лжедимитрія подѣ правую руку поддерживалъ Воевода Сендомирскій, а Марину подѣ лѣвую Княгиня Мстиславская. За ними шли Боярс, Дворянс, думные и приказные люди и прочіе Поляки изъ Мшишковой свипы. Пущь ушланъ былъ сукномъ, а по оному фіолетовымъ бархатомъ. Охраненіе порядка было поручено на красномъ

крыльцѣ и отъ онаго до собора шеспи головамъ спрѣлецкимъ, двадцати сопникамъ, да премъ спамъ спрѣльцамъ. Кромъ того спояли еще въ ружьѣ Нѣмецкіе пѣлохранипели и нѣскольکو спрѣльцовъ. Въ соборѣ успроено было черпольное мѣсто, обипое краснымъ сукномъ о двѣнадцати спупеняхъ. На ономъ споялъ тронъ для Лжедимитрія, Персидскій, золоченый съ каменьями *, а по обѣимъ споронамъ онаго находились спулья; на правой споронѣ, поменьше для Папріарха, а на лѣвой большой золоченый для Марины. Войдя въ церковь, Лжедимитрій и Марина прикладывались къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и къ ракамъ чудотворцевъ. Потомъ проводили ихъ на черпольное мѣсто Папріархъ и Митрополитъ Новгородскій. Тогда, къ изумленію Русскихъ, началось коронованіе Марины, не сполько прежде отпрѣченія ея отъ панежства, но даже прежде брачнаго обряда. Уклончивый Папріархъ не усумнился возложитъ животворящій крестъ, бармы и Царскій вѣнецъ на иновѣрную Польскую дѣвицу. По окончаніи коронованія, Папріархъ служилъ обѣдню, которую Лжедимитрій слушалъ съ обыкновеннаго Царскаго мѣста, а Марина сначала

---

* *Примѣчаніе.* Тронъ сей, присланный въ 1605 году Шахомъ Аббасомъ Царю Борису, еще теперь находится въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

отошла въ придѣлъ Димитрія Селунскаго съ сва-
хами и нѣкопюрыми Боярами, а послѣ херувим-
ской подошла къ Царскимъ дверямъ, гдѣ Папрі-
архъ помазалъ и причаспилъ ее въ явное посмѣя-
ніе православія. Когда отошла обѣдня, то высла-
ли изъ церкви всѣхъ незнапныхъ людей и при-
ступили къ брачному вѣнчанію, которое исправ-
лялъ Благовѣщенскій Протоіерей. Симъ окончи-
лись церковныя обряды, и Лжедимитрій съ Мари-
ною вышли изъ собора, и отправились въ споло-
вую избу при звукѣ трубъ и литавръ, колоколь- Петрей.
номъ звонѣ и пушечной стрѣльбѣ. На рундукѣ
собора и при дверяхъ столовой Князь Мстислав-
скій осыпалъ разспригу въ каждомъ мѣстѣ по
три раза, золотыми монетами цѣною отъ 5 до
20 червошцевъ. Въ столовой Лжедимитрій и Ма- Дневникъ
Пословъ.
Брачный
обрядъ.
рина сѣли обѣдать, съ Воеводою и его родствен-
никами и весьма малымъ числомъ Бояръ. Сидѣли
только до претѣяго кушанья, а потомъ новобрач-
ные пошли въ новый деревянный дворецъ, куда
поѣздъ провожалъ ихъ до постельныхъ комнатъ,
а Воевода и тысяцкій до самой постели.

На другой день, былъ торжественный пиръ
въ грановитой палатѣ. Лжедимитрій съ Мариною
сидѣли на протѣ за особеннымъ столомъ. Раз- Дневникъ
Марины.
сприга былъ одѣтъ по гусарски, а Марина по
Цольски. За другими столами обѣдали родствен-

Дневникъ
Пословъ.

ники Марины съ ихъ свитою. Королевскіе послы также были приглашены, но не поѣхали, потому что Самозванецъ не хотѣлъ посадить ихъ за собственнымъ столомъ своимъ. Основываясь на томъ, что въ Краковѣ Власевъ сидѣлъ за собственнымъ Королевскимъ столомъ, они домогались, чтобы по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ была оказана такая же почестъ. Разсприга поручилъ Власеву уговаривать ихъ, но Власевъ въ душѣ ненавидѣлъ Поляковъ и воспользовался случаемъ, чтобы неприличными рѣчами еще болѣе раздражить пословъ. Такъ на примѣръ, онъ говорилъ имъ, что если дѣйствительно въ Краковѣ сажали его самого за Королевскій столъ, то иначе и бытъ не могло, потому что за тѣмъ же столомъ имѣли мѣсто послы Цесарскіе и Папскіе, а Русскій Государь выше всѣхъ Монарховъ Христіанскихъ и каждый попу у него папа. Словъ снранныя разсужденія не могли убѣдить Пословъ; они и въ Субботу отказались ѣхать на обѣдъ къ Лжедимирию. Старый Мнишекъ всемѣрно старался посредничествомъ своимъ миролюбиво окончить сидѣло; но видя непреклонность зятя своего, онъ обратился къ посламъ и представилъ имъ, что въ Польшѣ мятежная шляхта, недовольная тѣснымъ союзомъ Сигизмунда съ Австріею, готовилась къ междоусобной войнѣ, что въ сихъ смутныхъ

обстоятельстввахъ благоразуміе пребуешъ не соршья съ обладаемемъ Московскаго престола, опъ коего при дружелюбныхъ его расположеніяхъ, можно ожидать большаго пособія, и что пошому слѣдуешъ потѣшить его въ разсужденіи Посольскаго мѣста, шѣмъ наче, что въ день пріема, заставивъ его принять Королевское письмо безъ присвоемаго имъ титула, довольно уже пронули его тщеславіе. Послы не оспоривали основательности сихъ замѣчаній, но ихъ удерживало то, что въ данномъ имъ наказѣ именно поставлено было имъ въ обязанность настаивать о полученіи мѣста за Государевымъ столомъ хопя одному изъ нихъ. Они только тогда рѣшились уступить, когда воевода вызвался ходатайствовать за нихъ у Короля, и когда Лжедмитрій согласился выдать имъ письменное свидѣтельство въ томъ, что они нарушили предписаніе о мѣстѣ единственно въ слѣдствіе общаній его о доставленіи Рѣчи Посольской важныхъ выгодъ. Въ Воскресенье 11-го числа, послы обѣдали у Лжедмитрія въ грановитой палатѣ. Олесницкій, какъ старшій, сидѣлъ одинъ по правую руку прона, за особеннымъ сполкомъ, а Гонсѣвскій занялъ первое мѣсто за столомъ, гдѣ находились прочіе Поляки, и Русскіе боярыни. 13-го Марина угощала Пословъ и знатныхъ Поляковъ; изъ Русскихъ никого не было кро-

Дневникъ
Марины.

мъ Князя Масальскаго и Власьева. Столъ и услуга были въ Польскомъ вкусѣ. Послѣ обѣда долго плясали, и развѣхались только послѣ захожденія солнца. На другой же день, у Марины былъ пиръ для однихъ Русскихъ.

Но среди сихъ шоржествъ составлялся опасный для расприги заговоръ, въ коемъ участвовала уже почти вся Москва. Всѣмъ Русскимъ, безъ различія сословій, казались нестерпимыми безпушество Самозванца и наглость Поляковъ. Если бы гости сіи силою оружія овладѣли столицею, то и шуть не могли бы хуже обходиться съ жишелями оной. Въ особенности во время свадебныхъ веселій безчинство ихъ достигло до высочайшей степени. На пирахъ во дворцѣ они ругали Русскихъ и даже самыхъ знатнѣйшихъ, смѣялись надъ всѣми ихъ обрядами и поступками и въ хвастливѣйшихъ выраженіяхъ превозносили собственную свою храбрость, спрашась коей, Русскіе, по словамъ ихъ приняла отъ ихъ руки Царя. Многіе изъ нихъ, разгоряченные виномъ, возвращаясь изъ дворца, рубили саблями встрѣчающихся людей, и выпаскивая изъ карсѣ знатныхъ боярынъ, безчестили ихъ. Самая святыня мало уважаема была ими. Они ходили по церквямъ съ собаками, а во время коронаванія въ соборѣ, имениннѣйшіе изъ нихъ, иныя сидѣли, другіе

Беръ.

Показаніа
Бучинскихъ.

громко издѣвались надъ иконами, и дремали при-слонясь къ онымъ. Сїи непристойности такъ озлобили Русскія сердца, что всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ удобнаго часа для месни, и что про-тивъ пріятеля Поляковъ, разсприги, восспавали даже и шъ, которые были главнѣйшими зачин-щиками измѣны въ пользу его. Изъ самыхъ при-ближенныхъ его, оспался ему преданнымъ только одинъ Басмановъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ боль-шимъ прилежаніемъ слѣдилъ за безпрестанно воз-распающею народною ненависью къ Самозванцу, и съ радостію убѣдился, что она достигла до высочайшей степени, и что настала часъ для избавленія отечества отъ поноснаго подданства, и для наказанія дерзкаго пришельца, осмѣливша-гося положить вельможную голову его на плаху, ибо, по естесвенной склонности человеческого сердца, онъ болѣе хранилъ въ памяти своей сей позоръ, чѣмъ дарованное ему прощеніе. Въ едино-мысли съ нимъ были знаннѣйшіе люди въ Госу-дарствѣ, и въ числѣ оныхъ не только находился убійца Царя Θεодора Борисовича, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но даже сей Бояринъ, съ Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинъ, были Сказанія сже содѣяся. главнѣйшими помощниками Шуйскаго. Подвизаясь на дѣло отечественное, они хотѣли отспранишь

опшъ себя вредное вліяніе личныхъ спраспей, могущихъ поселить раздоръ между самыми сообщниками ихъ, и пошому всѣ шрое дали обѣщаніе другъ другу испремѣнно извѣспъ разспригу, а кошорому изъ нихъ приведется бышъ Царемъ послѣ него, опшюдь не мспишъ никому за прежнія вины, и управляшъ Государспвомъ общимъ совѣпомъ. Изъ всей Боярской думы одному Князю Мспиславскому не ввѣрили шайну заговора, опасаясь извѣспнаго его малодушія.

Беръ.

Увѣрившись въ синклипшъ, Шуйскій обратился и къ нижнимъ сословіямъ, кошорыми, какъ уже сказано выше, былъ весьма уважаемъ. Созвавъ въ домъ свой уговоренныхъ бояръ, да еще купцевъ и городскихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, онъ представилъ собранію печальную каршину Россіи въ рукахъ Поляковъ, и Москвы, наполненной опасныхъ для спокойспвія ея иноземцевъ. Опъ напомнилъ, что хопшъль предупредилъ зло, но что Москвичи его не поддержали, и что онъ самъ едва не оставилъ головы своей на плахѣ. Въ опшошеніи къ Самозванцу онъ далъ замѣшпшъ, что вообще признали его за Царевича, дабы избавишъся иенавистнаго владычеспва Годуновыхъ, и въ надеждѣ найши въ юпомъ выпязѣ храбраго защитника православной Вѣры и опечеспвенныхъ обычаевъ; но что сіе ожиданіе не сбьлось и напропивъ шого, Лжедимитрій обращесп-

ся какъ настоящій Полякъ, любитъ только иноземцевъ, не чтитъ священныхъ, оскверняетъ храмы Божіи дозволеніемъ входить туда некрещенымъ Ляхамъ, да еще и съ собаками, изгоняетъ пастырей душъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Нѣмцамъ, наконецъ и самъ женился на поганой Полькѣ. Изложивъ все сіе, Шуйскій присовокупилъ, что если благовременно не примутся мѣры къ прекращенію неистовствъ, то должно ожидать худшихъ бѣдъ, что онъ для спасенія православія слова не пожалѣетъ себя, только помогали бы ему съ усердіемъ и вѣрностію, что каждый сопникъ долженъ убѣдить своихъ подчиненныхъ въ самозванствѣ Царя, замышляющаго новыя злодѣйства съ своими Поляками, и что Московскимъ обывателямъ предстоитъ посовѣтоваться между собою, какимъ образомъ избавишься отъ него, что за свящую Русь могутъ возстать болѣе ста тысячъ людей, а за Самозванца останутся только 5,000 Поляковъ, и по разсѣянныхъ по цѣлому городу, и что стоить единственно назначить день, чтобы избить ихъ вмѣстѣ, съ гнуснымъ обманщикомъ. Отпуская отъ себя сопниковъ, Шуйскій убѣждалъ ихъ не медлить дѣломъ и уведомить его на что рѣшатся граждане.

Разглашенія сопниковъ подѣйствовали такъ успешно на простой народъ, выведенный изъ

терпѣнія поступками Лжедимитрія и Поляковъ, что никто и не помыслилъ заступаться за Самозванца, котораго менѣе года тому принимали съ восторгомъ. Напрошивъ всѣ жаждали видѣть конецъ его нелѣпаго властвованія.

Уже 12-го Мая, громко говорили на рынкахъ, что Лжедимитрій измѣнилъ православію, что онъ рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, вводитъ чужіе обычаи, ѣстъ скверную пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ Иконами и послѣ свадьбы ни разу, съ поганою женою своею, не мылся въ банѣ. Нѣмецкіе алембардчики схватили одного изъ дерзкихъ болпуновъ и представили во дворецъ. Разсприга велѣлъ допросить его; но Бояре, коимъ поручено было исполнить сіе, донесли Самозванцу, что виновный вралъ съ пьяну, что впрочемъ и въ презвонѣ видѣ онъ не умнѣе бываетъ по природной простотѣ, и что Государю не слѣдуетъ превозмощься наущинствомъ Нѣмцевъ, потому что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы какой безумецъ и заплѣялъ подобный.

Но и безъ сихъ лукавыхъ внушеній не легко было увѣрить разспригу въ угрожаемой ему опасности. Безпечность его основывалась не только на врожденной самонадѣянности, но еще на какомъ-то предсказаніи, обѣщавшемъ ему шридца-

шичепырехлѣпшее царствованіе. Въ ослѣпленіи Палицынъ своимъ онъ даже изъявлялъ гнѣвъ свой шѣмъ, которые его предосперегали.

Хотя множество людей уже вошли въ заговоръ, но чувство отвращенія къ Самозванцу было такое единодушное и глубокое, что не нашлось ни одного доносителя. Однакожь не возможно было, чтобы при семъ многочислѣ тайна не разгласилась. Въ особенності провѣдали о ней Нѣмцы, ошъ коихъ менѣе береглись, чѣмъ ошъ Поляковъ. Ропные Начальники Нѣмецкихъ шѣлохранишелей, при дни сряду, а именно 13-го, 14-го и 15-го Мая, письменно доносили Самозванцу о Беръзамышляемомъ возстаніи, но получили въ отвѣшъ, что все это ничего не значить. Разсприга, или дѣйствительно избалованный счастіемъ, не предусматривалъ опасности, или желалъ выказывать безстрашіе для обузданія злонамѣренныхъ. Онъ приказалъ готовиться къ новымъ забавамъ. Въ слѣдующее Воскресенье у Марины должны были происходить пляски въ маскахъ; а въ пошъ же день Лжедимитрій намѣревался для воинской пошѣхи дѣлать примѣрный приступъ къ деревянному съ насыпью городку, по повелѣнію его выстроенному въ полѣ, за Срѣтенскими воропами. Уже нѣсколько пушекъ отправлены были шуда. Симъ случаемъ еще воспользовались Бояре, чтобы

Сказаніе еже содѣлалъ и Дисвникъ Польскихъ пословъ.

увѣришь народъ, что Лжедимипрій замышляеть не пошъху, а избіеніе знаменитѣйшихъ Москвитянъ, дабы попомъ безпрекословно ввести въ Россію папекство *.

Между тѣмъ, ожесточеніе Московскихъ обывателей на Поляковъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ не дождавшись, чтобы начальники заговора назначили день для дружнаго возстанія, вздумали сами собою приступить къ дѣйствію. Въ ночи съ 14-го на 15-е, многочисленныя толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ. Въ особенности до четырехъ тысячъ человекъ собралось близъ квартиры Князя Вишневецкаго, который надменностію своею болѣе всѣхъ прочихъ Ляховъ вооружилъ противъ себя Русскихъ. Но такъ какъ никто изъ вождей не явился, то предпріятіе ограничилось безплоднымъ шумомъ и съ разсвѣтомъ всѣ разошлись по домамъ.

Дневникъ
Марини и
пословъ.

---

* *Примѣчаніе.* Если вѣрить показаніямъ Бучинскихъ, отобранныхъ отъ сихъ Секретарей разстриги, послѣ его смерти, дѣйствительно онъ имѣлъ намѣреніе, во время потъхи, велѣть Полякамъ убить двадцать знатнѣйшихъ Бояръ, въ томъ числѣ Мстиславскаго и иныхъ Шуйскихъ, дабы потомъ по своей воли перемѣнить веру и обычаи народныя. Теперь, не имѣя ни какихъ другихъ данныхъ, трудно рѣшить, Бучинскіе оклеветали ли изъ низкаго подбострастія память благодѣтеля своего, въ угодность торжествующимъ его врагамъ, или въ самомъ дѣлѣ Самозванецъ падълся злодѣйскимъ подвигомъ отстранить всѣ, доселѣ встрѣчаемыя имъ противности.

Сіе бездѣйственное покушеніе вмѣсто того, чтобы предостеречь Самозванца, кажется, умножило еще его безопасность, внушивъ ему пагубную мысль, что его такъ всѣ страшатся, что ни у кого не доспанеть духу въ самомъ дѣлѣ воспанть прошивъ него. Въ семъ предубѣжденіи, онъ успокоился совершенно и занялся дѣломъ государственнымъ. Утромъ, 15-го числа, Польскіе послы были приглашены во дворецъ, гдѣ наши Лжедмитрія, сидящаго въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Онъ отправилъ ихъ въ особую палату, куда прибыли также назначенные для переговоровъ съ ними Бояре, Князь Дмитрій Шуйскій и Князь Рубецъ-Мосальскій, думный дворянинъ Тапищевъ и думные дѣяки Власьевъ и Грамошинъ. Послы сказали, что Король, усердствуя раздѣлитъ съ Царемъ славу войны прошивъ Поршны, проситъ объявить имъ, когда и съ какою силою Царь намѣренъ ополчиться на невѣрныхъ, послѣ чего и они въ состояніи будутъ изъяснить, что и Польша можетъ предпринять съ своей стороны. Тапищевъ отвѣчалъ имъ, что Царь, намѣреваясь воевать съ Турками, имѣетъ только въ виду ревность къ славіи Божіей и святой вѣрѣ, а что Поляки намѣками своими даютъ поводъ подозрѣвать, что желаютъ единственно вывѣдать мысли Московскаго Государя, чтобы по-

помъ найни предлогъ самимъ уклонисья опъ содѣйствія. Послы обидлись таковымъ упрекомъ, въ доказательство несправедливости коего привели, что всегда предлагающій предпріятіе обязывается первый объяснить, какими мѣрами надеется достигнуть желаемой цѣли. Тогда Русскіе сановники пошли доложить Самозванцу о слышанномъ ими. Тапищевъ, Власьевъ и Грамошинъ возвратились съ такимъ отвѣтомъ, что Царь приказалъ думнымъ людямъ своимъ, займись изложениемъ мыслей своихъ по предмету нужныхъ средствъ для замышляемыхъ дѣйствій, и что онъ въ непродолжительномъ времени самъ будетъ о семъ совѣщаться съ послами, въ присутствіи своихъ Бояръ.

Изъ дворца Послы поѣхали обѣдать къ пану Тарло, куда приглашены также были Князь Вишневецкій, панъ Немоевскій, оба Спадницкіе и другіе паны. Гости по тогдашнему Польскому обыкновению порядкомъ подпили. Когда послѣ обѣда они занялись пляскою, то пришли сказать имъ, что Поляки подрались съ Русскими. Непрезвые паны смутились тѣмъ болѣе, что имѣли еще на умѣ скопища прошлой ночи. Въ сіе время ударили къ вечернѣ. Оробѣвшіе гости приняли сей звонъ за набатъ, и разбѣжались. Послы поспѣшили возвратиться домой, и извѣстили единокровцевъ сво-

ихъ, чтобы въ случаѣ опасности искали убѣжища на посольскомъ дворѣ. Но скоро узнали, что вся тревога произошла только отъ того, что хмѣльный гайдукъ Князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, и въ свою очередь былъ прибитъ ими. Лжедмитрій двукратно присылалъ къ посламъ Секретаря Бучинскаго, успокоивать ихъ и сказать имъ, что онъ такъ хорошо принялъ въ руки Государство, что безъ воли его ничего произойти не можетъ. Не смотря на увѣренія сіи, послы послали спражу у себя на дворѣ, а Воевода Сендомирскій и сынъ его расположили, на занимаемыхъ ими дворахъ, всю прибывшую съ ними Польскую пѣхоту съ хоругвями и барабанами.

Спража въ Кремль также бодрствовала и схватила ночью прокравшихся въ крѣпость шесть подозрительныхъ человекъ, которыхъ приняли за лазутчиковъ. Трехъ изъ нихъ умертвили, а остальныхъ избили.

Въ Пяницу 16-го числа, уже въ Русскихъ *Légende*. лавкахъ, отгазывали продавать Полякамъ порохъ и всякое оружіе. Столь явная неприязнь встревожила Польскихъ Жолнеровъ. Они объявили о предстоящей опасности Воеводѣ Сендомирскому, который донесъ о томъ Самозванцу. Но разсприга смѣялся надъ сими рассказами, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для успокоенія ихъ, ве-

дѣль на сѣдующую ночь разспавить по улицамъ караулы изъ Спрѣльцовъ. Кажется, что онъ весьма полагался на приверженность къ себѣ сего войска, и что на сей увѣренности наиболее основывалась его безопасность. Онъ разсчитывалъ, что 10,000 Спрѣльцевъ, 5,000 Поляковъ и 300 Нѣмцевъ достаточно для обузданія нестройныхъ скопищъ Московской черни.

Такъ какъ Пятница прошла спокойно, то сами недоувѣрчивые Поляки начали думать, что волненіе народное утихло, и въ семъ предположеніи они беззаботно предались сну. Но въ сіе самое время мяшежъ готовился разразиться. Князь Шуйскій съ шоварищами, видя, что народное стремленіе опереживаетъ принимаемыя ими мѣры, почли неумѣстнымъ дальнѣйшее оплагательство, и рѣшились приступить немедленно къ исполненію своего предпріятія. Хотя разсприга сидѣлъ еще на Московскомъ престоѣ, но все Русское уже безпрекословно повиновалось имъ однимъ. По повелѣнію ихъ, осьмнадцать-тысячное войско, сполвавшее въ семи верстахъ за городомъ и долженствовавшее слѣдовать къ Ельцу, ночью съ 16-го на 17-е, введено въ столицу разными воротами. Въ ту же ночь всѣ двѣнадцать городскихъ воротъ были заняты посланными опѣ Бояръ дружинами, копорья не пропускали никого въ столицу, ни

изъ оной. Такъ, какъ самые приближенные придворные принимали участіе въ заговоръ, то Нѣмецкіе пѣлохранители, изъ коихъ всегда по спущеніи человѣкъ находилось во дворцѣ, получили отъ ихъ приказаніе именемъ Самозванца, иные въ Пятницу вечеромъ, а другіе въ Субботу рано по утру, разошлись по домамъ, такъ что всего оспалось на стражѣ при дворцѣ только тридцать алебарщиковъ. Московскіе обыватели провели всю ночь въ ожиданіи набата; они, по сдѣланной имъ повѣспки, съ первымъ звономъ колокола должны были спекапья на Красную площадь.

Сказаніе еже содѣяся.

Въ Субботу, около чепырехъ часовъ утра, ударили въ колоколъ, сперва у Ильи Пророка близъ гостинаго двора, и тотчасъ же набатъ раздался по всему городу. Со всѣхъ концовъ, тысячи людей съ ружьями, саблями, топорами и рогатицами стремились къ Красной площади, гдѣ сидѣли уже на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ въ полномъ вооруженіи. На тревогу выбѣжали изъ домовъ своихъ и пѣ изъ Москвитянъ, копорые неизвѣспны были о заговоръ; имъ говорили, что Липва бѣспъ вельможъ Русскихъ, и они спѣшили за прочими, на помощь знатнымъ единокровнымъ своимъ.

Дневникъ
Пословъ.

Начальникъ заговора, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя, что Москва дружно возспаспъ за

Légende и
сказаніе.

Русь, не дождавшись, чшобы вся чернь собралась на площади, предложилъ дворянамъ немедленно наступить на дворець, дабы не дать времени Самозванцу опомниться и можетъ быть скрыться. Все согласились, что благоразуміе пребовало не мѣшкать. Шуйскій, съ крестомъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, въ сопровожденіи заговорщиковъ. Подѣхавъ къ Успенскому собору, онъ слѣзъ съ коня, приложился къ иконѣ Владимірской Богоматери, и обращаясь къ толпившемуся уже передъ соборомъ народу, воскликнулъ: *Во имя Божіе идите на злого еретика!* Все хлынуло ко дворцу.

Дневникъ
пословъ.

Александръ Дмитрій, ни мало не предвидя готовящейся для него бѣды, всю ночь провелъ въ пированіи, и съ разсвѣтомъ вышелъ освѣжиться на крыльцо. Услышавъ набатъ, онъ спросилъ, для чего звонятъ. *Пожаръ*, отвѣчали ему *, и онъ, не подозревая ничего, спокойно ворочился въ чертоги свои. Но вскорѣ грозный вопль приближающихся бунтовщиковъ снова вспревожилъ его. Онъ вы-

---

* *Примѣчаніе.* Въ дневникъ Польскихъ Пословъ сказано, что отвѣтъ сей данъ Самозванцу Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ, но нѣтъ вѣроятія, чтобы сей Князь находился при разстригѣ, въ то самое время, когда родной братъ его собиралъ уже народъ для нападенія на дворець. Развѣ Князь Дмитрій не былъ ли въ числѣ гостей, пиравшихъ ночью съ Александромъ Дмитріемъ?

слалъ ночевавшаго во дворецъ Басманова узнатьъ, что происходить. Басмановъ уже нашелъ весь Беръ-дворъ наполненнымъ вооруженными людьми, которые на спросъ его, чего хопятъ и что за званъ, опивѣчали ему ругательными словами, и требова-ли, чтобы онъ имъ выдалъ Самозванца. Тогда Басмановъ кинулся назадъ, и приказавъ албардщи-камъ не впускать никого во дворецъ, поспѣшнѣ къ разспригъ и сказалъ ему: *Мятель! я улиру,* Дневникъ
пословъ
а ты спасайся! Въ самомъ дѣлѣ, Лжедимипрій однимъ бѣгствомъ могъ избавишься отъ угрожаю-щей ему опасности. При немъ находилось только тридцать албардщиковъ и нѣсколько Польскихъ слугъ и музыкантовъ, и слѣдственно не было до-спасочныхъ средствъ для обороны. Албардщики, видя свое малолюдство, такъ оробѣли, что даже Беръ и Де
трей допустили, чтобы одинъ изъ дворянъ, бывшихъ въ числѣ заговорщиковъ, пробрался между ими и вбѣжалъ въ покой, гдѣ находился Лжедимипрій съ Басмановымъ. Увидѣвъ Самозванца, дворянинъ за-кричалъ: *Ну, безвременный Царь! проснался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета.* Но дерзновенный сей посмунокъ имѣлъ пагубныя слѣдствія для пылаго дворяни-на; озлобленный Басмановъ схватилъ висѣвшую на стѣнѣ саблю и разсѣкъ ему голову. Самъ Лжеди-мипрій, не опложившій еще своего самонадѣянiя,

не терялъ надежды присуспвѣемъ своимъ укро-
пить мятежь. Вбѣжавъ въ переднюю, гдѣ споя-
ли алебардчики, онъ выхватилъ мечъ у Курлянд-
ца Шварцгофа, вышелъ въ сѣни и, грозя мечемъ
народу, кричалъ: *Я самъ не Борисъ!* Но встрѣчен-
ный выспрѣлами, онъ спѣшилъ удалиться во вну-
пренность покои. Мужеспвенный Басмановъ сдержалъ
данное имъ Самозванцу слово, — жертвовать собою
для его спасенія. Ославшись въ сѣняхъ, онъ спалъ
уговаривать Бояръ, чшобы помнили свою присягу
и удержали народъ отъ свосвольсшва. Въ опвѣпть
ему, избавленный имъ отъ ссылки, думный дворя-
нинъ Тапищевъ зарѣзалъ его ножемъ, и трупъ
его былъ боярами сброшенъ съ крыльца. Такимъ
образомъ, необыкновенный мужъ сей, прежде из-
мѣнившій законному Государю своему, не отказал-
ся запечатлѣть собспвенною кровію вѣрность
свою къ тому, кого самъ въ дружескихъ бесѣдахъ
признавалъ за Самозванца. Сіе объясняется толь-
ко тѣмъ, что главѣйшая страспъ его была че-
столюбіе, къ удовольствовенію коего гибель Царя
Осодора Годунова открывала ему путь, какъ на-
пронивъ того съ паденіемъ Лжедимишрїа исчеза-
ла для него всякая надежда сохранить свое могу-
щество.

По смерти Басманова, ничто уже не удержи-
вало буйныя шолны; Цѣмцы алебардчики, ни мало

не расположенные последовать его великодушному примеру, положили оружие, и народъ не только разломалъ двери, но даже вырубилъ нѣсколько бревенъ въ спѣхъ и наводнилъ дворецъ. Лжедмитрій съ досады рвалъ на себѣ волосы, и побѣждалъ объявить Маринѣ о бунтѣ, а потомъ поспѣшилъ черезъ ея покои пробраться въ каменный дворецъ, но и шутъ не надѣясь наипи возможности укрыться, онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для свадебнаго праздника. Съ однихъ подмостковъ онъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ 15-ши саженой вышины на жипшый дворъ и вывихнулъ себѣ ногу. Паерле.

Марина, едва пробудившаяся отъ сна, была не одѣта; наскоро надѣвъ юбку, она въ безпамятствѣ сбѣжала внизъ подъ своды, но не находя тамъ безопасности, воровилась на верхъ. Среди общаго замѣшательства, и при помощи ея слишкомъ простаго наряда, ее не узнали и сполкнули съ лѣспинцы. Однако она добралась до своего покоя и тамъ оспалась съ женскою свипюю своею. Вскорѣ люди, преслѣдовавшіе разсиригу изъ комнаты въ комнату, стали ломиться и въ покой, гдѣ находилась Марина. Камердинеръ ея Осмульскій, желая оспановить ихъ, упорно защищался въ дверяхъ. Многія полученные имъ раны не поколебали его рѣшимо- Дневникъ
Марины.

Дневникъ
пословъ

спи, и онъ продолжалъ опистаивать дверь до тѣхъ поръ, пока ружейный выстрѣлъ не положилъ его на мѣстѣ. Спрѣля въ него, Русскіе случайно ранили смертельно находящуюся въ комнатѣ спарую папью Хмелевскую. Москвичи бросились грабить Марину и бывшихъ при ней женщинъ, и оставили ихъ въ однѣхъ сорочкахъ. Можеть быть, ихъ ожидала еще и горшая участь, но геройская преданность Осмульскаго не совсѣмъ осталась для нихъ бесполезною. Она дала время Боярамъ приспѣть на выручку ихъ. Бояре разогнали буйствующихъ людей, отвели Марину и женщинъ ея въ особую комнату, къ которой приславили стражу, а вещи ихъ, опечатанныя, приказали положить въ кладовую.

Между тѣмъ нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, стоящихъ на стражѣ близъ того двора, на который упалъ Лжедимипрій, нашли его лежащимъ безъ чувствъ, оплили водою и перенесли на каменный фундаментъ, сломаннаго по приказанію его деревяннаго дворца Царя Бориса. Придя въ себя, Самозванецъ спалъ умолять стрѣльцовъ, чтобы обороняли его, обѣщая имъ въ награду женъ и помѣстья Бояръ. Обольщенные стрѣльцы рѣшились споять за него и отогнали ружейными выстрѣлами первыя толпы людей, сбѣжавшихся къ тому мѣсту, гдѣ находился разстрига. Но

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждалъ еди- Паерле.
номышленниковъ своихъ докончивъ начашос и го-
ворилъ имъ: *Мы ильемъ дѣло не съ такимъ чело-
вѣкомъ, который могъ бы забыть малѣйшую оби-
ду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую
пѣсню: предъ своими глазами погубитъ насъ въ
жесточайшихъ мукахъ! Такъ мы ильемъ не про-
сто съ каварнымъ плутомъ, но съ свиртымъ чу-
довищемъ; задушимъ, пока оно въ ямъ! Горе намъ,
горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бѣстїя вы-
ползетъ изъ пропасти! Тогда въ народѣ завопи-
ли: Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребилиъ
селїства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать
измытника, плута, обманщика! Сею угрозою усп-
рашенные спрѣльцы бросилъ ружья свои, и не
препятствовали Боярамъ схватить Лжедимитрія Беръ.
и внести его въ дополь занимаемые имъ покои
дерсваннаго дворца, которые вмѣсто прежняго
великолѣпія являли уже отвратительные слѣды
грабительства и разоренія. Въ передней Самозва-
нецъ прослезился, увидѣвъ алебардчиковъ своихъ
стоявшихъ безъ оружія и съ поникшею головою.
Одинъ изъ нихъ, Ливонецъ Фирспенбергъ, сжалив-
шись надъ нимъ, пробрался въ комнату, куда по-
ложили его, вѣроятно въ намѣреніи прпслуживать
ему. Но преданность Фирспенбергова содѣлалась
для него самою губельною; одинъ изъ дворянъ*

заговорщиковъ закололъ его. Попомъ всѣ обступили Самозванца, на котораго вмѣсто сорваннаго съ него плащя, надѣли кафшанъ пирожника. Озлобленные люди безжалостно вымѣщали на немъ за понесенныя опъ него обиды. Тѣ, которые довольствовались ругать его, оказывались милосердыми, въ сравненіи съ другими, ударявшими его. Вообще домогались, чшобы онъ самъ сказалъ, откуда онъ родомъ. Но несчастный зналъ, что только упорствуя въ самозванствѣ, можетъ нѣкоторыхъ людей оставить въ сомнѣніи и пѣмъ сохранить слабую надежду къ спасенію своей жизни. Въ семъ убѣжденіи, онъ не преставаелъ увѣрять, что дѣйствительно сынъ Царя Іоанна Васильевича и ссылаяся на свидѣтельство матери своей, которую просилъ допросить. Въ семъ ему не отказали, и

Пасрле. Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, съ чешырью другими сановниками, отправились въ Вознесенскій монастырь, и именемъ опечесва требовали опъ Царицы чистосердечнаго признанія. Царица съ раскаяніемъ объявила, что сынъ ея, пораженный въ Угличѣ по повелѣнію Бориса, шочно умеръ у нея на рукахъ, а что сего ей невѣдомо откуда пришедшаго, злодѣя согласилась принять за своего сына только по женской слабости страха ради. Нагіе также подтвердили ея слова. Князь Голицынъ, воропившись во дворецъ, сказалъ разспри-

Дѣла Польскія, Де Ту, Пасрле и Беръ.

гъ, что мнимая мать отрекается отъ него. Сраженнѣй сею вѣспію, Самозванецъ спалъ проситъ, чшобы его вывели на лобное мѣсто, обѣщаясь тамъ всенародно обѣяснить испину. Слова сіи были припаты въ видѣ косвеннаго признанія. Народу, толпившемуся подъ окнами на дворѣ, и прилежно освѣдомляющемуся о всѣхъ рѣчахъ Лжедимишрїя, обѣявили, что онъ винился. Тысячи голосовъ завопили: *Бей его, руби его!* Тогда между наполняющими царскіе чертоги людьми, пропѣснился Боярскій сынъ Григорій Валуевъ, и сказавъ: *Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю Польскаго свистуна, ружейнымъ выстрѣломъ изъ-подъ армяка убилъ разспригу. Присутствующіе въ ожесточеніи своемъ, саблями съкли бездушный трупъ и сбросили его съ крыльца на шѣло Басманова, говоря: Ты любишь его живаго, не расставайся и съ мертвымъ. Нѣсколько времени спустя, чернь, обнаживъ оба трупа, повлекла ихъ чрезъ Спасскія ворота на Красную площадь. Тѣло Лжедимишрїя тамъ положили на споль, длиною въ аршинъ, шакъ, что свѣсившіяся ноги касались груди* Маржеретъ и Дневникъ по-словъ. Басманова, положеннаго на скамьѣ, подъ столомъ. Прискакавшій верхомъ изъ Кремля дворянинъ съ Петрейю вольнкою и маскою, всунуль вольнку разспригъ въ рошъ, а маску положилъ на брюхо и сказалъ:

Ты, негодяй, часто насъ заставлялъ дудить; теперь самъ дуди въ нашу забаву.

Дневникъ по-
словъ, Днев-
никъ Марии-
ны, Беръ и
Паерле.

Местъ народная еще не удовлетворялась убіе-
ніемъ Лжедимишрїя. Оспавалось раздѣлаться съ
Поляками, не менѣе его ненавистными. Изъ най-
денныхъ во дворцѣ Польскихъ музыкантовъ 17-ть
человѣкъ были убиты, а остальные восемь оспа-
влены за мершво. Чернь, упоенная буйствомъ и
подспрекаемая персодѣшными монахами и попами *,
бросилась къ домамъ, занимаемымъ Поляками. Вез-
дѣ, гдѣ по малолюдству своему иноземцы сіи или
вовсе не оборонялись, или оборонялись безуспѣшно,
ихъ безщадно убивали или грабили, а женъ и до-
черей уводили. Въ особенности кровопролитіе бы-
ло ужасное на Никитской улицѣ, гдѣ жили Мари-
нины служилыи. Ожеспоченные Москвитяне не
оказывали должнаго праводушія даже и въ отно-
шеніи къ шѣмъ, кои опдавались имъ на вѣру.
Панъ Тарло, запершись въ домѣ своемъ съ супру-
гою своею, съ паньсю Гербуршвою и паномъ
Любомирскимъ, гоповился защищаться; но по убѣж-
денію бывшихъ при немъ женщинъ, согласился по-
ложить оружїе, въ замѣнъ даннаго ему опъ напа-

---

* *Примѣчаніе.* О семъ содѣйствіи Русскихъ духовныхъ
лицъ, свидѣтельствуется, впрочемъ, только Полякъ, писав-
шій дневникъ Марины.

дашелей кляпвеннаго обѣщанія, что не будетъ ему причинено ни малѣйшаго вреда. Но лишь только онъ выдалъ имѣющіяся у него въ домѣ ружья и сабли, то народъ вломился къ нему, убилъ тридцать изъ его служителей, другихъ переранилъ и все имущество разграбилъ. Съ самаго пана Тарло сорвали всю одежду до послѣдней рубахи. Той же участи подверглись супруга его, панья Гербуртова и пань Любомирскій. Впрочемъ, среди исповснвъ самоуправія, чувство состраданія не во всѣхъ сердцахъ угасло; нѣкоторые изъ Поляковъ были спасены хозяевами занимаемыхъ ими домовъ, которые дали имъ способъ укрыться. Также опстоялись дома воеводы Сендомирскаго, сына его и Князя Вишневцакаго, обороняемые многочисленными служителями. Первымъ ударамъ подвергся воевода по случаю соседства занимаемаго имъ Годунова дома опъ дворца, но самое обстоятельство сіе послужило къ его спасенію, ибо дало возможность находящимся во дворцѣ дворянамъ во время прискакать на его выручку. Уже народъ осыпалъ камнями дворъ и подвезъ пушки для разгромленія прочныхъ стѣнъ дома, но дворяне удержали чернь и требовали, чтобы воевода выслалъ опъ себя довѣреннаго къ Боярамъ. Мншекъ колебался, опасаясь подвергнуться гибели высланнаго, но когда дворяне предложили ему принять въ

аманаты одного стрѣлцаго голову, по онъ рѣшился персадить черезъ заборъ старшаго служителя своего Гоголинскаго. Призванный въ думу Боярскую, Гоголинскій убѣдился, что Русскіе саповники не раздѣляютъ свирѣпой ярости своихъ соотечественниковъ прошивъ Поляковъ. Тапищевъ ошъ имени прочихъ членовъ думы сказалъ ему: *Всемогущій Богъ взираетъ на всѣ царства, и по воли своей располагаетъ ими; безъ воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать о настоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, не царской крови, овладѣвъ нашимъ Государствомъ, долго утѣшался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, по всей справедливости заслуживаетъ равную участь: онъ покровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше Государство, былъ виною всѣхъ линувшихъ бѣдствій и кровопролитія; наконецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь благодать Господню: опасность его миновала. Иди и возвѣсти о селѣ господину твоему. Сіи слова, изъясняющія справедливое негодование, удержанное въ предѣлахъ приличія и умѣренности, успокоили восводу. Для вѣщнаго охраненія его, Бояре приславили къ дому спражу изъ стрѣльцовъ.*

Изъ всѣхъ пановъ только одинъ Князь Вишневецкій дѣйствительно находился готовымъ къ оппору, ибо зналъ, что былъ предметомъ злобы Москвичей. На занимаемомъ имъ обширномъ дворѣ Господаря Волошскаго, онъ держалъ въ сборѣ 200 копѣйщиковъ своихъ. Бояре также прислали для охраненія его небольшой стрѣлецкій отрядъ, но онъ не въ состояніи былъ удержатъ подступившія многочисленныя толпы, которыя ворвались было на дворъ, но были опогнаны ружейными выстрѣлами Поляковъ. Тогда Москвичи подвезли пушку и съ новымъ ожесточеніемъ бросились къ двору. Вишневецкаго люди защищались храбро. Сраженіе сдѣлалось упорное; однихъ Русскихъ пало до 300. Со стороны Поляковъ уронъ допоя былъ незначителенъ; стрѣляя изъ-за стѣнъ, они лишились только 18-ти человекъ. Но должно было предвидѣть, что имъ долго не устоятъ пропивъ непомѣрнаго числа нападающихъ на нихъ обывателей.

Между тѣмъ Бояре, съ сокрушеніемъ видѣвшіе, что торжество дѣла опечественнаго запяпнывается кровопролитіемъ бесполезнымъ, прилагали всѣ возможныя усилія къ прекращенію онаго. Они скакали изъ улицы въ улицу, унимая народъ. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Никипшевичъ Романовъ явились передъ домомъ Вишневец-

каго, уговаривали его не продолжать бесполезнаго сопротивленія и клятвенно обѣщали, что онъ останется невредимъ, если повѣритъ имъ свою участь. Вишневецкій согласился на сіе и впустилъ ихъ къ себѣ. Шуйскій прослезился, увидѣвъ дворъ, устланый Русскими трупами. Вишневецкаго, для спасенія его опть ярости народной, отослали въ другой домъ; но чернь разграбила имущество и обобрала людей его.

Бояре присушествіемъ своимъ спасли также Маринина брата, старосту Саноцкаго. Впрочемъ на домъ его не сильно напиралъ народъ, потому что онъ только одною улцею отдѣлялся опть Посольскаго двора, гдѣ находилось въ сборѣ довольно значительное число вооруженныхъ Поляковъ.

Дневникъ
Пословъ.

При первомъ слухѣ о мятежѣ, Послы заперли дворъ свой и обсадили гайдуками заборъ, въ намѣреніи защищаться до послѣдней крайности. Но болѣе чѣмъ оборонительными мѣрами, охранялись они народнымъ правомъ, споль священнымъ для Москвичей, что достапочно было увѣщаній находящихся при послахъ приславовъ для удержа- нія опть непріязненныхъ дѣйствій толпящихся около двора людей. Бояре, съ своей стороны желая успокоить пословъ, послали къ нимъ дворянина Нащокина съ товарищемъ. Гонсѣвскій, вышедшій для свиданія съ ними, спалъ въ воро-

пахъ. Нащокинъ не слѣзая съ коня, сказалъ: Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій да Князь Василій и Князь Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, и другіе О убійствѣ Дмитрія Государя Московскаго, въ рукописяхъ Пулавской бібліотеки.

Бояре товарищи ихъ, велѣли сказать вамъ, Польшамъ Сигизмунда, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго: Въ областяхъ Государя вашего извѣстно было, что послѣ смерти Царя Ивана Васильевича остался малолѣтній сынъ Дмитрій, и жилъ въ Углицѣ. Но, по злѣху нашему и по волѣ Божіей, Дмитрій Ивановичъ, законный Царевичъ нашъ, лишился жизни дѣйствіемъ злыхъ людей. Долгое время спустя, Гришко Богдановъ сынъ Отрепьевъ, монахъ дьяконъ, вдавшись въ ересь и чернокнижество, и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ область вашего Государя въ Литву, и тамъ назвавшись Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. Единоземцы ваши вступили съ нимъ въ Государство Московское. Потомъ и мы взбунтовавшись послѣ смерти Царя Бориса Федоровича, приняли его себѣ въ Государя. Сѣвъ на престолъ, онъ разорялъ Государство, жилъ безчинно, хотѣлъ истребить нашу христіанскую вѣру и ввести еретическую. Царица, которую онъ называлъ матерью, изобличила его передъ Боярами, и какъ всѣ убѣдились въ обманъ, то долге его терпѣть не хотѣли. Теперь не стало вора. Однако жъ такъ какъ вы Послы, присланы отъ вашего Государя, отъ земли

къ землю, то вамъ опасаться нечего. Бояре приказали тщательно оберегать жизнь вашу. Только предостерегаютъ васъ, чтобы вы и люди ваши не мѣшались съ Старостою Саноцкимъ, съ его людьми и съ другими, не при васъ находящимися, ибо ни вы къ нимъ, ни они къ вамъ ни почему не принадлежите. Они прѣхали съ воеводою Сендомирскимъ, въ надеждѣ завладѣть Москвою, и причинили много зла Русскимъ людямъ. Гонсѣвскій отвѣчалъ по Русски: Правда, извѣстно было у насъ, что послѣ великаго Государя вашего Ивана Васильевича остался сынъ Дмитрій! Также слышно было и о томъ, что Борисъ Годуновъ велѣлъ его убить измѣнительски. Но потомъ, когда сей человекъ явился въ Государствѣ Короля, его милости, разсказывая, что онъ именно тотъ Дмитрій Ивановичъ, и что Богъ чудесно спасъ его отъ гибели, то люди наши, ясалъшіе прежде о смерти Дмитрія, порадовались видя его въ живыхъ. Да и вы сами радовались, считая его истиннымъ Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Ваши же Русскіе люди и самые думные Бояре посадили его на престолъ. Нынѣ, какъ сказываешь ты, узнавъ, что онъ самозванецъ, убили вы его. Намъ до того дѣла нѣтъ — пусть Богъ поможетъ вамъ по правдѣ вашей. Мы послы весьма покойны по предмету нашей безопасности, ибо не только въ Христіанскихъ Государствахъ, но даже

и въ бусурманскихъ, особа Пословъ неприкосновенна. Однакожъ мы благодаримъ Бояръ за ихъ доброжелательство. Что же касается до пана Старосты Саноцкаго и до другихъ подданныхъ Короля, его милости, прибывшихъ сюда съ паною воеводою, то и они прѣхали не на войну и не для того, какъ вы говорите, чтобы завладѣть Москвою, а на свадьбу, по приглашенію того, кто былъ у васъ Государемъ, васъ самихъ и всей земли вашей, чрезъ посредство посланника вашего. Они вовсе не вѣдали, чтобы Государь вашъ не былъ истиннымъ Дмитріемъ, и неистовствъ также никакихъ не дѣлали. Если же кто изъ служителей причинилъ кому обиду, то на то есть судъ: за виновнаго никто не стоитъ, только за вину одного не должны страдать всѣ. И такъ поблагодаривъ думныхъ Бояръ за пріязнь, которую черезъ васъ намъ изъясляютъ, просите ихъ нашими именованъ, строго наблюдать, чтобы не проливать кровь людей Короля, его милости ни въ чьей не виновныхъ и охраняемыхъ существующимъ между обоими Государствами миромъ. Упаси Господи, если станутъ убивать ихъ передъ нашими очами! Тогда не только не въ состояніи мы будемъ удерживать челяди нашей, но сами не будемъ равнодушно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ, и согласимся лучше всѣ влѣсть погибнуть. Какія же отъ того могутъ быть послѣдствія, легко рассу-

дуть дулились Боярамъ и вали салились! Нащокниъ донесъ Боярамъ о слышанномъ имъ. Они для надежнѣйшаго предохраненія Пословъ, почли необходимымъ пославить на спиражъ при ихъ дворѣ няписопный стрѣлецкій отрядъ.

Дневникъ
пословъ.

Польскіе Жолнеры не подали ни малѣйшей помощи погибающимъ соотечественникамъ своимъ. Роты Юрія и Яна Мнишковыхъ хотя сначала и показывали нѣкоторую готовность иппи на выручку своихъ пановъ и сѣли на коней, но такъ какъ заговорщики успроили завалы на улицѣ, ведущей къ занимаемому ими двору, то они не отважились преодолѣть сіе прспятствіе, и до такой степени упали духомъ, что безъ всякаго сопротивленія, позволили запереть себя на своемъ дворѣ, гдѣ у нихъ отобрали оружіе, лошадей и все имущество ихъ. Самозванцева рота, по крайней мѣрѣ, не покорилаь такъ поспыдно. Она выѣхала изъ города въ поле, и тамъ заключила договоръ, по коему получила дозволеніе возвратиться въ Польшу, но съ упрашою всего имущества своего.

Пасрле.

О убійствѣ
Димитрія.

Пасрле.

Наконецъ за часъ до полудня, прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ. Современники не согласующся въ исчисленіи жертвъ сего кроваваго упра. Если вѣрится Де-Ту, основывающему разсказъ свой на словахъ Капитана Маржерета,

Поляковъ пало 1,200, а Русскихъ 400. Поляки уменьшаютъ уронъ своихъ единоземцевъ и весьма увеличиваютъ таковой же Русскихъ. Напрошивъ того Нѣмецкій Паспоръ Беръ увѣряетъ, что однихъ Поляковъ убито 2,135.

Казалось, что посредствомъ мятежа порже-ствующая чернь не скоро возвратится къ законному порядку и что должно было еще опасаться новыхъ своевольствъ и насилій. Но Москва отличилась явленіемъ необыкновеннымъ. Жители ея, наказавъ справедливо, но свирѣпо и самоуправно обидчиковъ опечеснва, мирно предались отдохновенію и домашнимъ занятіямъ своимъ. Въ слѣдующую ночь цѣлый городъ былъ погруженъ въ глубочайшее молчаніе и тишину; также и на другой *Légende*. день не было ни малѣйшей тревоги.

Но важныя заботы ожидали еще Русскихъ. Царскій престолъ, очищенный отъ вора, находился празднымъ. Церковь также не имѣла главы; ибо пошворникъ папешства, Игнашій, не могъ оставаться Папріархомъ; его опослали подъ чаль въ Чудовъ монастырь. Прежній Папріархъ Іовъ, во время ссылки своей ослѣпъ, и пошому нельзя было ему слова вручить управленіе церкви. Предстояло избрать и новаго Царя и новаго Папріарха.

Начальникъ народнаго возстанія, Князь Васи-

лій Ивановичъ Шуйскій, стоялъ уже на такой высокой степени могущества и знаменитости, что и безъ имени Царскаго казался наслоящимъ Государемъ, и что внонецъ прародителя его Мономаха какъ бы самъ собою ложился на главу его. Но сіе самое отвращало опть него Бояръ, желавшихъ, чпобы избранный ими, имъ же, а не самому себѣ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Къ тому же должно замѣтить, что въ самомъ дѣлѣ, не смотря на знатность его происхожденія и чрезвычайныя способности устойчиваго и обширнаго ума, воцареніе его не обѣщало Россіи той прочности, въ коей въ особености она нуждалась послѣ претерпѣнныхъ ею бѣдствій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ онъ былъ бездѣпнымъ, и слѣдственно должно было опасаться или новыхъ смущень, съ упраздненіемъ престола сопряженныхъ, или, что наследуемъ по немъ братъ его, Князь Дмитрій, коего за неспособность и злонавіе вообще презирали и ненавидѣли. Въ сихъ обстоятельствахъ, не удивительно, что многіе вельможи показывали склонность принять Государя изъ дома Голицыныхъ, копорые послѣ Шуйскихъ и Мспи-славскаго, рѣшительно не желавшаго престола, считались первѣйшими людьми въ Государствѣ. Совершеннолѣпныхъ Князей Голицыныхъ было тогда четверо: три брата родныхъ—Василій, Иванъ

и Андрей Васильевичи, и двоюродный ихъ братъ Иванъ Ивановичъ Шпакъ. Сей послѣдній, хотя старшій въ родѣ, былъ опетраненъ по причинѣ его ничтожности. Также не полагали чтобы приличіе дозволяло вручить державу, Князю Василю Васильевичу, столь обезславившему себя злодѣйскими дѣйствіями своими пропивъ Царя Ѳедора Борисовича. Поэтому всѣ помышленія друзей Голицыныхъ устремились къ избранію Князя Ивана Васильевича. Но въ первомъ пылу народной признательности къ Князю Шуйскому, не легко было бы убѣдить Московскихъ гражданъ предпочесть кого бы то ни было сему Князю, который раздѣлялъ съ ними труды и опасности мятежа и котораго всѣ признавали первымъ виновникомъ избавленія опечесства. Для того, прошивники его почли необходимымъ медлить избраніемъ. Ими направляемая дума Боярская разсудила, что въ столь великомъ дѣлѣ нужно сослаться со всемъ Государствомъ и представити Великой Земской Думѣ возвестъ на престолъ, кого цѣлая Россія признаетъ достойнѣйшимъ.

Но Шуйскій съ своей стороны не оспавался въ бездѣйствіи. Понимая, что мнѣніе Бояръ, по видимому основанное на сущей справедливости, внушаемо было имъ однимъ недоброжелательствомъ къ его лицу, онъ ни сколько не располо-

Беръ.

Рукопись
Филарета.

жеиъ былъ спокойно дожидаться, чтобы охладилась признательность народная къ нему, и попому рѣшился немедленно обратиться къ суду Москвитянъ. Спараніемъ его приверженцевъ, 19-го числа въ 6 часовъ утра, купцы, разнощники и ремесленники, спекались на Красную площадь. Бояре, встревоженные снмъ скопищемъ, вышли также на площадь, въ сопровожденіи знаишаго духовейства; намѣреніе ихъ было, отвлечь народъ отъ избранія Царя, предложивъ ему заняться выборомъ Папріарха, а между тѣмъ разослать грамоты во всѣ города Россійскаго государства, чтобы выборные люди съѣзжались въ Москву, для назначенія Государя общимъ совѣтомъ. Но народъ возопилъ, что для исцѣленія опечесивенныхъ язвъ Царь нужнѣе Папріарха, и что попому сперва слѣдуетъ избрать Царя, который уже самъ назначитъ Первосвященнаго. Тогда клеврепы Шуйскаго стали разглашать, что никто не можетъ имѣть болѣе права на престолъ, какъ *мужественный и благородный обличитель и посрамитель нечестиваго Отрепьева*, присовокупляя къ тому, что самъ Князь Василій Ивановичъ происходилъ отъ ближайшей отрасли древіяго царствениаго дома. Въ отвѣтъ имъ, со всѣхъ сторонъ площади, закричали: *Да будетъ надъ нами надо встѣми Князь Василій Ивановичъ*. Вельможи не посмѣли проши-

вишься общему побужденію, и сами провозгласили Шуйскаго Царемъ и Великимъ Княземъ всея Рос-сіи.

Новый Царь прямо съ площади поѣхалъ въ Успенскій Соборъ. Хотя не Бояре возводили его на престола, не менѣе того не желая раздражить первое сословіе въ Государствѣ, онъ не отказался исполнить даннаго обѣщанія своимъ прежнимъ товарищамъ, во время составленія заговора пропавъ разсприги. Прежде нежели кто либо изъ Русскихъ присягнулъ ему, онъ самъ торжественно въ соборѣ цѣловалъ крестъ по изготовленной записѣ на томъ, чтобы никого не казнить смертію безъ суда боярскаго, чтобы не отнимать имѣнія у невинныхъ женъ и дѣтей изобличенныхъ преступниковъ и чтобы, не давая вѣры тайнымъ донощикамъ, спавить ихъ съ очей на очи съ оговоренными, и въ случаѣ клеветы подвергать такому же наказанію, какое законъ опредѣлялъ за взводимое ими преступленіе. На другой день списки съ сей важной записки посланы были во всѣ города Россійскіе вмѣстѣ съ извѣстительною грамотою о восшествіи на престола новаго Царя и съ образцовою подкресленною записью, по коей повелѣвалось приводить къ присягѣ всѣхъ людей Московскаго Государства. Также разослали

повсюду и грамошу Царицы Марѣы, удостовѣряющую о самозванствѣ Отрепьева *.

Первымъ стараніемъ новаго правительсва было очищеніе Московскихъ улицъ отъ лежавшихъ на оныхъ Польскихъ пруповъ, обезображенныхъ псами и площадными лекарями, вырѣзывавшими изъ оныхъ жиръ для составленія мнимоцѣлебныхъ мазей. Тѣла сіи были вывезены за городъ и похоронены на убогомъ домѣ. Басмановъ былъ схороненъ уже у церкви Николы Мокраго, стараніемъ брата его своднаго Князя Ивана Васильевича Голицына. Но прупъ Отрепьева оставался еще на площади предметомъ поруганія черни. Въ ночи съ 19-го на 20-е число, показалось сперегущимъ оной людямъ, что они видятъ около стола, на коемъ лежало тѣло, свѣтъ, который исчезалъ, когда они подходили, и снова просіявалъ, коль скоро они удалялись. Мечта ли то была ихъ суевѣрнаго предубѣжденія, или дѣйствительно являлся фосфорическій свѣтъ, часто сопровождающій, посредствомъ гнилости производящееся раствореніе органическихъ тѣлъ; не еспеспивенное истолкованіе явленія не было бы сообразно духу тогдашняго времени. Всѣмъ каза-

---

* Смотри Приложенія № XIV и XV.

лось несомненнымъ, что свѣтъ сей означалъ чародѣйство покойника, въ чемъ еще болѣе убѣдились въ слѣдующее утро, когда по приказанію начальства повезли тѣло въ убогій домъ за Серпуховскія ворошы. Лишь только миновали ворошаси, какъ поднялась жестокая буря, которая сорвала крышу съ одной изъ трехъ башень, на ворошахъ находящихся, и повалила деревянную городскую стѣну до Калужскихъ ворошъ. Къ довершенію убѣжденія народнаго въ чернокушесствѣ Отрепьева, съ 18-го по 25-е Мая настали силь-Маржереть-ные морозы, повредившіе не только деревья и хлѣбъ, но даже луговую траву. Для прекращенія дальнѣйшихъ злопворныхъ дѣйствій умершаго колдуна, почли необходимымъ развѣять самый прахъ его. 28-го Мая тѣло его было вырыто и сожжено на коплахъ. Пепломъ зарядили пушку и Никоновская Лѣтопись и выстрѣлили по Смоленской дорогѣ, откуда Само-Дневникъ званецъ пришелъ въ Москву. пословъ.

Хотя подробное изложеніе походовъ Лжедмитрія доспапочно доказываетъ его самозванство, но такъ какъ въ Польшѣ и даже въ самой Россіи есть еще люди, сомнѣвающіеся въ сей истинѣ, то кажется не лишнимъ представить въ совокупности и тщательнѣе взвѣснить всѣ доводы, на коихъ могло бы основываться мнѣніе о подлинности перваго Димитрія. Писатели, под-

держивающіе оное, говорятъ: 1-е, что Русскимъ лѣтописцамъ и Шведскому посланику Пепрею, единогласно утверждающимъ самозванство Опрешева, не лзя давать вѣры, потому что Рускіе писали подъ вліяніемъ порожествующей враждебной Димитрію стороны, а Пепрей также долженъ былъ ненавидѣть естественнаго союзника изгнанаго Шведами Короля Сигизмунда; 2-е, что не заслуживаютъ большаго вниманія и свидѣтельство многихъ знаменитыхъ людей въ Польшѣ, какъ то Замойскаго, Жолкѣвскаго и прочихъ, отзывающихся о немъ, какъ о Самозванцѣ, понеже не безызвѣстно никому, въ какой враждѣ Польскіе вельможи жили другъ съ другомъ, такъ что достаточно было того, что Вишневецкіе и Мнишекъ принимали Димитрія за истиннаго, чтобы Замоискій и Жолкѣвскій оглашали его подложнымъ; 3-е, что напрошивъ того, современники: Маскѣвичъ, Товянскій, Маржеретъ и Паерле неукоснительно признаютъ его за истиннаго сына Царя Іоанна Васильевича, а Товянскій даже подробно объясняетъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ изготовляемой ему Годуновымъ гибели; 4-е, что невѣроятно, чтобы Король Сигизмундъ рѣшился вступиться за бродягу, а Мнишекъ выдать за него дочь свою, а также, чтобы Россійское войско и Московскіе бояре поддались ему,

если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ ни какого права на присвоемое имъ имя; 5-е, что необыкновенные на шѣлѣ признаки являющъ его настоящимъ Царевичемъ Димитріемъ; 6-е, что если бы онъ былъ бѣднымъ дѣякономъ, то не гдѣ бы ему доспашъ богатый креслъ, который онъ показывалъ Князю Вишневецкому, будучи еще у него въ услуженіи, и наконецъ, 7-е, что Царица инокиня Марѳа не согласилась бы признашь бѣлаго инока за своего сына, и по крайней мѣрѣ при первомъ свиданіи, съ нимъ происходившемъ при великомъ спеченіи народа, не могла бы оградиться опъ невольнаго содроганія, если бы вынужденною находилась участвовати въ богомерзкомъ обманѣ *. На все сіе можно возразить слѣдующее: 1-е, что не всѣ Русскіе лѣтописцы писали въ одномъ духѣ. Напримѣръ Псковская лѣтопись очевидно не благопріятствуетъ ни Шуйскому, ни съ воцареніемъ Романова торжествующей спорой, но и

---

* *Примѣчаніе.* Большая часть сихъ доводовъ приведены въ доказательство подлинности Царя Димитрія, известнымъ Польскимъ писателемъ Нѣмцевичемъ, который въ Исторіи Царствованія Сигизмунда III разысканія свои о семъ предметѣ дѣлалъ съ такимъ легкомысліемъ, или пристрастіемъ, что не усумнился присовокупить еще къ симъ доводамъ письмо Харлецкаго, въ коемъ сей Польскій Шляхтичъ убѣждаетъ неизвѣстнаго пріятеля своего вѣрить, что Самозванецъ, въ службѣ коего онъ находится, есть истинный Димитрій. Но письмо сіе, въ подлинникѣ при-

сія лѣтопись свидѣтельствуесть о самозванствѣ Отрепьева; 2-е, что гадательно приписывать одной, ничѣмъ впрочемъ не доказанной, пенависпи къ Мнишку и Вишневецкимъ мнѣніе Государственныхъ мужей, каковыми были Замоискій и Жолкѣвскій, опіюдь не сообразно съ правилами здравой крипки; 3-е, что Польскіе шляхшичи Маскѣвичъ и Товянскій, Французъ Маржеретъ, приближеннѣйшій изъ слугъ Самозванца, и Аугебургскій купецъ Паерле, уграпившій въ Москвѣ во время мятежа привезенные имъ подъ покровительствомъ Поляковъ товары, ни сколько не могутъ почитаться безприспращными свидѣтелями, и что напрошивъ шого, по естественной склонности къ Самозванцу, они должны были выдавать его за истиннаго Царевича; къ тому же Товянскій въ разсказѣ своемъ очевидно баснословипъ, ибо увѣряетъ, что Димитрій, спасенный отъ убіенія въ Угличѣ, нашель убѣжище на

веденное самимъ Нѣмцевичемъ, вовсе не относится до Отрепьева, ибо писано въ Октябрь 1607 года, то есть семнадцать мѣсяцовъ послѣ смерти перваго Самозванца. Въ ономъ Харлецкій домогается выдать за истиннаго Димитрія втораго Лжедимитрія, въ лѣтописяхъ Русскихъ называемаго Тушинскимъ воромъ, въ самозванствѣ коего никто, никогда, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ не сомнѣвался. На такихъ - то достовѣрныхъ свидѣтельствахъ основывался Польскій Историкъ!

Украинъ, у жившаго шамъ въ ссылкѣ ошца своего крестнаго, Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, хопя Князь сей никогда на Украину ссылаемъ не бывалъ, и умеръ въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1586 году, то еспь за пять лѣтъ до несчастнаго Углицкаго происшествія; 4-е, что Король Польскій, увлеченный Езуитами, могъ полагать, что Государственная польза прѣбовала опъ него поддерживать соперника Годунова, хотя и безъ внутренняго убѣжденія о дѣйствительности правъ сего соперника. Мнишекъ также не долженъ былъ оказывать большой разборчивости, въ признаніи Царскаго происхожденія въ томъ, кто дочь его сажалъ на Московскій престолъ; впрочемъ замѣчательно, что старый воевода въ душѣ своей не сомнѣвался въ самозванствѣ своего зятя, ибо въ противномъ случаѣ онъ не упустилъ бы еще въ Самборѣ совершить бракъ Марины, и такимъ образомъ упрочилъ на главѣ ся Царскій вѣнецъ, въ случаѣ успѣха зятя, пѣтъ наче, что если бы даже и неудача постигла Дмитрія, то и тупъ для Марины большая бы честь была оставаться супругою или вдовою Московскаго Царевича. Но видимъ, что Мнишекъ не иначе допустилъ бракъ дочери, какъ по воцареніи Самозванца въ Москвѣ. Что же касася до подданства Россійскаго войска и шаковаго жъ

Московскихъ бояръ, по первое было дѣломъ не убѣжденія, а измѣны Басманова, подкрѣпляемой всеобщою ненавистью къ дому Годуновыхъ, а второе вынуждено возстаніемъ прельщенныхъ или заспращенныхъ жишелей столицы; 5-е, что одинакіе признаки на шѣлѣ часто встрѣчающіяся на людяхъ, не имѣющихъ никакого сродства между собою, и сія игра природы могла бы только подкрѣпить другія доказательства, если бы такія существовали, а нисколько не замѣняютъ совершенный недоспашокъ оныхъ; 6-е, что богатымъ креспомъ легко могли снабдить Самозванца направляющіе его Езуиты; и наконецъ, 7-е, что Царица Марѳа, по собственному объявленію своему, признала Самозванца за своего сына единственно страха ради, и что впрочемъ первое свиданіе ея съ Отрепьевымъ происходило не всенародно, а наединѣ, въ шатрѣ съ глазу на глазъ.

Объяснивъ неосновательность всѣхъ приводимыхъ доводовъ въ пользу Лжедимитрія, остаемся еще напомнимъ два важныя обстоятельства, которыя, кажется, достаточно опровергаютъ всякое возможное сомнѣніе на счетъ самозванства его. Первымъ мы обязаны самому Отрепьеву. Возсѣвъ на Московскомъ престолѣ и спокойно обладая всѣмъ Государствомъ, онъ неминуемо обязанъ былъ обнародовать всѣ подробности своихъ по-

хожденій, и какъ справедливо замѣчаетъ знаменитый сочинитель Исторіи Государства Россійскаго, указавъ своихъ воспитателей и хранителей и мѣста своего убѣжища въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Не сдѣлавъ сего, онъ самъ предъ современниками и попомощвомъ изобличилъ себя въ обманѣ. Нельзя полагать, чтобы сіе обнародованіе имъ было дѣлано, но до насъ не дошло; ибо если бы и допустишь, что хопя прочіе манифесты Лжедимирія уцѣлѣли въ нашихъ архивахъ, но что именно сей любопытнѣйшій изъ всѣхъ актовъ утратился, то по крайней мѣрѣ Польскіе Послы не упустили бы сослаться на оный въ преніяхъ своихъ съ Русскими Боярами. Другое обстоятельство, почти равносильное первому, открываетъ намъ Беръ. Сей, жившій въ Москвѣ Нѣмецкій Пасторъ, очевидно недругъ Русскимъ и пріятель Полякамъ, сознаетъ однако самозванство Лжедимирія и основываетъ мнѣніе свое на достовѣрномъ свидѣтельствѣ Голландскаго аптекаря, Клаузенда, служившаго сорокъ лѣтъ при Царскомъ дворѣ, Ливонской дворянкѣ Тизенгаузенъ, бывшей повивальною бабкою у Царицы Марѣи и даже самаго Боярина Басманова. Клаузендъ говорилъ Беру, что Царевичъ походилъ на мать свою, и въ особенности смуглоспію лица, а въ Лжедимиріѣ никакого не видно было сходства съ Царицею. Тизенга-

узенова же, безошлочно при Царицѣ находившаяся, съ своей стороны увѣряла его, что сама видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ, и что будучи ежедневно съ нимъ, не могла бытъ обманута никакимъ подмѣномъ. Наконецъ Паспоръ удостовѣряетъ, что самъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, спрашивалъ по довѣренности Басманова: *Имѣетъ ли всемилостивѣйшій Государь нашъ право на престолъ Россійскій?* и что Басмановъ отвѣчалъ: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однако жъ Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.* При столь ясныхъ и безкорыстныхъ свидѣтельстввахъ, подкрѣпленныхъ всѣми извѣстными обстоятельствомъ похождения Лжедимитрія, самозванство его не можетъ оставаться предметомъ неразрѣшеннаго еще вопроса.

Впрочемъ многіе даже изъ числа убѣжденныхъ въ самозванствѣ Лжедимитрія, не вѣрятъ однако чтобы онъ былъ Опрепьевъ! Нѣкоторые изъ Поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву, увѣряли что онъ былъ побочный сынъ Короля Польскаго, Стефана Баторія; но сіе извѣстіе вполне опровергается тѣмъ, что Польскаго Короля сынъ съ самаго рожденія своего находился бы въ Папск-

ской вѣрѣ, и потому не было бы ни какой нужды Езуитамъ перекрещивать его, какъ они по собственному признанію своему сдѣлали сіе съ Лжедимипріемъ, отправляя его въ Россію; къ тому же Баторіевъ сынъ не могъ бы такъ хорошо знать Русскій языкъ, и такъ худо Латинскій. Сомнѣніе непризнающихъ, чшобы Самозванецъ былъ Опрепьевъ, главнѣйше основывается на свидѣтельствѣ Маржерета, увѣряющаго, что онъ зналъ разстригу Опрепьева, который былъ совсѣмъ другой человекъ, чѣмъ Лжедимипрій, и только съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву. Но сіе показаніе Француза Кашишана объясняется извѣстіемъ, въ Морозовской лѣтописи помѣщеннымъ, изъ коего видимъ, что Самозванецъ приказалъ весьма ему преданному монаху Пимену называться Опрепьевымъ, въ надеждѣ такимъ образомъ заимить правду. Напротивъ того доказательства, что онъ самъ Опрепьевъ, ни чѣмъ достаточно отвѣдены быть не могутъ. Ибо если онъ не Опрепьевъ, то почему оспавилъ безъ наказанія зловящую его мнимую мать свою, Варвару Опрепьеву, и почему ни разу не вошелъ въ Чудовъ монастырь, когда священная обитель сія всегда посѣщаемая была благоговѣющими къ ней Русскими Царями, и когда ему самому столь важно было оспранить опъ себя опасную молву, гласившую,

что онъ спрaшилcя предcтaть предъ тамошними иноками, прежними товарищами своими.

И такъ добросовѣстный разборъ различныхъ мнѣній о разспригѣ, неминуемо ведетъ къ заключенію, что первымъ Лжедимипріемъ въ Россіи былъ Опрепьевъ и прошиворѣчить еще сему свойственно было бы только тѣмъ, кои, увлекаясь суешнымъ мудрованіемъ, щцапся опровергать всѣ историческія истины, единственно чтобы мысли иначе, чѣмъ мыслили ихъ предшественники *.

---

* *Примѣчаніе.* Такъ какъ находившійся между Польскими рукописями Пулавской библіотеки дневникъ пана Борша, никогда напечатанъ не былъ, но вошелъ въ число употребленныхъ нами матеріаловъ, то полагаемъ необходимымъ представить оный въ Русскомъ переводѣ. Смотри приложенія № XVII.

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

=

№ 1.

У К А З Ъ

О ПЯТИЛѢТНЕЙ ДАВНОСТИ НА ОТЫСКАНИЕ БѢГЛЫХЪ
КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣта 7106, Ноемвріа въ 21 день, Царь и Великій Князь
Оеодоръ Іоанновичъ всея Русіи указалъ, и по его Государе-
ву указу. Бояре приговорили: Которые крестьяне изъ-за Бо-
яръ и изъ-за дѣтей Боярскихъ и приказныхъ людей, изъ по-
мѣстей и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополичихъ, и Вла-
дычныхъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго
106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ
побѣгъ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они
живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого они выбѣжали судъ давати и
сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ
женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ,
гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до сего ука-
за лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и больше, а тѣ помѣщики, или
отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣг-
лыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ и на тѣхъ, за кѣмъ они жи-
вуть по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болѣе Царю и Ве-
ликому Князю Оеодору Іоанновичу не били челомъ, и Го-

сударь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали за 5 лѣтъ. А которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію.

№ II.

У К А З Ъ

О ХОЛОПЯХЪ КРѢПОСТНЫХЪ И КАБАЛЬНЫХЪ.

Лѣта 7105, Февраля въ 5 день, Государь Царь и Великій Князь Оеодоръ Ивановичь всея Русіи приговорилъ со всеми Бояры, о холопѣхъ, о полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ людехъ, которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ въ холопствѣ у Бояръ, и у Князей, и у Дворянъ, и у приказныхъ людей, и у дѣтей Боярскихъ и у всякихъ служилыхъ людей, и по полнымъ и по крѣпчимъ, и по докладнымъ, и по всякимъ крѣпостямъ, и по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ, и отъ кого которые полные и кабальные холопы побѣжали, и Бояре имена своихъ холопей, и на нихъ крѣпости прислати, а Княземъ и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтямъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людямъ своихъ холопей имена и на нихъ крѣпости принести въ холопей приказъ, да тѣхъ холопей имена, которые Государей своихъ служатъ, и которые холопы отъ нихъ побѣжали, и на нихъ крѣпости старыя и полныя, и купчія и докладныя и всякія крѣпости и кабалы записывати въ холопѣвъ приказъ въ книги; а тѣмъ всякимъ холопымъ крѣпостнымъ людскимъ книгамъ быти за Дьячьею рукою большою для укрѣпленія; а пошлинь съ старыхъ кабалъ и отъ всякихъ крѣпостей не имати; а приговорилъ Государь и всеми Бояры Московскими Государства всякимъ людямъ холопы имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія, без-

срочно; а ближнихъ городовъ Дворяномъ и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ служивымъ людямъ имена холопы, и на нихъ крѣпости всякія писати въ годъ; а которые Князи и Дворяне и всякіе служивые люди на Государевыхъ на дальнихъ службахъ, въ Астрахани, и на Теркахъ, и на Суншехъ и въ Сибирскихъ городѣхъ, и тѣмъ Княземъ и Дворяномъ и всякимъ служивымъ людямъ въ именахъ холопскихъ, и въ крѣпостяхъ дати сроку на три года; и которые люди служатъ въ холопствѣ у Бояръ и у Князей и у Дворянъ и у приказныхъ людей, и у всякихъ людей по полнымъ и по купчимъ и по ряднымъ полные люди, и тѣ люди и жены ихъ и дѣти въ холопствѣ тѣмъ своимъ Государемъ и ихъ дѣтемъ по прежнему Государеву уложенію Судебнику; а у кого на холопа, или на рабу была полная и докладная, или у кого по ряднымъ и по докладнымъ, или по духовнымъ грамотамъ и по инымъ стариннымъ крѣпостямъ холопи служили, а тѣ будетъ у нихъ полныя и докладныя и рядныя и даныя и всякія старинныя крѣпости, въ Московской пожаръ въ прошломъ во 79 году, и послѣ того въ иные пожары погорѣли или буде инымъ какимъ обычаемъ тѣ у нихъ крѣпости утерялися, и въ томъ у нихъ даваны явки сыщутъ, а тѣ крѣпости на тѣхъ людей нѣтъ, и тѣмъ людямъ на тѣхъ своихъ крѣпостныхъ и на всякихъ старинныхъ людей по прежнему Государеву приговору 101 году Марта имати въ службѣ новыя крѣпости; а которыхъ всякихъ крѣпостныхъ холопей Государь ихъ, отходя свѣта, отъ себя велѣлъ отпустить, и отпускныя имъ даны: и тѣ холопи по тѣмъ отпускнымъ впредь свободны, и женамъ и дѣтемъ ихъ впредь до тѣхъ холопей дѣла нѣтъ; а которые люди до Государева уложенія въ прошлыхъ годѣхъ до лѣта 7094 года Іюня до 1 числа били челомъ въ службу Бояромъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ служивымъ людямъ, и всякимъ торговымъ людямъ, и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги того года въ приказъ Холопья суда тѣ служивыя кабалы не писаны, и которые люди съ Государева уложенія лѣта 7094 году Іюля съ перваго числа, били челомъ въ службу, Бояромъ, и Княземъ, и Дворяномъ, и при-

казнымъ людямъ, и кабалы служивыя на себя давали на Москвѣ съ доклада холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ Московскихъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ тѣ служивыя кабалы записываны до нынѣшняго уложенія 95 году Февраля по 1 число, и которые люди впередъ лѣта 7105 году Февраля съ перваго числа били челомъ, и впредъ учнутъ бить челомъ въ службу всякимъ людямъ, съ доклада Холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ Московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служивыя кабалы будутъ записаны и тѣ всѣ люди и жены и дѣти у тѣхъ служивыхъ людей въ кабалы писаны, въ службу Государемъ своимъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти въ холопствѣ какъ и докладнымъ, а отъ Государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служивымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, а челобитья ихъ въ томъ не слушати, по старымъ кабаламъ, а выдавати ихъ тѣмъ Государемъ по тѣмъ кабаламъ до ихъ смерти; а котораго запись новую кабалнаго чловѣка, котораго кабала старая и новая по новому уложенію записана въ книги, а въ томъ кабалномъ холопствѣ у кого родится сынъ, или дочь, и тѣхъ дѣти тѣмъ своимъ Государемъ въ холопи противъ докладныхъ людей, и по Государей своихъ смерти какъ и отцы ихъ; а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтей послѣ отцовъ своихъ до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ писаны, и которые дѣти въ кабалномъ холопствѣ родятся, дѣла ивтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати; а которая служивая кабала на холопа и на рабу у котораго Государя старѣе, или буде тѣ оба Государя живутъ въ одномъ мѣстѣ, возметъ на негожъ кто вѣдая новую кабалу, будетъ украдомъ тое кабалу и въ книги запишетъ, и тѣхъ людей и жены и дѣти по тѣмъ по старымъ служивымъ кабаламъ отдавати прежнимъ ихъ Государемъ, а по новой кабалѣ денегъ не имати; а которой Государь поймавъ, приведетъ къ Холопью суду своего кабалнаго чловѣка или

рабу, а кабала будетъ Холопья суда въ записныхъ книгахъ записана, и того холопа и рабу по записной кабаль отдавати въ холопство тому его Государю, а въ сносъ дати судъ; а которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати, статьями и съ кабалами къ Постельничему, и Намѣстнику трети Московскія; а которые кабальные люди ставъ скажутъ, что они служили прѣжъ сего по кабаламъ, а нынѣ на себя полныя и докладныя, да постоа, тутъ же скажутъ, что полныя на себя не дають и тѣхъ кабальныхъ людей присылати въ Холопей приказъ, и записавъ въ книги, отдавати тѣхъ кабальныхъ людей по прѣжнему въ холопи по ихъ кабаламъ, по которымъ повинятся старымъ ихъ Государемъ; а о вольныхъ людѣхъ Государь приговорилъ со всеми своими Бояры: которые люди на Москвѣ и по городомъ служатъ у кого добровольно, и тѣхъ вольныхъ людѣй ставити въ Холопей приказъ съ тѣми людьми, кто у кого служитъ добровольно, да тѣхъ вольныхъ людѣй распрашивать, сколь давио кто у кого служитъ, и кабалу на себя дастъ ли, и которые люди вольные послужили у кого недѣль 5, 6, а кабаль на себя давати не хотятъ, и тѣхъ людей отпущати на волю; а кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода, или больше, а кабалы на себя дати не хочеть, а сыщутъ то, что тотъ добровольно холопъ у того человека съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служивыя кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по тому, что тотъ человекъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ; а которой Государь того добровольнаго человека приметъ, однолично, того ни кому мимо того Государя ни какъ не примати; а кто того добровольнаго холопа мимо нынѣшнее повое Государево уложеніе приметъ, тѣхъ добровольныхъ холопей сыскавъ, отдавати со всемъ старымъ ихъ Государемъ, у кого кто жилъ добровольно, а въ сносъ давати судъ и управу по Государеву указу.

№ III.

ГРАМОТА УТВЕРЖДЕННАЯ

ОБЪ ИЗБРАНИИ ЦАРЕМЪ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всеильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтъ неприступимъ, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велельпнѣй и святѣй славы величества своего, съдѣлающаго на престолѣ херувимствѣ, съ превѣчнымъ и едиnorodнымъ своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равнобожественныя, и равночестныя, и равносопрестольныя, и равносильныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприсусущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ трѣхъ составѣхъ единого Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодолимаго и всякія силы крѣпчайшаго, Имъ же царіи царствуютъ и велицыи величаются: сего въ Троицы приспославимаго Бога нашего, недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ, всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ несущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами исчисляются, отъ него же пріемше, земля наша Руская своимъ Государемъ обладаема быти. Ихъ же великихъ Государей, Царей Російскихъ корень изведе отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекраснѣйшаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго вселенною. Первый Князь Великій

Рюрикъ содержаша скифетръ великаго Російскаго государства въ Великомъ Новѣгородѣ. По немъ дерзосердый въ храбръскихъ ополченіяхъ сынъ его Князь Великій Игорь, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Константинополя Греческихъ царей, на нихъ же и дань взимаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный градъ Кіевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское государство въ Кіевѣ сынъ его Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрскаго подвига, и по Дунаю восемьдесятъ градовъ обладалъ. Сіе тріе Російскіе Государи бѣша до крещенія, понеже Руская земля пребываше во тмѣ невѣрія и омрачена прелестію кумирслуженія. По Святославѣ возсія пресвѣтлая звѣзда, великій Государь сынъ Князь Великій Владиміръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти и прелестъ кумирслуженія отгна и всю Рускую землю просвѣти святымъ крещеніемъ, иже Равноапостоленъ наречеса и, расширенія ради своихъ государствъ, Самодержавны имянованъ бысть, нынѣ же отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государѣ по Владимерѣ, самодержства воспримъ скифетръ Російскаго государства сынъ его Князь Великій храбрый Ярославъ Владимеровичъ, иже Болеслава короля побѣди и Грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ государствѣ съде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичъ, иже надъ Половцы и надъ Печенѣги преславную побѣду показа и государство свое крѣпцѣ соблюде. По Всеволодѣ примъ скифетръ, во обдержаніе Російскаго государства, сынъ его Князь Великій Владимеръ Всеволодовичъ, и своимъ храбрскимъ подвигомъ Оракію Царяграда поплѣни, и превисочайшую честь царскій вѣнецъ и діядиму отъ Греческаго царя Костантина Мономаха воспримъ, сего ради и Мономахъ наречеса, отъ него же вси Російскіе великіе Государи царствія вѣнцемъ вѣнчашуся. По великомъ Государѣ Владимерѣ Мономахѣ примъ скифетръ Російскаго царствія сынъ его Князь Великій Юрьи Владимеровичъ Долгорукой, и благочестіемъ просія и все христіянство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ съде на Російскомъ государствѣ въ Володимерѣ сынъ его Князь Великій Всеволодъ Юрьевичъ, рачитель благочестію, крѣпкій поборникъ за святыя церкви

и о святой православной христiянствѣ вѣрѣ. По Всеволодѣ содержаще скипетръ Росiйскаго государства сынъ его Князь Великiй Ярославъ Всеволодовичъ, его же соблюде Богъ отъ Батыя въ Великомъ Новгородѣ и съ дѣтми, и по плѣненiи безбожнаго Батыя, святую и непорочную христiянскую вѣру распространи и святыя церкви паки обнови. По немъ великаго Росiйскаго государства воспримъ скипетръ сынъ его, храбрый Князь Великiй Александръ Ярославичъ, иже надъ Гермаиы показа преславную побѣду на Невѣ; и на крестьянскую вѣру безбожнаго Беркая царя лвояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти и по смерти даромъ чудесы отъ Бога прославленъ. По великомъ Государѣ Александрѣ Невскомъ, сынъ его Князь Великiй Даниль Александровичъ отъ Владимера преселися на Москву, и царствiя скипетръ на ней утверди и превысочайшiй престолъ царствiя въ ней устрои, иже суть и до нынѣ Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ воспримъ скипетръ царствующаго града Москвы сынъ его, Князь Великiй Иванъ Даниловичъ, всякими добродѣтелями и благочестiемъ украшенъ и неимущимъ неоскудную руку всегда простираше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ палатъ воспрiяти вѣчное блаженство небеснаго царствiя. По Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, съде на Росiйскомъ государствѣ сынъ его Князь Великiй Иванъ же Ивановичъ, и отъ безбожныхъ Ординскихъ царей вѣру крестьянскую крѣпцѣ соблюдаше и все православiе въ покоѣ и тишинѣ устрои. По немъ воспримъ скипетръ царствiя сынъ его Князь Великiй Дмитрiй Ивановичъ, достохвальнiй въ храбрскомъ подвижѣ и преславнiй въ побѣдѣ именованнiй Донской, иже побѣди безбожнаго Мамаю на Дону и всю Рускую землю въ тихости и немятежи устрои. По великомъ Государѣ Дмитрiѣ Ивановичѣ Донскомъ, воспримъ въ содержанiе хоругви великаго Росiйскаго государства сынъ его Князь Великiй Василей Дмитрiевичъ, и добродѣтельнаго ради его житiя прослави его Богъ, а Рускую землю все православiе помилова отъ нахоженiя безбожнаго Темираксака, пришествiемъ чудотворнаго образа пречистыя своей матери, его же богогласнiй Лука написа. По немъ съде на Москвѣ сынъ его Князь Великiй Василей

Васильевичъ , и Російскую землю отъ иновѣрныхъ крѣпце соблюдаше, и за истинную крестьянскую вѣру, и за святыя церкви и за все православіе, отъ безбожныхъ Агарянъ въ плѣнъ лтъ бысть, и паки на свое государство возвращенъ бысть. По Великомъ Князѣ Василіѣ, воспріимъ скипетръ великаго Російскаго государства великій Государь сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотрѣніемъ свое великое государство распространи, Російскаго государства древніе многіе города , которые послѣ Батыева плѣненія къ Польскому королевству отошли , паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и недвижно устрои и Самодержецъ именованъ бысть. По великомъ Государѣ Иванѣ, хоругви великаго Російскаго государства воспріятъ сынъ его Князь Великій Василій Ивановичъ , и бодро-опаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю въ покоѣ и въ тишинѣ отъ иновѣрныхъ содержаще , и прародителей своихъ отчину, великое княжество Смоленское, отъ Польскаго королевства отторже и къ себѣ привлече и послушны сотворь. А по великомъ Государѣ Васильѣ Ивановичѣ , пріимъ скипетръ великаго Російскаго государства сынъ его, храбрый великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи Самодержецъ, благочестію рачитель, и по крестьянской вѣрѣ крѣпкій поборникъ, и въ своихъ государственныхъ чинѣхъ и въ поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу Царствія вънець на главу свою воспріятъ, его же взыска отъ древнихъ лтъ отъ прародителя своего великаго Государя отъ Владимира Мономаха, и отъ премудраго его разума и отъ храбрскаго подвига вси окрестные государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ и въ побѣдахъ страшенъ, и мусульманскіе государства: царство Казанское и царство Асторханское подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ крестьянъ тмочисленныхъ свободи, но и паче же отъ потрясенія меча Германьскіи родове устранишася. По великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи Самодержцѣ, отъ его царскаго прекрасноцвѣтущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь процвѣте, сынъ

его Государь нашъ, благовѣрный великій Государь. Царь и Великій Князь Оедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, воспріимъ скипетръ Російскаго царствія, и своимъ царскимъ бодроопаснымъ осмотръніемъ во всемъ своемъ въ великомъ Російскомъ царствѣ благочестіе крѣпцѣ соблюдаше, и все православное крестьянство въ покоѣ и въ тишинѣ и благоденственномъ житіѣ тихо и немятежно устрои, и во всѣхъ его царскихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія радостная и свѣтлая и веселія вездѣ исполнена бѣше; царствующій же градъ Москва тогда возвеличися и преумножися, и всѣми благими на вселенней цвѣтѣше, превыше всѣхъ великихъ государствъ; и славно бысть имя великаго Государя Царя и Великаго Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, во всей вселеннѣй чести и слава величествія его возвыся и прославися, и всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе ему великому Государю любочестные дары приношаху, по его Царьскаго Величествія достойно, и въ дружбѣ и въ любви съ его Царскимъ Величествомъ быти желяху; а которые его Царскаго Величества окрестные недруги и непослушники, тѣ всѣ у его пресвысочайшія царскіе степеніи Величества послушны и въ рабскомъ послуженьѣ учинилися; и великаго его Російскаго царствія отторженныя грады отъ его великаго государства многими лѣты, паки во своя возврати, и ради добродѣтельнаго его житія и милостиваго царскаго нрава въ своихъ государствахъ ко всѣмъ чловѣкомъ неоскудныя рѣки милосердія изливаше, по своему Царьскому милосердому обычаю, и во всемъ бысть земный ангелъ и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ всего православнаго христіянства Російскаго царствія, Господь Богъ, праведнымъ своимъ судомъ, пресвысочайшаго и преславнаго корени Августа Кссаря Римскаго прекрасноцвѣтущую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Російскаго царствія не произведе: едину бо вѣтвь царскаго свосго изращенія, отъ своея богозаконныя супруги благовѣрныя и Христолюбивыя великія Государыни Царицы и Великія Княгини Ирины Оедоровны, всеа Русіи, имѣяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Оедосью,

и сія Вседержителя Господа Бога святымъ Его праведнымъ судомъ, преже преставленія его Царьскаго Величества, въ будущій некончаемый вѣкъ небеснаго царствія отыде; царствова же великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Російскаго царствія, 14 лѣтъ. А послѣ себя великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифетродержавія Російскаго царствія, оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказалъ отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и шурина своему царьскому, а великіе Государыни нашей брату, Государю Борису Ѳеодоровичю. И благовѣрная великая Государыни наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳеодоровна всеа Русіи, по преставленіи великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи Самодержца, на великихъ своихъ государствахъ Російскаго царствія не изволила быти, а изволила по своему обѣщанію и къ Богу по великой вѣрѣ и душевному желанію, оставить превысочайшую честь и славу и высоту великаго Російскаго государства, и воспріяти иночески ангельскій образъ, будущихъ ради благъ превѣчнаго царствія воздаяніе. Первопрестольнѣйшій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты и Игумены и со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и Христолюбивое воинство, и гости, и всѣ православные крестьяния царствующаго града Москвы и всея Рускія земли, съ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳеодоровну всеа Русіи молили, милости просили и били челомъ, чтобъ Государыня по своему царьскому милосердому обычаю положила на милость, ихъ бы сирыхъ до конца не оставила, была на государствѣ въ содержаніи скифетра великихъ государствъ Російскаго царст-

вія, а правити велѣла брату своему царьскому шурина Государю Борису Федоровичю: а блаженные памяти при великомъ Князь Федоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержцъ, по его царьскому приказу, правилъ онъ же Государь Борисъ Федоровичъ. И многожды о томъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ вселенскимъ соборомъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ всенародное множество, били челомъ и молили и просили со слезами безпрестанно по вся дни въ день и въ ночь, чтобъ великая Государыня Царица и Великая Княгиня Ирина Федоровна всеа Русіи, положила на милость, великіе свои Государства все праведное христіанство не оставила сирыхъ. И великая Государыни Царица и Великая Княгини Ирина Федоровна всеа Русіи, отцу своему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всему вселенскому собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ и всему православному христіанству отказала, что ей великой Государынѣ, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, обѣщаніе свое исполнити и воспріяти иночески Ангельскій образъ, а въ содержаніе скифетра на своихъ великихъ государствахъ быти не изволила; и послѣ преставленія блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца въ 9 день, оставя превысочайшую царскую честь и славу и высоту, изыде отъ своихъ царскихъ пресвѣтлыхъ полатъ, и вниде въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія Новаго дѣвicha монастыря, тихое и безмолвное иноческое житіе изволила пріяти, земное царство премънивъ, а благолѣпнымъ премъненіемъ единого Христа возлюби и воспріемъ пресвѣтлый ангельскій образъ, наслѣдія ради будущихъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія. Великій же первопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня со всемъ народомъ всея земля Ро-

сїйскаго государства, прошенїя своего отъ великія Государыни не получиша, со многою скорбію и съ сътованіемъ и слезнымъ рыданіемъ отойдоша. И потомъ святѣйшій Гевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и съ Игумены, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и съ боляры, и съ дворяны, и съ приказными и служивыми людьми, и съ гостми, и все православное христїанство, прїндоша въ Новой дѣвичь монастырь со многимъ плачемъ и рыданіемъ мнозъмъ, благословенїя и милости прошаху у благовѣрныя великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини, иноки Александры Оедоровны всеа Русїи, глаголюще: « О благовѣрная, милосердая Царица! Ты вмѣсто земнаго царствїя блаженную жизнь избрала еси, красоту жъ и свѣтлость превысокого Царьскаго Величества мимотекущее житїе возненавидѣ, небеснаго ради царствїя безсмертнаго Христа отъ всея души возлюбила еси, въ слѣдъ того невозвратно пойдѣ прїимъ ангельскїй святольпный образъ, а насъ оставила еси сирыхъ, безгосударны и безпомощны, неутѣшно плачущихъ и вопїющихъ по вся дни и въ ноци, и великое ваше отечество Росїйское государство небрегомо и беззаступно, а Государя намъ благовѣрнаго Царя въ свое мѣсто не благословила. И нынѣ, о боголюбивая Государыни благовѣрная Царица, инока Александра Оедоровна, всеа Русїи! призри на насъ нищихъ своихъ богомольцовъ, и на своихъ рабъ на царскїй снѣгкитъ, и на толикое многочловѣческое христїанское множество; услыши всенародный вопль и рыданіе, утѣши плачь неутѣшный людїй своихъ; воздвигни паки на царство ваше и отечество ваше возвеличи, хрестьянскїй же рогъ возвыси; понеже бо нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, царство ваше вдовствуетъ и отечество ваше сиротствуетъ, пресвѣтлый же превысокій царскїй престолю плачетъ съдѣщаго на себѣ Царя царствующаго не имый, земля же вся малая съ великими и съ сущими младенцы толицъмъ безчисленнымъ плачемъ вопїеть: милосердуй о насъ, Царице благопрїятная, не остави насъ погибающихъ, не дай всѣхъ крестьянъ въ расхищенїе, дондеже не увѣдятъ многихъ странъ невѣрнїи языцы, яко царствїе ваше безгосударно и возрадуютъ

ся враги вашего царствія. Тѣмъ же пощади, пощади, пощади, благовѣрная Царице, благослови и даждь Богомъ избраннаго Царя на царство, всѣмъ намъ благонадежнаго Государя всему Російскому царству Самодержца, а брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича: а блаженные памяти при всликомъ Государь Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, великіе ваши государьства Російскаго царства онъ же великій Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ правилъ и содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ, по вашему царскому приказу.» Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, Митрополиты и Архіепископы, и Епископы и Архимариты и Игумены, и царскій сигклитъ, бояре и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и все православное крестьянство Російскаго царства, многижда били челомъ и со слезами милости просили у Государя Бориса Ѳедоровича, глаголюще: «Великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ! Тебе единого предъизбра Богъ и соблюде до нынѣшняго времени, и остави истиннаго правителя Російскому государьству, христіанского поборника, святымъ Божіимъ церквамъ теплаго заступника, царского корени по сочтанію законнаго брака благорасленный цвѣтъ, Государевъ шуринъ и ближней пріятель: тѣмъ благосерденъ буди о насъ, пріими моленіе своихъ богомольцовъ и царского сигклита и всея земля, толикого многаго христіанского премножества вопль безвременный и рыданіе и плачь неутѣшный: буди намъ, милосердый Государь, Царемъ и Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всеа Русіи, по Божіей воли воспріими скипетръ православія Російскаго царствія; не дай истинные православные вѣры въ попраніе и святыхъ Божіихъ церквей во оскверненіе и всѣхъ православныхъ христіанъ въ расхищеніе.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, таковое къ себѣ непреложное моленіе святѣйшаго Ісва Патріарха, и всего вселенского собора и всего народного множества слышавъ, непреклоненъ бысть къ моленію ихъ, отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ, глагола: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовать, но ни въ ра-

зумъ мой приде о томъ, да и мысли моею на то не будетъ. Какъ мнѣ помыслити на такую высоту царствія и на престоль такого великого Государя моего пресвѣтлаго Царя? Нынѣ бы намъ промыслити, какъ устроить праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего Царя и Великого Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ дѣлахъ радѣти и промыслити и правити бы государство тебѣ Государю моему отцу, святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи, и съ тобою бояромъ; а будетъ моя работа пригодится, и язъ за святыя Божія церкви и государства Московского за одну пядь земли, и за все православное христіанство и за ссущихъ младенецъ, радъ кровь свою изліати и голову свою положить.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, моляше Государя Бориса Оедоровича, глаголя : « Милосердый Государь Борисъ Оедоровичъ ! Не буди противенъ вышняго Бога промыслу, повинися святой воли Его, никто же бо праведенъ бываетъ, вопреки глаголя судьбамъ Божиимъ. И прежніи убо Цари предъизбраніи Богомъ царствоваху, и сихъ убо благочестивый корень и по-ся-мѣста ведеса, даже до благочестиваго Государя нашего великого Государя Царя и Великого Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, на немъ же и совершися и конецъ прія; въ него же мѣсто сію царскую честь на тебя возлагаетъ и на твои Государевы дѣти, яко по свойству сродственному царсково съмени богоизбранный цвѣтъ: его же бо Богъ предъизбра, того и возлюби, и его же пронарече, сего и оправда, его же оправда, того и прослави. Яко же рече божественный Апостоль: его же бо хочу, рече Богъ, тово и помилую, и его же ущедрю, того и ущедрю: мой бо есть даръ, ему же хочу предамъ его. Яко же Пророкъ рече: Жребій убо Божій Царское Величество: на него же возложитъ Богъ, на томъ и совершится. Яко же рече святой Деонисей Ареопагитъ: Превысокою, рече, дражайшею честію предпочтилъ есть Богъ человѣческой родъ, еже рече предпочтеніемъ царскимъ: его же бо дарованіемъ симъ одаритъ Богъ восхощетъ, на семъ уже во чревѣ матери честь сію возложитъ и изъ младенства

на сіе предустроить. Тѣмъ же тебе убо превеликій Государь Борисъ Федоровичъ, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодию предъизбираемъ, но по праведному суду Божію: послѣдуемъ христіянскихъ царей древнимъ преданіемъ, яко искони мнози христіянстїи цари, недовѣдомыми судьбами Божіими, и не хотяше скифетро царствїя придержаще царствоваху, Богу на се наставляющу народъ единоголасіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положитъ имъ, яко же пишетъ: гласъ народа гласъ Божій. Приводитъ же къ сему и свидѣтельство отъ древнихъ божественныхъ Писаній, еже глаголетъ о велицѣмъ царѣ Давидѣ: сей убо царствїя рогомъ помазанъ бысть, царь силенъ и славенъ во Израили предъизбранъ Богомъ и толкъ преславенъ бысть, яко именемъ его весь Израиль хвалящеся, и въ толикую высоту достиже, яко Христу прародитель бысть и богоотецъ наречеся; тако жъ Іосифъ Прекрасный отъ праведнаго съмени Авраамля произыде, еще и неволею влекомъ, но судьбами Божіими царствова во Египтѣ, и нехотящимъ Египтяномъ. И сія убо отъ начала въ древнихъ до Христа по плоти съ небесе сошествїя. По Христовѣ же на землю пришествїи, во благодати православіемъ сіяющихъ наипаче обрѣтаются по степенемъ въ Римскихъ и Греческихъ крестъянскихъ преданїяхъ. Отъ нихъ же первый, православіемъ сіяя яко солнце равноапостоломъ Константинъ, сынъ великаго Констанса кесаря Римскаго, иже прежебывшаго тирона, еже есть воинъ при Діоклитіанѣ и Максимьянѣ царема Римскама; сей убо великій первый крестъянской царь Константинъ, во царѣхъ первый къ Богу правовѣріемъ просія яко солнце, тщаніе же и изысканіе о крестѣ Христовѣ толика показа, яко же инъ никтоже, и обрѣте его, много же и святыхъ мощей произыска и собра, идолскія же требы до конца разори и много ина исправленія по Бозѣ показа, и съ небесе свидѣствованъ знаменіемъ креста Господня, отнюду же побѣду вземъ враги побѣждаше, и многи языцы во Христа вѣровати приведе; и сего ради отъ Бога не земнымъ токмо царствіемъ, но и небеснымъ одарованъ бысть, и во крестъянскихъ царѣхъ первый и въ ликъ апостольскій учиненъ. Потомъ второй царь,

благочестія поборникъ, нечестія обличитель, Θεодосій Великій, не тѣлеснымъ точію видомъ, но и славою предмногою высокъ, иже отъ Гратьяна царя въ порфиру царьскую одѣянь бывъ и вѣнцемъ царствія вѣнчанъ, отъ сигклита предъизбранъ; при немъ же вторый святый Вселенскій соборъ бысть. Подобенъ же сему Великому Θεодосію царю и Маркіянъ, великій царь благочестіемъ и вѣрою, храбрѣствомъ же и мудростію изященъ зѣло, преже въ чину воинственномъ бысть, потомъ Θεодосіемъ царемъ Малымъ на царство возведенъ, по извѣщенію Ивана Богослова; при семъ бысть четвертый святый Вселенскій соборъ. Подобенъ же симъ царица Θεодосію и Маркіяну, Іустинъ Малый и Тивирій: царствующу убо сему Іустину Малому въ Царѣградъ, супружницу имѣя зѣло милостиву, подобну своему нраву, яко же и самъ милостивъ есть, именемъ Софію, не бѣ же има сына ни дщери; у него же бѣ совѣтникъ Тиверій, благовѣренъ зѣло, красенъ видомъ, лицемъ свѣтель, милостивъ и долготерпѣливъ, въ воинствѣ храбръ велми; красоты же ради его и храбрости, царь Іустинъ возлюбилъ его пріемъ во усыновленіе; и первіе украшаетъ его кесарскимъ вѣнцемъ, потомъ же собравъ Патріарха и сигклитъ свой и весь народъ, и поучивъ довольно скифетроцарствія самодержавствія вѣнцемъ вѣнча его, еще живъ сый въ житіи семъ; Іустинъ же царь, вѣнчавъ Тивирія на царство, успе сномъ вѣчнымъ; по умертвіи же Іустиновъ, благочестивый царь Тивиріе, богодатную свою мать царицу Софію жену Іустинову, зѣло почте и яко мать себѣ имѣя, подѣ областію же его сущимъ недугующимъ и стражущимъ и нищимъ отверзъ сокровища своя, старымъ бысть вождь, печальнымъ утѣха во всѣхъ бѣдахъ помощникъ, и толико яко всѣмъ людемъ прехвально вопити о немъ: втораго, рече, Августа Римскаго кесаря далъ намъ Богъ днесь. Бѣ же у него двѣ дщери, едину даде за Маврикія: той, убо, Маврикіѣ въ воинствѣ храбръ зѣло, его же сочтанія ради дщере своея, Тивирій царь, въ кесарскій санъ устрои; помалъ же, по преславленіи своемъ, и царство свое вручи ему. Любезно же чтущіи божественная Писанія, многихъ во царѣхъ обрящутъ скифетроцарствія имѣющихъ, въ порфиру государьственную

облачащихся, добръ правящихъ царственная по Бозь, благочестно и праведно, понеже бо Господь достойная прие-
летъ, недостойныхъ же вонь измещеть: мнози, убо, звани,
мало же избранныхъ. Рече бо Господь: Не всякъ глаголай
ми: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное, но
творя волю Отца моего, иже есть на небесъхъ. Его же бо
судь обыдетъ Божій, будетъ ему; мнози бо и нехотящии при-
идоша въ не же звани быша отъ Бога: не вы бо дѣйствующе
сія, но творяй въ васъ Духъ Святыи. Яко же пишетъ:
Всяко добро бываемо, кромъ Бога не сотворится, ниже со-
творится можетъ; яко же рече Господь: Безъ мене не мо-
жете сотворити ничесоже. «По семъ же убо святѣйшему Іеву
Патріарху отъ божественныхъ Писаній свидѣтельствовавшу,
Государю же Борису Ѳедоровичю отнюдь къ моленію не-
преклонно пребывшу, и по вся дни многижда святѣйши Іевъ
Патріархъ наединъ съ Государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ
особь моляше со слезами и прещаше ему Государю, дабы не
ослушался повелѣніа Божія и утолилъ бы плачь и рыданіе
и вопль многонародный, и воспріялъ бы скифетродержавія
Російскаго царствія; Государь же Борисъ Ѳедоровичъ ни-
какоже повинуюся глаголемымъ, но всячески слезнымъ рыда-
ніемъ отрицашеся. И паки святѣйши Іевъ Патріархъ съ Ми-
трополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и съ Ар-
химариты, и съ бояры, и весь царскій сигклитъ, по многи
дни моляху Государя Бориса Ѳедоровича со слезами, не пре-
зрѣти слезъ ихъ моленія и всенароднаго множества плача и
рыданія. Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже прекло-
нися къ ихъ моленію. Дворяне же, и приказные люди, и дѣ-
ти боярскіе, и служивые люди, и гости и торговые люди, и
все православное христіанство, съ женами и съ дѣтми и съ
сущими младенцы, безотступно со многимъ слезнымъ рыда-
ніемъ у Государя Бориса Ѳедоровича милости прошаху, чтобъ
надо всѣмъ православнымъ христіанствомъ милость показалъ,
не далъ ихъ въ расхищеніе, былъ имъ милосердымъ Госуда-
ремъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ,
по тому же, какъ ихъ всѣхъ православныхъ христіанъ сво-
имъ милосердымъ правительствомъ содержалъ, при великомъ

Государь Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи; и святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, безпрестани неотходно въ день и въ ночь со слезами вопіяху, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ и весь вселенскій соборъ молили Государя Бориса Ѳедоровича и милости просили, чтобы ихъ не оставилъ сирыхъ и не далъ бы ихъ въ расхищеніе. Государь же Борисъ Ѳедоровичъ не преклонися никакоже къ моленію ихъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о семъ положи на Бога упованіе и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чудотворцовъ, дондеже исполнится Четыредесятница блаженные памяти благовѣрнаго Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и до времени какъ съѣдутся со всеѣ земли Російскаго государства Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бывають, и съѣдутся государскіе дѣти разныхъ великихъ государствъ, которые подъ царскою высокою рукою были, служили Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи, и весь Царскій сигклитъ всякихъ чиновъ, и царства Московскаго служивые и всякіе люди; и посла по Митрополитовъ, и по Архіепископовъ, и Епископовъ, и по Архимаритовъ, и по Игуменовъ, и по боярѣ, и по воеводѣ, и по дворянѣ, и по приказныхъ, и по служивыхъ, и по всякихъ людей; и всего Російскаго государства Митрополитомъ же, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служивымъ людямъ, и гостямъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всего Російскаго государства, которые на Москвѣ, приказалъ, чтобы все единодушно молили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ устроилъ всему православному крестьянству полезная, яко же вѣсть святая Его воля, и помыслили бѣ все обще кому у нихъ Государемъ быти. Минувше Четыредесятницѣ по Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи Самодержцѣ, и всемъ вкупѣ сошедшимся въ царствующій градъ Москву, Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освя-

щенному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всякимъ чиновнымъ людямъ, и Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всенародному множеству, Февраля въ 17 день, въ пятокъ на мясопустной недѣль, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, велѣлъ у себя быти на соборъ о Святѣмъ Дусѣ сыновомъ своимъ, пресвященнымъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и Архимаритомъ и Игуменомъ, и всему освященному собору вселенскому и бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ и служилымъ людямъ, всему Христолюбивому воинству, и гостемъ, и всемъ православнымъ крестьяномъ всѣхъ городовъ Російскаго государства. И говорилъ имъ на соборъ: что по преставленіи блаженныя памяти, святаго, и праведнаго, и милостиваго, и храбраго, и счастливаго, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Оедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, били челомъ и со слезами молили благовѣрную Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину Оедоровну всеа Русіи, чтобы она Государыня милость показала, скифетроцарствія содержала, а насъ бы нищихъ и сирыхъ не оставила; и великая Государыня, аки крѣпкій адамантъ душею, не изволила престолъ свой содержати, а изволила пріяти святый иноческій ангельскій образъ; и мы били челомъ ей Государынь, чтобъ она Государыня показала намъ нищимъ богомолцомъ своимъ и всему православному христіянству милость, благословила въ свое мѣсто на царство намъ Государя брата своего, Государя нашего Бориса Оедоровича; и Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Оедоровна всеа Русіи, за умноженіе грѣховъ нашихъ, милости не показала жъ, брата своего Государя нашего Бориса Оедоровича на царство не благословила; а Государю Борису Оедоровичю тако жъ били челомъ, и молили и просили слезнымъ рыданіемъ по многіе дни безотступно, чтобы намъ былъ милосердымъ Государемъ; и Государь Борисъ Оедоровичъ не пожаловалъ, о государствѣ отказалъ; и язь Іевъ Патріархъ и со мною весь освященный вселенскій соборъ, да и вы, бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всѣхъ чиновъ и всякіе люди всея земли, о томъ о великомъ дѣлѣ положили на Божию волю и отсрочи-

ли до Четырдесятницы; и нынѣ, по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, по великомъ Государь Царь и Великомъ Князь Федоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, Четырдесятница совершилася, а святая его царская праведная душа въ вѣчное блаженство небеснаго царства со всеми святыми вселися: и вы бы, преосвященные Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и дворяне, и приказные люди, и гости, и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы и всея Російскія земля, всѣ православные крестьяня, о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ Государемъ быти? А у меня Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимаритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Федоровича иного Государя никого не искати и не хотѣти. Слышавше же сія Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ въ царствующій градъ Москву, велегласно аки едиными усты глаголаху: Нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою, отцемъ нашимъ великимъ господиномъ, Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и со всеми православными крестьяны, еже неотложно бити челомъ Государю Борису Федоровичю, а опричь Государя Бориса Федоровича на государство никого же не искати. И сіе во свидѣтельство приводяще: «По Божію жъ изволенію и по своему милосердію, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, сочталъ за сына своего за великаго Государя нашего Царя и Велико-

го Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Федоровну всеа Русіи, благозаконнымъ бракомъ, а взялъ ее Государыню въ свои царскія полаты не въ совершенномъ возрастѣ семи лѣтъ, и была питома въ его царскихъ полатахъ до сочетанія брака; а Государь нашъ Борисъ Федоровичъ при его царскихъ пресвѣтлыхъ очехъ былъ всегда безотступно по тому же не въ совершенномъ возрастѣ, и отъ премудраго его царскаго разума царственнымъ чиномъ и достоянію навикъ. И по преставленіи великаго Государя Царевича Ивана Ивановича, Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Государю нашему Борису Федоровичю говорилъ: что Божіими судьбами, а по его грѣху, Царевича Ивана не стало, и онъ въ своей кручинѣ не чаеъ себѣ долгого живота: и я полагаю сына своего Царевича Федора и Богомъ дарованную дочь свою Царицу Ирину на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на великихъ Чюдотворцовъ, и на тебя Бориса, и тыбѣ объ ихъ здоровьѣ радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ Богомъ дарованная дочь Царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ, въ нашей милости какъ еси сынъ. Да и послѣднее на Государь нашъ Борисъ Федоровичъ свое царское милосердіе, по своей царской милости, учинилъ мимо прежніе обычаи: егда же восхотѣвшу Богу во онъ вѣкъ безконечный преставити отъ житія сего Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Русіи Самодержца, тогда повелѣ пріити къ себѣ духовнику своему Архимариту Феодосью, хотя ему исповѣдати послѣднее исповѣданіе и пречистыхъ Христовыхъ таинъ отъ него комкатися; и въ то время былъ Государь Борисъ Федоровичъ предстоя у его царскаго одра; тогдажъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, представляя во свидѣтельство духовника своего Архимарита Феодосья, слезъ очи свои наполнивъ, глагола Государю нашему Борису Федоровичю: тебѣ приказываю сына своего Федора и Богомъ дарованную дочь свою Ирину; ты же соблюди ихъ отъ всякихъ золъ: аще ли не соблюдеши, ихъ воздаси о нихъ отвѣтъ предъ Богомъ;

на тебѣ възыщеть Богъ душа ихъ. И егда же, по Божіей милости и по благословенію отца своего, Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, Богомъ възчанъ бысть и воспрія державу скифетро Російского царства: тогда Государь Борисъ Ѳедоровичь, помня приказъ Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, ихъ государское здорově хранилъ аки зѣницу ока, и попеченіе объ нихъ веліе имѣлъ, и великіе ихъ государства отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и со опасеніемъ и попеченіемъ многимъ, и своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержаниемъ учинилъ ихъ царьскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ много пространство и расширение, во всемъ прибыли, во вѣки въ пресвѣтлую славу и похвалу учинилъ, и превысокого ихъ царьского степеніи величества окрестныхъ прегордыхъ непокорныхъ царей, ихъ царьскимъ приказомъ, а своимъ храбрскимъ и премудрымъ промысломъ и радѣніемъ ко всему православному христіанству, благопослушны и повинователны сотворилъ, и побѣдилъ прегордо хвалящагося царя Крымскаго, и непослушника короля Свейскаго подъ государеву царьскую высокую десницу привелъ, и города, которые были за Свейскимъ Королевствомъ, поималъ; а къ нему къ царьскому шурина къ Государю къ Борису Ѳедоровичю, о любви, и о дружбѣ, и о мирномъ постановленіи, и о покоѣ, и о тишинѣ, цесарь хрестіанскій, и салтанъ Турскій и шахъ Персидской, и короли изо многихъ государствъ, пословъ своихъ присылали со многою честію; и всѣ великіе государства Російскаго царствія тихи и не мятежны устроилъ, и воинственной чинъ въ призрѣніи, и во многой милости, и въ строеніи учиненъ, а все православное христіанство въ покоѣ и въ тишинѣ, а бѣдныя вдовы и сироты въ милостивомъ въ покровеніи и въ крѣпкомъ заступленіи, и всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, и вся Русская земля во облеченіи учинена, и святая наша и непорочная христіанская вѣра сіяетъ во вселеннѣй выше всѣхъ, яко же подъ небсемъ пресвѣтлое солнце; и славно бысть благо-

вѣрнаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и его благовѣрныя Царицы и Великіе Княгини Ирины Ѳедоровны всеа Русіи, ихъ Царьскаго Величества имя, отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. А какъ Крымской Казыгирей царь приходилъ на Рускую землю, со многимъ воинствомъ хваляшеся, хотя православную и непорочную христіанскую вѣру разорити, а святыя церкви во оскверненіе предати и святыню въ пограніе положить, и православное христіанство съ ихъ женами и съ дѣтьми и съ сущими младенцы Російскаго царствія безъ милости нещадно мечю предати хотѣлъ: и по Божьей милости, а по Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи Самодержца по повелѣнію, его Царьскаго Величества шурина Государя Бориса Ѳедоровича отъ его премудраго разума и храбръскаго подвига, Крымской царь побѣженъ и преодолѣнъ и премногое его воинство побѣено бысть и съ великимъ срамомъ во своя возвратися; и сицеваго ради подвига и знаменитаго храбръства Государь Борисъ Ѳедоровичъ сподобленъ бысть отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, отъ его царьскихъ рукъ на выю свою возложенія чепи отъ злата Аравійска, и царьскіе багрянцы его царьскихъ плечъ, и судна златаго, зовомый Мамай, прародителя своего великаго Государя Дмитрія Ивановича Донскаго, которые взялъ у безбожнаго Мамаю, какъ его побѣдилъ.» Бояре же, и дворяне, и приказные, и всѣхъ чиновъ всякіе люди всея Рускія земля, и гости, и все православное христіанство, со многими слезами и съ великимъ воплемъ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи били челомъ, чтобы святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи, и ее брата Государя нашего Бориса Ѳедоровича, молили и милости просили со слезами, чтобы великая Государыня пожаловала благословила брата своего, а нашего Государя Бориса Ѳедоровича, на свои великіе государьства Російскаго царствія Государемъ, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ, для слезъ и

всемірнаго плача всея Рускія земля, положиць на милость, на тѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія былъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. И святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, слышавъ ихъ челобитье и слезное рыданіе, толикаго множества народа всея земли крѣпкій совѣтъ и единомышленіе, рѣки слезъ отъ очію испусти, глаголя: «Благословенъ Богъ, совѣтъ благъ давшему во всенародное се множество и единомысліемъ утвердившему.» И о семъ положи упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на великихъ Чюдотворцовъ, глаголя: Яко же Господеви годъ, тако и будетъ. Тако же святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и съ Игумены, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными, и съ служивыми людьми, и съ гостями, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, совѣтуетъ, чтобы въ субботу Мясопустную, Февраля въ 18 день, на первомъ часу дни, всему освященному собору и всѣмъ боляромъ и дворяномъ и всѣхъ чиновъ всякимъ людямъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земля, быти въ великую соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы, и молити всесильнаго Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ великихъ Чюдотворцовъ Рускихъ и всѣхъ Святыхъ, чтобы милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, устроилъ полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнилъ; и во уреченный день исправивъ молебная во святѣй велицѣй апостольствѣй церкви, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы всенароднаго множества въ Новой-дѣвичь монастырь итти, и съ Божіею помощію всѣмъ единогласно, съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, милости просити у великіе Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и у брата ее у Государя у Бориса Ѳедоровича; и будетъ Государыня Царица положить на милость, насъ пожалуетъ, благословитъ брата своего, а Государя нашего, Бориса Ѳедоровича на государство всея великія Росія, и Государь Борисъ Ѳедоровичъ насъ пожалуетъ, будетъ на госу-

дарьствѣ : и намъ богомолцомъ ихъ, и съ нами всему освященному вселенскому собору, во святѣй велицѣй соборнѣй апостольствѣй церкви совершити молебная пѣнія, а вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣхъ чиновъ всякимъ людемъ царствующаго града Москвы и всея Рускія земли; и будетъ вашъ совѣтъ съ нами единомыслень, и язь васъ благословляю, со всемъ вселенскимъ соборомъ. И бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и всѣхъ чиновъ всякіе люди, и все православное крестьянство всея Рускіе земли, выслушавъ патріарши рѣчи, единогласно со слезами и съ воплемъ всѣ патріаршѣ и всего вселенскаго собора совѣтъ похвалили и били челомъ, чтобы они неотложною мыслию и крѣпкимъ совѣтомъ утвердили; а ихъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и всего православнаго христіянства всея Рускія земли, совѣтъ и хотѣніе то же : кто похочетъ мимо Государя нашего Бориса Федоровича, и сына его Государя нашего Федора Борисовича и тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ, иного Государя искати и хотѣти, или какое лихо кто похочетъ учинити и умышляти на Государя Бориса Федоровича, и на Государыню нашу Марью Григорьевну, и на ихъ дѣтей на Федора Борисовича и на Ксенью Борисовну, и на тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ: и намъ Бояромъ, и окольнымъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, извѣстити на того измѣнника святѣйшему Іеву Патріарху, и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору, и стояти на того государева измѣнника всею землею обще заединъ; а мнѣ Іеву Патріарху, и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему вселенскому собору, того измѣнника проклятію предати и отлучити отъ церкви Божіи, и предати градскому суду. Слышавъ же крѣпкій совѣтъ и хотѣніе всея земля, святѣйшіи Іевъ Патріархъ Московскій и всея Русіи, со всемъ вселенскимъ соборомъ, воздавъ славу и благодареніе Господу Богу и пречистой Его Матере, и глагола благодарственной стихъ Богородицѣ: До-

стойно есть; и призвавъ Бога въ помощь и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ и всѣхъ Святыхъ, благословилъ ихъ, что имъ съ нимъ со святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, быти единомышлено на томъ на всемъ, какъ они приговорили; и совѣщавшеся вси вкупѣ и нарекоша день итти въ Новой въ двѣичь монастырь въ понедѣльникъ Сырныя недѣли, и бити челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александръ и Государю Борису Ѳедоровичю всѣмъ единодушно; и въ субботу Мясопустную, и въ недѣлю и въ понедѣльникъ Сырныя недѣли, по три дни пѣвше молебная во святѣй велицѣй соборнѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, моливше Господа Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Іону и всѣхъ Святыхъ, о всѣхъ яже на ползу строимыхъ всему православному крестьянству, чтобъ подаровалъ намъ Господь Богъ, по прошенію нашему, благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, всему Російскому государству Самодержца. И въ той же понедѣльникъ Февраля въ 20 день, святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми бояры и со всенароднымъ множествомъ, идоша въ пречестную обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегигрія въ Новойдѣвичь монастырь, и Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александръ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и Государю Борису Ѳедоровичю, со слезами били челомъ и много молихомъ; и грѣхъ ради нашихъ, Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра Ѳедоровна, всеа Русіи, на милость не положила, брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на государство не пожаловала; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ милости не показалъ же, а говорилъ святѣйшему Іеву Патріарху: «Какъ тебѣ государю и отцу своему и всему вселенскому собору, и бояромъ и дворяномъ и всему православному крестьянству, говорилъ преже сего, и нынѣ то же говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помыслить на такого Великаго Государя пресвѣтлаго и праведнаго

Царя превысочайшую царьскую степень на высоту царствія его.» И много о томъ со многими слезами моляше Патріарха, а говорилъ, что ему о томъ и въ разумъ не придетъ Первопрестольнѣйши же святѣйши Гевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и все православное христіанство, о семъ въ недоумѣніи мнозъ бысть и во мнозѣй скорби и въ плачи неутѣшимомъ, отойдоша со многою скорбію отъ великія лавры въ царствующій градъ Москву. И паки святѣйшіи Гевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи созываетъ къ себѣ о Святѣмъ Дусѣ сыновей своихъ пресвященныхъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимаритовъ и Игуменовъ, и весь освященный вселенскій соборъ, и бояръ, и дворянъ, и приказныхъ и служивыхъ людей, и гостей, и всѣхъ православныхъ крестьянъ, съ ними же благъ совѣтъ совѣтуетъ, чтобъ божественное празнество соборнѣ сотворити пресвятѣй пречистѣй и пренепорочнѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвѣ Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ во святѣй велицѣй соборнѣй апостолствѣй церкви, идѣ же многочюдесные мощи Петра и Іоны и прочихъ пресвященныхъ Митрополитовъ Московскихъ и всеа Русіи, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ; такоже повелѣ праздновати и въ честнемъ монастыри пречистыя преславныя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, идѣже изволи жити великая Государыни благовѣрная Царица и Великая Княгини инока Александра въ Новомъ дѣвичьѣ монастырѣ, вечерня и всенощное пѣти; и сотворше во святыхъ церквахъ всепразнественая, взяше честные и животворящіе кресты и великіе чудотворные образы, пречистые Богородицы Владимерскіе чудотворную икону, юже богогласный Лука написа, и чудотворную икону пречистые Богородицы Донскіе, иже надъ безбожнымъ Мамаемъ побѣду показа, и чудотворцова Петрова писма пречистые Богородицы образъ, и отъ прародителей государьскихъ чудотворный образъ Одегитрія

пречистые Богородицы, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичь монастырѣ, и иные многіе чудотворные образы, итти въ Новой дѣвичь монастырѣ на утрѣ во вторникъ Сырныя недѣли Февраля въ 21 день, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ царскими сигклиты, и со всенароднымъ безчисленнымъ множествомъ всея земля великого Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, молити всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога и пречистую Его Матерь и великихъ Чюдотворцовъ, о вселенскомъ устроеніи и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и утверженіи святыхъ православныхъ нашея христіанскіе вѣры, и дабы Господь Богъ умилосердился на насъ, послалъ дхновеніе Святаго Духа въ сердца великія Государыни нашея Царицы и Великія Княгини иноки Александры Ѳедоровны всея Русіи, и брата ея Государя нашего Бориса Ѳедоровича, умягчилъ бы ниву сердцу ихъ, чтобъ они великіе Государи слезъ моленія нашего не презрили; и молебная пѣнія и божественную литургію совершивше, молити и бити челомъ великой Государынѣ благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Ѳедоровичю, чтобы Государыни благовѣрная Царица на милость положила, на царство брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича, а Государь бы Борисъ Ѳедоровичъ милость показалъ, былъ намъ благонадежный великій Государь Царь и Великій Князь, всеа Русіи Самодержецъ: егда како услышитъ милосердый Богъ, и пречистая его Мати пренепорочная Владычица и Приснодѣва Марія преславная Богородица умилосердився призритъ на смиреніе наше, и молитвъ нашихъ не презритъ и толикаго всенароднаго безчисленнаго множества безвременныхъ слезъ и вопля безпрестаннаго, и извѣститъ имъ милосердый Богъ о насъ, яко же вѣсть святая Его воля. Къ сему же святѣйшій Іевъ Патріархъ въ духовнѣ особѣ тайнѣ совѣтъ совѣщаетъ со всѣми сыновы своими, съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы, и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и межъ собою крѣпко утвердиша себе на томъ: Будсть великая Государы-

ни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, положить на милость и насъ пожалуетъ, для пришествія честныхъ крестовъ и многихъ чудотворныхъ святыхъ иконъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царствія благословить, а Государь нашъ Борисъ Федоровичъ на милость будетъ положить, всему Російскому государству будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ: и язъ богомолецъ ихъ смиренный Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ вами сыновы своими со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, прося у Бога милости, Государя Бориса Федоровича прощаемъ и разрѣшаемъ, что онъ Государь подъ клятвою со слезами говорилъ, что у него у Государя нашего у Бориса Федоровича желанья и хотѣнья на государство нѣтъ, а намъ должная о его Государевъ здоровьѣ Бога молити. А будетъ великая Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи положить на милость и насъ пожалуетъ, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича на великіе государства Російскаго царствія благословить, а Государь будетъ Борисъ Федоровичъ на милость не положить и о государствѣ откажетъ по прежнему: и язъ богомолецъ ихъ, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятаго и животворящаго Духа, по совѣту съ вами сыновы своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и съ Епископы и съ Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, Государя Бориса Федоровича запретимъ и отъ церкви Божіи и святыхъ таинъ пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего отлучимъ, и благословеніе съ него съемемъ, а что учинится святыня въ пограніе, а крестьянство въ разореніи, а многочисленный Богомъ собранный народъ всего народного множества съ ихъ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы въ безгосударное время небрегоми погибнуть, и межусобная брань воздвигнется и неповинныя крестьянскія крови отъ того прольются, и того всего взыщеть Богъ, въ день страшнаго и праведнаго суда, на немъ на Государь нашемъ Борисъ Федоровичъ. А будетъ

великая Государыни наша благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, и братъ ее Государь нашъ Борисъ Ѳедоровичъ, на милость не положить, а насъ не пожалуютъ и о государствѣ конечно откажутъ, и быти на государствѣ Государь Борисъ Ѳедоровичъ не восхоцетъ; и язь богомолецъ ихъ, и со мною о святѣмъ Дусѣ всѣ вы сынове мои Митрополиты и Архіепископы и Епископы, саны святителскіе съ себя сойдемъ и понагеи сложимъ и облечемся во мнишеская, тамо въ монастырѣ и честныя кресты и чудотворныя образы оставимъ, и для ихъ ослушанія престанутъ во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ тайнъ литургисанія, пѣнія же хвалы и благодарственное славословіе, и того Господь Богъ възыщеть на нихъ, на великой Государынѣ и на братѣ еѣ на Государѣ нашемъ на Борисѣ Ѳедоровичѣ. И сія, убо, вкупѣ много совѣтовахомъ и утвердившеся и глаголаху вси единогласно: инако преложити невозможно, развѣ сего яко же глагола ты, святыи владыко и отецъ нашъ Ісѣвъ Патріархъ Московски и всеа Русіи. И Февраля въ 21 день, во вторникъ Сырныя недѣли, по прежнему своему соборному уложенію и по приговору всеѣ земли, святѣйши Ісѣвъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, о Святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молебная всепразднество свѣтло сотворше пречистѣй и пренепорочнѣй и преблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Одегитрія, съ честными кресты и съ чудотворными образы пречистые Богородицы Владимирскіе, и пречистые образъ Донскіе, и живописанный образъ пречистые Богородицы великого святителя Петра, да чудотворный образъ пречистыя Богородицы Одегитрія, еже есть въ Вознесенскомъ дѣвичѣ монастырѣ, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и иные многіе чудотворныя образы, еже въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и призвавше въ помощь въ Троицѣ славимаго всемилостиваго Господа Бога вседержителя и пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, идоша со

тщаніемъ въ Новой дѣвичь монастырь, идѣ же изволи жити, но пріятіи ангельскаго образа, великая Государыня наша благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгини Александра Федоровна всеа Русіи, въ пречестную и великую обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрія, и идуще пояху безпрестанно молебная пѣнія. Егда же великій святѣйши Іевъ Патріархъ, вкупѣ о Святѣмъ Дусѣ и сынове его Митрополнты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и весь освященный соборъ, и служивые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня, и съ сущими младенцы и всенародное множество, пріидоша съ честными и животворящими кресты и съ чудотворными образы къ великой лаврѣ дѣвича монастыря: тогда въ той честной обители быша звоны великіе для пришествія честныхъ и чудотворныхъ иконъ, и воздвигшеся изыде иже въ той честной обитсли пребывающе пречистыя Богородицы чудотворный образъ честнаго и славнаго Ея Одегитрія Смоленскія, во слѣдъ же того чудотворнаго образа пречистыя Богородица Смоленскія пріиде великій Государь Борисъ Федоровичъ. И егда пріиде къ чудотворному образу пречистыя пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія Владимерскія: тогда слезъ многихъ исполнился, гласомъ великимъ возопивъ, глаголя: «О милосердая Царице пречистая Богородице, Мати Христа Бога нашего! почто толикъ подвигъ сотворила еси, и чудотворный свой образъ воздвиже съ честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя.» И сія вопія и глаголя, со многимъ рыданіемъ и плачемъ паде на землю предъ чудотворнымъ образомъ пречистыя Богородицы Владимерскія, и лежа слезами землю мочаше на многъ часъ. Возставшу же Государю Борису Федоровичю, со многимъ плачемъ и рыданіемъ, и пришедъ знаменався припаде къ подножію того чудотворнаго образа, слезы точа отъ очію яко же рѣки, припадаетъ же прилагаяся и къ прочимъ честныхъ иконъ чудотворнымъ образомъ, со слезами многими. Тако же пришедъ къ отцу своему къ первоначальствующему Іеву Патріарху Московско-

му и всеа Русіи, со слезами глагола ему: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іевъ Патріархъ! по что чудные чудотворные иконы пречистые Богородицы и честные кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Великій же святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, благословя Государя Бориса Ѳедоровича животворящимъ крестомъ, съ ксликими слезами глагола ему: «Не буди одержимъ печалію, Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божіимъ и пречистые Богородицы милостію и великихъ Чудотворцовъ. Еже глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ; повѣмъ же ти, сыну, истину глаголя: не азъ сей подвигъ сотворихъ, яко же глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ Младенцомъ, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и съ великими Чудотворцы, возлюби тебе, и воздвигшеса и изволи притти и святую волю Сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ Государь нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія Ея, послушай, якоже Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе Чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіей, повинися святой воли Его, и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, слышавъ пастырево увѣщаніе, отъ очію рѣки слезъ проліяше, паки благословеніе пріять. И потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы поиде во святую церковь пресвятые Богородицы; а Государь Борисъ Ѳедоровичъ поиде къ сестрѣ своей благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи; а бояре и дворяне и приказные и служилые люди, и гости, и всѣ православные крестьяня всего Російского государства, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы; взыдоша на монастырь, а которые не вмѣщавшася въ монастырь, тѣ всѣ около монастыря стоящи, со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ моляху Государя Бориса Ѳедоровича. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, въ святѣй божественнѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія, божественную литургію соборнѣ совершивше, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ

Архієпископы, и Епископы, и всѣ Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ, во всѣхъ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служажу божественную литургію, идоша въ келью къ великой Государынѣ благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Федоровѣ всеа Русіи, носяще съ собою честный и животворящій крестъ и чудотворные образы; съ ними же вкупѣ и бояре и весь царскій сѣгклитъ. А дворяне, и приказные люди, и гости, и Христолюбивое воинство, и всѣ православные крестьяня и всенародное множество Російскаго государства, стояху у кельи и по всему монастырю; а елицы не вмѣщяхуся въ монастырь, и тѣ всѣ внѣ монастыря стояще, вси купно падше главы своя повергше на землю, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ мнозѣмъ велегласно вопіяху на многъ часъ: «О благочестивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи! милосердуй о насъ, Царица, пощади, пощади, благовѣрная и Христолюбивая Государыня, благослови и даждь благовѣчнаго Царя на царство всѣмъ намъ благонадежнаго Государя всему Російскому государству Самодержца, брата своего Государя нашего Бориса Федоровича!» Тако жъ и брату ея Государю нашему Борису Федоровичю били челомъ и молили со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ многимъ прилежно, чтобъ онъ Государь пожаловалъ своихъ богомольцовъ, и бояръ, и Христолюбивое воинство и все православное христіянство, скифетроцарствіа царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему жъ граду Москвѣ и всему Російскому государству Самодержецъ, а намъ Государь благонадежный. И великая Государыни благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, и братъ ея Государь нашъ Борисъ Федоровичъ, къ моленію нашему никако же быша преклонны и не восхотѣша насъ пожаловати. Первопрестольнѣйши же Гевъ Патріархъ, со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и весь царскій сѣгклитъ, били челомъ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Федоровѣ всеа Русіи, и брату ея Государю нашему Борису Федоровичю, со слезамн на многъ часъ; падше предъ царь-

*

скими ногами ея; а всенародное безчисленное множество все православные крестьяня, у кельи, съ великимъ плачемъ отъ души единогласно глаголюще: «Милосердая Царица благородная и Христолюбивая! не презри пришедшихъ въ честную сію обитель пречистые Богородицы Владимерскіе и Донскіе, и Чудотворца Петра живописаннаго пречистые образа, и Одегитрія пречистые Богородицы чудотворные Вознесенскіе и всѣхъ чудотворныхъ образовъ, и угодниковъ Ея великихъ Чудотворцовъ Петра и Алксѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ, и для закланія святаго Агнца Божія, изліавшего за весь міръ кровь свою: положите на милость, не оставте насъ сырыхъ и безгосударныхъ.» Великая же благовѣрная и Христолюбивая Царица и Великая Княгиня инока Алксандра Ѳедоровна всеа Русіи, слышавъ сія таковая прошенія и моленія, на многъ часъ въ недоумѣніи бывъ и умилися душею, слезъ многихъ исполнися, глаголя: «Отець нашъ святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и весь вселенскій соборъ, и Боляре! Изволеніемъ Божиимъ, и грѣхъ ради моихъ и всего православнаго крестьянства, великого Государя моего свѣта праведнаго и благочестиваго и милосердаго, пресвѣтлаго Царя, праведная его и безпорочная душа отойде въ вѣчное блаженство; а нынѣ на такуюю высоту царствія и на престоль такого великого Государя просите у насъ брата нашего Бориса: и у меня на то мысли никакъ нѣтъ, а у брата нашего у Бориса по тому же никакъ мысли и хотѣнія на то нѣтъ же, свидѣтель и сердце наша зреть Богъ. А будетъ на то святая его воля будетъ, яко же годъ Господеви. тако и буди: воля бо Его никто же можетъ противиться; а безъ вышняго и всемогущаго Госнода Бога промысла и святой Его воли, вмѣсто скорби и сътованія, утѣшеніе ко исполненію вашего прошенія и моленія совершити невозможно.» Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и съ нимъ весь вселенскій соборъ и боляре, многое моленіе и челобитье, съ неутѣшнымъ плачемъ, къ великому Государю Борису Ѳедоровичю простираху; а окрестъ кельи и по всему монастырю и за монастыремъ, все православное крестьянство всеа Русскія земля съ женами и съ дѣтми, вели-

кій плачь и рыдательный гласъ и вопль многъ испущаху, отъ горести сердца и отъ многого сътованія жены сущихъ своихъ младенецъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху, вси единогласно яко едннѣми усты вопіяху, у великого Государя у Бориса Ѳедоровича милости просяще, чтобъ великій Государь Борисъ Ѳедоровичъ положилъ на милость и не оставилъ ихъ сирыхъ, для пришествія честныхъ и животворящихъ крестовъ и святыхъ чудотворныхъ иконъ былъ на великихъ государствахъ Російскаго царствія Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Русіи Самодержцемъ. Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ святѣйшему Іеву Патріарху говори: «О Государь мой отецъ святѣйшій Іевъ Патріархъ! престани ты, и съ тобою весь вселенскій соборъ, и бояре, престаните отъ таковаго начинанія: возлагаете на меня такое великое бремя, царски превысочайшій престолъ. Ими ми вѣру: видѣвъ толикій вашъ многотрудный подвигъ, скорблю душою и болезною сердцемъ; а прошеніе ваше совершиться не можетъ. Какъ мнѣ на великій престолъ царствія Государя моего, свѣта правсднаго и милостиваго и пресвѣтлаго Царя състи? А гдѣ будетъ моя работа всему православному крестьянству пригодится, и язъ, за святія Божія церкви, и государства Московскаго за едину пядь земли, и за все православное крестьянство, и за сущихъ младенцовъ, радъ кровь свою изліати и голову свою положить, и съ тобою Государемъ моимъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ и съ бояры о земскихъ дѣлѣхъ радѣти и промышляти учну.» И о государствѣ со многимъ слезнымъ рыданіемъ отказалъ. Святѣйши же Іевъ Патріархъ, и весь вселенскій соборъ великую Государыню Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Русіи молили со многими слезами, а бояре били челомъ съ неутѣшнымъ плачемъ, а все православное крестьянство всея Рускіе земли, съ великимъ воплемъ и слезнымъ рыданіемъ и со многимъ стснаньемъ, съ женами и съ дѣтми и съ сущими младенцы, милости просили, чтобъ великая Государыни положила на милость и ихъ бѣдныхъ пожаловала и не оставила сирыхъ, дала бѣ брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на великое Російское госу-

дарьство; и вси яко единъми усты вошяху: «Сія ли угодно вамъ, тебѣ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Федоровнѣ всеа Русіи, и брату твоему Государю нашему Борису Федоровичю, что насъ бѣдныхъ не пощадити и сирыхъ оставить? И услышавъ о томъ окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтобъ святая наша и непорочная крестьянская вѣра въ попраиіе не была, а мы всѣ православные крестьяне отъ окрестныхъ государей въ расхищеніи не были.» И толикъ плачь и вопль и рыданіе испущаху, яко и воздуху наполнитися воплемъ и рыданіемъ отъ неутѣшнаго плача отъ стонанія. Великая же Государыня Царица и Великая Княгиня инока Александра Федоровна всеа Русіи, видяще святѣйшаго Іева Патріарха и всего вселенскаго собора не отложное моленіе, и боярское челобитье, и всенароднаго множества всего православнаго крестьянства много плача и рыданія и стенанія, царское сердце на милость преложи и слезные источники со многимъ духовнымъ умиленіемъ испущая, глаголаше: «Великій еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя! Кто бо разумъ разумъ Твой Владыко, или кто когда совѣтникъ Тебѣ бысть? Но яко же хочещи, тако и твориши, и воли бо Твоей никто же можетъ противитися: твориши бо елико хочещи.» И глагола святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору и бояромъ: «Для ради всемилостиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и пречистые преиепорочные Владычицы наша Богородицы и Приснодѣвы Марія, крѣпкіе крестьянскіе наши надежи и заступницы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ и всеа Русіи, и для чудотворныхъ образовъ воздвигнутія и закланія ради святаго Агнца Божія спасенія ради нашего, и тебѣ отца нашего Іева Патріарха и Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора толикаго подвига, и бояръ нашихъ и дворянъ и всея земля всего православнаго крестьянства и ихъ женъ и дѣтей и ссущихъ младенцовъ и ихъ многого вопля и рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, Богу вседержителю и пречистой его матери и великимъ Чудотворцомъ Петру и Алексѣю и Іонѣ

и всѣмъ Святѣмъ, просіявшимъ въ Русіи, и тебѣ первопрестольнику отцу нашему и богомолцу святѣйшему Іеву Патріарху и всему вселенскому собору, и вамъ бояромъ нашимъ и всему православному крестыянству, даю вамъ своего единокровнаго брата свѣта очію моего единородна суца: да будетъ вамъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ, въ содержаніе скифетра нашего царствующаго града Москвы и всѣхъ нашихъ великихъ государствъ великаго Російскаго царствія.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, изъ глубины сердца воздохнувъ, съ слезнымъ рыданіемъ глаголаше: »Сія ли угодно Твоему человѣколюбію, Владыко, и тебѣ моей великой Государынѣ, иже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобь мною носиму быти, и на толикій превысочайшій царскій престолъ предаши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не взыде? Севидящій сердца человѣческая зритель Богъ свѣдѣтель на меня, да и ты моя великая Государыни, что въ мысли моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не взыде: азъ всегда при тебѣ хошу быти, и святое пресвѣтлое равноангельское лице твое зрѣти.» Великая же Государыни Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедоровна всеа Русіи, во мноземъ душевномъ умиленіи и тихости, брата своего великаго Государя нашего Бориса Ѳедоровича, со утѣшеніемъ увѣщеваше, глаголя: «Еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуюся вопреки глагола? всемогущенъ бо есть и всесилень, творить бо елико хоцетъ: и ты бы, братецъ мой, безо всякаго прекословія повинулся воли Божіи, былъ всему православному крестыянству Государемъ.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, со многимъ слезнымъ рыданіемъ отрицаяся, не хотяше быти на государствѣ. Благовѣрная же великая Государыни глаголаше брату своему великому Государю нашему Борису Ѳедоровичю: Слыши, братецъ мой единокровный! Божіе бо есть дѣло, а не человѣческо; вышняго промысль, а не человѣческой разумъ: аще бо на то будетъ воля Божія, буди такъ и сіе сотвори.» Великій же Государь Борисъ Ѳедоровичъ, по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умилнымъ словесемъ

сестры своей великіе Государыни, аще и не хотяше на царствіе, повинулся воли Божіи со многимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ глаголя: «Господи Боже мой, милостивый и прещедрый и челоѡколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! аще угодно сія Твоему челоѡколюбію, Владыко, буди святая твоя воля: Твой бо есмь рабъ, спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя.» И потомъ глагола ко отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху, и всему вселенскому собору, и болярюмъ: «Аще будетъ на то воля Божія, буди такъ.» Святѣйшій же Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимаришы и Игумены, и весь вселенскій соборъ, и бояре, слышавше милосердый царскій глаголъ, на землю падше радостными слезами благодарственная всемилостивому Богу возсылаху: слава и благодареніе всещедрому и челоѡколюбивому Богу, не презрѣвшу молснїа и слезъ нашихъ и пославшу святой Духъ въ сердце великой Государынь Царицъ и Великой Княгиньшнокъ Александръ Ѳедоровъ всеа Руссіи, и Государю Борису Ѳедоровичю: сердца бо ихъ въ руцъ Божіи. И благословилъ святѣйши Іевъ Патріархъ Богомъ избраннаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Руссіи, и Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью, честнымъ и животорящимъ крестомъ, и знаменовалъ чудотворнымъ образомъ пречистые Богородицы честнаго Ея Одегитрія, юже написа великій Святитель Петръ. Потомъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Руссіи, вышедъ отъ Государыни Царицы и Великіе Княгинишноки Александры Ѳедоровны всеа Руссіи, возвѣщаетъ дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людемъ, и всему православному крестьянству, всесилаго Господа Бога милость, что по Ею святой воли великая Государыни Царица и Великая Княгиняшнока Александра Ѳедоровна всеа Руссіи, и брать ея Богомъ избранный Государь нашъ Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Руссіи Самодержецъ, на милость положили, пожаловалъ хочеть быти на великомъ Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, всеа Руссіи Само-

держцемъ. Дворяне же, и приказные и служилые люди, и гости, и все православное крестьянство, слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха всеиленнаго Господа Бога милость, и Государыни Царицы и Великіе Княгини иноки Александры Ѳедоровны всеа Русіи, и Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, милосердіе и жалованье, многіе радости духовныя исполньшеся, руцѣ на небо воздѣвъ, вси единогласно яко единѣми усты славу и благодареніе Богу возопиша, глаголя: Слава, слава единому всемогущему и вся содершащему въ Троицы славимому Богу нашему, что не презрѣлъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ, по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго Государя Царя правды и милость. Богомъ дарованный же и Христолюбивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, иде во святую божественную церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегистрія, съ нимъ же отецъ его первопрестолнѣйши Ісвъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и дворяны, и съ Христолюбивымъ воинствомъ, и съ гостми, и со всемъ православнымъ крестьянствомъ, вшедъ во святую церковь и въ той божественной церкви радостная молебная пѣнія совершивъ. И великій господинъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всеми сыновы своими съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, по благодати даннѣй отъ пресвятаго и животворящаго Духа, у чудотворныхъ образовъ, на государство Владимерское, и Московское, и Новгородское, и Казанское, и Асторохонское и на всѣ великіе государства Російскаго царства, честнымъ и животворящимъ крестомъ благословилъ великаго Государя Богомъ дарованнаго Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца; и совершивъ молебная, святѣйши Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и Епископы, и съ Архимариты, и Игумены, и

со всемъ вселенскимъ соборомъ, и бояре и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости, и всякіе люди и все православное Христіанство, воздающе славу и благодареніе все-силному Господу Богу и пречистой Его Матери и всемъ Святымъ, и идохомъ отъ монастыря радостны въ преименитый градъ Москву, и въ дома своя разошася съ великою радостію, благодаряще Бога, И Февраля въ 26 день, въ недѣлю сыропустную, великій Государь и Богомъ превозлюбленный, и Богомъ предпочтенный, и Богомъ избранный ото всего народа крестьянскаго, благочестивый великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, прииде въ Богомъ дарованный престолъ царствующій градъ Москву. Святѣйши же Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, со всемъ освященнымъ соборомъ, и все православное христіанство, всрѣтоша благочестиваго великаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, съ животворящими кресты и съ чудотворными образы. Благочестивый же великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, съ честными кресты и съ чудотворными образы, и со отцемъ своимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и со всемъ царскимъ сигклитомъ, и со множествомъ народа, вниде во святую великую апостольскую церковь, идѣ же чудотворный образъ пречистые Богородицы Владимерскіе, иже преславную побѣду сотвори и злочестиваго царя Темираксака побѣди, идѣ же цѣлебоносные мощи великихъ Святителей Петра и Алексѣя и Іоны и прочихъ преосвященныхъ Митрополитъ всеа Русіи. Тогда святѣйшій Іевъ Патріархъ, со всемъ освященнымъ соборомъ, сотворяетъ молебная божественная пѣнія; и сотворивъ молебная пѣнія и молитвы Господу Богу и пречистой Его Богоматери, о его Богомъ избраннаго великаго Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Русіи Самодержца, и о его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и о ихъ

царскихъ дѣтехъ , о благовѣрномъ Царевичѣ Князѣ Сеодорѣ Борисовичѣ и о благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ , и о ихъ царскомъ многолѣтнемъ здравіи и о державѣ ; и соверша благословилъ Богомъ избраннаго Гоеударя Царя и Великого Князя 'Бориса Федоровича , всеа Русіи Самодержца , честнымъ и животворящимъ крестомъ ; и по благословенію многолѣтне пѣли Государю , Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному и Богомъ предпочтенному , Царю и Великому Князю Борису Федоровичу , всеа Русіи Самодержцу , и его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великою Княгинѣ Марьѣ , и ихъ благороднымъ чадомъ , благовѣрному Царевичю Князю Федору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ ; и какъ многолѣтне Госудаю Царю и Государынѣ и благороднымъ чадамъ ихъ пропѣли , и отецъ ихъ и богомолецъ пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московски и всеа Русіи , о святѣмъ Дусѣ съ сыновы своими , съ Митрополиты , и Архіепископы , и Епископы , и съ Архимариты и Игумены , и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ , Государю благочестивому Царю и Великому Князю Борису Федоровичю , всеа Русіи Самодержцу , и съ его Государевою благовѣрною и Христолюбивою Царицею и Великою Княгинею Марьею , и съ ихъ благородными чады , со благовѣрнымъ Царевичемъ Княземъ Федоромъ Борисовичемъ и со благовѣрною Царевною и Великою Княжною Ксеньею Борисовною , радостно здравствовали на ихъ великихъ государствахъ скифетродерженія Російскаго царствія ; тако же имъ великимъ Государемъ здравствовали ихъ царскіе бояре и дворяне и весь царскій сиклитъ , и Христолюбивое воинство , и все православное крестьянство , съ великою радостію . Посемъ же святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи , славу и благодареніе Богу возсылая глаголя : «Благословенъ Богъ , иже въ Троицы отъ Ангель и отъ человекъ приснославимый ! яко по своей святой воли и предстательствомъ пречистыя своей Матери преславныя Богородицы , нашае крестьянскія надежи и заступницы , и моленіемъ небесныхъ Силь и великихъ Святитель Петра и Алек-

сѣя и Іоны и всѣхъ Святыхъ, не презрѣ моленія нашего, плачь и рыданіе наше услыша и на радость печаль нашу преложи, и дарова намъ такова благонадежнаго милосердаго Государя Царя, правдѣ и милости, соблюдати святія Божія церкви и крестьянскую святую и непорочную вѣру и все православное Христіянство, его же со слезами по вся дни и пощи и много время просихомъ.» И посемъ, Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре и весь царскій сигклитъ, и Христолюбивое воинство, и гости, и все православное христіянство, веліе Богу благодареніе возсылаху, излівшему на весь родъ крестьянскій неизреченное свое милосердіе и совершившему сіе великое и преславное дѣло, еже, по прошенію всего православнаго крестьянства, избравъ и давше сего великаго Государя, благочестиваго и Христолюбиваго милостиваго и храбраго, Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца. Великій же апостольскій сопрестолникъ святѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, съ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ, божественную литургію литургисавше соборнѣ во святѣй велицѣй апостольствѣй церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія; благочестивый же Богомъ дарованный великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, въ той апостольствѣй велицѣй соборнѣй церкви божественную литургію слушалъ. По совершеніи же божественныхъ литургіи, идяше во святую божественную великую соборную церковь соборъ святаго Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, идѣ же лежать прежеодшедшіе отъ житія сего къ Богу великіе Государы, благовѣрнии Цари и Великіе Князи; и тамо пришедъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, знаменается у чудотворныхъ иконъ, и потомъ же приходитъ къ гробу великаго Государя Царя и Великаго Князя Федора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, и ко отцу его великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу,

вса Русіи , и къ Царевичю Князю Ивану Ивановичю , и ко всѣмъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ ; къ нимъ же любезно припадаетъ , глаголя со слезами : « О великіе Государи ! аще и тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ отошли есте , но духомъ всегда пребываете неотступно и , предъ Богомъ предстояще , молитву творите : помолитесь и о мнѣ и помозите ми. » Оттуда же благовѣрный Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , идяше во святую великую божественную соборную церковь преславная и преблагословенная Владычицы нашей Богородица и Приснодѣвы Маріа честнаго и славнаго Ея Благовѣщенія , гдѣ же царской приходъ бываетъ къ божественному пѣнію ; и тамо такожде къ божественнымъ образомъ любезно припадая , милости прося . Совершивъ же молебная во святыхъ церквахъ , иде во свои царскія полаты ; потомъ же повдѣ къ сестрѣ своей къ великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Ѳедоровнѣ вса Русіи , въ Новой дѣвичь монастырь ; и оттуда возвратися , и иде въ домъ пречистые Богородицы и великихъ Чудотверцовъ Петра и Алексѣя и Іоны , къ отцу своему святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и вса Русіи ; его же всрѣчаетъ отецъ его Іевъ Патріархъ Московски и вса Русіи , со всемъ освященнымъ соборомъ , яко же подобаетъ Царскому Величеству ; благочестивый же Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , со отцемъ своимъ наединѣ бесѣдовавъ не мало время , прощеніе и благословеніе отъ него получи ; тако жъ и самъ благочестивый Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ , вса Русіи Самодержецъ , отцу своему прощеніе подаетъ ; и призываетъ къ себѣ благочестивый Государь богомолцовъ своихъ , Митрополитовъ , и Архіепископовъ , и Епископовъ , и Архимаритовъ , и Игуменовъ и честныхъ монастырей соборныхъ старцовъ , и весь священный соборъ ; и Митрополиты , и Архіепископы и Епископы благословиша его и прощеніе подаша ему , и Архимариты и Игумены и честные старцы тако же прощеніе подаша ему , и отъ него прощеніе купно вси получиша ; получивъ же

благословеніс и прощеніе къ подвигу къ поспому, тцашеса на духовный подвигъ святуо четыредесятницу совершити; и потомъ поведе къ сестрѣ своей великой Государинѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ иноку Александрѣ Федоровѣ всеа Русіи, въ Новой дѣвичь монастырѣ. Посемъ паки въ четвертокъ вторыя недѣли святаго великого поста, Марта въ 9 день, святѣйши Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, призываетъ о святѣмъ Дусѣ сыновеи своихъ Митрополитовѣ, и Архіепископовѣ, и Епископовѣ, и Архимаритовѣ и Игуменовѣ, и весь освященный соборъ, и боярѣ и дворянѣ и весь царскій сигклитъ, и глаголетъ сыновомъ своимъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ и Епископомъ, и всему освященному собору: «Времени зовущу, подобаетъ намъ молити въ Троицы славимаго недовѣдомаго и неумыслимаго Бога, и пречистую Богородицу и великихъ Чудотворцовѣ и всѣхъ Святыхъ, чтобы по неизреченнѣй своей милости Господь Богъ совершилъ главу въицемъ царствія Государя нашего, Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго ото всего народа крестьянскаго, благочестиваго великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и сподобилъ бы его облещися въ порфиру царскую, и его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и благородные ихъ чада, благовѣрнаго Царевича Князя Федора Борисовича и благовѣрную Царевну Великую Княжну Ксенью Борисовну, и долготу лѣтъ даровалъ имъ и покорилъ бы подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата, и царство ихъ благоденствено и благонадежно и вѣчно въ роды и роды устроилъ, тихо и мирно и безмятежно и всякія благодати преисполнено; и уставити бы намъ свѣтлое празнество празновати преславнаго чудеси пречистыя Владычица нашей Богородица и Приснодѣвы Марія честнаго и славнаго Ея Одегитрія, въ день во онъ же на насъ неизреченное свое милосердіе показа Господь Богъ избраннаго благочестиваго Царя Государя и Великаго Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и хоженье съ честными кресты и съ чудотворными образы всему освященному собору и всѣмъ православнымъ крестьяномъ, въ пречестную

обитель пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Одегитрія въ Новой дѣвичь монастырь, по вся годы непременно творити.» Митрополиты же, и Архіепископы, и Епископы, Архимариты, и Игумены и соборные старцы, и весь освященный соборъ, слышавъ таковой премудрый глаголь святѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, глаголаше со слезами и обѣщавшесь за Государя, Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго и Богомъ почтеннаго, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго Царевича Князя Ѳедора Борисовича и благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, о ихъ царскомъ чадородіи и которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ дѣтей царству ихъ наследниковъ, вседушно елико сила Бога молити безпрестанно день и пощъ, и празднество святые Богородицы преславнаго чудеси праздновати и хоженіе со кресты въ царствующемъ градѣ Москвѣ по вся годы въ той день творити. По семъ первопрестолнѣйши Іовъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, всѣмъ бояромъ и дворяномъ и приказнымъ и служивымъ людямъ и гостемъ глагола: «Били есмь челомъ соборнѣ и молили со слезами, по многіе дни, великую Государыню и Христолюбивую Царицу и Великую Княгиню иноку Александру Ѳедоровну всеа Росіи, и Богомъ избранному Государю Царю и Великому Князю Борису Ѳедоровичу, всеа Росіи Самодержцу; тако же и вы купно съ нами единодушно били челомъ и молили ихъ со слезами; и великая Государыня благовѣрная Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳедорова всеа Росіи, моленія и слезъ нашихъ не презрѣ, пожаловала насъ благословила брата своего Государя нашего Бориса Ѳедоровича на царство всея великія Росіи; а Государь нашъ, Богомъ избранный, Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, сестры своей Государыни нашей послушалъ и моленія и слезъ нашихъ не презрѣлъ, насъ пожаловалъ, съде на государствѣ Владимерскомъ и Московскомъ и всея великія Русіи: и васъ, боярь и весь царскій сигклитъ, и дворянъ и приказныхъ

людей, и гостей, и все Христолюбивое воинство, благословляю со всемъ освященнымъ соборомъ на томъ, что вамъ великому Государю нашему, Богомъ избранному и Богомъ возлюбленному, Царю и Великому Князю Борису Федоровичю, всеа Росіи Самодержцу, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ благороднымъ чадамъ, благородному Царевичу Князю Федору Борисовичю и благовѣрной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, служить вѣрою и правдою, а зла некоторыми дѣлы на нихъ Государей нашихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ, какъ ести имъ Государемъ нашимъ души свои дали у пречистые Богородицы Чудотворного ея образа и у цѣлебоносныхъ гробовъ великихъ Чюдотворцовъ Петра и Ионы, животворящей крестъ¹ цѣловали.» Бояре же и дворяне и весь царскій сиклитъ, и приказные люди и гости, и все православные крестьяня, велегласно вси святѣйшему Іову Патриарху и всему вселенскому собору, яко единими усты, вопіяху глаголюще: «Цѣловали есмя святыи животворящій крестъ и обѣтъ дали, и нынѣ обѣтъ даемъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и небеснымъ Силамъ и великимъ Чюдотворцомъ Петру и Алексью и Ионѣ и всемъ Святымъ, тебѣ великого Государя святѣйшаго Іева Патриарха Московскаго и всеа Русіи, и весь освященный вселенскій соборъ, во свидѣтельство представляемъ, что за великого Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Русіи Самодержца, и за его благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Марью, и за ихъ Царскихъ дѣтей, за благовѣрнаго Царевича Князя Федора Борисовича и за благовѣрную Царевну и Великую Княжну Ксенью Борисовну, и которыхъ имъ Государемъ дѣтей впредь Богъ дастъ, души свои и головы положить и служить Государемъ нашимъ вѣрою и правдою всемъ душами своими и головами, иного Государя, мимо Государей своихъ, Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всеа Росіи Самодержца, и сына его Государя нашего благовѣрнаго Царевича Князя Федора Бори-

совича всеа Русіи , не искати и не хотѣти : а кто похочетъ , мимо Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѡедоровича , всеа Русіи Самодержца , и сына его Государя нашего Царевича Князя Ѡедора Борисовича всеа Руси , и тѣхъ дѣтей , которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ , иного Государя искати и хотѣти , или какое лихо кто похочетъ учинить : и намъ , бояромъ и околничимъ и дворяномъ и приказнымъ людемъ , и гостемъ и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людемъ , на того измѣнника извѣстити тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и всему освященному вселенскому собору , стоятъ на того измѣнника всею землею за одинъ на всемъ на томъ , что въ цѣловальныхъ записяхъ писано : цѣловали есмя честный и животворящій крестъ , у иконы пречистые Богородицы Владимерскіе и у святыхъ цѣлебоносныхъ мощей Петра и Іоны , что имъ Государемъ безъ измѣны служити сердцемъ и правдою , душею добра имъ хотѣти во всемъ , а лиха не хотѣти никако же ; также намъ великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѡедоровича всеа Русіи , всему сигклиту , бояромъ , и околничимъ , и княземъ , и воеводамъ , и дворяномъ и приказнымъ людемъ , не по отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы , мимо царского повелѣнія , чести о себѣ никако не хотѣти и не искати , и быти въ государскихъ дѣлахъ , по его Государеву крестному цѣлованью , безъ прекословія , и по сей утвержденной грамотѣ , во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людяхъ несупротивну быти ; и вамъ Государевымъ богомолцомъ , тебѣ святѣйшему Іеву Патріарху Московскому и всеа Русіи , и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ , со всемъ освященнымъ вселенскимъ соборомъ , на такого преслушника , кто учнетъ супротивлятися царской власти и повелѣнію , положити на такого клятву и неблагословеніе ваше святителское , по сей утвержденной грамотѣ ; а намъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Ѡедоровича всеа Русіи , бояромъ всѣмъ , и околничимъ , и воеводамъ , и дворяномъ , и приказнымъ и служивымъ людемъ , того беречи и на того стояти всѣмъ за

одинъ: какъ кому Государь Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ всеа Русіи, на своей Государевъ службъ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти; также намъ Бояромъ, и приказнымъ людемъ и дьякомъ, межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю Царю и Великому Князю Борису Феодоровичю, всеа Русіи Самодержцу, въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлѣхъ кручины не приносить никоторыми дѣлы, никоторою хитростью, по прежней цѣловальной записи, на чѣмъ есмь Государю своему Царю и Великому Князю Борису Феодоровичю, всеа Русіи, и его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ дѣтемъ Государемъ своимъ, Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, души свои давали и животворящій крестъ цѣловали, по сей утвержденной грамотѣ, крѣпко держати неподвижно.» Великій же пресвятѣйшій Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, со всемъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сія, паки глаголетъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обѣщаетесь; что вамъ толикимъ и таковымъ Государемъ нашимъ, къ благочестивому Царю Государю и Великому Князю Борису Феодоровичю всеа Русіи, и его благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ, и ихъ царскимъ дѣтемъ, Государю Царевичю Князю Феодору Борисовичю и Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ, и тѣмъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, единодушно быти: тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утвержденную написавше утвердиться, и вся яже глаголемая и дѣйствуемая въ настоящее время въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложити и печати свои привѣсити, а вамъ Царьского Величества бояромъ, и околничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и всякимъ приказнымъ людемъ и дьякомъ, и гостемъ, руки свои приложити на большое утверженіе и единомышленіе, да будетъ впредь крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано будетъ и на чѣмъ по

большой записи, преже сего, крестъ животворящій цѣлова-
ли.» Сія же слышавъ отъ святѣйшаго Іева Патріарха, Ми-
трополиты и Архіепископы и Епископы, и весь вселенскій
соборъ, бояре и дворяне, и приказные люди и дѣяки, и
гости, и Христілюбивое воинство, и все православное кре-
стьянство, вси единогласно глаголаху: «Благословенъ глаголь
твой отъ Бога, Святитель первопрестолнѣйши Іевъ Патрі-
архъ отецъ нашъ великій, настуше душамъ нашимъ! Свя-
того Духа преисполнени вси глаголи устъ твоихъ, Владыко!
Подобаетъ тако быти, яко же глаголеши.» Слышавъ же
сія святѣйши Іевъ Патріархъ приговоръ о утвержденной гра-
мотѣ, всего освященнаго собора и Государевыхъ бояръ и
весь царскій сѣгклитъ и Христілюбивое воинство, повелъ
списати сію утвержденную грамоту, и да незабвенно будетъ
писано въ ней въ роды и роды; ея же по малъ времени на-
писавше, принесоша къ святѣйшему Іеву Патріарху; свя-
тѣйшій же Іевъ Патріархъ повелъ прочести сію утвержен-
ную грамоту на вселенскомъ соборѣ, и выслушавъ, на бол-
шее во вѣки укрѣпленіе, о святѣмъ Дусѣ со всеми сыновы
своими съ Митрополиты и съ Архіепископы и Епископы,
руки свои приложили и печати свои привѣсили; а бояре, и
околничіе, и дворяне и дѣяки думные, руки жъ свои при-
ложили на томъ, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написа-
но, съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора и бо-
ляръ и дворянъ и всѣхъ чиновъ всякихъ людей царствующа-
щаго града Москвы и всея Рускія земли, всему инако не
быти, а быти такъ во всемъ по тому, какъ въ сей утвер-
женной грамотѣ писано, по приговору и по уложенію свя-
тѣйшаго Іева Патріарха Московскаго и всеа Русіи, и всего
освященнаго собора, и бояръ и дворянъ и весь царскій сѣг-
клитъ, и всего Російскаго государства съ православными
крестьяны; аще же кто убо и не хочетъ послушати сего
соборнаго уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ
глаголати и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ
священныхъ чину и бояръ отъ царскихъ сѣгклитъ и воин-
ственныхъ, или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ
чину нибуди, по священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ

и вселенскихъ седми соборовъ святыхъ Отець и помѣстныхъ, и по соборному уложенію нашего смиренія первопрестолника Іова Патріарха Московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора, чину своего изверженьъ будетъ и отъ церкви отлучень и святыхъ Христовыхъ таинъ пріобщенія, яко раскольникъ церкви Божіа и всего православнаго христіанства мятежникъ и разоритель закону Божію, а по царскимъ закономъ мечь воспріиметь, и нашего смиренія и всего освященнаго собора не буди на немъ благословенія отнынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣ благословенія и соборнаго уложенія послушанія, тѣмъ и удалися отъ него и облечеса въ клятву: аще бо и дерзо рещи, таковый да будетъ проклятъ въ сій вѣкъ и въ будущій. Егда же написавше совершихомъ сію утвержденную грамоту, и совершивше святителскими руками укрѣпльше и печати своими утвердивше, вкупѣ и боярскими руками и честныхъ монастырей Архимаритовъ и Игуменовъ и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утвержденія: тогда великій святитель Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, совѣтъ полагаетъ о святѣмъ Дусѣ со всѣми сыновы своими съ Митрополиты и Архіепископы и Епископы, и со всѣми бояры, съ Архимариты и Игумены и соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ дворяны и съ приказными людми, яко да вкупѣ духовный совѣтъ сотворше соборнѣ, изберуть мѣсто и повѣдять вкупѣ, въ немъ же аще сохранны утврдивше положити сію утвержденную грамоту, да будетъ твердо и неразрушно въ предъидушіе лѣта въ роды и роды и во вѣки, и не преидеть ни едина черта или ота едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже. И тако вси купно совѣщавшеса твердымъ согласіемъ святого Духа, положиша ю въ хранила царскіе къ докончальнымъ и утвержденнымъ грамотамъ. А на соборѣ были съ первопрестолнѣйшимъ пресвятѣйшимъ Іевомъ Патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, о святѣмъ Дусѣ сынове его: Варламъ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, Ермогенъ Митрополитъ Казанскій и Астараханскій, Варламъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Геласъя

Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Іона Архіепископъ Вологоцкій и Великопермскій, Галактіонъ Архіепископъ Суздальски и Туровскій, Θεодосей Архіепископъ Смоленски и Брянски, Вардамъ Архіепископъ Резански и Муромски, Захарей Архіепископъ Тверски и Кашински, Арсеней Архіепископъ Арханьилски, Генадей Епископъ Псковски и Изборски, Іосифъ Епископъ Коломенски и Коширски, Селивестръ Епископъ Корелски и Оръшски; Архимариты и Игумены: Троицкой Сергіева монастыря Архимаритъ Кирилъ, изъ Володимеря Рожественного монастыря Архимаритъ Елеазаръ, Снаса Нового монастыря Архимаритъ Закгей, Чюдовской Архимаритъ Паѳногтей, изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимаритъ Іоакимъ, Симановской Архимаритъ Іона, Свіжской Архимаритъ Сергѣй, Ондриковской Архимаритъ Васьянъ, Казанской Архимаритъ Арсеней, изъ Нижнего Новагорода Печерской Архимаритъ Трифонъ, изъ Великого Новагорода Хутынской Игумень Аркадей, Кириловской Игумень Корнилей, изъ Переслава Зальсского Горицкой Архимаритъ Θεодосей, изъ Можайска Лужецкой Архимаритъ Селивестръ, изъ Ростова Богоявленской Архимаритъ Θεодосей, Богоявленской что на Москвѣ за ветошнымъ рядомъ Игумень Іевъ, изъ Ярославля Спаской Архимаритъ Теофиль, изъ Боровска Паѳногтьевской Игумень Іоасафъ, Іосифова монастыря Игумень Галасвя, изъ Суждаля Спаской Архимаритъ Левкей, изъ Великого Новагорода Антоньевской Игумень Трифонъ, изъ Пскова Печерской Игумень Іакимъ, Соловецкой Игумень Исидоръ, изъ Смоленска Борисоглѣбской Архимаритъ Θεодосей, съ Резани Спаской Архимаритъ Іона, Тихвинской Игумень Іосифъ, съ Вологды Спаской Каменского монастыря Архимаритъ Іона, изъ Твери Отроча монастыря Архимаритъ Θεодосей, съ Волока Возмицкой Архимаритъ Васьянъ, изъ Переслава Зальсского Даниловской Архимаритъ Іона, Оерапонтова монастыря Игумень Іона, Борисоглѣбского монастыря съ устья Игумень Петръ, съ Резани Сологчинской Архимаритъ Андрейнъ, съ Вологды Прилуцкой Игумень Гурей, изъ Дорогобужа Живоначальные Троицы Болдина монастыря Игумень

Феогностъ, изъ Великого Новагорода Вежицкой Игуменъ Филаретъ, изъ Великого Новагорода Духовской Игуменъ Феогнасть, изъ Звенигорода Сторожевского монастыря Игуменъ Боголѣпъ, съ Вологды Павловской Игуменъ Гоиль, съ Вологды Глушицкой Игуменъ Андреянъ, изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Левкей, съ Вологды Корнильевской Игуменъ Иосифъ, изъ Переславля Залѣского Никицкой Игуменъ Никонъ, изъ Можайска Колоцкой Игуменъ Никандръ, съ Угрьши Николской Игуменъ Тихонъ, съ Дины Сійского монастыря Игуменъ Иона; соборные старцы: Троецкой Сергіева монастыря старецъ Варсонофей Якимовъ, келарь старецъ Акакей, казначей старецъ Илья, старецъ Мисайло Безнинъ, Троецкого подворья Строитель Еустафей Головкинъ, архидьяконъ старецъ Алимпей, Патріаршъ казначей старецъ Арсеней, старецъ Серапіонъ Марковъ, Ипацкого монастыря строитель Гурей Ступишинъ, Чюдова монастыря келарь старецъ Феодосей Креницынъ, казначей старецъ Иосифъ, старецъ Васьянъ Торжневъ, старецъ Германъ Щербатой, Кирилова монастыря старецъ Леанидъ, Кириловского подворья строитель старецъ Елеуфрей Братцовъ, старецъ Иосифъ Монастыревъ, изъ Боровска Шахнотьева монастыря келарь старецъ Геласья, казначей старецъ Иона Наумовъ, Иосифова монастыря старецъ Мойсей Неплюсовъ, старецъ Тихонъ Ржевской, старецъ Левкъя, Спаской изъ Ярославля строитель старецъ Мисайло, Соловецкого монастыря старецъ Васьянъ; бояре: князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславской, князь Василей Ивановичъ Шуйской, конюшей бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ, князь Феодоръ Михайловичъ Трубецкой, бояринъ и дворецкой Степанъ Васильевичъ Годуновъ, бояринъ Иванъ Васильевичъ Годуновъ, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской, Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ, князь Никита да князь Тимоѳей Романовичи Трубецкіе, Феодоръ Никитичъ Романовъ, князь Михайло Петровичъ Катыревъ-Ростовской, Александръ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Михайловичъ Глинской, князь Олександръ Ивановичъ Шуйской, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасской, князь Василей Кардануковичъ Черкасской; околничіе: Яковъ Михайло-

вичь Годуновъ, Семенъ Никитичь Годуновъ, князь Ондрей Ивановичь Хворостининъ, Михайло Никитичь Романовъ, Дмитрей Ивановичь Вельяминовъ, Матѳей Михайловичь Годуновъ, Степанъ Степановичь Годуновъ, кравчей Иванъ Ивановичь Годуновъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, Ѳома Ѳоонасьевичь Бутурлинь, Ондрей Петровичь Клешнинъ, Семенъ Ѳедоровичь Сабуровъ, князь Василей Дмитриевичь Хилковъ, Михайло Михайловичь Салтыковъ, Богданъ Яковлевичь Бѣлской, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи у вѣтвы князь Ондрей Ивановичь Гундуоровъ, казначей Игнатей Петровичь Татищевъ; печатникъ и посолской діакъ Василей Яковличь Шолкаловъ; дворяне думные: князь Петръ Ивановичь Буйносовъ Ростовской, Остафей Михайловичь Пушкинъ, постелничей Истома Осиповичь Безобразовъ, стряпчей съ ключемъ Кузма Безобразовъ, на земскомъ дворѣ бояринъ Григорей Борисовъ сынъ Василчиковъ, соколничей Иванъ Олексеевъ сынъ Жеребцовъ, яселничей Михайло Игнатеевъ сынъ Татищевъ; дѣяки думные: Елизарей Вылузгинъ, Сапунъ Аврамовъ, Иванъ Олексеевъ сынъ Нармацкой, Ѳоонасей Ивановъ сынъ Власеевъ; столники: князь Юрьи князь Никитинъ Трубецкой, Иванъ Никитинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Никитинъ сынъ Одоевской, Иванъ Никитинъ сынъ Романовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Телятевской, Василей Никитинъ сынъ Романовъ, Петръ Ѳедоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Михайловъ сынъ Катыревъ Ростовской, Иванъ Михайловъ сынъ Годуновъ, Олексѣй Яскинъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ князь Семеновъ Куракинъ, Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ, князь Иванъ да князь Никита князь Ондреевы дѣти Хованскіе, Богданъ Семеновъ сынъ Сабуровъ, Замятня Ивановъ сынъ Сабуровъ, князь Ѳедоръ князь Ивановъ сынъ Лыковъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Курлетевъ, князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Черкасской, Михайло Борисовъ сынъ Шеинъ, князь Иванъ князь Дмитреевъ сынъ Хворостининъ, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Сицкой, князь Данило князь Ивановъ сынъ Мезецкой, князь Юрьи князь Петровъ сынъ Ушатой, Петръ Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Романъ князь Ѳедоровъ сынъ

Троекуровъ, князь Борисъ князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Юрьи князь Даниловъ сынъ Примковъ, Петръ Григорьевъ сынъ Сабуровъ, Григорей Семеновъ сынъ Сабуровъ, князь Иванъ меншой князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Буйносовъ, князь Ондрей князь Ондреевъ сынъ Хованской, князь Ондрей князь Даниловъ сынъ Сицкой, князь Василей князь Петровъ сынъ Тростенской, князь Олексѣй князь Юрьевъ сынъ Сицкого, Семень Дмитреевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Федоровъ сынъ Хованской. Федоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ, князь Борисъ князь Ондреевъ сынъ Хилковъ, князь Микита князь Михайловъ сынъ Мецецкой, князь Иванъ князь Васильевъ сынъ Хилковъ, Сила да Борисъ Михайловы дѣти Вельяминова, Федоръ Тулуновъ сынъ Вельяминовъ; ділки по приказомъ: Ондрей Арцыбашевъ, Григорсѣй Клобуковъ, Иванъ Вахромеевъ, Семень Косткинъ, Ондрей Татянинъ, Иванъ Невловъ, Петръ Невловъ, Истома Бвской, Смирной Васильевъ, Государыни Царицы и великіе Княгини Марьи дьякъ Тимошей Чириковъ; дворяне: Степанъ Александровъ сынъ Волоской, князь Иванъ да князь Ондрей князь Васильевы дѣти Голицына, Петръ Васильевъ сынъ Годуновъ, князь Иванъ меншой князь Никитинъ сынъ Одоевской, Василей Петровъ сынъ Морозовъ, Верига Петровъ сынъ Сабуровъ, князь Семень да князь Михайло князь Ондрсевы дѣти Куракины, князь Ондрей князь Дмитреевъ сынъ Хилковъ, князь Борисъ князь Пстровъ сынъ Татевъ, Федоръ Ивановъ сынъ Шереметевъ, Михайло Богдановъ сынъ Сабуровъ, Иванъ Федоровъ сынъ Басмановъ, князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской, князь Иванъ да князь Федоръ да князь Семень князь Ондреевы дѣти Татева, князь Василсѣй князь Михайловъ сынъ Лыковъ, князь Романъ князь Васильевъ сынъ Олхябининъ, князь Михайло князь Федоровъ сынъ Гвоздевъ, князь Данило князь Борисовъ сынъ Примковъ, Елизарей да Тимошей Ивановы дѣти Сабурова, князь Василей князь Петровъ сынъ Туренинъ, Михайло да Юрьи Михайловы дѣти Вельяминова, Иванъ да Микита Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Никифоръ Васильевы дѣти Траханіотова, князь Александро князь

Федоровъ сынъ Жирово Засѣкинъ, Василей Яковлевъ сынъ Волинской, Леонтей Ивановъ сынъ Аксаковъ, Максимъ Кирьяновъ сынъ Сабуровъ, князь Федоръ да князь Дмитрей князь Васильевы дѣти Ноздроватого, князь Михайло князь Васильевъ сынъ Ноздроватой, Иванъ Степановъ Злобинъ, Василей Яковлевъ сынъ Кузминъ, князь Александръ князь Васильевъ сынъ Репнинъ, князь Григорей князь Ивановъ сынъ Долгорукой, князь Михайло князь Григорьевъ сынъ Темкинъ, князь Володимеръ да князь Федоръ да князь Григорей князь Тимоѣевы дѣти Долгоруково, князь Петръ князь Ивановъ сынъ Борятинскаго, князь Ондрей князь Васильевъ сынъ Хилковъ, князь Петръ да князь Лаврентей князь Борнсовы дѣти Засѣкина, князь Володимеръ князь Васильевъ сынъ Солнцовъ Масалской, Богданъ Ивановъ сынъ Полевъ, Олексѣй Фоминъ сынъ Третьяковъ, Иванъ Осиповъ сынъ Полевъ, князь Лука князь Осиповъ сынъ Щербатого, Ондрей Яковлевъ сынъ Измайловъ, князь Иванъ князь Ондреевъ сынъ Солнцовъ Засѣкинъ, князь Володимеръ князь Дмитреевъ сынъ Шестуновъ, Иванъ Григорьевъ сынъ Волинской, князь Петръ да князь Миронъ князь Михайловы дѣти Шаховскіе, князь Федоръ князь Ондреевъ сынъ Звенигородской, Василей Борисовъ сынъ Сукинъ, Ондрей Васильевъ сынъ Замыцкой, князь Иванъ да князь Семень князь Григорьевы дѣти Звенигородскаго, Тихонъ Ивановъ сынъ Траханіотовъ, Семень да Василей Романовы дѣти Олферьева, Володимеръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ, Третьякъ Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, князь Володимеръ князь Ивановъ сынъ Клобуковъ Масалской, князь Иванъ князь Дѣиловъ сынъ Клобуковъ Мосалской, князь Федоръ князь Семеновъ сынъ Друцкой, Семень Федоровъ сынъ Блудовъ, князь Михайло да князь Иванъ князь Ондреевы дѣти Щербатого, Григорей Игнатъевъ сынъ Вельяминовъ, князь Иванъ князь Данюловъ сынъ Мосалской, князь Ондрей князь Романовъ сынъ Волконской, Василей Оѣонасѣевъ сынъ Вельяминовъ, князь Василей Михайловъ сынъ Тюфякинъ, Степанъ Осиповъ сынъ Безобразовъ, Яковъ Ивановъ сынъ Старковъ, Тимоѣей Васильевъ сынъ Грязной, Дацило Меншого сынъ Истлень-

евъ, Григорей Ооонасьевъ сынъ Нащокинъ, князь Борисъ да князь Семенъ княжъ Семеновы дѣти Бѣлоглазова Лыкова, Матвѣй Васильевъ сынъ Бутурлинъ, князь Василей да князь Олексѣй княжъ Григорьевы дѣти Долгорукаго; у жильцовъ: Ондрей Васильевъ сынъ Безобразовъ, князь Федоръ да князь Яковъ да князь Иванъ да князь Михайло княжъ Петровы дѣти Борятинского, Иванъ Микитинъ сынъ Салтыковъ, князь Иванъ княжъ Лвовъ сынъ Масалской, Иванъ Шестого сынъ Бибииковъ, Олексѣй Остафьевъ сынъ Пушинъ, Федоръ Ивановъ сынъ Козминъ, Михайло Федоровъ сынъ Аксаковъ, Михайло Самсоновъ сынъ Дмитриевъ, Петръ Григорьевъ сынъ Совинъ; стрѣльчїе съ платьемъ: Яковъ Васильевъ сынъ Зюзинъ, Гаврило Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Пилъемовъ, Григорей Ондреевъ сынъ Плещеевъ, Бахтеяръ Образцовъ сынъ Клешнинъ, Григорей да Юрьи Игнатьевы дѣти Татищева, Михайло да Иванъ Остафьевы дѣти Пушкина, Ооонасей Ивановъ сынъ Пушкинъ, Петръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ, Федоръ Васильевъ сынъ Щепина Волинской, Василей да Михайло Игнатьевы дѣти Вельяминова, князь Микита княжъ Петровъ сынъ Борятинской, Василей Савиновъ сынъ Плещеевъ, Ондрей Богдановъ сынъ Полевъ, князь Дмитрей княжъ Михайловъ сынъ Пожарской; изъ городовъ выборъ: князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Морткинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Чемодановъ, князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Борятинской, Ондрей Игнатьевъ сынъ Вельяминовъ, Микифоръ Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Татищевъ, Кирило Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, Игнатей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Григорей Микитинъ сынъ Ржевской, Калинникъ да Олексѣй Ивановы дѣти Зюзина, Яковъ Ондреевъ сынъ Охотинъ Плещеевъ, Леонтей да Ивашко Михайловы дѣти Пушкина, Иванъ да Степанъ Микифоровы дѣти Чепчюгова, князь Григорей княжъ Леонтьевъ сынъ Болговской; головы стрѣльцкіе: Посникъ Огарсвъ, Смирной Маматовъ, Леонтей Лодыжинской, Ратманъ Дуровъ, Темиръ Засѣцкой; изъ городовъ же выборъ: Ондрей Михай-

ловъ сынъ Окинфовъ, Костянтинъ Тимоѳеевъ сынъ За-
мыцкой, Наумъ Михайловъ сынъ Плещеевъ, Долматъ
Ивановъ сынъ Милюковъ, Алексѣй Ондრѣевъ сынъ Писем-
ской, Судокъ Ондрѣевъ Мясной, Володимеръ Игнатѣевъ сынъ
Вещняковъ, Тимоѳей да Ѳедоръ Петровы дѣти Совина, И-
ванъ Ѳедоровъ сынъ Хрулевъ Наумовъ, Семень Борисовъ
сынъ Погожево, Семень Оѳонасьевъ Отлевъ, Юрьи Григорь-
евъ сынъ Ловчиковъ, Юрьи Григорьевъ сынъ Тутолминъ,
Борисъ Микифоровъ сынъ Давыдовъ, Семень Васильевъ сынъ
Чередовъ; бараши: Оѳонасей Александровъ сынъ Жеребля-
тичевъ, Верига Ѳедоровъ сынъ Давыдовъ; ключники двор-
цовые: погребной ключникъ Иванъ Омельянской, кормоваго
дворца Кузма Урпеневъ, Пантелей Усовъ, князь Василей
князь Юрьевъ сынъ Мезецкой, Замятня Ондрѣевъ сынъ Без-
стужевъ, Юрьи Яковлевъ сынъ Стромилловъ, Леонтей Ива-
новъ сынъ Застолбской, Тимоѳей Меншого сынъ Зміевъ, Се-
мень Ивановъ сынъ Жеребцовъ, Ѳедоръ Яковлевъ сынъ Ши-
шмаревъ, Кирило Ѳедоровъ сынъ Шишмаревъ, Дмитрей
Юрьевъ сынъ Пушечниковъ, Матвѣй Юрьевъ сынъ Пушеч-
никовъ; жилцы: князь Иванъ князь Микитинъ сынъ Прим-
ковъ Ростовской, князь Борисъ князь Микитинъ сынъ Прим-
имковъ Ростовской, князь Иванъ князь Володимеровъ сынъ
Колцовъ Мосалской, Иванъ Елесьевъ сынъ Плещеевъ, Ла-
зарь Семеновъ сынъ Безобразовъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ
Вельяминовъ, князь Василей князь Ахамашуковъ сынъ Чер-
каской, Михайло Семеновъ сынъ Вельяминовъ, Миронъ Он-
дрѣевъ сынъ Вельяминовъ, Иванъ Юрьевъ сынъ Меледин-
ской, князь Ѳедоръ князь Ѳедоровъ сынъ Мещерской, Дми-
трей Семеновъ сынъ Погожево, Григорей Ивановъ сынъ Зу-
бовъ, Тимоѳей Микифоровъ сынъ Безобразовъ, Иванъ Ива-
новъ сынъ Волинской, Яковъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ,
Степанъ Степановъ сынъ Истленьевъ, Сергѣй Ивановъ
сынъ Мятлевъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Погожево, Василей
Ивановъ сынъ Волинской, Бѣляница Мирославовъ сынъ Зю-
зинъ, Игнатей Дружининъ сынъ Петелинъ, Степанъ Ондре-
евъ сынъ Татьянинъ, князь Лука князь Матвѣевъ сынъ
Лбовъ, князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Козловской, князь

Петръ князь Ондреевъ сынъ Козловской, Малюга Семеновъ сынъ Тургеневъ, Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ, Федоръ Ивановъ сынъ Милюковъ, Обросимъ Ивановъ сынъ Лодыженской, Леонтей Леонтьевъ сынъ Лодыженской, Михайло Микитишъ сынъ Пушкинъ, Василей Ондреевъ сынъ Измайловъ, Тимошей Васильевъ сынъ Измайловъ, Микита Васильевъ сынъ Измайловъ, Пётръ Ивановъ сынъ Внуковъ, Иванъ Костянтиновъ сынъ Наумовъ, Василей Петровъ сынъ Наумовъ, Федоръ Ратмановъ сынъ Дуровъ, Степанъ Меншого сынъ Волынской, Леонтей Ивановъ сынъ Мятлевъ, Иванъ Ондреевъ сынъ Сербинъ; діяки по приказомъ: Иванъ Карповъ, Игнатей Софоновъ, Василей Нелюбовъ, Дороей Бохинъ, Богданъ Власьевъ, Нечай Федоровъ, Второй Поздъевъ, Иванъ Тимошеевъ, Семейка Сумороковъ, Истома Карташевъ, Шеметь Ивановъ, Нечай Перфирьевъ, Михайло Уиковской, Иванъ Ефановъ, Тимошей Осиповъ, Степанъ Твердииковъ, у Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны всеа Русіи діякъ Иванъ Федоровъ; гости: Иванъ Михайловъ сынъ Чюркинъ, Петръ Васильевъ сынъ Мякотинъ, Григорей Ивановъ сынъ Твердииковъ, Ооонасей Ивановъ сынъ Юдинъ, Иванъ Юрьевъ, Меншой Семеновъ сынъ Булгаковъ, Богданъ Семеновъ сынъ Булгаковъ, Степанъ Ивановъ сынъ Котовъ, Олексій Костянтиновъ сынъ Патрушинъ, Бажень Ивановъ, Иванъ Фалелеевъ, Богданъ Трофимовъ сынъ Порыкинъ, Иванъ Семеновъ сынъ Кошуринъ, Василей Дмитреевъ сынъ Чюлковъ, Федоръ Созоновъ сынъ Скробовицкого, Кирило Созоновъ сынъ Скробовицкой, Сотникъ Игнатъевъ, Василей Коптевъ, Юрьи Болотниковъ, Тимошей Выходецъ, Третьякъ Фаворовъ; гостиные сотни староста Селивестръ Онаньинъ; суконные сотни староста Третьякъ Герасимовъ сынъ Косаткинъ; черныхъ согенъ соцкіе: Дмитровскіе сотни соцкой Иванъ Онаньинъ сынъ Коробановъ, Покровскіе сотни соцкой Митя Семеновъ сынъ Оконкинъ, Ординскіе сотни сотникъ Степанъ Григорьевъ сынъ Морсочникъ, Ростовскіе сотни соцкой Филипъ Патракъевъ сынъ Красилникъ, Ржевскіе сотни сотникъ Нечай Васильевъ сынъ Рыбкинъ, Новгородскіе сотни соцкой Петръ Федоровъ сынъ Масленикъ,

Стрѣтенскіе сотни соцкой Кузма Васильевъ Сухой, Устюжскіе полусотни соцкой Ѳедоръ Ларіоновъ сынъ Рыбникъ, прибылые полусотни соцкой Первой Дороѳеевъ сынъ Пищалникъ, Кожевницкой полусотни соцкой Григорей Гавриловъ сынъ Кожевникъ, четверти митрополюи сотни соцкой Васка Ѳонасьевъ сынъ Житниковъ, Арбацкой четверти сотни соцкой Ѳсипъ Семеновъ сынъ Ноздринъ, Черторьскіе четверти сотни соцкой Ѳедоръ Ивановъ сынъ Подпружникъ. А уложена бысть и написана сія утвержденная грамота, за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича, всеа Русіи Самодержца, и сына его Государя нашего Ѳедора Борисовича всеа Русіи, въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, въ первое лѣто царства ихъ, отъ созданія міру лѣта 7106, индикта 11, мѣсяца Августа въ 1 день.

А назади у обвихъ утвержденныхъ грамотъ, что у Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца въ его царьской казнѣ, и что въ патріарховъ ризницѣ, руки приложили:

«Великій господинъ Іевъ Патріархъ руку приложилъ.

Варлама Митрополита Новгородскаго.

Гермогена Митрополита Казанскаго.

Варлама Митрополита Ростовскаго.

Геласви Митрополита Сарскаго.

Іоны Архіепископа Вологоцкаго.

Галактіона Архіепископа Суждальскаго.

Ѳеодосья Архіепископа Смоленскаго.

Варлама Архіепископа Резанскаго.

Захарья Архіепископа Тверьскаго.

Арсенія Архіепископа Геласонскаго.

Генадья Епископа Псковскаго.

Іосифа Епископа Коломенскаго.

Селивестра Епископа Корелскаго.»

Великого жъ господина Іева Патріарха и митрополичи и архіепископи и епископи, у тоъ утвержденные грамоты 14 печатей: патріархова печать золотая, а митрополичи 4 печати, да архіепископа Вологоцкаго, и тѣхъ 5 печатей, се-

ребряны позолочены, а 8 печатей архієпископли и епископли серебряныя печати непозолочены. А у меншіе грамоты, что у Патріарха въ ризницѣ, у тоѣ грамоты Патріархова печать и митрополичьи печати воскъ красной, архієпископли и епископли печати черныя.

Да у утвержденныхъ же грамотъ руки :

«Троецкого Сергьева монастыря Архимарита Кирила.

Изъ Володимеря Рожественского монастыря Архимарита Елеазара.

Спаского Новаго монастыря Архимарита Закхей.

Чюдовскаго Архимарита Паѳнотья.

Изъ Великого Новагорода Юрьева монастыря Архимарита Иоакима.

Симанова монастыря Архимарита Ионы.

Изъ Свіязска Богородичина монастыря Архимарита Сергья.

Ондронникова монастыря Архимарита Васьяна.

Изъ Казани Спаского монастыря Архимарита Арсенья.

Изъ Нижняго Печерского монастыря Архимарита Трифона.

Спаса Хутины монастыря Игумена Аркадья.

Вмѣсто Кириловского Игумена Корнильѣ Кириловского соборнаго старца Леонида Ширшова.

Изъ Переславля Горицкого Архимарита Оеодосья.

Съ Костромы Ипацкого Архимарита Иоакима.

Изъ Можайска Лужецкаго монастыря Архимарита Селивестра.

Изъ Ростова Богоявленского монастыря Архимарита Оеодосья.

Спаского монастыря изъ Ярославля Архимарита Оеофана.

Богоявленского монастыря изъ-за торгу Игумена Лева.

Изъ Боровска Пахнотьева монастыря Игумена Гасафа.

Иосифова монастыря Игумена Галасеи.

Изъ Суждаля Спаса Еуѳимьева монастыря Архимарита Левкеи.

Вмѣсто Антоньевскаго Игумена Трифона изъ Великаго Новагорода Вежицкой Игумень Закхей.

Вмѣсто Печерского Игумена изъ Пскова Іакима Генадья Епископа Псковскаго.

Изъ Смоленска Борисоглѣбскаго монастыря Архимарита Деонисья.

Съ Резани Спаскаго монастыря Архимарита Іоны.

Изо Твери Отроча монастыря Архимарита Θεодосья.

Вмѣсто Тихвинскаго Игумена Іосифа изъ Великаго Новгорода Вяжицкой Игуменьъ Закхея.

Изъ Переславля Даниловскаго монастыря Архимарита Іоны.

Изъ Ростова Борисоглѣбскаго монастыря съ устья Игумена Петра.

Съ Резани Солочинскаго монастыря Архимарита Андреяна.

Изъ Великаго Новгорода Вяжицкаго монастыря Игумена Закхея.

Волока Ламскаго Возмицкаго Архимарита Васьяна.

Изъ Великаго Новгорода Духова монастыря Игумена Θεогнаста.

Сторожевскаго монастыря Игумена Боголѣпа.

Съ Вологды Прилуцкаго монастыря Игумена Гурья.

Павлова монастыря Игумена Іоиля.

Вмѣсто Болдинскаго Игумена Θεоктиста того жъ Болдина монастыря старца Герасима.

Колязина монастыря старца Левкѣи.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игумена Іосифа.

Изъ Переславля Залѣскаго Никицкаго Игумена Никона.

Колоцкаго Игумена Никандра.

Селижарова монастыря Игумена Марка.

Угрѣшскаго монастыря Игумена Тихона.

Николы чудотворца Пѣсношскаго монастыря Игумена.....

Соборные старцы :

Троецкаго Сергѣева монастыря старца Варсоноѣя Якимова.

Казначей старца Ильи.

Старца Акакія.

Старца Мисаила Безнина.

Старца Еустафья Головкина.

Чюдова монастыря келаря старца Θεодосья.

Ипацкаго монастыря строителя старца Гурья.

- Патріархова архидьякона Алимпія.
Іосифова монастыря старца Моисея Нсплюева.
Изъ Дмитрова Медвѣдевы пустыни Игумена Арсенья.
Патріархова казначея старца Арсенья.
Старицкого Архимарита . . . . .
Кирилова монастыря старца Леонида Ширшова.
Старца Іосифа.
Чюдова монастыря старца Васьяна Ржевского.
Кириловского подворья строителя старца Елеуферья Братцова.
Соловецкого старца Васьяна Наполского.
Изъ Переславля Зальсского Борисоглѣбского монастыря строителя Гермогена.
Паѳнотьева монастыря келаря старца Галасви.
Казначея старца Іоны Наумова.
Патріарша чашника старца Еуѳимья Лазарева.
Спаской строитель изъ Ярославля старца Мисаила.
Чюдова монастыря старца Германа Щербатова.
Протопопы :
Богородицкого протопопа Еуѳимья.
Благовѣщенского протопопа Семіона.
Арханьилского протопопа Дмитрія.
Спаского протопопа съ дворца Пантелеймона.
Стрътенского протопопа Григорья.
Вознесенского протопопа Семіона.
Николского протопопа Гостунского Степана.
Рождественского протопопа Прохора , что подъ колоколы бывшего.
Покровского протопопа Дмитрея, и въ сына своего протопопово Гаврилово мѣсто.
Черниговского протопопа Ивана.
Пречистые Донскіе Игумена Гурья.
Даниловского Игумена Діонисья.
Николы Старого Игумена Варлама.
Стрътенского Игумена Маркела.
Съ Костромы Богоявленского монастыря Игумена Ісаія.
Изъ Казани Илантова монастыря Игумена Антонья.

Изъ Нижнего Амбросьева монастыря Дудина Игумена Еуфимья.

Изъ Вязмы Федоровскаго монастыря вмѣсто Игумена Георгія, Болдинскаго монастыря старца Герасима.

Бояре :

Князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской.

Князя Василья Ивановича Шуйскаго.

Конюшего Дмитрея Ивановича Годунова.

Во княжь Федорово мѣсто Михайловича Трубецкаго, брата его князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Дворскаго Степана Васильевича Годунова.

Ивана Васильевича Годунова.

Князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго.

Богдана Юрьевича Сабурова.

Князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Тимофея Романовича Трубецкаго.

Федора Никитича Романова.

Князя Михаила Петровича Катырева.

Александра Никитича Романова.

Князя Александра Ивановича Шуйскаго.

Князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго.

Въ бояриново мѣсто князя Ивана Ивановича Голицына, брата его князя Ондreja Ивановича Голицына.

Князь Федоръ Ивановичъ Ноготковъ.

Въ брата своего боярина князя Ондreja Васильевича Трубецкаго мѣсто, князя Никиты Романовича Трубецкаго.

Князя Ивана Ивановича Шуйскаго.

Князя Федора Ивановича Хворостинина.

Князя Ондreja Петровича Куракина.

Въ бояриново князя Василья Кардануковича Черкаскаго мѣсто, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Околничіе: въ околничево мѣсто Якова Михайловича Годунова, околничего Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Семена Никитича Годунова.

Михайла Никитича Романова.

Дмитрея Ивановича Вельяминова.

Ч. I. Прилож.

Околничего Матвея Михайловича Годунова.

Околничего Семена Федоровича Сабурова.

Степанъ Степановичъ Годуновъ.

Кравчей Иванъ Ивановичъ Годуновъ.

Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ.

Фомы Феофанасевича Бутурлина.

Ондрея Петровича Клешнина.

Семена Федоровича Сабурова.

Въ отца своего мѣсто околничего князя Василья Дмитреевича Хилкова, сына его князя Ондрея.

Михайла Михайловича Салтыкова.

Богдана Яковлевича Бѣлского.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьевны дворецкого князя Ондрея Ивановича Гундурова.

Казначей Игнатія Петровича Татищева.

Печатника и посолского дѣла Василья Яковлича Щолкова.

Думного дворянина Остафья Михайловича Пушкина.

Постелничево намѣстничево трети Московскіе Истомы Осиповича Безобразова.

Стряпчево съ ключемъ Кузмы Безобразова.

Земского двора боярина Григорья Борисовича Василчикова.

Въ соколничево въ отца своего мѣсто Ивана Олексѣева сына Жеребцова, сына его Семена.

Яссличево Михайла Игнатѣева сына Татищева.

Думного дѣла Елизарья Данилова сына Вылузгина.

Думного дѣла Сапуна Аврамова.

Думного дѣла Ивана Олексѣева сына Нармацкого.

Думного дѣла Феофанасья Власѣева.

Стольники :

Князя Юрья князь Никитина сына Трубецкого.

Ивана Микитина сына Годунова.

Въ столниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Микитина сына Одоевского, братъ его князь Иванъ.

Стольника Ивана Никитича Романова.

Столника князя Ондreja князь Никитина сына Телятевского.

Въ столниково мѣсто брата своего Василья Никитина Романова брата его Ивана.

Петра Федорова сына Басманова.

Князя Ивана Михайлова сына Катырева Ростовского.

Въ столниково мѣсто Ивана Михайлова сына Годунова столника Силы Михайлова сына Вельяминова.

Въ столниково мѣсто Алексѣя Иванова сына Годунова, Силы Михайлова сына Вельяминова.

Столника князя Иванова сына Куракина.

Олексѣя Романова сына Плещеева.

Въ стольниково мѣсто брата своего князя Ивана князь Ондреева сына Хованского, князь Никиты Ондреева сына Хованского.

Замятни Яковлева сына Сабурова.

Князя Федора князь Иванова сына Лыкова.

Князя Ивана князь Иванова сына Курлетева.

Князя Ивана князь Борисова сына.

Михайла Борисова сына Шеина.

Князя Ивана князь Дмитреева сына Хворостинина.

Въ столниково дяди своего мѣсто князя Ондreja князь Васильева сына Сицкого, князя Олексѣя Сицкого.

Князя Данила князь Иванова сына Мецецкого.

Князя Юрья князь Петрова сына Ушатого.

Петра Дмитреева сына Вельяминова.

Столника князь Бориса князь Михайлова сына Лыкова.

Князя Юрья князь Данилова сына Приимкова.

Петра Григорьева сына Сабурова.

Въ столниково князь Иваново мѣсто князь Ондреева сына Хованского, брата его князя Ивана князь Федорова сына Хованского.

Князи Ивана князь Петрова сына Буйносова Ростовского.

Князя Ондreja князь Ондреева сына Хованского.

Князя Ондreja князь Данилова сына Сицкого.

Князь Василья князь Петрова сына Ростовского.

Князя Олексѣя князь Юрьева сына Сицкого.

Семена Дмитрсева сына Вельяминова.

Князя Ивана княжь Федорова сына Хованского.

Федора Савинова сына Плещесва.

Въ столниково мѣсто Ивана Дмитреева сына Полева, Фе-
дора Плещеева.

Князя Бориса княжь Ондреева сына Хилкова.

Князя Микиты княжь Михайлова сына Мецецкого.

Князя Ивана княжь Васильева сына Хилкова.

Силы да Бориса Михайловыхъ дѣтсѣй Вельяминова.

Федора Тулупова сына Вельяминова.

Дѣяки по приказомъ :

Дѣяка Ондreja Арцыбашева.

Дѣяка Григорья Клобукова.

Дѣяка Ивана Вахромесва.

Дѣяка Ондreja Татьянина.

Государыни Царицы и Великіе Княгини Марьи Григорьев-
ны дѣяка Тимоѳея Чирикова.

Дѣяка Петра Неѣлова.

Дѣяка Истома Евского.

Дѣяка Семена Косткина.

Дѣяка Ивана Неѣлова.

Дворяне :

Степана Александрова сына Волоского.

Князя Ивана княжь Васильева сына Голицына.

Князя Ондreja княжь Васильева сына Голицына.

Вмѣсто Петра Васильева сына Годунова, Елизарья Сабурова.

Въ Дмитреево мѣсто Иванова сына Волоского, князя Ми-
хайла Мецецкого.

Василья Петрова сына Морозова.

Въ Веригино мѣсто Сабурова, Михайла Сабурова.

Боярина князя Ондreja Петровича Куракина, и въ дѣтей
своихъ мѣсто княжь Семеново да княжь Михайлово.

Въ отца своего мѣсто князя Ондreja княжь Дмитрсева сы-
на Хилкова, сына его князя Бориса.

Князя Бориса княжь Пстрова сына Татеева.

Федора Иванова сына Шереметева.

Михайла Богданова сына Сабурова.

- Ивана Осдорова сына Басманова.
Князя Ивана князь Пстрова сына Ромодановского.
Князя Василья Буйносова Ростовского.
Князя Ивана князь Тимоѳея сына Татсва.
Князя Осдора Татсва.
Князя Семена князь Ондреева сына Татсва.
Князя Василья князь Михайлова сына Лобанова.
Во княже Романово мѣсто Охлябинина, князя Данила.
Во княже Михайлово мѣсто, князя Данила.
Елизарья Сабурова.
Тимоѳея Сабурова.
Во Жданово мѣсто Сабурова, Тимоѳея Сабурова.
Богдана Степанова сына Сабурова.
Князя Василья Петрова Туренина.
Михайла Вельяминова.
Ильи Вельяминова.
Ивана Михайлова сына Пушкина, и въ брата своего Никитино мѣсто.
Ивана Траханіотова.
Никифора Траханіотова.
Василья Яковлева сына Волынского.
Сына сго Осдора.
Леонтья Аксакова.
Въ Максимово мѣсто Сабурова, Тимоѳея Сабурова.
Князя Василья Туренина, и въ дѣтей своихъ мѣсто во княже Осдорово да во князь Дмитреево.
Во князь Михайлово мѣсто Ноздроватого, князя Семсн^а Звенигороцкого.
Въ Иваново мѣсто Злобина, Тихона Траханіотова.
Василья Яковлева сына Кузмина.
Во князь Александрово мѣсто Рѣпнина, князя Володимера Долгорукого.
Въ отца своего князя Григорьево мѣсто Долгорукого сына его князя Олексѣя.
Князя Володимера Долгорукого, и въ брата своего во княже Осдорово мѣсто князь Григорьева сына.
Во князь Михайлово мѣсто Темкина, князя Ондreja Хилкова.

Князя Петра Борятинского.

Князя Ивана князь Васильева сына Хилкова.

Во князь Петрово мѣсто да во князь Лаврентьево Засѣ-
киныхъ, Богдана Полева.

Во князь Володимерово мѣсто Мосалского, князя Луки
Щербатого.

Богдана Полева.

Алексѣя Омина Третьяка.

Ивана Полева.

Князя Луки Щербатого.

Ондрея Измайлова.

Во князь Иваново мѣсто Солнцева Засѣкина, князя Ники-
ты Засѣкина.

Ивана Вросланского.

Во князь Петрово да во князь Смирного мѣсто Шахов-
скихъ, племянника ихъ князя Ивана Солнцева.

Во князь Федорово мѣсто Звенигородского, князя Семена
Звенигороцкого.

Тихона Траханіюгова.

Семена Олферьева.

Василья Олферьева.

Третьяка Вельяминова, и въ брата своего мѣсто Володими-
рово.

Князя Володимера Клобукова Мосалского, и въ племянни-
ка своего мѣсто во князь Иваново.

Князя Федора Друцкого.

Семсна Блудова.

Во князь Михайлово да во князь Иваново обонхъ мѣсто,
князя Олексѣя.

Григорья Вельяминова.

Во князь Ондреево мѣсто Волконского, князя Никиты За-
сѣкина.

Василья Вельяминова.

Въ Яковлсво мѣсто Старкова, Василья Кузмина.

Въ Степаново мѣсто Безобразова, князя Василья Тюфя-
кина.

Въ Данилово мѣсто Игленьева, князя Федора Борятинского.

Въ Григорьево мѣсто Нащокина, Ивана Бибикова.
Во княжъ Борисово мѣсто княжъ Семеновъ сына, Матвѣя
Бутурлина.

Въ Тимоѣево мѣсто Грязного, Василья Кузмина.
Князя Олексѣя Долгорукого, и въ брата своего во княжъ
Васильево мѣсто.

Ондрея Безобразова.

Князя Ѳедора Борятинского, и въ братьи своей мѣсто во
княжъ Яковлево да во княжъ Иванова да во княжъ Михай-
лово.

Ивана Салтыкова.

Во княжъ Иваново мѣсто Мосалского, Василья Кузмина.

Ивана Бибикова.

Олексѣя Пушкина.

Въ Ѳедорово мѣсто Кузмина, дяди его Василья Кузмина.

Михайла Аксакова.

Стряпчіе съ платьемъ :

Якова Васильева сына Зюзина.

Гаврила Вельяминова.

Въ Юрьево мѣсто Пилъемова, Гаврила Вельяминова.

Григорья Плещеева.

Въ Бахтеярово мѣсто Клешнина Григорья Плещеева.

Григорья Татищева.

Юрья Татищева.

Михайла Пушкина.

Ивана Пушкина.

Ононасыя Иванова сына Пушкина.

Петра Волынского.

Печатника и посолского дѣяка Василья Яковлича Щолка-
лова, въ сына своего Ивана мѣсто.

Ѳедора Волынского.

Михайла Вельяминова, и въ брата своего Васильево мѣсто.

Князя Никиты Борятинского.

Василья Савинова сына Плещеева.

Князя Михайла Мезецкого.

Князя Дмитрея Пожарского.

Данила Вельяминова, и въ брата своего Степаново мѣсто.

Изъ городовъ выборъ :

Во князь Иваново мѣсто Мурткина, Семена Погожево.

Въ Семеново мѣсто Чсmodанова, Тсмира Засѣцкого.

Князя Ивана Борятинскаго.

Ондрея Вельяминова.

Ивана Татищева.

Въ Кирилово мѣсто Всльяминова, Ивана . . . .

Оргсма Измайлова.

Въ брата своего мѣсто Калининкова, Олексыя Зюзина.

Яковъ Плещеевъ.

Въ Леонтѣево да въ Иваново мѣсто, Яковъ Плещеевъ.

Во князь Александрово мѣсто Засѣкина, Ивана Чепчюгова.

Ивана Чспчюгова.

Сгспана Чепчюгова.

Князя Юрья Болховскаго.

Михайла Дмитріева.

Головы Стрѣльскіе :

Посникъ Огаревъ, и въ Смирнаго Маматова и въ Левонтѣево мѣсто Лодыженскаго.

Ратмана Дурова.

Тсмира Засѣцкого.

Въ Михайлово мѣсто Косицкого, Ратмана Дурова.

Ондрея Никифорова.

Выборъ изъ городовъ :

Наума Плещеева.

Игнатя Измайлова.

Въ Долматово мѣсто Милокова, Иванъ Чепчюговъ.

Олексыя Инссмскаго.

Костянтина Замыцкого.

Въ Володимерово мѣсто Вещнякова, Павла Морышкина.

Алексыя Совина.

Семена Погожево.

Въ Юрьево мѣсто Ловчкова, Семена Погожево.

Федора Совина.

Въ Семеново мѣсто Огасва, Ивана Богданова

Григорья Ржевскаго.

Ивана Федорова сына Наумова.

Юрья Тутолмина.
Петра Совина.
Бориса Богданова.
Семена Черсдова.
Судока Мясного.
Бараши :
Ооонасья Жеребятичева.
Вериги Давыдова.
Князя Юрья Пріимкова.
Въ Пантелеймоново мѣсто Усова, Осдора Шишмарева.
Ключникъ Иванъ Омельяцкой.
Кормового дворца ключника Кузмы Урпенева.
Во княжъ Иваново мѣсто княжъ Юрьева сына Мезсцкого,
братъ его князь Данило Мезсцкой.
Ивана Внукова.
Давыда Жеребцова.
Кирила Шишмарева.
Семсна Жсребцова.
Тимоея Змьева.
Въ Леонтьево мѣсто Застолбского, князя Федора Мезсцкого.
Въ Юрьево мѣсто Стромилова, Третьяка Карсакова.
Дмитрея Пушсчникова.
Жилцы :
Князя Бориса княжъ Никитина Пріимкова и въ брата сво-
его мѣсто княжъ Иваново.
Князя Федора княжъ Федорова сына Мещерского.
Князя Ивапа княжъ Володимерова сына Солнцева Мосал-
ского, и въ брата своего родного мѣсто князь Ондреево.
Ивана Елисьева сына Плсщеева.
Михайла Вельяминова.
Мирона Ондрссва сына Вельяминова.
Князя Ивана княжъ Иванова сына Козловского.
Василья Иванова сына Волынского.
Якова Вельяминова.
Князя Луки княжъ Матвьева сына Льова.
Ивана Милюкова.
Осдора Милюкова.

Лазаря Семенова сына Безобразова.
Князя Петра Ахамашукова сына Черкасского.
Федора Семенова сына Вельяминова.
Ивана Иванова сына Волынского.
Тимофея Никифорова сына Безобразова.
Василья Ондрѣева сына Измайлова.
Михайла Пушкина.
Тимофея Васильева сына Измайлова.
Микиты Васильева сына Измайлова.
Князя Петра князь Ондреева сына Козловского.
Григорья Зубова.
Степана Иванова сына Истленьева.
Дмитрея Погожево.
Бѣляницы Зюзина.
Федора Погожево.
Игнатя Пелина.
Степана Татянина.
Малюты Тургенсва.
Обросима Лодыжинского.
Левонтя Левонтьева сына Лодыжинского.
Петра Внукова.
Ивана Наумова.
Василья Наумова.
Федора Дурова.
Ивана Сербина.
Степана Волынского.
Діаки по приказомъ :
Діакъ Иванъ Карповъ.
Діакъ Игнатей Софоновъ.
Діакъ Василей Нелюбовъ.
Діакъ Нечай Федоровъ.
Діакъ Дорофеей Бохинъ.
Діакъ Богданъ Власьевъ.
Діакъ Иванъ Тимофеевъ.
Діакъ Второй Поздѣвъ.
Діакъ Семейка Сумороковъ.
Діакъ Михайло Унковской.

Діакъ Истома Карташевъ.

Діака Василья Тороканова.

Діака Матвѣя Коробейникова.

Діака Тимоѳея Петрова.

Діака Шемета Иванова.

Діака Нечая Перфирьева.

Діака Тимоѳея Осипова.

Гости :

Ивана Михайлова сына Чюркина.

Петра Васильева сына Мякотина.

Григорья Иванова сына Твердикова.

Ооонасья Иванова сына Юдина.

Ивана Юрьева меншого Семенова сына Булгакова , и въ брата своего въ Богданово мѣсто.

Степана Иванова сына Котова.

Олексѣя Костянтинова сына Патрушина.

Въ Баженово мѣсто Иванова, Ивана Кошурина.

Ивана Фалелѣева.

Богдана Трофимова сына Порывкина.

Илана Кошурина.

Василья Дмитреева Чюлкова.

Федора Созонова сына Скробовицкого, и въ брата своего Кирилово мѣсто.

Въ Игнатѣево мѣсто въ Сотниково, Федора Скробовицкого.

Въ Васильево мѣсто Коптева, Ивана Фалелѣева.

Въ Юрьево мѣсто Болотниково, Василья Чюлкова.

Въ Тимоѳеево мѣсто Выходца, Третьяка Фаворова.

Третьяка Фаворова.

Ивана Кобелева.

Втораго Тыртова, во всей Шоломенскіе пятины.

Гостиные сотни :

Ивана Чихачова, и въ старожилцовъ мѣсто и во всей гостиные сотни мѣсто.

Микита Лвовъ, и въ Вотцкіе пятины мѣсто.

Суконные сотни тяглець Ларивонъ Мининъ, и въ старостино въ Третьяково мѣсто Косаткина.

Дартуша Дивовъ, и во всѣхъ Ржевичъ мѣсто.

Черные сотни соцкіе :

Дмитровскіе сотни тяглець Оома Лазаревъ, въ соцкого въ Иваново мѣсто Козобаново и во всей сотни.

Микита Мотоловъ, и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни.

Ондрей Ивановъ, и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто.

Покровскіе сотни тяглець Семень Шоринъ, въ соцкого Микиты Иконникова и во всей сотни мѣсто.

Ордынскіе сотни соцкой Степанъ Григорьевъ, и во всей сотни мѣсто.

Ростовскіе тяглець Левъ Федоровъ, въ соцкого въ Филипово мѣсто Красилникова и во всей сотни мѣсто.

Ржевскіе сотни соцкой Нечай Рябъ, и во всей сотни мѣсто.

Ноугороцкіе сотни тяглець Ондрей Насоновъ, въ соцкого мѣсто Петрово Масленика и во всей сотни мѣсто.

Стрѣтенскіе сотни тяглець Василей Юрьевъ, въ соцкого отца своего Юрьево мѣсто Ножевниково и во всей сотни мѣсто.

Мясницкіе сотни тяглець Максимъ Филатьевъ, въ соцкого въ Кузмино мѣсто Сухово и во всей сотни Мясницкіе мѣсто.

Устюжскіе полусотни тяглець Иванъ Обросьевъ, и во всей полусотни мѣсто.

Прибылые полусотни въ соцкого Первово Пищаликова и во всей полусотни мѣсто, тоъ же полусотни тяглець Дружина Плесянинъ.

Кожевницкой полусотни въ соцкого Григорья Кожевника и во всей полусотни мѣсто, Ордынскіе сотни тяглець Степанъ Григорьевъ.

Четверти митропольи сотни въ соцкого Василья Житникова и во всей четверти мѣсто, тоъ жъ четверти сотни тяглець Василей Трофимовъ сынъ Серебряникъ.

Арбацкіе сотни четверти въ соцкого Осипа Семенова сына Ноздрина, тоъ же Арбацкіе четверти сотни тяглець Бажень Ивановъ Замочниковъ.

Черторьскіе четверти въ соцкого Федорово Иванова сына мѣсто Подпужникова, тоъ же Черторьскіе четверти тяглець Сидоръ Григорьевъ сынъ Папинъ.

№ IV.

У К А З Ъ

ОБЪ ИЗЪЯТІИ ОТЪ ЗАПРЕЩЕНІЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ.

Лѣто 7110 Ноемврїя въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Феодоровича всея Русїи указу, память Окольничему Василю Петровичу Морозову: Въ нынѣшнемъ во сто десятомъ году Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ и сынъ его Государь Царевичъ Князь Феодоръ Борисовичъ пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Государствѣ отъ налоговъ и отъ продажъ охраняя, велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ, которые у Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича, и которые у Государя Царевича Князя Феодора Борисовича, и дѣтемъ Болрскимъ, дворовымъ и городовымъ прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ всякимъ, и большаго двора дворовымъ людѣмъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникамъ и подключникамъ, Конюшеннаго приказа столповымъ прикащикамъ, конюшеснымъ, конюхомъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути крестникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ (трубачамъ) и сурначесмъ, и Государыни Царицы Марїи Григорьевны всея Русїи дѣтѣмъ Болрскимъ, и всѣхъ приказовъ преднимъ подъячимъ канцеляристамъ), стрѣleckаго приказа согникомъ стрѣleckимъ и головамъ козачьимъ, Посольскаго приказа переводчикомъ и толмачамъ, Патріаршимъ и Митрополичимъ и

Архиепископимъ приказнымъ людѣмъ и дѣтѣмъ Боярскимъ промежь ссбл. — А срокъ крестьяномъ отписывати Юріевъ день осенній, да послѣ Юріева дни въ двѣ седмицы; а пожилова крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копѣекъ; а въ дворцовыя волости и лѣса, и въ черныя волости, и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архиепископы и Епископы и за монастыри, и за Бояръ, и за Окольныхихъ и за Дворянъ большихъ и за приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стряпчихъ и за Головъ стрѣлецкихъ и за иныхъ возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году не велено; а въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежь собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской уѣздѣ по тому жъ крестьяномъ не отказывати и не возити; а которымъ людѣмъ промежь собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву Цареву и Великаго Князя указу возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина, или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного ни кому не возити.

№ V.

З А П И С Ъ

ЛЖЕДИМИТРІЯ ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ДАННАЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ О БРА-
КОСОЧЕТАНІИ СЪ ДОЧЕРЬЮ ЕГО МАРИНОЮ И О ПРЕДОСТАВЛЕНІИ ЕЙ
ГОСУДАРСТВЪ НОВГОРОДСКАГО И ПСКОВСКАГО.

Мы Дмитрей Ивановичъ, Божею милостию, Царевичъ вели-
кой Руси, Углетцкии, Дмитровскии и иныхъ, Князь отъ ко-
лвна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ
Государь и дѣдичъ.

Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только
по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и
всѣхъ Христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога
всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и концъ, а жена
и смерть бываетъ отъ негожъ, усмотрели есмя и улюбили
себѣ, будучи в Королевстве в Полскомъ, в дому чстнемъ,
великого роду, житія честного и побожного приятеля и то-
варыщи, с которымъ бы мнѣ, за помочью Божию, в мило-
сти и въ любви непремѣняемой житие свое проводить ясне-
велеможную панну Марину с Великихъ Кончицъ Мнишков-
ну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Лвовскую, Сам-
борскую, Меденицкую и проч., дочь ясневелеможного пана
Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, воеводы Сендомир-
скаго, Лвовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. старо-
сты жупъ Рускихъ жупника, котораго мы испытавши чест-
ность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его
себѣ за отца); и о томъ мы убѣдительно его просили, для
большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы выше-
реченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ за-
мужство. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ,

и то теперс до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣсте с панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо объма здержати, и любовь бы была мсжь насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впредь, во имя пресвятые Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь на панне Марине; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кои часъ доступлю наследственнаго нашего Московскаго Государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ сго милости самому для ускоренія подьема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ kleинотовъ драгоцѣннѣишихъ; а равно и серебра сголоваго къ снаряду ея; буде не самому ея панны отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отпращеннымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскіи престолъ отца нашего; и мы тотъ часъ пословъ своихъ пришлемъ до наисѣишого Короля Польского, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которос нынѣ промежь насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ здѣлати безъ убытка. Третье то: той же прежь реченной панне женѣ нашей дамъ два Государства великие, Великіи Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, і з думными людьми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всѣми приходы, и с пригородки, и с мѣсты и с сѣлы, со всякимъ владѣньемъ, и с поволностью, со всѣмъ с тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ в тѣхъ в обѣихъ Государствахъ, въ Новгородѣ і во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и в нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣплемъ, и даруемъ еі панне то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помощю Божию, с нею венчаемся; и мы то все, что въ нынешнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ ей, и въ Канцрѣриі нашей

еї то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую к тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, с нами детеї не будетъ, и тѣ обои Государства си, приказати намъ мѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, і волно еї, будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити і продавати; также волно еи, какъ ся еи полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ Государствахъ монастыри і костелы ставити Римскис, і Бискупы и попы Латынские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой жигі с нами; а попы свои себѣ держати, сколько еї надобе, также набоженство своей Римскис вѣры держати безо всякис забороны, якожь и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римские устроить. А того Боже намъ не даи, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, і в годъ того не здѣлаемъ: ино будетъ вольно пану отцу и панне Марине со мною развестися, или пожалуютъ побольши того подождутъ до другого году. А язъ тепере в томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, с крестнымъ цѣлованьсмъ, что мнѣ то все здѣлати по сему писму, и присягою на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сеї записи здержати крѣпко, і всѣхъ Рускихъ людей въ вѣру Латынскую привести. Писана в Самборе, мѣсяца Маия 25 дня, лѣта 1604.

Царевичъ Димитрій.

На подлинной Записи приложена печать подъ кустодією восковая. Бумага сія, равно и слѣдующія Польскія, сложена пакетомъ.

На оборотъ написано:

Постановленіе и ассекурація Димитрія Царя Московскаго данная господину Мнишкѣ, воеводу Сендомирскому.

Къ сему присоединена послѣ угиненная приписка:

Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія пресвятыя Дѣвы Маріи, лѣта Господня 1668.

Рукопись сію провінціальній Королевській главній надзи-
ратель Лаврентій Каткевичь Соноклескій представилъ для
пріобщенія къ дѣламъ староства.

Принято и записано.

№ VI.

Г Р А М О Т А

ДЖЕДИМИТРІЯ ОТРЕПЬЕВА, ДАННАЯ ЮРЬЪ МНИШКЪ НА УСТУПКУ ЕМУ
И КОРОНЪ ПОЛЬСКОЙ, СМОЛЕНСКОЙ И СЪВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Димитрій Ивановичъ, Божію милостію, Царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, и проч. и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, всѣхъ Государствъ, къ Московской Монархіи принадлежащихъ, Государь и дѣдичъ. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы ясне-вельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкови, воеводѣ Сепдомирскому, Львовскому, Самборскому, Медницкому и проч. старостѣ, жушпикови жупѣ Рускихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ явилъ и являть не престасть, въ вѣчныя времена дали мы ему и наследникамъ его Смоленское и Сѣверское Княжество въ Государствѣ нашемъ Московскомъ со всемъ, что къ онымъ Княжествамъ принадлежитъ, съ городами, замками, селами, подданными и со всеми обою полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему Королю Польскому и всему Королству, въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ Польскимъ и Московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинѣ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со всемъ что къ половинѣ онаго принадлежитъ)

дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой Польской шесть городовъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ со всею, что къ онымъ принадлежитъ, съ доходами и прибытками, и на все сіе уже совершенной отъ насъ привиліи данъ есть; и дабы о исполненіи всего того его милость господиу воевода былъ благонадсженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другога Государства, близъ Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибытковъ определяемъ ему господиу воеводѣ даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь на престолъ предковъ нашихъ посадитъ, дабы равныя и неменьшіе какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго Княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, селъ, боровъ, льсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякіе имѣлъ доходы, то мы ему обѣщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышесписанное его милости господиу воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренія и важности, сей листъ нашъ, при подписаніи собственною рукою нашею, печатью утвердить повелѣли. Данъ въ Самборѣ, Юня 12 дня, 1604 года.

Димитрій Царевичъ.

Къ сей грамотѣ, писанной на пергаментѣ, привѣщенъ на голубомъ шелковомъ сурѣтъ изъ желтаго воску круглый ковчегъ, въ ковчегѣ втиснута восковаяжъ красная печать.

На оборотѣ написано:

Привиллегія, данная в. Сендомирскому на владѣніе половиною земли Сѣверской. . . . Р. П. шестью город. . . .

№ VII.

Г Р А М О Т А

ЛЖЕДИМИТРИЯ КЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЫВАТЕЛЯМЪ О ПРАВАХЪ ЕГО НА
ПРЕСТОЛЪ РОССІЙСКІЙ.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, бояромъ нашимъ, Князю Ѳедору Ивановичу Мстислаѳскому, да Князю Василью да Князю Дмитрею Ивановичемъ Шуйскимъ, и всемъ бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ болшимъ, и столникомъ, и стряпчимъ, и жилцомъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и дворяномъ изъ городовъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ и торговымъ лутчимъ людемъ, и среднимъ, и всякимъ чернымъ людемъ. Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти отцу нашему, великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его, что было опричь нашего государьского роду на Московское государство иного Государя никого не хотѣти не искати; и какъ, судомъ Божіимъ, отца нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи не стало, а на Російскомъ государствѣ учинился братъ нашъ, великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи, и насъ великого Государя, измѣнники наши послали на Угличъ и толикое утѣсненіе нашему Царьскому Величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и вельми насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ великого Государя отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрывъ, отголь даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохранилъ; а вамъ, бояромъ нашимъ, и околничимъ,

и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людемъ, измѣнники наши вмѣщали, будто насъ великого Государя не стало и похоронили будто насъ великого Государя на Угличъ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божиимъ, брата нашего великого Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи не стало, и вы, не вѣдаючи про насъ, прироженнаго Государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и бояся того, что онъ блаженныя памяти при братъ нашемъ Царь и Великомъ Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго Государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого. А какъ про насъ великого Государя учалъ быти слухъ во всемъ Російскомъ государствѣ, что съ Божіею помощію, мы великій Государь идемъ на православный престолъ прародитетей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ и хотѣли есмя государства нашего достигати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великого Государя стояли невѣдомостію и бояся отъ измѣнника нашего смертныя казни; а про насъ великого Государя говорить не смѣли: и язъ христіяньскій Государь, по своему Государьскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опалы не держимъ, потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни. А нынѣ мы великій Государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ Государей Царей Російскихъ, идемъ съ Божіею помощію вскорѣ, а съ нами многія рати Рускія и Литовскія и Татарскія; а города нашего государства нашему Царьскому Величеству добили челомъ и противо насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованье, намъ Великому Государю служатъ и противъ измѣнниковъ нашихъ храбрѣ и мужественно стонти хотятъ, а о томъ и сами подлинно вѣдаете. А Повольскіе города намъ Великому Государю добилизъ челомъ и воеводъ къ намъ привели; и Астороханскихъ воеводъ Михайла Сабурова съ товарищи, къ нашему Царьскому Вс-

личеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежъ. Да къ намъ же писалъ Большой Нагай Ищерекъ Князь и изъ Казыева улусу мурза, что они нашему Царьскому Величеству помогати хотятъ: и мы, христіяньскій Царь, не хотя видѣти во христіяньствѣ разоренія, Нагайскимъ людемъ до нашего указа ходити не велѣли, жалѣя нашего государства, и велѣли кочевати Нагайскимъ людемъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Федоръ, о нашей земли не жалѣютъ, да и жалѣти было имъ нѣчего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе города и уѣзды разорили и православныхъ христіянъ не въ винѣ побили: толко того мы, христіяньскій Государь, въ вину вамъ бояромъ нашимъ и служилымъ людемъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и босяся отъ измѣнниковъ нашихъ смертныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ бояромъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки не стерпимыя были, чего и плѣннымъ дѣлати негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ, и въ торговлѣ вашей, волности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ иманы, а тѣмъ есте злокозненнаго нрава его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ посямѣсть не узнаете и насъ, прирожденнаго Государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіянъ, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ, христіяньскаго, кроткаго, милосердаго Государя, намъ служатъ и крови своея за насъ не щадятъ. И мы, христіяньскій Государь, не хотя видѣти въ христіяньствѣ кроворазлитія, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православную вѣру и свои души, на чемъ есте блаженныя памяти отцу нашему великому Государю Царю и Великому Кня-

зю, Ивану Васильевичу всеа Русіи, и намъ чадомъ его крестъ цѣловали, пѣмъ прирощенному Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всеа Русіи добили челомъ и милости просити къ нашему Царьскому Величеству при- слати Митрополитовъ и Архієпископовъ, и бояръ, и окол- пичихъ, и дворянъ болшихъ, и діяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лутчихъ людей; а мы великій Го- сударь, по своему царьскому милосердому обычаю, всѣхъ васъ пожалуемъ: и вамъ, бояромъ нашимъ, честь и повыше- ніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ; а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царьской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей всего Московского государства, пожалуемъ, въ пошлинахъ и въ податяхъ велимъ во льготъ и во облегченіи учинити, и все православное христіянство въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете че- ломъ нашему Царьскому Величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія, иже воздастъ кому- ждо по дѣломъ его, и отъ Божія праведнаго гнѣва и отъ на- шія царьскія руки ни гдѣ не избыти. А съ Божією помощію намъ великому Государю преславныхъ государствъ своихъ достигати.

На концѣ грамоты находится отпечатка: Привезли на Мос- скву Гаврило Пушкинъ да Наумъ Плещіевъ, Іюля въ 1 день.

№ VIII.

Г Р А М О Т А

Лжедмитрія Отрепьева въ Пелымъ о возшествіи его на Всероссийскій престолъ.

Отъ Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи в Сибирь в Пелымской городъ Олексю Ивановичю Зузину, да Максиму Ивановичю Радилову. Богъ намъ, Великому Государю, наше Московское Государство поручилъ, и Иевъ Патриархъ Московскіи і всеа Русіи, и Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы і весь освященный соборъ, и бояре, и околичные, и дворяне болшия, и столики, и стряпчие, и жилцы, и приказные люди, и дворянежь, и дѣти боярскіе всего Російского Государства, и гости и торговые всякіе люди, узнавъ прироженнаго намъ Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, в своихъ винахъ добили челомъ; выбъ о нашей матери Великой Государине Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Федоровне всеа Русіи, и о нашемъ многолѣтномъ здравье, в Пелымскомъ городе по всемъ церквамъ, велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрепко, чтобъ в людехъ шатости и грабежю и убивства не было некоторыми дѣлы, и жили бы есте съ великимъ береженьемъ, и нашимъ дѣломъ промышляли и вестей провѣдывали; а каковы вѣстен у васъ будутъ, и выбъ о всякихъ вѣстехъ писали к намъ почаству. Писана на Москвѣ, лѣта зрѣ, Июня въ аі день.

На оборотѣ надпись:

В Сибирь в Пелымской городъ Олексю Ивановичю Зузину, да головъ Максиму Ивановичю Радилову.

№ IX.

О К Р У Ж Н А Я   Г Р А М О Т А

Лжедмитрія къ Сибирскимъ воеводамъ , о приводѣ ему къ
присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образца
присяги.

Отъ Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича вся Русіи въ Сибирь на Верхотурьѣ Неудачѣ Остафьевичу Плещеву, да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіимъ произволеніемъ и Его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника , отъ Бориса Годунова , хотящаго насъ злой смерти предати , и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити , и меня , Государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божією помощію, сѣлъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ бояре наши , и окольничіе , и приказные люди, и дѣяки, и дворяне, и дѣти боярскіе , и всякіе приказные люди всего нашего Государства , и иноземцы намъ , прироженному Государю своему, крестъ цѣловали ; и мы ихъ пожаловали , вины ихъ имъ отдали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ , и выѣтъ , наши прироженные Неудача и Матвѣй , помня православную Христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованье , на чсмъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи , и намъ чадамъ его , прироженному

Государю своему, крестъ цѣловали, и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и воротниковъ, и посадскихъ и всякихъ людей и пашенныхъ крестьянъ къ крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана; а Татаръ и всякихъ иноземцовъ привели къ шерти, примѣрясь къ той же записи и къ прежнимъ шертовальнымъ записямъ. А какъ къ крестному цѣлованью приведете, и мы васъ и ихъ пожалуемъ великимъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумъ итъ. А кого именемъ ко кресту, и Татаръ и всякихъ иноземцовъ къ шерти приведете, и выѣ о томъ отписали, и книги именныя прислали къ намъ къ Москвѣ, а велѣли отдать въ приказъ Казанскаго дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. Писана на Москвѣ, лѣта зргі, Іюня въ аі день. За скръпою дьяка Нечая Федорова.

Образецъ присяги:

Цѣлую крестъ Государине своей Царице і Великой Княгини иноке Марфе Федоровне всеа Русии, і прирощениому Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, на томъ: служити мнѣ имъ, Государемъ своимъ, і прямити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякие хитрости; лиха мнѣ Государине своей Царице і Великой Княгини иноке Марфе Федоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не хотѣти никакова, ни мыслити, ни думати ни которыми дѣлы. Также мнѣ надъ Государипею своею Царицею і Великою Княгинею инокою Марфою Федоровною всеа Русии и надъ Государемъ Царемъ і Великимъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ всеа Русии въ естве і в питье, ни в платѣ и в ъномъ ни в чемъ лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово и коренья не давати: а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье лихое давати, или мнѣ учнетъ хто говорити, чтобъ мнѣ надъ ними, Государи своими, какое лихо учинити, или хто похочетъ портити, и мнѣ того чловѣка не слушати, и зелья лихово и коренья у того чловѣка не имати. Также мнѣ, опрочъ еѣ Государини своей Царицы і Великой Княгини иноки Марфы Федоровны всеа

Русии і Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, на Московское Государство иного Государя не нскати, и не хотѣти и не мыслити, и не измѣнити имъ Государемъ ни въ чемъ; и с-ызмѣнники ихъ, с Оедкою Борисовымъ сыномъ Годупова, и съ его матерью, и съ ихъ родствомъ и с совѣтники не ссылатися писмомъ никакими мѣрами, и не измѣнити Государине своей Царице і Великой Княгине иноке Марѣе Оедоровне всеа Русии і Государю своему Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии ни въ чемъ, и Государства подъ ними Государи не подыскивати. А гдѣ Государиня Царица і Великая Княгиня Марѣа Оедоровна всеа Русии і Государь Царь і Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всеа Русии велятъ быти на свои Царской службе, и мнѣ: будучи на ихъ Государевыхъ службахъ, имъ, Государемъ своимъ, служити и прямиати безо всякие хитрости, и измѣны никоторые не учинити, и ис походовъ и ис полковъ никуда не отъѣхати и не измѣнити, и скопомъ и заговоромъ і всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити и никою, безъ ихъ Государева вѣдома, не убити; а у кого свѣдаю скопъ, или злое которое умышленье и совѣтъ на Государыню свою Царицю і Великую Княгиню Марѣу Оедоровну всеа Русии і на Государя своего Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, какое лихое умышленье, и с тѣми людьми, хто будетъ в скопе и во всякомъ зломъ умышленьѣ, и мнѣ за нихъ Государей своихъ стояти и с-ызмѣнники ихъ битись до смерти. Такъ же мнѣ, отъ Государыни своей Царицы і Великие Княгини Марѣы Оедоровны всеа Русии і отъ Государя Царя і Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, къ Турскому, и къ Цысарю, і к Литовскому Королю, і к Шпанскому, і ко Фрянцовскому, ни к Аглинскому, ни к Дацкому, ни к Свѣискому Королю, ни в Крымъ, ни въ Нагаи, ни в-ыные ни в которые Государства не отъѣхати, и не измѣнити имъ Государемъ ни в чемъ отнюдъ никакими мѣрами.

Цѣлую сеи святыи і животворящи крестъ Господень на томъ: что мнѣ Государыне своей Царице і Великой Княгине

інокс Марѣе Федоровне всеа Русіи і Государю свосму Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіи служити, і прямити і добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по тому, какъ в сіи записс писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью; а не учну язъ Государыне своей Царице і Великой Княгини іноке Марѣе Федоровне всеа Русіи і Государю свосму Царю і Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русіи по сему крестному цѣлованью, служити и прямити, или учну имъ Государемъ измѣняти, и не буди на мнѣ милость Божья и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ Московскихъ и благословение и прощение всѣхъ вселенскихъ седми соборовъ.

А се припись дворяномъ :

А которые рѣчи услышу у своей Государыни Цырицы и Великіе Княгини іноки Марѣи Федоровны всеа Русіи и у сына еѣ, Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русіи, и мнѣ тѣхъ рѣчей ихъ думы не приносить никому и до живота своего, и служить мнѣ своей Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ іноке Марѣѣ Федоровнѣ всеа Русіи и сыну еѣ, Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичю всеа Русіи, и ихъ землямъ добра хотѣти во всемъ в правду, безо всякіе хитрости, по сему крестному цѣлованью.

А се припись подъячимъ :

Такъ же мнѣ, будучи у Государыни Царицы и Великіе Княгини іноки Марѣи Федоровны всеа Русіи и сына еѣ, Государя своего, Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всеа Русіи, дѣла всякіе дѣлати в правду и тайныхъ и всякихъ Государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывати, и Государевы казны всякіе и денегъ не красти, изъ книгъ изъ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачъ выписывать прямо, и мимо книгъ вѣ выписи ничего не написать никакихъ дѣлы, по сему крестному цѣлованью.

№ X.

РОСПИСЬ

Московскимъ Сенаторамъ :

СОВѢТЬ ЕГО ЦЕСАРСКОЙ МИЛОСТИ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ПЕРСОНЪ.

Совѣтъ Духовныхъ :

Святѣйшій отецъ Патріархъ, который сидитъ по правую руку его Цесарской милости, самъ одинъ.

По немъ засѣдаетъ въ первомъ мѣствѣ Митрополитъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ.

Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій.

Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Архіепископъ Вологодскій и Велико-Пермскій.

Архіепископъ Суздальскій и Тарусскій.

Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Архіепископъ Смоленскій и Брянскій.

Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

Архіепископъ Архангельскій.

Архіепископъ Астраханскій и Терскій.

Епископъ Коломенскій и Коширскій.

Епископъ Псковскій и Изборскій.

Епископъ Корельскій и Орѣшскій.

Совѣтъ свѣтскихъ :

Перваго класса бояре :

Князь Оедоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе, братья.

Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій.

Михайло Оедоровичъ Нагой, конюшій великій.

Князь Никита Романовичъ Трубецкій.

Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе, братья.
Князь Василій Михайловичъ Мосальскій, дворецкій великій.
Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій.
Князь Андрей Романовичъ Трубецкій.
Григорій Ѳедоровичъ Нагой.
Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ.
Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны,
братья.

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ.
Петръ Никитичъ Шереметевъ.
Князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій.
Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ.
Князь Андрей Петровичъ Куракинъ.
Князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполов-
скій.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ.
Иванъ Никитичъ Романовъ.
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостинъ-Ярославскій.
Михайло Глѣбовичъ Солтыковъ.
Князь Ивапъ Никитичъ Большой Одоевскій.
Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, оружейничій великій.
Князь Андрей Андреевичъ Телятевскій.
Михайло Богдановичъ Сабуровъ.
Князь Семень Андреевичъ Куракинъ.
Князь Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Мосальскій.
Князь Данило Борисовичъ Пріимковъ-Ростовскій.
Князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій.
Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ
великій.

Совѣтъ другихъ окольничихъ :

Михайло Борисовичъ Шейнъ.
Василій Петровичъ Морозовъ.
Князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій.
Михайло Михайловичъ Салтыковъ.
Василій Яковлевичъ Щелкаловъ.
Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Мосальскій.
Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій.

Князь Александръ Оедоровичъ Жировый-Засѣкинъ.

Иванъ и Василій Петровичи Головины, братья.

Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій.

Иванъ Оедоровичъ Колычевъ.

Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій.

Алексій Романовичъ Плещеевъ.

Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій.

Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій.

Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, подскарбій надворный и секретарь великій.

Дворяне, которые такъже въ Состытъ застѣдали :

Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Сокольничій великій.

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ.

Василій Борисовичъ Сукинъ.

Григорій Ивановичъ Микулицъ.

Артемій Васильевичъ Измайловъ.

Андрей Матвѣевичъ Воейковъ ясльничій.

*Роспись сія, по Польски, писана рукою Салозванцева Секретаря
Ана Бугинскаго.*

№ XI.

БОЯРСКІЙ ПРИГОВОРЪ

О БѢГЛЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Лѣта 7114 Февраля въ 21 день, по Государеву Цареву и Великому Князю Дмитрею Ивановича всеа Русіи слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовые села и въ черныя волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ приговорили сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ. А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году, въ голодные годы, съ животы, а прожити было имъ мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ. А которые бѣжали съ животы въ далныя мѣста изъ - за Московскихъ городовъ на Украйны, а съ Украйны въ Московскіе города, или изъ города въ городъ, версть за двѣсти и за триста и болши, а пошли отъ старыхъ своихъ помѣщиковъ съ животы и ростерявъ животы пришли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскати около тѣхъ помѣстей, откуда тотъ крестьянинъ пошелъ: да будетъ въ сыску околніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ и сбѣжалъ отъ своего помѣщика или отъ вотчинника съ животы, а прокормитися было ему мочно, а нынѣ за кѣмъ во крестьянѣхъ или у кого служить по кабаль, и того по сыску отдать старому помѣщику или вотчиннику, изъ за кого онъ сбѣжалъ, каковъ есть; а про которо крестьянина скажутъ, что онъ, въ тѣ голодные лѣта,

отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности , что было ему прокормиться не мочно , и тому крестьянину жити за тѣмъ , кто его голодные лѣта прокормилъ , а исцу отказати : не умѣлъ онъ крестьянина своего кормити въ тѣ голодные лѣта , а нынѣ его не пытай. А которые крестьяне , въ голодные лѣта , во 110 и во 111 году , и до 112 году , пришли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ помѣщикамъ и вотчинникомъ , и кабалы служилыя на себя подавали , а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивати изъ холопства по крестьянству , и того сыскивати накрѣпко : будетъ сшелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего , и тѣмъ исцамъ отказывати : въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормитъ его не умѣлъ , а собою онъ прокормитись не въ мочь , и отъ бѣдности , не хотя голодною смертию умереть , билъ челомъ въ холопи , а тотъ его принялъ , въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ , проча себѣ , и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати , а быти ему у того , кто его голодные лѣта прокормилъ , а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ. А которые кабалные люди учнутъ оттягиватися , а учнутъ говорити , взялъ его помѣщикъ во дворъ съ пашни силно и взялъ кабалу , а ему было самому прокормитися не мочно , и о томъ сыскивати крепостями , въ которос время и въ которыхъ годѣхъ кабалы писаны : будетъ на Москвѣ или въ городѣхъ въ книги писаны , и по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати , потому , ималъ бы на него кабалу силно , и онъ бы о томъ у записки билъ челомъ , а которая кабалы въ книги не записаны , и тѣмъ вѣрити не чего. А которые крестьяне изъ за кого бѣжали до 110 году , голодныхъ лѣтъ за годъ , и которые послѣ голодныхъ лѣтъ за годъ , во 113 году и въ нынѣшнемъ во 114 году , и про тѣхъ крестьянъ сыскивая , отдавати прежнимъ помѣщикомъ и вотчинникомъ ; а въ чемъ будетъ споръ , и въ томъ давати судъ. А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ , и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ , по старому приговору , далъ пяти лѣтъ суда не давати.

№ XII.

П И С Ь М О

Польскаго Короля Сигизмунда III къ Самозванцу Отрепьеву, привезенное Паномъ Гонсевскимъ.

Отъ Найяснѣйшаго, Великаго, Божьею милостию Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Жмудскаго, Мазовецкаго, Подольскаго, Кіевскаго, Волынскаго, Инфляндскаго, Эстляндскаго, и наслѣдственнаго Короля Шведскаго, Готскаго, Вандальскаго, Князя Финляндскаго.

Великому Государю, Божьею милостию и Великому Князю Дмитрію Ивановичу Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Вятскому, Югорскому, Болгарскому и другихъ государствъ Государю поздравленіе и желаніе всѣхъ утѣшеній отъ Господа Бога на долгія лѣта при добромъ здравіи, къ пользѣ и утѣшенію всего христіанства и нашихъ государствъ.

Мы всегда оказывали доброе наше расположеніе къ Вамъ Великому Государю и желали, дабы Всевышній благополучно окончилъ начатое дѣло, наипаче когда находился въ угнетеніи, какъ Великій Государь увѣдомлялъ насъ, и какъ о томъ изъ другихъ мѣстъ доходили къ намъ извѣстія. Теперъ слыша о благополучномъ ходѣ дѣлъ Вашихъ въ отчинномъ Вашемъ Государствѣ, мы не можемъ, какъ только очень тому радоваться и благодарить Бога. Желая же имѣть о томъ успѣхъ вѣрнѣйшее извѣстіе, посылаемъ нарочно Посла, дворянина и Секретаря Нашего Старосту Велижскаго Дворянина Александра Корвина Гонсевскаго, которому Великій Государь дай въру, что скажетъ отъ нашего имени, и черезъ него увѣдомъ насъ о своемъ здравіи и о своихъ дѣлахъ. Писано въ Краковѣ 23 Августа 1605 года.

№ XIII.

Н А К А З Ъ ,

данный отъ *Алехсандра Острейова* Папскому посланнику
Графу Рангони для донесенія Польскому Королю.

Первое сказать то наяснѣйшему Королю , что со многихъ мѣрь , также із грамотъ , которые к намъ ис Полши приходятъ , вѣдомо то , что его Королевская милость о нашей любви к себѣ і ко всему Королевскому Полскому и Великому Княжеству Литовскому нѣкакую невѣрность имѣеть ; а того невѣдаю , для какихъ причинъ то дѣлаетца , добръ тому дивимся .

в е. Укажи и то его Королевскоі милости , что противъ нашего наказа не хочетъ намъ писати титлы Цесарские его Королевская милость , и мнѣ то недобръ надобно . А не есть іная мѣра , толко нелюбовь і измѣна подданныхъ нашихъ , і догадывающца , с нѣкоторые потайныя ссылки наши съ его Королевскою милостью , что мы хотѣли отдать х Королевству нѣкоторые часті земли Государствъ нашихъ , і то , что хотѣли мы прилучитись х коруне Полской ; а такого умышленья і измѣны не возможно ныне оберсгаться , доколе усмиримъ еще Государство то , і для нужи и измѣны подданныхъ такимъ обычаемъ являся лзъ Королю его милости , и въ сердце ничего іного нелюбовнаго не имѣли есмя , толко великую милость і любовь противъ его Королевские милости .

г е. Скажи то всему Королевству Полскому и Великому Княжеству Литовскому , а болші всѣхъ Королю его милости ,

что мы в добродѣтели его і в любви, которую намъ являлъ і в нашей потребе пособлялъ, не забыли, чтимъ его Королевскую милость не токмо въ брата мѣсто, за отца себѣ имью і почитаю, и ни в чемъ намъ такого не будетъ, чегобъ мы для его Королевские милости не учинили. А изменникъ Королевской Карлусъ Судерманъ вскоре над собою увидитъ, только жду подлинныя вѣсти отъ его Королевские милости, какъ с нимъ дѣлати похочетъ.

д е. А о титуле нашемъ объявляю его Королевской милости, что мы о немъ говорить не перестанемъ, потому что намъ подобаеъ, а никакие не любви или войны для того титула съ его Королевскою милостью і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ начинати не хотимъ; а чаю того отъ Короля его милости і жду, что ко мнѣ, по своей братской любви і милости, в такомъ праведномъ дѣле намъ і самъ еще пособитъ.

з. е. О послѣхъ нашихъ великихъ, которыхъ хотѣли мы послати на большой соимъ; і прежь сего о томъ писали до Короля его милости; а ине то отсрочили на иное время, чтобъ намъ прежь с. велможнымъ паномъ съ Юрьемъ Мнишкомъ с воеводою Сендамирскимъ і с тѣми, которыхъ отъ Короля его милости ждемъ, о дѣлехъ поговорити о вѣчномъ перемирьѣ и покое с Королевствомъ Полскимъ і с Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, толко отъ Короля его милости будетъ с нимі о томъ наказъ.

с. е. Просилъ насъ прежь сего неодинова Король его милость, чтобъ мы Густава, которой именуеъ себя сыномъ Короля Шведского Ирика, задержали не какъ Королевича, но такъ какъ его уроженье есть; и то мы являемъ его Королевской милости, что мы его, по его Королевской воле, держимъ и ждемъ, что болші того надъ нимъ велитъ его Королевская милость дѣлати.

А у сего писма, что послано с посланникомъ с Александромъ, в низу припись ростригина по Полску: Дмитрей Царь.

А печать у писма тайная.

№ XIV.

РОСПИСЬ

ПОДАРКАМЪ ВРУЧЕННЫМЪ ВЛАСЬЕВЫМЪ ВЪ КРАКОВЪ МАРИНЪ МИНШКОВОЙ И ЕЯ ОТЦУ.

Маринъ:

Во первыхъ отъ Государыни матери, Царицы и Великія Княгини всея Руссіи, Инокини Марѣы Федоровны, благословеніе, Образъ пресвятыя Троицы, богато оправленный въ золотъ и съ камнями.

Отъ Государя Царя и Великаго Князя Димитрія:

1. Перстень золотой съ алмазомъ.
2. Крестъ съ немалыми алмазами и двумя большими жемчужинами, на ономъ лаловая змѣя, а подъ нею Моисей изпещренный разными каменьями.
3. Перо не малое оправленное въ золотъ съ лалами, на коемъ висѣли три весьма большія и драгоцѣнныя жемчужины.
4. Запона съ алмазами, лалами и крупнымъ жемчугомъ величиною съ малую грушу.
5. Сосудъ изъ чистаго драгоцѣннаго камня, изображающій птицу съ крыльями.
6. Чарка гіяцинтовая, оправленная въ золотъ.
7. Волъ золотый съ каменьями стоящій на ногахъ, во внутренности коего находился разный домашній приборъ.
8. Крестикъ унизанный лалами и семью большими жемчужинами.
9. Чара большая золотая съ каменьями и жемчугомъ.
10. Золотой пеликанъ.

11. Сосудъ серебряный золоченый, изображающій человека на оленѣ, у коего высокія рога изъ коралла.

12. Корабль многоцѣнный изъ каменьевъ, золота и жемчуга; вещь пріятная и удивленія достойная.

13. Пава золотая съ красиво распущеннымъ и раззолоченнымъ хвостомъ, коего перья тряслись какъ на живой птицѣ.

14. Часы, на коихъ слои съ башнею, золотые, и кои можно почестъ за диво. Играли по Московскому обычаю, разные штуки громко и внятно, били въ бубны, трубили изъ двѣнадцати трубъ и долго оглушали уши слушателей; потомъ играли на флейтахъ и наконецъ были часа два.

15. Чарка коралловая.

16. Шестнадцать сороковъ соболей, коихъ въ такомъ количествѣ не часто случается людямъ видѣть.

17. Нѣсколько штукъ Венеціанскаго бархату, алаго съ золотомъ.

18. Большая штука бѣлаго глазета, въ коей до ста локтей.

19. Одна штука парчи золотой и другая серебряной.

20. Атласу желтаго съ каймою изъ золота и алаго и бѣлаго шелку.

21. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу, по серебряному дну, шелковыя узоры изображающія короны и мѣсяцы.

22. Нѣсколько штукъ Турецкаго атласу по лазоревому дну съ узорами шелковыми съ золотомъ.

23. Атласу желтаго на бѣюмъ шелковомъ днѣ съ золотомъ и серебромъ.

24. Глазету бѣлаго съ серебромъ гладкаго.

25. Глазету вишневаго съ золотомъ.

26. Бархату алаго гладкаго.

27. Бархату лазореваго гладкаго.

28. Бархату зеленаго узорчистаго.

29. Четыре тысячи осьмнадцать лотовъ жемчугу.

Отъ Посла Московскаго:

Золототканый персидскій коверъ съ узорами съ обѣихъ сторонъ.

Одинъ сорокъ соболей.

Пану Воеводѣ

отъ Царя:

Конь въ яблокахъ; сѣдло алаго бархата въ золотой оправѣ съ каменьями; при ономъ стремяна стальные позолоченныя; оголовокъ алаго бархата съ оправою золотою и перломутровою, также и нашейникъ, наперсье и пахви.

Бунчукъ съ золотой головкой.

Булава золотая съ каменьями.

Чарка изъ золота съ каменьями.

Четыре Персидскихъ ковра.

Шуба чернолисыя.

Шапка чернолисыя.

Шесть сороковъ соболей.

Три кречета съ золотыми колокольчиками и жемчужными паголовками; для держанія ихъ рукавицы золотыя Турецкія.

Отъ Посла самаго:

Два сорока соболей.

№ XV.

Г Р А М О Т А

Царя Василья Иоанновича въ Пермь Великую, о возшествіи его на престоль, съ приложеніемъ двухъ подкрестныхъ записей.

I. Отъ Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, Князю Ссмену Юрьевичу Вяземскому да подъячому Ивану Федорову. Праведнымъ судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго крестьянства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ воровствомъ и чернокнижествомъ назвавъ себя Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ, омраченьемъ бѣсовскимъ прелстилъ многихъ людей, а иныхъ устрацалъ смертнымъ убойствомъ, былъ на Московскомъ государствѣ Государемъ, и церкви Божіи осквернилъ, и хотѣлъ истинную крестьянскую вѣру попрали и учинить Люторскую и Латынскую вѣру, и по своему злокозненному умыслу всѣхъ крестьянъ хотѣлъ отъ Бога отвести: и Богъ милосердый, нехотя злокозненного помысла исполнити, всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и за то Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла принялъ отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ; а насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ милосердый Богъ, по своей неизреченной милости, отъ сего злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ. А умысль его бѣсовской былъ таковъ: взяты въ хоромѣхъ сего грамоты многія ссылочныя, воровскія, съ Полшею и Литвою, о разореньѣ Московскаго го-

сударства, да тутожь грамота къ нему къ вору отъ Римско-го Папы, а въ грамотъ писано, чтобъ онъ держалъ крѣпко свою Латынскую вѣру и дѣти бѣ его, которые будутъ впредь по немъ, также въ той вѣрѣ были; а для укрѣпленія Римскія вѣры прислалъ къ нему законника своего попа, а писалъ объ немъ, что онъ его вѣру утвердитъ, и тотъ Папинъ попъ, по своимъ дѣломъ, также злую смерть принялъ. Да послѣ смерти жъ того вора Гришки, объявилъ Полякъ, которой жилъ у него близко, что было тому вору ростригъ вести нарядъ пушечной большой съ города и изъ казны весь, для стрѣлбы, и вхатъ было ему за посадъ, а бояромъ и дворяномъ и всякимъ людемъ быти было съ нимъ же на стрѣлбѣ, а Литовскимъ людемъ всѣмъ, коннымъ и пѣшимъ, быти было съ нимъ же всѣмъ вооруженнымъ, съ копыи и съ пищальми, будто для потѣхи, и прѣхавъ было къ наряду всѣхъ бояръ и думныхъ людей и большихъ дворянъ побить, и написано было у него имена всѣмъ, кому кого побить указано; а побивъ и прѣхавъ въ городъ раздавати было ему тестю своему, воеводѣ Сандомирскому, и его родству многіе города и наша царская казна, что осталась за его воровскимъ расточеньемъ, и всѣхъ было православныхъ крестьянъ приводити въ Люторскую и въ Латынскую вѣру; да по своему злодѣйскому умыслу, нарядъ весь пушечной вывезъ, и то знатно, что было такъ ему чинити. Да намъ же и Бояромъ нашимъ сказывалъ Золотой Кванинъ, которой измѣнилъ, отъѣхалъ отъ великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Литву, умыслъ того вора Гришки, что онъ, будучи въ Литвѣ, поступилъ Королю Смоленска и Сѣверскія земли всеъ, а тестю своему воеводѣ Сандомирскому и родству его многіе города въ вотчину, и на томъ на всемъ ему присягалъ, и хотѣлъ разорити Московское государство. И мы, слыша и видя то, всемогущему Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли. И послѣ того, прося у Бога милости, Митрополиты, и Архiepискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе люди Московскаго государства, избирали всѣмъ Московскимъ государст-

вомъ, кому Богъ изволить быти на Московскомъ государствѣ Государемъ: и били намъ челомъ Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и весь освященный соборъ, и бояря, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и столники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, по степени прародителей нашихъ, его жъ дарова Богъ великому Государю Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, отъ него же прародители наши на Суздальской удѣль по родству раздѣлишася. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, за волею Божіею и за проше-ніемъ богомолцовъ нашихъ Митрополитовъ, и Архіепискуповъ, и Епискуповъ, и всего освященнаго собора, и за челобитьемъ бояръ и околничихъ, и дворянъ, и всякихъ людей Московскаго государствѣ, и по кольнству нашему, учинились есмь на Московскомъ государствѣ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, и съ Божіею помощію хотимъ держати Московское государство потому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари, а васъ всѣхъ хотимъ жаловати и любити свѣше прежнего и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, предо всеми людьми цѣловалъ Животворящій крестъ всѣмъ людямъ Московскаго государства, а бояре наши, и дворяне, и дѣти боярскіе, и гости, цѣловали намъ крестъ по записи; а по которой записи цѣловалъ язь Царь и Великій Князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придеть, и вы бѣ тотъ часъ велѣли быти въ соборную церковь игуменомъ и вссму освященному собору, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ и всякимъ людямъ, и сю нашу грамоту велѣли бѣ естя вы-честь всѣмъ людямъ въ слухъ, и о такомъ великомъ неизре-

ченномъ милосердѣи Божіи воздали бѣ есѣ хвалу всемогущему въ Троицѣ славимому Богу, что насъ и васъ всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руку врагу и богоотступнику и что непорочная истинная наша крестьянская вѣра не порушилась; и пѣли бѣ есѣ молебны въ соборной церкви и по всему граду по три дни, съ звономъ, и молили бѣ есѣ всемогущего и человеколюбивого въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу крестьянскую надежду и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ многолѣтнемъ здравіи, и о всемъ православномъ христианствѣ, чтобъ Господь Богъ отворотилъ свой праведной гнѣвъ и подаровалъ миръ и тишину, и устроилъ бы всему православному христианству полезная, чтобъ церкви Божіи впредь стояли неподвижно и истинная православная христианская вѣра была нерушима; и вычетчи наши грамоты всѣмъ въ слухъ, цѣловали бѣ есѣ намъ крестъ по той записи, по которой цѣловали бояре и вся земля, и впередъ бы есѣ намъ великому Государю служили и прямили и добра хотѣли такъ же, какъ есѣ обыкли служить прежнимъ великимъ Государемъ Царемъ Російскимъ, прародителемъ нашимъ; а мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ, всеа Руси Самодержецъ, хотимъ васъ жаловать и любить свѣше прежнего. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7114 Маія въ 20 день.

II. «Божією милостію мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Руси, щедротами и человеколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященного Російского собора, и по челобитію и прошенію всего православнаго христианства, учинилися есѣ на отчинѣ прародителѣ нашихъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Російскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣль роздѣлишася, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по

родству, яко же обыкли бошая братья на бошая мѣста свдати: и нынѣ мы великій Государь, будучи на престолю Російского царствія, хотимъ того, чтобъ православное христіанство было нашимъ царскимъ доброоопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ, и поволить есми язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ великому Государю всякого челоуѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибли; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится. На томъ на всемъ что въ сей записи писано, и язь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и ото всякого насилства оберегати.»

III. «Я имярекъ цѣлую крестъ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу, всеа Русіи Самодержцу, и его Царицѣ и Великой Княгинѣ, и ихъ Царскимъ дѣтемъ, которыхъ имъ Государемъ впредѣ Богъ дастъ, на томъ: служити мнѣ ему, Государю своему, и ирямити и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости; а лихо мнѣ Государю свосму, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи никакова не хотѣти, ни мысли, ни думати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; и въ ѣствѣ и въ питѣвѣ, ни въ платѣвѣ, ни въ иномъ въ чемъ лиха никакова не учипити и не испортити, ни зелья лихого и

корснѣя не давати. А кто мнѣ учнетъ о какомъ лихѣ говорити на нихъ Государей, и мнѣ того чловѣка не слушати, и зслѣя лихого и корснѣя у того чловѣка не имати, и поймавъ того чловѣка сказати про него Государю или его ближнимъ людемъ; а будетъ за которыми мѣрами поимать не лучится и мнѣ про того чловѣка тотъ-часъ сказати Государю. Также мнѣ, опрочъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, на Московское государство иного Государя и изъ иныхъ Государствъ и изъ своихъ ни кого не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ; и съ измѣнники его, которые ему Государю служити не учнутъ, а учнутъ измѣняти, и съ ихъ родствомъ и совѣтники ни на какое лихо не ссылатись писмомъ и иными никакими мѣры, и не измѣнити мнѣ Государю своему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи ни въ чемъ, и государства подъ нимъ Государемъ не подыскивати, и скопомъ и заговоромъ и всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого безъ Государева вѣдома не убити; а у кого свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и совѣтъ, на Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи какое лихое умышленье, и съ тѣми людми, кто будетъ въ томъ скопѣ и во всякомъ зломъ умышленьѣ; и мнѣ за него Государя своего стояти и съ измѣнники ихъ битися до мерти. Также мнѣ отъ Государя своего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи ни въ которое государство не отъѣхати и не измѣнити ему Государю ни въ чемъ, отшюдь, никакими мѣрами, по сему крестному цѣлованью.»

«Цѣлую сей святыи и Животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ Государю своему, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, служити и прямити и добра хотѣти во всемъ вправду, безо всякія хитрости, по тому, какъ въ ссей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью.»

№ XVI.

ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА

ОТЪ ЦАРИЦЫ МАРѢИ ФЕДОРОВНЫ КЪ ВОЕВОДАМЪ СИБИРСКИХЪ
ГОРODOBЪ, О УБИЕНІИ ЛЖЕДИМИТРІЯ И О ИЗБРАНІИ ЦАРЯ
ВАСИЛЬЯ ІОАННОВИЧА.

Отъ Царницы и Великія Княгини иноки Марѣи Федоровны всея Русіи, въ Сибирь, въ Туринской острогъ воеводѣ нашему Ивану Никитичу Годунову, и служивымъ и торговымъ и всякимъ людемъ. Судомъ Божиимъ, а за нашъ грѣхъ и всего православнаго Христіанства, богоотступникъ, еретикъ, рострига, воръ Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ, назвалъ себя сыномъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи, нашимъ Царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и въ Литвѣ многихъ людей, и съ ними пришедъ въ нашу Сѣверскую землю; въ Митревскомъ и въ Черниговѣ прельстилъ всѣхъ людей, а иныхъ устрашилъ смертнымъ убивствомъ, да и не токмо васъ и бояръ нашихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и служивыхъ и жилецкихъ людей, и насъ самихъ и съ родители нашими устрашилъ смертію; былъ на Московскомъ Государствѣ и церкви Божіи осквернилъ, и въру Христіанскую хотѣлъ попрали, взялъ дѣвку изъ Польши Латынскія вѣры, и не крестилъ ее, вѣнчался съ нею въ соборной церкви пречистыя Богородицы, и помазалъ ее муромъ и вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцомъ, и учинити хотѣлъ въ Россійскомъ Государствѣ Люторскую и Латынскую вѣру, и по свосму злокозненному умыслу, всѣхъ хотѣлъ отъ Бога отвести; и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго по-

мысла исполнити всѣмъ людямъ его воровство и еретичество объявилъ, и язъ болромъ и дворяномъ и всѣмъ людямъ о томъ объявила прежь сего тайно, а нынѣ всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ Царевичъ Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ; а сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ; и бояре и дворяне многіе про него вѣдаютъ, а того вора и богоотступника Гришку многіежь люди знали, только боялись смертнаго убивства. А нынѣ, по Божіей милости и Его праведными судьбами, тотъ воръ Гришка, по своимъ злодѣйственнымъ дѣламъ, возмездіе отъ Бога и казнь пріалъ, а какъ надъ нимъ по его дѣламъ учинилося, и я съ братьями всѣмъ людямъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ нашъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ отъ Бориса и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ назывался Царевичемъ Дмитріемъ ложно; а какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ пріѣхалъ изъ Путимля къ Москвѣ, на Московское Государство, и онъ, вѣдая свое воровство, по насъ Великую Государыню не послалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ ни кто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и представилъ ко мнѣ по томужь своихъ совѣтниковъ, и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его пристрастья, объявити въ народъ его воровство явно не смѣла; а нынѣ насъ и васъ православныхъ Христіанъ всѣхъ милосердый Богъ, по Своей неизреченной милости, отъ его злодѣйственнаго умысла и отъ оскверненія избавилъ, и по своимъ сквернымъ дѣламъ онъ и возмездіе отъ Бога и казнь пріалъ. И послѣ того, прося у Бога милости, язъ,

и Митрополиты, и Архієпископы, и Епископы и весь освященный соборъ, также и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе и всякіе люди Московского Государства избирали всѣмъ Московскимъ Государствомъ, кому Богъ изволить быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ; и всеильный и въ Троицы славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость Свою показалъ, объявилъ Государя на Московское Государство Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, Государя благочестиваго, и по Божіей церкви и по православной Христіанской вѣрѣ поборателя, и отъ корени Великихъ Государей Россійскихъ, отъ Великаго Государя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора и богоотступника и еретика смертію пострадали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбѣ тотъ часъ велѣлъ попомъ и дьякономъ, и всякимъ служивымъ и чернымъ людямъ быти къ соборной церкви; а какъ сберутся всѣ люди, и тыбѣ сю нашу грамоту велѣлъ вычестъ всѣмъ людямъ въ слухъ, и о такомъ великомъ милосердѣ Божьемъ воздали хвалу Богу, и молили о Царскомъ здравьѣ и о всемъ православномъ Христіанствѣ, чтобъ Богъ устроилъ полезная, и жилъ бы еси Туринскомъ острогѣ съ великимъ береженьемъ, и сумнѣньябѣ еси себѣ въ томъ никакого не держалъ, что по грѣхомъ насъ и васъ всѣхъ прельстилъ, то сдѣлалось по грѣхомъ по нашимъ, судомъ Божіимъ: а я и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи Самодержецъ хотимъ васъ жаловати нашимъ Царскимъ жалованьемъ свыше прежняго. Писана на Москвѣ, лѣта зрді, Маія въ ка день. Подлинная грамота за подписью дьяка Алексѣя Шпилова.

№ XVII.

Походъ Московскаго Царя Димитрія въ Москву съ Юріемъ Мшишкомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ.
1604 г.

Смотръ войска подъ Глинянами. Съѣхавшееся туда рыцарство составило Коло и избрало изъ среди себя Гетманомъ Пана Воеводу Сендомирскаго, а Полковниками Пана Адама Жулицкаго и Пана Адама Дворжицкаго. На Коло постановили также статьи о походѣ. Потомъ съ Царевичемъ двинулись три роты: Пана старосты Саноцкаго, Пана Фредро и Царская. Пѣшихъ же 400 человекъ. Другія же роты направились сбоку и сзади и не прежде всѣ совокупились, какъ надъ Днѣпромъ за 2 мили отъ Кіева у Остржа при Московской границѣ. Идя къ Кіеву, мы опасались войска Князя Острожскаго Каштеляна Краковскаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Оно протягивалось надъ нами до самаго Днѣпра, и потому мы были въ осторожности; цѣлыя ночи не спали, и держали лошадей въ готовности.

Потомъ пришли къ Днѣпру. Панъ Краковскій приказалъ уничтожить всѣ перевозки, и потому мы оставались нѣсколько дней надъ Днѣпромъ, ожидая поромовъ, и по милости Божьей переправились чрезъ Днѣпръ благополучно. Одинъ только товарищъ, бывъ долго боленъ лихорадкою, соскучился недугомъ, бросился съ порома въ воду и потонулъ.

Пройдя Днѣпръ, мы шли чрезъ дубровы, красивыя поля и луга, густою травою покрыты. Погода была хороша. Дорогою мы снабжали себя живностию.

Миновавъ Остеръ, граничный замокъ нашего Короля, шли мы къ Московскому замку Моравску. Въ 5 миляхъ отъ Моравска рыцарство уговорилось съ Паномъ Гетманомъ, дабы отправить впередъ нѣсколько Козацкихъ полковъ, а именно Белешка, который имѣлъ при себѣ 2000 Украинскихъ Козаковъ, Куцка и Швайковскаго.

Москали, узнавъ въ Моравскѣ, что Царь вступаетъ въ землю съ Польскимъ войскомъ, начали тревожиться и совѣтоваться; и болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили пословъ къ Царю объявляя, что готовы сдаться. Мы подступили къ замку съ войскомъ въ порядкѣ, и расположились обозомъ. Царь же съ Паномъ Воеводою въѣхалъ въ замокъ, и принялъ оный съ находящимися въ ономъ орудіями, а Москва тутъ же выполнила присягу на подданство. Снабдивъ какъ слѣдовало замокъ, двинулись мы къ Чернигову, лежащему въ 12 миляхъ отъ Моравска, надъ рѣкою Десною, которая течетъ и подъ Моравскомъ. Черниговъ замокъ весьма крѣпкій, и городъ очень достаточно снабженный орудіями. Козаки шли къ Чернигову передъ войскомъ и подъѣхавъ къ замку и къ городу, требовали, чтобы сдались Царю Дмитрію Ивановичу. Но ихъ не слушали: напротивъ того, стрѣляли въ нихъ и многихъ изъ нихъ убили. Узнавъ однакожъ, что Моравскъ сдался, Черниговцы собрались на совѣтъ, и положили поддаться Царевичу: одинъ только Воевода, Князь Иванъ, тому противился, но Москва его связала. Между тѣмъ Козаки штурмовали городъ, желая обогатиться грабежемъ, прежде чѣмъ войско подоспѣтъ. Тогда Москали послали къ Царевичу изъ Чернигова, прося его послать къ Козакамъ, дабы не грабили города, ибо они сдались добровольно. Извѣстіе сіе было прискорбно Царю и войску, и онъ отправилъ къ Козакамъ Пана Станислава Боршу, а Пана Пржедратовскаго, дворянъ и рыцарей своей роты: но до пріѣзда посланныхъ, Козаки городъ разграбили, и только пустыя коробы стояли передъ домами. На другой день Царь съ войскомъ стройно вошелъ въ Черниговъ, и увидѣвъ зло, учиненное Козаками, послалъ въ ихъ лагерь, весьма на нихъ досадуя, и приказалъ, чтобы возвратили взятое, въ особенно-

сти частное имущество. Въ противномъ случаѣ имъ угрожали, что Царь и прочее рыцарство раздѣлаются съ ними съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Козаки прислали къ Царю и къ рыцарству просьбу, представляя, что у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, и что они поспѣшили завладѣть городомъ, единственно имѣя въ виду услужить Царю, ибо опасались, чтобы Москва, усилившись, не вздумала противиться. Царь остановился у Чернигова на нѣсколько дней, и приказалъ возвратить отнятое. Козаки хотя и не все, но возвратили часть. Царь же съ Паномъ Воеводою стоялъ лагеремъ близъ самаго Чернигова.

Тутъ рыцарство просило у Царя денегъ, жалуясь на недостатокъ въ платьѣ и продовольствіи. Царь, взявъ 10,000 зл. изъ Черниговскаго замка, роздалъ ихъ рыцарству. Подъ Черниговымъ мы отдыхали недѣлю.

Оттуда мы двинулись къ Новогородку, за 36 миль отъ Чернигова. Лѣса по всей дорогѣ.

Козаки, подойдя къ Новогородку, надъ тою же рѣкою Десною, хотѣли тотъ часъ же сдѣлать приступъ; но опасались такого же гнѣва отъ Царя, какъ и въ Черниговѣ. А между тѣмъ Басмановъ, начальникъ замка, сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ.

Царевичъ, подойдя съ войскомъ въ порядкѣ, отправилъ къ замку для переговоровъ Пана Матвѣя Доморацкаго, Станислава Боршу, Бялоскурскаго, Старосту Остерскаго и пр., и съ ними вмѣстѣ и Моравскихъ Москалей. Москва однакожь не хотѣла вступать въ переговоры; напротивъ стрѣляла по насъ еще сильнѣе и кричала. *а вы, блѣдныя дѣти, вы пріѣхали съ воровъ за нашими деньгами.*

Когда войско стало лагеремъ надъ рѣкою Десною, въ четверти или полумши, отъ замка, вѣрно было тотъ часъ, копать траншеи и плестъ туры. Выставивъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ, на колесахъ и винтахъ, стрѣляла по замку, испытывая, не сдадутся ли? Наши Гусары, покинувъ лошадей, кто хотѣлъ, шли на приступъ; другія же роты стояли въ полѣ; но Москва дважды, стрѣльбою своею, отразила нашихъ отъ замка. Въ третій разъ, подѣлавъ

деревянные на саняхъ срубы, и подвигая ихъ передъ собою, мы въ ночное время тихо пошли за ними, а еще позади насъ слѣдовали 300 человекъ съ соломою и хворостомъ, дабы потомъ зажечь солому и хворостъ подъ замкомъ. Дойдя къ замку, бросали хворостъ въ ровъ. Москали, увидѣвъ, стрѣляли изъ пушекъ и много нашимъ повредили. Штурмъ продолжался съ вечера до утра. Наши увидѣвъ, что не имѣя большихъ орудій, которыми бы можно сдѣлать проломъ, не лзя взять замка, отступили, потерявъ немалое число людей. Царевичъ былъ отъ того весьма смущенъ, такъ что отъ печали почти падалъ въ обморокъ, и негодуя на свое злополучіе и на Поляковъ, говорилъ: *я лучше судилъ о Полякахъ, но вижу они такіе же люди, какъ и другіе.* Услышавъ сіе, бывшіе тогда при Царевичѣ отвѣчали: *не убавляй нашей доброй славы, ибо то всѣмъ народамъ извѣстно, что намъ не востъ брать штурмомъ крѣпкіе замки. Хотя мы и не обязаны ходить на приступъ; однако мы поддерживая славу предковъ нашихъ отъ того по нынѣ не отказывались, и отказываться не хотимъ; прикажите только сдѣлать проломъ, а когда намъ доведется сразиться съ врагами въ открытомъ полѣ, тогда Милостивый Царь увидишь храбрость и мужество Поляковъ, о которыхъ нынѣ отзывается такъ легко.* Малое время спустя наглядѣлся онъ на Польскую храбрость, и иначе сталъ судить о нихъ. Довелось нашимъ до того, что стали сомнѣваться подлинный ли онъ? Но на другой же день, по милости Всевышняго, получено утѣшительное извѣстіе, что идутъ посланные отъ города Путивля, лежащаго въ 15 миляхъ отъ Новогродка, съ объявленіемъ, что Путивляне готовы поддаться Царю. Сіе, при чудесной помощи Божіей, произошло слѣдующимъ образомъ: Москали Царскіе аллебардѣишки, пришедшіе съ Царемъ еще изъ Самбора, ѣздили за продовольствіемъ къ Путивлю. Вышедшіе Путивляне поймали ихъ и спрашивали: *Какіе вы люди?* Они отвѣчали: *мы братья ваши, идемъ въ отъизну съ Дмитріемъ Ивановичемъ, Государемъ нашимъ природнымъ.* Не довѣряя разсказу, хотѣли было пытать ихъ, тогда они сказали: *Головы наши въ рукахъ вашихъ, можете дѣлать съ нами, что хотите, но мы не можемъ сказать ничего болѣе кромъ того, что*

знаемъ, и что удостоверились, что онъ есть истинный дья-
диль, и вамъ советуемъ, ему поклониться. Они разсудивъ о
томъ хорошо и посовѣтовавшись вмѣстѣ, связали Воеводъ и
привели ихъ въ лагерь подъ Новоградкомъ. Царевичъ и все
рыцарство были тѣмъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что на
третій или четвертый день послѣ того поддались замокъ
Рыльскъ и Комарицкая волость.

Привезено потомъ изъ Путивля осадныхъ орудій 5, и по
меньше 8. Наши выставили ихъ въ траншеяхъ, пріискавъ
выгоднѣйшее мѣсто для дѣйствія и стрѣляли изъ нихъ по
Новоградку весьма сильно. Въ первый день убили до 60 лю-
дей въ замкѣ, ибо ядра пробивали стѣну насквозь. Стрѣльба
сія продолжалась почти цѣлую недѣлю днемъ и ночью.

Потомъ дошли до насъ слухи, что великое войско Бориса,
какъ сказывали до 200,000 человекъ, идетъ на насъ. Наши,
по Божіей милости, того не побоялись. Изъ разныхъ ротъ
собрались охотники, которые избравъ изъ среди себя на-
чальниковъ, и взявъ съ собою Московскихъ провожатыхъ,
пошли на встрѣчу Борисова войска, для наблюденія за дви-
женіями онаго.

Москали также изъ войска Бориса отрядили передъ собою
для открытія нѣсколько тысячъ Татаръ. Нашихъ не было
болѣе 800. Встрѣтившись съ непріателемъ нечаянно ночью,
мы сразились. По Божьей милости, Татары побѣжали, и мы
гнали ихъ въ болото, гдѣ много ихъ потонуло. Пльнныхъ
досталось намъ нѣсколько десятковъ; пытая ихъ, мы узнали,
что войско превеликое.

Черезъ недѣлю потомъ, оное войско Борисово подошло къ
намъ подъ Новоградокъ, къ самому почти лагерю, такъ что
передовая стража наша убралась въ лагерь, давая знать, что
народу много идетъ.

Панъ Воевода, въ качествѣ Гетмана, отправилъ свѣжую
стражу изъ лагеря, дабы стереглись до разсвѣта. На другой
день, призвавъ въ помощь Господа Бога, и затрубивъ тихо
подъ сурдиною, войско выступило изъ лагеря. Москва укрѣ-
пилась и стояла охорашиваясь и гарцуя. Басмановъ не пере-
ставалъ дѣлать частыя вылазки изъ замка, стрѣляя въ на-

шихъ. Потому наши отрядили нѣсколько сотъ Козаковъ, приказавъ имъ удерживать его. Нѣсколько разъ Козаки по пятамъ его врублялись въ самый замокъ. Наступилъ вечеръ: сраженіе не было дано, потому что время прошло въ переговорахъ Царевича съ Москвою.

На другой день, когда переговоры не имѣли успѣха, войско Московское, весьма многочисленное, подступило къ самому лагерю. Наши, будучи готовы, вышли изъ лагеря въ порядкъ. Устроили войско какъ умѣли лучше, и потомъ велѣли вступить въ сраженіе ротъ Пана Неборскаго, состоящей изъ 200 лошадей. Неборскій дрался хорошо, но былъ опрокинутъ Москвою. Отведя роту, онъ скоро опять возвратился на бой, и поскакалъ съ двумя ротами съ Крушиною и Былинскимъ. Въ то же время Дворжицкій такъ мужественно наступилъ съ своею Петигорскою ротою, что почти успѣлъ привести Москву въ замѣшательство. Потомъ бросились на непріятеля двѣ роты Гусарскія, Пана Старосты Саноцкаго и Пана Фредро. Третья Пана Щуки хорошо поддерживала. Наконецъ сразилась и четвертая Царская рота, изъ 200 лошадей состоящая, и много пособила, ибо тотъ часъ же большое Московское войско начало отступать. Были однакъ еще запасныя роты, которыя не сражались, ибо не было въ томъ надобности. Нѣсколько тысячъ стрѣльцевъ Борисовыхъ были такъ укрыты въ долу, что не скоро наши открыли ихъ. Польская пѣхота наша наступила на нихъ и съ помощью Божьею всѣхъ ихъ разбила. Такимъ образомъ, при помощи Божьей, мы отстояли поле и одержали побѣду. Войско Борисово отступило отъ насъ за двѣ мили, и подѣлало засѣки и прокопы въ лѣсу. Наши чуть чуть не взяли богатую хоругвь главнаго Московскаго войска.

На другой день, по Христіанскому обычаю, погребали тѣла убитыхъ Москалей. Три огромныя могилы вырыты были на полѣ сраженія, и тамъ схоронено до 6,000 труповъ. Царь, проѣзжая между мертвыми тѣлами, и видя столь много своихъ земляковъ убитыхъ, очень сожалѣлъ и плакалъ. Поляковъ же убитыхъ, изъ значительныхъ, было не болѣе 20, и они похоронены съ великою честью при церквѣ, бывшей по-

среди лагеря; другихъ же простыхъ людей нашихъ погибло до 100, и ихъ похоронили возлѣ Москалей, въ малой могилѣ. Между мертвыми найденъ Мстиславскій, весьма изрубленный.

Послѣ перваго сраженія рыцарство наше размыслило, что претерпѣваютъ недостатокъ, какъ сами, такъ и челядь ихъ. Иныхъ же, кажется, приводилъ къ смятенію страхъ ожидаемой большей опасности. Всѣ стали требовать отъ Царя денегъ, говоря, что если не получаютъ оныхъ, то тотъ-часъ же уѣдутъ въ Польшу. Царевичъ убѣдительно просилъ, дабы обождали, и не отказывались довершить побѣды надъ сильно-разстроеннымъ непріателемъ. Рыцарство ничего не слушало, и отвѣчало, что всѣ возвратятся въ Польшу, если не получаютъ денегъ. Царевичъ, видя, что дѣло плохо, не зналъ на что рѣшиться, неимѣя, кажется, достаточно денегъ, чтобы всѣхъ удовлетворить. Тогда товарищи 3-ей роты Пана Фредро стали тайно говорить Царю: *Дай намъ однимъ деньги, такъ чтобы другія роты о томъ не знали: ибо роты сіи на насъ оглядываются; ежели мы останемся, то и онѣ останутся.* Несчастный Царевичъ дался въ обманъ, и въ ночное время послалъ къ нимъ деньги. Узнавъ о томъ, другія роты явно взбунтовались, упрекая Царевича, что одной ротѣ далъ деньги, а другія ничего не получили.

Панъ Восвода, который находился тогда въ болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что дѣла его требуютъ присутствія его на Сеймъ, и въ слѣдствіе сего онъ оставилъ лагерь Царевича, а съ нимъ и большая часть рыцарства. Царевичъ былъ очень огорченъ претерпѣнными имъ отъ рыцарства разными непріятностями. У него отняли было и хоругвь его, и сорвали даже съ него соболью шубу, которую потомъ однакожь Москва выкупила за 300 злотыхъ. Многіе ругали его, и одинъ Полякъ сказалъ «*Ей ей, быть тебѣ на столбъ,*» Царевичъ за сіе далъ ему пощечину. Несчастный Царевичъ скакалъ отъ одной роты къ другой, умоляя именемъ Бога не покидать его. Но онъ никоимъ образомъ не хотѣли оставаться, кромѣ нѣсколькихъ товарищей изъ разныхъ ротъ, такъ что при Царевичѣ всего Польскихъ людей осталось не болѣе 1500.

Отправившееся съ Паномъ Воеводою войско испыгало великія бѣдствія: холодъ и голодъ, какъ сами люди, такъ и лошади ихъ. И потому между ими одинъ на другаго слагалъ вину отъѣзда. Въ самомъ дѣлѣ имъ довелось переносить болѣе трудовъ, чѣмъ оставшимся при Царевичѣ людямъ.

Послѣ отъѣзда Пана Воеводы и отправившагося съ нимъ рыцарства, пришло 12,000 Козаковъ Запорожскихъ, коимъ Царевичъ давно послалъ хоругвь. Они имѣли при себѣ болѣе десяти малыхъ пушекъ. Царевичъ принялъ ихъ съ радостію, полагаясь много на ихъ мужество, ибо войско было значительное.

Собравшись съ ними и со всѣми Поляками своими, онъ двинулся далѣе въ Московскую землю къ Комарицкой волости. Тамъ рыцарство, послѣ многихъ трудовъ, отдохнуло порядочно — 2 недѣли. Не хотя оставаться совсѣмъ въ бездѣйствіи, отряды дѣлали разъѣзды на 8 миль — Прежде еще, чѣмъ войско двинулось отъ Новогродка къ Комарицкой волости, Рыльскіе обыватели прислали къ Царевичу съ просьбою, дабы имъ далъ въ Рыльскъ Поляка, человека, къ ко- ему бы самъ имѣлъ довѣріе: что и самому Царевичу показалось справедливымъ и нужнымъ. Онъ приказалъ немедленно Пану Боршу, своему Дворянину и Ротмистру, отправиться туда и осмотрѣвъ и снабдивъ замокъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, возвратиться къ Царю. Боршъ, поднявъ хоругвь, набралъ до 200 товарищей. Борисово войско, узнавъ объ отъѣздѣ Пана Воеводы съ большею частію рыцарства, возымѣло отъ того великую противъ насъ отвагу, и придвинулось къ намъ на 6 миль. Царевичъ совѣтовался, что дѣлать, преимущественно съ Козаками, ибо на нихъ полагалъ всю свою надежду. Атаманъ и Полковники ихъ представляли, что должно наступать, не ожидая непріятельскаго нападенія. Нѣкоторые же изъ Поляковъ были того мнѣнія, что лучше выжидать непріятеля, избравъ выгодное для сраженія мѣсто; и стараться вести съ нимъ переговоры и медлить, не торопясь битвою. Последствіе доказало, что сей совѣтъ былъ хорошъ. Сами Москали потомъ говорили, что, видя значительное войско, наклонны были къ миру. Козаки однакожъ, упорствуя въ сво-

емъ мнѣніи, совѣтовали наступать непременно. Царевичъ послушался ихъ и двинулся со всемъ войскомъ изъ Сѣвска, назначивъ себѣ въ Гетманы Поляка Пана Адама Дворжицкаго, что прежде былъ Полковникомъ. Подошли близко къ непріятельскому лагерю. Московское войско стояло въ порядкѣ, ожидая насъ : было его 30,000, болѣе чѣмъ подъ Новогродкомъ. Начальниками онаго были двоюродный братъ Годунова, Семень Годуновъ и два брата Шуйскихъ. Поляки выстроившись въ порядкѣ, двинулись противъ праваго крыла Московскаго войска. Козаки стали на нашемъ правомъ крылѣ. Поляки построили въ одинъ рядъ 7 ротъ копейщиковъ, смѣшанныхъ съ Пятигорцами, и оставили въ запасъ 200 Гусаръ подъ начальствомъ Пана Бялоскорскаго. Тогда, призвавъ Бога на помощь, роты сразились: Пана Дворжицкаго Гетмана, Пана Станислава Борши, Пана Вержбицкаго, П. Билинскаго, П. Тышкевича, и П. Микулинскаго, и бились такъ мужественно, что прогнали Москву въ лагерь. Тамъ приняли нашихъ очень сильнымъ огнемъ : пули Московскія летѣли на насъ градомъ, но по Божьей милости вредили не много, ибо перелетали черезъ головы. Дымъ отъ сей стрѣльбы повѣялъ на занимавшихъ правое крыло Козаковъ, которые, не сражавшись, побѣжали отъ одного дыма сего. Поляки, думая, что Козаки такъ же съ ними сражаются, сильнѣе еще тѣснили Москву. За дымомъ не видно было, что дѣлается у Козаковъ. Но тутъ нѣсколько Поляковъ прибѣжало съ извѣстіемъ, что Козаки уже утекли; тогда и мы стали отступать въ порядкѣ, отбиваясь и отражая Москву. Однакожъ Козацкая пѣхота, бывшая при пушкахъ, сильно стояла противъ Москалей. Но мы, не будучи въ возможности противустоять столь превосходному числомъ непріятелю, все отступали въ ожиданіи, не возвратятся ли Козаки, и никакъ не могли спасти Козачьей пѣхоты, которую Москали разбили и пушки взяли. Тогда тѣ изъ насъ, которые имѣли лучшихъ лошадей, поскакали за Козаками, уговаривая и умоляя ихъ, дабы не навлекали на себя такого безчестія. Но они, не внимая ни чему, постыдно разбѣгались въ разныя стороны. Царевичъ срубилъ нѣкоторымъ головы, нагоняя ихъ

въ сопровожденіи другихъ Поляковъ : и такъ мы слѣдовали за Козаками 18 миль безъ отдыха до самаго Рыльска. Прийдя въ Рыльскъ, мы отдохнули два дня.

Потомъ двинулись къ Путивлю, 12 миль отъ Рыльска къ Польской границѣ. Войско Борисово слѣдовало за нами, надвѣясь настигнуть насъ въ Рыльскъ. Они пришли къ Рыльску на другой день послѣ насъ, и расположились лагеремъ. Москаля тутъ же приказали плести туры и копать траншеи, которые подведя къ городу, выставили пушки и сильно стрѣляли по Рыльску. Рыльскіе обыватели такъ же упорно защищались, будучи обнадежены Царевичемъ, что пришлетъ имъ войско на помощь. Въ самомъ дѣлѣ онъ послалъ 2,000 Москалей и 500 Поляковъ, которые вошли ночью въ городъ такъ удачно, что ихъ Москва не примѣтила, и узнала объ нихъ тогда, когда они уже вошли. Царевичъ же еще увѣрялъ Рылянь, что скоро придетъ на выручку ихъ съ значительнымъ войскомъ. Извѣстившись о томъ, рать Годунова очень испугалась, а мы еще болѣе трепетали опасаясь, чтобы они на насъ не наступили, ибо насъ было весьма немного, такъ какъ послѣ сраженія подъ Сѣвскомъ нашихъ не только что много, но даже почти и всѣ отправились въ Польшу не распроставшись. Тогда Царевичъ сталъ упрашивать Пана Ермолая Бялоскорскаго и Пана Станислава Боршу, дабы вѣхали за ними и ради Бога убѣждали ихъ возвратиться. Съ помощію Божіею, по ихъ увѣщанію, многіе возвратились, и малое только число отправилось въ Польшу. Возвратившись въ Путивль, мы опять размѣстили товарищей по хоругвямъ, ибо разбрелись было всѣ въ рознь. Паны Ротмистры снова устроили роты свои, приказавъ подвѣлать какъ можно болѣе копій, въ которыхъ рыцарство терпѣло большой недостатокъ, ибо нѣкоторыя были переломаны въ сраженіи, а другія утрачены при отступленіи. Потомъ мы разнесли слухъ, что намъ въ помощь идетъ значительное Польское войско, а именно Панъ Жолкѣвскій, Гетманъ Полевой, хотя сіе было вовсе невѣроятно.

Москва Борисова, поймавъ Москаля изъ Путивля допрашивала его, что думаетъ Царевичъ и его войско? и онъ имъ

сказалъ: въ Путивль говорятъ, что большое войско идетъ въ помощь Полякамъ. Повѣривъ тому, весьма встревоженные Москали, отошли отъ Рыльска, и какъ будто гонимые, отступили отъ насъ на 40 миль отъ Рыльска къ Кромамъ, что насъ весьма обрадовало.

Потомъ Царевичъ отрядилъ изъ Путивля и Рыльска 4,000 Козаковъ Донскихъ и Москалей, на помощь Кромскимъ жителямъ. Сіи такъ же вошли скрытно ночью въ городъ, Москва замѣтила ихъ тогда уже, когда послѣдніе входили, и дрались съ ними до тѣхъ поръ, пока и тѣ послѣдніе успѣли вступить въ городъ. Послѣ прибытія сего отряда въ Кромы, Борисово войско открыло жестокую пальбу изъ пушекъ и большихъ мортиръ, слѣдствіемъ коей было сожженіе Кромскаго замка. Но Кромскіе жители защищались неослабно. Войско отъ 7 до 8 недѣль стояло у Кромъ, сильно добывая городъ.

Между тѣмъ доходили до насъ въ Путивль частые слухи, что городъ Кромы взятъ приступомъ. Слухи сіи тѣмъ болѣе тревожили насъ, что въ Путивль причиняли сильное негодованіе. Жены оплакивали мужей и сыновей своихъ: отъ того мы были въ опасеніи, не измѣнятъ ли намъ Путивляне, чтобы угодить Борису?

Въ сіе время пришло 500 стрѣльцевъ изъ Борисгорода и изъ Царяграда, которые передались Царю. Они имѣли красное платье, ибо находились прежде въ службѣ Бориса.

Скоро потомъ дошло до насъ несомнѣнное и для всѣхъ насъ весьма утѣшительное извѣстіе, о смерти Бориса. Тотъ же часъ жена Борисова изъ города Москвы послала къ войску, стоявшему подъ Кромами, чтобы присягали сыну ея Федору. Многіе присягнули. Однакожь отъ того произошло не малое замѣшательство.

Мы же, имѣя о всемъ достаточное свѣдѣніе, не дождавшись изъ Польши ни одного живаго человѣка въ помощь, двинулись противъ того войска съ Царевичемъ. У насъ было всего не болѣе 2,000 копѣйщиковъ, да Москалей могло быть, до 10,000.

Двинувшись изъ Путивля, отправили впередъ 3 роты По-

ляковъ, давъ имъ въ начальники Пана Запорскаго, съ ними было также нѣсколько тысячъ Москалей.

Подходя уже близко къ Кромамъ, Панъ Запорскій придумалъ такую хитрость: написалъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ слѣдующаго содержанія: *Извѣщаю васъ, что идемъ къ вамъ на выручку съ сильными Польскими войсками*, и съ тѣмъ письмомъ отправилъ Москаля, взявъ его изъ Борисовой деревни Бильзовы. Показалъ ему нѣсколько ротъ и далъ рубль, дабы снесъ письмо къ Кромскимъ обывателямъ. Онъ былъ схваченъ людьми Борисовыми, и отведенъ въ лагерь. Читали письмо, отправленное въ Кромы, и весьма встревожились. Въ то же время Московская передовая стража, Татары, разбитые Паномъ Запорскимъ, прибѣжали въ лагерь, сказывая, что народу очень много, ибо наши тогда выступали изъ лѣса, и Татарамъ число нашихъ показалось велико: Москва испугалась, ибо донесеніе ихъ согласовалось съ письмомъ, которое Панъ Запорскій отправилъ нарочно, дабы оно было перехвачено.

Тогда отъ страха, Москва отправила посланныхъ къ Пану Запорскому, объявляя, что всѣ хотятъ бить челомъ Дмитрію Ивановичу, и что цѣлое войско уже ему крестъ цѣлуетъ.

Панъ Запорскій увѣдомилъ немедленно Царевича, и Москва сама вскорѣ прибѣжала къ нему, сказывая, что цѣлое войско цѣлуетъ крестъ тебѣ, а измѣнниковъ твоихъ мы связали. Царь и мы всѣ, находившіеся тогда съ нимъ въ большой опасности, весьма обрадованы были всѣмъ случившимся.

Потомъ пріѣхалъ Князь Голицынъ, бывшій между прочими начальникомъ и съ нимъ нѣсколько сотъ людей, которые донесли Царевичу, что цѣлое войско и вся земля въ его послушаніи. Рота Пана Борши стояла тогда на стражѣ и Поручикъ Пана Борши прислалъ ему сіе извѣстіе.

Мы, будучи уже тогда въ дорогъ съ Царевичемъ, двинулись далѣе къ столицѣ. А къ Московскому войску послалъ Царевичъ, дабы разѣхались, ибо были изнурены; только знатнѣйшимъ приказалъ ожидать себя у замка Орла.

Потомъ пришли мы съ Царевичемъ подъ замокъ Орель.

Тутъ противъ насъ выѣхало войско Московское, числомъ, какъ сказывали, до 80,000 человекъ; и такъ мы провожали его, съ Божьею помощью, благополучно къ столицѣ. Царевичъ однакожь, не довѣряя Московскому войску, приказывалъ располагать оное за полъ мили, а иногда и за милю отъ себя. Мы же, Поляки, были всегда при немъ на квартирахъ и въ походѣ, до самой столицы, содержа около него ночную стражу изъ ста человекъ.

Потомъ въ 15 миляхъ отъ Москвы, подъ замкомъ Серпуховомъ, учрежденъ былъ лагерь изъ шатровъ. Присланный изъ Москвы, для припятія Царевича, огромный и многоцвѣтный шатеръ, снабженъ былъ четырьмя воротами съ раскатами, такъ что походилъ на каменный замокъ. Комнаты въ немъ были богатыя и красиво вышитыя золотомъ: особенно столовая, въ коей Царь угощалъ насъ и Бояръ. Сидѣло за столомъ до 500 человекъ. Угощеніе было роскошное, ибо повара пріѣхали изъ Москвы со всемъ нужнымъ, а такъ же и другіе служители и ключники. Двѣсти лошадей вели въ поводу: оныхъ всегда до 500 находится въ Царской конюшнѣ, и также нѣсколько каретъ съ весьма красивыми шестернями. Такимъ образомъ мы шли къ Москвѣ; ежедневно Царя встрѣчали Бояре, принося подарки, соболи, золото, серебро.

Съ помощію Всевышняго, вошли въ столицу при благопріятствующей погодѣ. Народу много стояло на крышахъ, смотря на Поляковъ.

Мы ввели его на самый дворъ въ замокъ, и стояли въ порядкѣ при хоругвяхъ, пока онъ не слѣзъ съ лошади и не ушелъ въ палаты.

Квартиры для всѣхъ нашихъ хоругвей отведены были на одномъ Посольскомъ дворѣ: тамъ было намъ очень тѣсно. Однакожь потомъ нѣкоторые перешли на другія квартиры.

Короноваться Царь не хотѣлъ до пріѣзда матери, которая была въ дорогѣ. Ожидалъ ее 4 недѣли.

Тогда Шуйскіе, знатные люди, хотѣли ему и намъ учинить измѣну, подложивъ огонь ночью. Мы однакожь смѣкнули, и Царевичъ приказалъ схватить ихъ и вывести на пло-

шадь. Однакожь по ходатайству нѣкоторыхъ сенаторовъ, Царь даровалъ имъ жизнь, и отослалъ куда-то далеко отъ Москвы: но уже теперъ опять въ милости.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ прїѣзда его матери коронованіе совершилось. На встрѣчу матери онъ шелъ пѣшкомъ полъ мили, выйдя изъ кареты, съ другими Поляками. А когда она вѣхала городомъ Москвою, то онъ шелъ пѣшкомъ при каретѣ.

Вскорѣ послѣ коронованія произошло большое замѣшательство между Москвою и Поляками, по той причинѣ, что Москва, по маловажному поводу товарища нашего, Шляхтича Польскаго Липскаго, приказала палачамъ бить кнутомъ и водить по улицамъ по своему обыкновенію. Увидѣвъ то, наши бросились на нихъ. Много было убитыхъ и много раненыхъ. Царь былъ весьма недоволенъ, и послалъ сказать Полякамъ, чтобы ему выдали виновныхъ, а не то велитъ вывестъ пушки, разбить занимаемый нами дворъ до основанія, и потомъ ни малѣйшаго ребенка изъ нашихъ кормить не будетъ. Поляки такъ отвѣчали на сіе посланіе: *Такую полуцаемъ награду за кровавыя услуги наши, которыхъ мы для Царя не щадимъ: мы того не побоимся! пусть умремъ мучениками! Будетъ однакожь о томъ знать Панъ нашъ Король и братья наши. А мы покамѣстъ хотимъ погибнуть, какъ Рыцарскіе люди, и пока не умремъ, много вреда надѣлаемъ!* Намѣреніе рыцарства, было броситься на Москалей, коихъ было въ сборѣ нѣсколько десятковъ тысячъ; искали только священника, чтобы прежде исповѣдаться. Донесено было Царю, на что Поляки рѣшаются, и онъ, удивляясь великодушію ихъ, послалъ къ нимъ вторично, дабы не отказывались выдать виновныхъ, обѣщая, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, лишь только бы оказали покорность для успокоенія Москалей. И такъ Рыцарство, получивъ отъ него сіе удостовѣреніе, выдало трехъ человекъ съ условіемъ, дабы не были наказываемы, такъ какъ они не болѣе прочихъ были виновны, ибо всѣ были, а что выдаются они только въ угожденіе Царской милости. Выданы были изъ роты Пана Борши одинъ товарищъ, Павелъ Держбицкій, изъ роты Пана

Вержбицкаго Щигельскій, изъ роты Пана Богухвала Шелиборскій, коихъ Царь обѣщаль возвратить безвредно. Однакожь они были въ большемъ страхѣ, ибо ихъ посадили въ тѣсную темницу, гдѣ около стѣнъ находились узкія скамейки, а подъ скамейками разные, желѣзные, острые крючки, лишь бы только который изъ нихъ сдремаль, то погибъ бы лютою смертію, и они намѣревались уже бѣжать, если бы имъ пришлось оставаться тамъ долѣе, но ихъ продержали только однѣ сутки.

Ротмистры, провожавшіе Царя до столицы, были Паны Дворжицкій Гетманъ, Станиславъ Борша, Иваницкій, Бялоскорскій, Вержбицкій, Запорскій и Богухваль.

Сію Московскую исторію сочинилъ Панъ Станиславъ Борша, Ротмистръ и дворянинъ Великаго Царя Московскаго, Дмитрія Ивановича. Лѣта Божьяго 1606.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.